

Последний из Первых миров

Эпоха Тишины Том 2

Алексей Лагутин

Терзаемый Проклятьями Забвения, Последний из Первых Миров не раз переживал локальные трагедии собственных жителей, и почти все они так или иначе были связаны с влиянием Черного Пламени, принадлежащего Правителю Бездны. В то время, как Том 1 рассказал читателю истории Гармонии, Том 2 поведает вам именно об обратной стороне того мира, самой Бездне, ее искомой форме и желаниях. О желаниях, которые кажутся злом непосвященным душам, но, в реальности, сулят им мир единой утопии, который так тяжело понять, и в котором даже самый яркий свет кажется непроглядной тьмой.

Вступление Тома 2

На границе времен, что отделяют Последний из Первых Миров от миров предыдущих, и что не застало ничто из ныне сущего, ограничивая законы жизни своего мира, создатель, назвавшийся Лордом Винторисом, поделил свой мир на три части, следить за которыми приказал своим наиболее могущественным созданиям, с которыми и поделился силами Высшего Лорда и властью над своим миром, сделав их младшими Лордами, что с родного Винторису языку означало «Правители». Наделив Правителей великим могуществом, он приказал им стать его глазами и ушами в мире, за которым хотел наблюдать со стороны, и каждому из них дал свои распоряжения, ограничив их деятельность в пределах их собственных владений, указав им путь, по которому тот мир должен был победить Проклятье Забвения — ужасающий механизм саморазрушения всех его миров, с которым он сам ничего не мог сделать, и которого просто не мог понять. Оба Правителя поняли слова своего создателя очень по-своему, но не стали обсуждать их между собой. Они были уверены, что оба поняли его правильно, и не сомневались в понимании тех слов друг другом.

Вверенное Правителям Первородное Пламя, из которого и состоял весь материальный мир, делилось на четыре вида, каждое из которых обладало своей собственной волей, и Правители едва ли могли управлять всеми его видами сразу. Дабы облегчить свою ношу, они разделили сущность каждого вида Пламени между своими собственными «самыми могущественными созданиями», названными Клинками Власти — оружием их воли, поделившими между собой власть Правителей. Наделенные сильной личностью и волей, Клинки Власти быстро покорили свое Пламя, поняли его суть, и стали его проводниками и надзирателями в мире. Конечно, будучи такими же живыми существами, они были подвержены и влиянию Проклятий Забвения, и от объема Пламени внутри себя были наиболее к ним уязвимы. Но переданные им Правителями слова Создателя дали им достаточно сил, чтобы сопротивляться тем Проклятьям, не смотря даже на то, насколько искаженно и исковеркано они те слова услышали.

В руках Правителя Гармонии оказались четыре Клинка Власти, Пламя которых составляло живой мир, Мир Гармонии, Надзирателем которого он и стал. Были теми Клинками: Римро, Россе, Димелим и Уиллекроми, последний из которых стал связующим звеном между прочими. В руках Правителя Бездны оказался лишь один Клинок, Пламя которого составляло мир для тех, кто жизнь уже потерял — Мир Бездны. Клинок Власти Марконнор нес две разные личности, как и два разных Проклятья Забвения, и их Правителю пришлось самостоятельно разделить единый Клинок в имеющие разную волю Клинки Арконнор и Доран, также поделив их общее Пламя на два разных вида — Синее и Черное. К сожалению, такое разделение изменило и понимание теми Клинками собственного Пламени. Пока Синее Пламя Клинка Арконнор процветало, соединяя все три Мира между собой, Черное Пламя сводило с ума его же Клинок Власти, постепенно разрушая его личность, поглощая его собственной волей. Правитель Бездны, обеспокоенный деятельностью сил, которыми теперь не мог управлять, спустился в Бездну, и никогда больше ее не покидал. Теперь, столетия спустя, никто в мире даже не помнит его имени, ведь отныне все Черное Пламя, частью которого он стал, несет одно единственное имя, голосом которого оно призывает мир к самоуничтожению. Это имя — Доран. Имя Клинка Власти, который пал под тяжестью вверенного ему Создателем Проклятья, и отныне жаждет

разделить его со всем миром, пускай даже тот и не сможет его понять и принять.

Бездна — великий сосуд Черного Пламени, являющийся последним пристанищем Душ всех существ Последнего из Первых Миров. Теряя личность при смерти телесной оболочки в Мире Гармонии, душа из Мира Душ также теряет свое Зеленое Пламя, и поддерживающее жизнь Белое Пламя падает в Бездну, затем выгорая, превращаясь в Черное Пламя. Без личности, несомой Зеленым Пламенем, все Черное Пламя несет единую волю. Те создания Гармонии, что коснулись Черного Пламени, навсегда изменились, узнав о мире нечто невероятное, хорошо скрытое от прочих живых существ Лордом Винторисом, что подталкивало их сопротивляться законам, установленным им столетия назад, и создавать для мира собственную утопию, где все его создания будут едины. В тихой мольбе, пропитанной злобой и одиночеством, Черное Пламя просит своих носителей следовать его указаниям, исполнять его Великий План, вовлекая в него все больше душ, разрушая их связь с Гармонией, делая их невидимыми для глаз Правителя Гармонии. Все 500 лет жизни мира оно подталкивало жителей Мира Гармонии к ужасным деяниям, создавая трагедию за трагедией, из них, из их ненависти и скорби, руками некогда героя людей Графа Думы рождая существ более могущественных, также готовя их к участию в своих планах в качестве собственных Исполнителей.

За те 500 лет, что существа Мира Гармонии приближались к Эпохе Хаоса, они успели заключить множество контрактов с Черным Пламенем, и безукоснительно следовали их пунктам. Действие каждого такого договора заканчивается в Эпоху Тишины, и последние, самые важные их пункты, должны быть исполнены именно в эту Эпоху. Наступает время финального акта Плана Дорана, и все его Исполнители занимают свои места на карте мира, игровой доске Правителя Бездны, чтобы выполнить волю своего хозяина, и приблизить его мечту к исполнению. В Дафаре и Эмонсене возводятся ловушки для будущих жертв Бездны, и пока ничто не может помешать Дорану в исполнении его Плана. Силы, которые ему нужны, уже сами идут в его руки, и он полностью уверен, что безупречно продумал все части своего Великого Плана. Ничего не изменится до тех пор, пока его Исполнители не найдут в себе силы предать Бездну, и остановить ужас, который она готовит для мира в Эпоху Хаоса. Ничего не изменится, пока их не оставит сводящий их с ума голос Бездны.

Часть 3: Френтос. Глава 1: Охотники

Заливая корчму смехом и стуком кружек, уже целый час шумная компания пьяных мужиков опустошала последние запасы алкоголя корчмаря, которые тот, поначалу, собирался взять с собой в дальние края, но не выстоял перед видом веселья своих посетителей, так и закончив свои сборы в тот путь туловищем на стуле, а нижней частью тела уже на полу. Неисчерпаемым потоком лился здесь не только алкоголь, но и самые разные истории, даже песни. Пара охотников постарше, за свою жизнь повидавшие немало дичи и чудовищ, как угорелые метались словами между собеседниками, со стеклянными от алкоголя, но все еще бешеными глазами, взмахивая руками, описывая кривые линии, добавляя описываемым ими образам не точности, а, скорее, глупости. Подобные истории рассказывал и другой чудак, как раз легко ставший душой этой компании, угощая охотников, пришедший издалека весельчак по имени Френтос, теперь уже целый час не отрывавшийся от пивной кружки, то и дело с размаху, от смеха, заливая ее содержимым свое грубое щетинистое лицо и буйные черные сальные волосы.

Все охотники, как один, обсуждали недавний рейд Демонов и Совета Октолимов на Лес Ренбира, в ходе которого воины, ведомые лично Богами, уничтожили всех обитающих там ардов и зверей, опасных для людей. По их словам, рейд начался прошлым утром, и закончился всего за шесть часов. Один из охотников говорил, что лично видел сборы воинов перед тем рейдом, и лично встретил у Леса нескольких известных героев вроде Мицерна и даже Генерала Арнеля с его Рыцарями Последнего Часа. Видел среди них он и одного человека Информаторов, что удивило его больше всего.

— Я думал, что они только болтать умеют, а они, оказывается, и подраться любят. — рассказывал тот охотник.

По его описаниям, тем Информатором был черноволосый коротко стриженный юноша с двумя толстыми мечами. Все время, что охотник его видел, от него почти ни на шаг не отходила девушка с мечом за спиной в черной одежде с капюшоном, из-под которой очень выделялись светлые косички.

— Ну, выпьем за то, чтобы у них все прошло хорошо. — едва заметно вздохнул относительно пьяный Френтос, поднимая полную пива кружку, еще немного в обиде на Кайлу и Тиадрама за то, что те покинули Ренбир за день до него и даже не попрощались.

Истории охотников все больше украшались маловероятными фактами по мере употребления ими алкоголя, и они уже успели навдумывать таких небылиц, что самим, порой, от них становилось смешно. Теперь, выпив уже каждый по два-три литра по крайней мере в пивном эквиваленте, они начали обсуждать и сам Лес Ренбира, где, как принято говорить у охотников, «мальчик становился мужчиной», и там охотники на ардов, да и простые охотники, проходили все свои посвящения. Они были уверены, что после будущей войны традиции людей пострадают, и, если в Лесу Кортя совсем не останется монстров, у охотников на них тоже не станет будущего.

— Меня батек с одним ножом отправил в Лес, чтобы я оттуда притащил сааааамую большую тварь, какую встречу. — выливая половину пива из кружки мимо рта, хвастался старый охотник Макаун.

— И что ж ты притащил? — смеялся так и спонсирующий окружающих деньгами на алкоголь, сам весь бахалиб и толстые свободные штаны залитый пивом, Френтос.

— Аааа, вот оно как было то! — медленно, но очень выразительно, растягивал слоги друг Макауна, Гон.

— Что?

— Вот как он жену свою встретил! — смеялся тот.

— Ты у меня щас, с-сука, тут смерть встретишь! — пригрозил дрожащим кулаком другу Макауна, после чего вся команда вместе рассмеялась, а сидящая рядом, привязанная к дверной ручке поводком, борзая охотничья черная собака с парой шрамов на тощей спине, будто в одобрении, гавкнула. Сам Макауна, разумеется, тоже рассмеялся.

Попойка шла с каждой минутой все веселее, и Френтос совсем забыл о времени в этой компании, хоть и собравшейся совершенно случайно, но уже подружившейся между собой так, будто были они все уже сто лет знакомы. Спутник Френтоса, Ультра, с которым он и приехал в эту корчму совсем недалеко от Дафара, ушел решать какое-то неизвестное ему дело уже полтора часа назад, и до сих пор не возвращался. Френтосу, который с самого начала не хотел с ним никуда ехать, это было только на руку, тем более учитывая, как ему не нравилась его компания. Ультра ничего ему толком не объяснял, и говорил не то что загадками — его речь была несвязна и непонятна сама по себе, будто иначе говорить он просто не умел. Все время пути, в которое Френтос, своим окто, вместе с целой каретой и Ультрой в ней летел в десятке метров над дорогой в сторону Дафара, самопровозглашенный Бог Душ не обмолвился с ним и словом, только многозначительно «угукая» каждый раз, когда тот у него что-то спрашивал. Френтос не жалел внутренней силы, чтобы поскорее добраться до города, поскольку еще питал надежду поучаствовать в поисках брата, Соккона, и даже опередить в этом деле брата Таргота и сестру Лилику. Будучи тем, кто всегда нарушал правила, с которыми был не согласен, он даже был готов оставить планы Ультры, пойдя наперекор воле Таргота, просившего его помочь Богам в их загадочных планах. Планировал он это сделать и теперь, если Ультра не вернется в корчму в течении оставшегося часа, чтобы возвращаться в Ренбир Френтосу пришлось хотя бы не в полной темноте. Судя по слабо пробивавшемуся через запотевшие окна оранжевому солнечному свету — на улице уже смеркалось.

— А ты куда путь держишь, брусиец? — похлопал по спине сидящего рядом юношу с алыми волосами и двумя мечами за спиной Гон.

Молодой человек, глаза которого почти полностью застилали кроваво-красные, как у Таргота, волосы, выглядел точно не местным, и вправду походя на брусийского наемника как одеждой, так и манерой пить алкоголь, что было у жителей провинции будто в крови. Френтос был уже немного пьян, хотя его организм и был весьма стойким к алкоголю, и появления этого человека в компании, которую он сам собрал всего час назад, не заметил. Едва юноша поднял голову от стола, где он с умиротворенным и сосредоточенным видом разглядывал свою кружку, Френтосу стало понятно, что человек этот сам только теперь заметил, где находится, с кем он оказался в компании, и что, тем более, сам вместе с ними пил. Либо он уже был слишком пьян, и окружающего мира просто не замечал, либо...

— Что? Где это я? — болезненно начал сжимать пальцами вески юноша.

Вся компания, как по команде, разразилась протяжным «У-у-у-у-у».

— Забыл, куда попал? — посмеялся Френтос. — Пить тоже уметь надо.

Все время смотрящая то на стол, то прижимая морду к полу, старая собака снова, в одобрении, гавкнула.

— А, да. Много я выпил? — покачал головой юноша, будто пытаясь прийти в себя после

попойки, в которой он, в чем был еще не уверен, мог раньше и не участвовать.

— Кружка полная! Ну-ка накати. Быстро накати. — расслабленно, хоть и невероятно серьезно, от алкоголя закатывая глаза, указал пальцем на кружку юноши другой охотник средних лет с оспинами по всему лицу.

— Понял, сейчас.

Без раздумий юноша опустошил кружку, да с такой скоростью, что даже заядлые алкоголики вокруг него широко раскрыли глаза в изумлении, и в нем же протянули по корчме буквально сотрясающие стекла окон и уже пустые бутылки на столе и под ним возгласы.

— Так что? — продолжил Френтос. — Ты наемник из Бруси?

— Ах! — оторвался от кружки юноша, резко ударив ей о стол, едва со звоном не подбросив в воздух его покрытие из тех же пустых бутылок. — Я был наемником столько, сколько себя помню. А вот из Бруси ли — не помню.

— Ты что, сам не помнишь, откуда ты родом? — усмехнулся Макауна.

— Неа. — покачал головой юноша.

— А как тебя звать? — не останавливался Френтос, все еще заинтересованный цветом его волос.

— Лирой меня звать. — однозначно ответил юноша.

Френтос молча поднес кружку к губам, разглядывая лицо Лироя, остановившись на мысли, что есть в его чертах что-то ему знакомое, и не может ли он быть уверен, что не встречал этого Лироя раньше. Ему даже казалось, что он уже где-то слышал его имя, но не мог понять, где именно, и почему это вдруг помешало ему, как принято беззаботно, не думая ни о чем лишнем, просто допить уже поднесенное к губам в кружке пиво, буквально застыв на месте как статуя.

Хоть попойка шла уже заметно медленнее, учитывая и без того серьезно опасное для ее продолжения состояние охотников, в помещении с каждой минутой становилось и холоднее, что замечал уже один только Френтос, и уходило прежнее тепло от горячительных напитков покрепче, которые компания пила до пива. Восприимчивость к температурам у собутыльников Френтоса уже совсем успела пропасть, и окружающего легкого сквозняка, несшего прохладу от дверей выхода, они уже не замечали.

— А чего это здесь холодает? Мне тут потепление обещали. — растер свой рваный на правом предплечье бахашиб Френтос. Рваным он, к слову, тоже стал только с десятков минут назад, теперь открывая взору окружающих смуглую в первую очередь от грязи кожу Френтоса.

— А мне очень даже тепло. — тихо покачал головой Макауна.

— Жара в Дафаре явление постоянное. — подключился к обсуждениям лучше всего знающий округу человек — корчмарь. Был он уже страшно пьян, но изо всех сил взглядом старался это отрицать. — Некоторые говорят, что это октолимь тут когда-то климат весь испортили, теперь тут даже хренова редька не растет. А я вот думаю...

Также без лишних слов и звуков, мужик в один залп опустошил содержимое своей кружки, где и без того уже мало что осталось.

— А я думаю, что там, в общем, — ИК, - просто такииине горячие девочки живут, что, — ИК, - вокруг все тоже...это... — совсем заикался корчмарь.

Пока все окружающие смеялись, а корчмарь медленно сползал всем телом на пол, Френтос вспомнил свои давние похождения в окрестностях Дафара, где он и сам сполна

ощутил на себе жар его обитателей. Меньше года назад, когда его, Соккона, и Таргота преследовал некий наемный убийца Цез, он отважился самолично отправиться с ним на очную ставку, что и привело его в бордель недалеко от Дафара, которым управляли Хемиры. Сексуальные услуги Хемир стоили не слишком дорого, и мужчины после них, по слухам, буквально теряли разум от удовольствия, что порождало и множество недостатков подобных заведений вроде вечно плохой репутации. Люди думали, что Хемиры нарочно сводили людей с ума, а девушки все чаще теряли у них своих потенциальных женихов, и потому злились. Хемиры были очень самовольными, не ладили с местными властями, да и на общественное мнение им было всегда плевать. Их похоть была настолько велика, что достаточно привлекательный мужчина имел все шансы получить их услуги и без гроша в кармане, и до сих пор ходили слухи, что не все они оставались с ними по собственной воле, и иногда и вовсе в их владениях бесследно исчезали. Френтос пришел в подобное заведение настолько нетипичным путем, что на него невозможно было не обратить внимание, и после его слов «Ну где эта падла!? Все разнесу, но найду урода!» девушки не спускали с него глаз. Сложно сказать, была ли эта мгновенная симпатия, или же обычная осторожность — за человеком, который при своем первом визите в бордель с ходу вышиб все окружающие его двери и подрался почти со всеми местными клиентами, было лучше следить в оба глаза.

— Френтос, братишка... — оторвал его от раздумий голос Гона, сопровождаемый менее заметными им хлопками по плечу.

— А? Ты чего-то хотел? — все-таки выпил из своей кружки, все это время прижатой к губам, он.

— У тебя все хорошо?

— А как же.

— Ну ты...этого...

— Задумался, что ли? — лежал на столе верхней половиной тела корчмарь, блаженным лицом расплывшись по столу.

— Немного. — поставил кружку на стол Френтос, уже задумчивее щуря глаза. Алкоголь отпускал его слишком быстро, а с трезвостью возвращались и ненужные мысли.

— Выпьем за то, что Френтос подумал! — вдруг закричал Гон.

— Вооооот! Это уже событие. — поднял кружку Макаун.

Собака разразилась уже громким лаем.

— А ты заткнись, а то на закуску пустим! — пригрозил ей кулаком ее хозяин, Гон.

Сложно сказать, сколько еще времени продолжался этот акт алкоголизма, ведь время все больше замедлялось вокруг этой едва живой компании, и, по мере этого, все больше из этого времени выпадал Френтос. В начале он пил более крепкие напитки, и поэтому быстрее опьянел. Теперь же, когда вся компания перешла на напитки легче, трезвость вновь рисовала перед его глазами картины прошлого, как ни странно, связанного с его братом Сокконом. Невозможность помочь ему теперь по известным причинам раздражала его, и он все время пути волновался за его судьбу. Он был на сто процентов уверен, что брат его в опасности, и ему наверняка необходима помощь Френтоса. Чем больше времени проходило, тем больше он волновался, думая, что каждая секунда может стать для него последней, и он никогда не простит себя за такую задержку в будущем, если брат его пострадает.

— Корчмарь? — серьезно обратился он к довольному лицу, единственному оставшемуся от корчмаря на столе.

— Да-да, чего желаете? — так же блаженно улыбался тот.

— У тебя есть что-нибудь совсем крепкое?

— Вроде «Источника Марконнор»? — вдруг откликнулся Лирой.

— Чего?

— Чего, спрашиваешь?.. — задумался Лирой.

«Что с памятью у этого пацана?» — подумал Френтос.

— Я помню, что это какой-то очень крепкий напиток, который я когда-то пил. Уж он то был лучше, чем вся эта брага. — продолжил Лирой.

— И где ты такой нашел? — уже не отрываясь от стола, бурчал едва живой от алкоголя Гон.

— Как-то я бывал в таверне, где его подавали. Я выполнял там заказ...кажется, на каких-то Хемир. Сестер-Хемир. Так они назывались. Вот уж не знаю, почему я вдруг про это вспомнил. От той истории я больше ничего и не помню. — внимательно осмотрел дно своей пустой кружки он.

— У тебя проблемы с памятью? — подчеркнул Френтос.

— Кажется, что так. Я даже не знаю, как сюда попал. — тяжело и грустно вздохнул Лирой, почему-то глядя на свои руки, явно выделяющиеся страшными волнистыми шрамами под рукавами на запястье. — Уверен, что шел куда-то, и собирался сделать что-то очень важное. А теперь...просто пустота. Да еще и бухаю. Как обычно.

— Да...Хотел бы я знать, куда сам иду. — допил пиво из кружки Френтос, окончательно решив, что окружающую его компанию ему уже не оживить, и пить с ними дальше толку нет.

Он встал из-за стола настолько аккуратно, что даже не перевернул его вместе со всей посудой и самым разным мусором — на пол свалился только уже уснувший корчмарь. Поднятый им грохот на секунду оживил и Макауна, который изо всех сил старался оставаться в сознании, но из-за противоречий того сознания с его организмом, уже и сам едва держал глаза открытыми. Никак не успокаивающаяся собака совсем под своим хозяином Гоном, и без того едва держащегося на стуле, готового в любой момент на нее упасть, почему-то только теперь молчала как убитая, только грустными глазами прижатой к полу морды глядя на раскачивающееся от каждого своего дыхания тело хозяина.

— Было, конечно, очень весело, но мне пора в путь. — стараясь выглядеть настоящим дворянином, изобразил неловкий, но безусловно невероятно грациозный, поклон Френтос.

— Ага... — выдавил из себя Гон, уже героически стойко стараясь тихо побороть рвотные позывы.

Больше никто из собравшихся на слова Френтоса реакции не произвел. Они были уже слишком пьяны.

— Наверное, мне тоже нужно идти. Знать бы еще куда... — вздохнул Лирой.

Френтос прошел мимо него, со звоном расталкивая вокруг себя пустые бутылки ногами, сам уже отряхиваясь и оттирая тут и там выделяющиеся на фоне темно-серого бахалиба кляксы от коньяка, водки, и, в большей степени, пива. В промокшей до ниточки одежде он был уже слишком уязвим к сквозняку, идущему из закрытых, но кое-где дырявых дубовых дверей. Такой дырявой была почти вся корчма — у ее хозяина явно не хватало денег на ее ремонт. Хотя, судя по еще висящей в углах под потолком паутине, проблема корчмаря была точно не в деньгах, или, по крайней мере, не только в них. О том же говорило и его лежащее на полу лицо истинного ценителя алкоголя и сомелье собственного пола после постоянных попок.

— Сходи в Ренбир. Там тебе наверняка найдут занятие. — кинул напоследок Лирою Френтос, уже быстрым и тяжелым шагом твердых ботинок с металлической вставкой по скрипучим голым доскам пола покидая корчму.

Лирой, разумеется, не ответил ему, хотя и серьезно задумался над его словами. Вдруг его почти осенило, что именно в Ренбир он и собирался идти, но не был уверен, куда ему идти в самом городе. До туда путь был не близкий, и ему придется потратить не менее двух суток, чтобы дойти до туда пешком. Мысли об этом только больше забили его голову — он даже не мог вспомнить, каким образом он добрался до корчмы, и как вообще раньше передвигался по миру, что уж говорить он пути к Ренбиру. В его голове буквально гулял ветер. Временами, этот ветер принимал в его сознании вполне материальный облик, и он даже видел в нем что-то похожее на человека, старого, с седыми волосами, закрывающими глаза. И, в то же время, все меньше этот облик напоминал ему облик человека.

Слабый теплый ветерок дунул в лицо выходящего из корчмы чуть подмерзшего Френтоса, а в глаза ему ударил золотистый, уже не столь яркий от времени суток солнечный свет. Облака пропадали в небе буквально на глазах, и совсем уж быстро за горизонт уходило солнце. Только его свет нес тогда окружающему миру хоть какое-то тепло, да и то становилось его теперь совсем мало. Расплавленным золотом отражалась в огромной грязевой луже впереди, на распутье, то вечернее небо, под которым то и дело в разные стороны пролетали птицы, кто каркая, кто чирикающая, но все делая это как-то особенно беспокойно, будто не находя себе укрытия от предчувствуемой ими грядущей бури, и потому просто мечась кто куда. Ветра уже почти не было, и то, что встретило Френтоса в дверях, больше было похоже на простой легкий сквозняк. Совсем уже не колыхалась трава, не шуршала листва, и вся природа вокруг той корчмы затихла, как в самой корчме затихли и все ее посетители вместе с хозяином. Это можно было бы назвать идиллией, если не брать в расчет поднимающийся храп корчмаря из дверей позади Френтоса, и совершенно точно если не брать во внимание самого Френтоса, пускай нарушит он эту тишину только через несколько секунд, да довольно резко.

— Ты закончил? — вдруг едва не порезал уши Френтоса своей внезапностью и резкостью раздавшийся спереди металлический голос Ультры.

Едва не подскочив на месте, Френтос не сразу заметил стоящего как раз перед ним, около пустого стойла для коней, объятого в громоздкие тяжелые черные доспехи человека, так и стоявшего на грязной развилке без малейших признаков жизни. По его виду сложно было сказать, чем он занимался то время, пока Френтос сидел в корчме, что теперь нельзя было узнать даже по выражению его лица, ведь под его полным шлемом не было видно даже глаз. Единственное, что в нем достаточно очевидно изменилось за то время — из больших металлических ножен на его спине пропал меч, рукоять которого раньше очень заметно выглядывала из-за его правого плеча. Зачем он оставил Френтоса одного, да на целые полтора часа, тому было тоже не понятно, и был он этим страшно недоволен.

— Неужели!? Где тебя носило!? — возмущенно и зло развел руками Френтос.

— Я ждал тебя...здесь. Время. — как всегда нечленораздельно говорил Ультра, при этом даже не шевелясь.

— Какое время? Ты что, сидел тут все полтора часа? — уже в шоке опустил руки Френтос.

— Нет. Один час.

— И ты не мог просто зайти внутрь и позвать меня?

Ультра, многозначительно, молчал. Френтос, однако, значения того молчания так и не понял. Все равно, даже он не мог спорить с молчанием, и поэтому, и чтобы не вызывать лишних конфликтов, он тоже решил промолчать. У него просто не было на это времени, и с ходу не было сил возмущаться.

— Ладно... Ладно. — глубоко вздохнул Френтос. — И что ты делал все это время?

— Ждал. — однозначно ответил Ультра.

— А до этого?

— Послание. Важное.

— Что за послание?

— Гм. Ничего... важного.

— Да чтоб ты сгнил! — все-таки не выдержал Френтос, сокрушенно махнув руками.

— Нужно идти.

— Пешком?

— Да.

Не дожидаясь реакции Френтоса, Ультра спокойно, но вполне активно, развернулся, и пошел налево по грязевой, но вполне сухой дороге. Зло прищурился, Френтос тихо наблюдал за его движениями, пока сам не решил, что долго стоять на месте не может, частично даже виня за задержку себя самого. Ультра был, как вы уже поняли, крайне неразговорчивым человеком, и вряд ли бы нашел в своей голове слова, способные отвлечь Френтоса от попойки, тем более в столь шумной компании. Он бы просто не смог их перекричать. Это даже не мои предположения — Френтос сам пытался мысленно его оправдать, потому как сам по себе старался думать о окружающих его людях заведомо лучше, чем должно после первого знакомства. Этому его научил Соккон, каждый раз приводя ему различные примеры из жизни каждый раз, когда Френтос плохо о ком-либо отзывался. Это можно было назвать профилактическими беседами от человека умного к человеку, так скажем, мало думающему перед совершением необратимых действий. Каждый раз, когда Френтос говорил что-то вроде «Что за охреневший пацан? Давно с кувалдой не общался?», Соккон объяснял ему, что человек, вполне возможно, пережил что-то страшное в прошлом, что на всю жизнь его изменило, но из-за чего он стал более отзывчивым к своей семье, если таковая у него есть, много помогал знакомым людям или бедным, и так далее, приводя ему множество самых разных примеров. Все эти истории были основаны не на пустых предположениях, а на, в средней степени, заметных фактах, легко обрабатываемых сильным аналитическим умом Соккона, тем более легко, заумными словами и стилем речи, склонявшими доверчивого Френтоса к своей точке зрения. Подобное у Соккона редко удавалось лишь с Тарготом, на все разговоры о прошлом людей отвечавшим «Не важно, что было в прошлом. Важно, какой человек теперь.», что буквально рушило все дальнейшие дискуссии, ведь и сам Соккон был частично с этим согласен. Мозгоправная терапия Таргота, в виде тяжелой оплеухи, точно помогала людям в разы эффективнее тысячи слов, и Френтос не раз случайно себя на нее подписывал.

Дорога к Дафару, по бокам закрытая высокими елями, теперь была совершенно прямой, и совершенно точно не была длинной. Насколько помнил сам Френтос, разбрасывая под собой ногами твердую грязь, теперь не сбавляя скорости шедший за вновь молчаливым Ультрой, сам город был уже недалеко, и они легко узнают его даже за кронами деревьев по большой каменной стене, которой некогда местные жители отгораживались от соседних владений Хемир, где Френтос и останавливался в прошлом. В самом Дафаре он был лишь

однажды и ему город, в общем, очень понравился. У него была своя необычная атмосфера и даже собственная флора. В городе росли совершенно диковинные растения, в нем был необычный климат. Жители в Дафаре, мягко говоря, тоже были людьми непростыми, и у них были свои непростые обычаи. Многих радостей жизни в Дафаре Френтос узнать так и не успел, поскольку слишком манящей была рука Таргота, за шиворот вытащившая его сначала из борделя Хемир, а затем и из города обратно в Кацеру, но он был даже рад вернуться туда теперь, пускай даже по странным делам, и со столь странным спутником.

Было еще довольно светло, чтобы не увидеть впереди, по окончанию дороги, где уже кончалась бесконечная и непроглядная гряда деревьев, начало той самой стены, теперь, правда, куда меньшей, чем то, какой ее запомнил Френтос. Чистые поля следовали за деревьями до самого города, и даже они состояли из одного песчаника с редко проглядывающими под песком желтыми растениями, чаще всего острыми, похожими на можжевельник, едва живыми сухими кустами. Здесь и вправду было куда жарче, чем где-либо еще в Ирмии, но было это описание не только воздуха — явно горячо было и в самом городе, откуда за версту доносились веселые крики местных жителей. Даже с расстояния в сотню метров Френтос видел повышенную активность тех людей, деятельность которых с каждой секундой делала окружающие их городские стены все меньше и меньше, и, судя по звукам, они этому сами только радовались. Город уже сиял светом кристаллов и факелов, и жители его точно собирались продолжать свое действие всю ночь, для того уже подготовив все необходимое освещение. Френтосу стало заметно веселее от вида такой картины, ведь разрушение, в купе с драками и алкоголем, всегда были одними из его любимых развлечений. Если жители Дафара эти развлечения не только поддерживали, но и во всю исповедовали — в городе с ними ему точно не придется скучать, и веселье хотя бы отвлечет его от раздумий о судьбе Соккона на время, пока Ультра будет решать в городе свои «невероятно важные», как саркастично думал Френтос, дела.

Сам же Ультра продолжал идти вперед совершенно серьезно, всего час назад получив сообщение о состоянии Дафара от своего коллеги Серпиона, Бога Природы, и как раз раздумывая о его содержании. Он не мог рассказать всего Френтосу, но надеялся, что тот не наделает глупостей сам, тем более заметив, насколько очевидно странные вещи происходят в городе, и сам все без труда поймет. Цель Ультры была ясна ему самому, и только теперь он понимал, что кто-то может ему помешать, и причинить вред его помощнику, чего он точно не хотел. И он все еще не мог решить, должен ли он этому помешать. Ультре стоило как следует продумать все свои будущие действия, или согласовать их с тем, кто на самом деле поручил ему привести Френтоса в Дафар. Город был уже совсем близко, и, если один из них ошибется, обратного пути для них обоих оттуда может уже не быть.

Часть 3: Френтос. Глава 2: Веселый городок

Вакханалия. Пожалуй, это было самое точное слово, о котором вдруг подумал Френтос, и которое лучше всего описывало окружающее его и Ультру действо у бывших стен Дафара. Звон бубнов и балалаек, флейт и даже гармошек — какофония самой разной музыки, звучащей совсем едино и симфонично, из разных мест, даже разных частей города, сливаясь в одну единую мелодию, саму настолько веселую и энергичную, что даже ее исполнители, тут и там следующие за остальной толпой, двигались только вприпрыжку и подтанцовывая, разбрасывая ногами окружающий песок в разные стороны. Френтос и Ультра еще даже не дошли до самого города, но Френтос уже всем телом чувствовал заводную энергию той музыки, тем более воочию наблюдая теперь, как она наливалась энергией тела местных жителей, без продыху старающихся над сносом не только городских стен, но и некоторых домов собственного города. Читателю может показаться логичной перестройка города из такового с относительно небольшими стенами и большими домами в нечто более укрепленное, с мощными стенами, но почти без домов. Приближалась война, и весь мир уже знал об этом, то и дело, сплачивая целые народы, всячески стараясь как следует к ней подготовиться. Даже по пути от Ренбира к Дафару Френтос видел немало поселков в Ренбирских полях, жители которых точно следовали этой схеме. То же, что происходило в Дафара как у ворот, так и вообще на каждом метре песчаных улочек, на перестройку похоже пока не было, и о том только ярче говорили беспорядочные движения жителей, их веселые лица, и тем более музыка. К стилю их разбора города кувалдами тоже было немало вопросов, ведь из тех осколков, на которые они разбирали все свое окружение, вряд ли потом можно будет собрать для города новые укрепления. Так они сгодятся только на папье-маше без толики прочности.

Танцую под музыку своих также танцующих с музыкальными инструментами сожителей, местные мужики и даже явно городские девушки, наплевав и на безопасность, и на чистоту, кружили с оружием друг вокруг друга, совсем не боясь ранений и травм, с разбегу то и дело отправляя старый белый камень бывших городских стен высоко в воздух, и без того везде сухой и горячий, как головы самих жителей. Даже если те камни падали на кого-то другого из веселой толпы, они не переставали смеяться, между собой так и продолжая обсуждать самые разные, но постоянно веселые, темы. Ультра даже не смотрел в сторону этих людей, пока Френтос остановился у самого бывшего входа в город, где когда-то был серьезный пропускной пункт, с широко раскрытыми глазами, даже сам уже кивая головой в ритм исполняемой жителями мелодии. Он поймал общий настрой, и с большим удовольствием глазел на рисующуюся рядом, буквально в пяти метрах от него, картину танца со строительным инструментом молодых Дафарских, как принято загорелых и красивых, девиц. Жительницы этих краев от природы имели разбойничьи черты как внешности, так и характера, и их умению обращаться с оружием могли позавидовать даже старые вояки, всегда шедшие на врага в войнах в авангарде своей армии. Но, в отличии от тех же вояк, местные девицы были одеты очень открыто, уже мокрые от пота и налипшего чаще на плечах и спине песка блестя на солнце, своим видом очаровывая падкого на подобное Френтоса, тем более презентуя свою красоту окружающим весельчакам грациозным танцем. Только одно тогда сбило Френтоса с мысли о их танцах, и, вместе с тем, едва не сбило его и Ультру с ног. С криками мужиков «Посторонись!», в их сторону пролетела груженная

мусором из кирпича, камня, и строительного шлакоблока новая приятная на вид качественная телега, немного подсакивая на неподатливом песке, несущаяся прямо к остаткам городских стен ниже по склону дороге, с горки набирая все большую скорость. Френтосу, стоящему ближе к дороге, тотчас пришлось последовать совету мужиков и «посторониться». Слишком уж резво деревянные колеса телеги разрезали под собой песок и его основу на метр ниже, уже наверняка твердую как камень.

— Ву-хууу! — кричали бежавшие куда-то вперед мужики, как раз сами едва не попавшие под колеса телеги, отскочив в последний момент в песок, и с ним же за шиворотом оттуда выскочив, весело поднимая руки.

Телега со всего размаху ударилась о еще оставшиеся стоять, теперь разлетевшиеся на части, стены чуть правее дороги, и вместе с тем сама развалилась под собственным нелегким грузом, поднимая тем немалую пылевую завесу. Едва успевшие разбежаться кто куда горожане, все и без того грязные и насквозь потные, получили свою дозу пыли от разлетевшегося по округе совсем старого кирпича с повозки, сами теперь от того перекрасившись в кирпично-оранжевый цвет, но все равно не прекращали смеяться один громче другого, затем еще со смехом возвращаясь к своим сумасшедшим делам. Кому-то из горожан, уже старому и малоподвижному старику, отлетевшая от повозки доска с немалой силой прилетела в затылок, но никто, включая его самого, этого не испугался. В самом деле — нечего прерывать веселье из-за таких пустяков, пускай и старик уже только изображал энергичность, и то ли от усталости, то ли от визита доски к своим старым костям, в остальном веселье уже почти не участвовал.

— О, братишка! Неужели это ты? — вдруг подскочил к Френтосу только что поддававший скорости телеге, толкав ее руками на бегу, неизвестный тому горожанин с веселым и грязным, как и у остальных, лицом.

— Кто я? Мы знакомы? — не понял Френтос, все равно уже так же улыбаясь.

— Я Кельни. — постучал себе по груди веселый мужик.

— А я Френтос.

— Ну вот, теперь-то мы точно знакомы! — засмеялся Кельни.

Компания «толкателей телеги» из минимум пяти человек перекрывала улицу на пути Френтоса и Ультры, и как раз все они к ним и подошли знакомиться. По виду было очевидно, что в местных развлечениях участвовали они все, и все они совершенно точно были трезвы. Некоторые весельчаки из той компании, когда их друзья подошли к новым посетителям города с явным приглашением присоединиться, только теперь оторвались от разрушения собственных домов один кочергой, а второй, наверняка в прошлом стражник, наконечником алебарды. Дома их были совсем небольшими, все двухэтажными, от света заходящего золотого солнца переливаясь осколками разбитого в их окнах стекла, и без того блестящие от переносимого на них каждый день ветром песка. В стене одного из домов, между кирпичами, торчала часть древка алебарды, явно связывающая тот дом с тем самым стражником, который уже сам во весь дух бежал к товарищам около Френтоса и Ультры, и именно у которого от самой алебарды остался один лишь черенок с наконечником. Вы же знали, что алебарды с самого начала создавали как строительный инструмент? Так вот — это неправда.

— Вы тут все мозгами двинулись? — явно не пытаясь никого оскорбить, совершенно дружелюбно и весело, спросил мужиков Френтос.

— Ага, совсем башку отшибло! — смеялся один из мужиков, явно самый крупный,

плечистый, на вид в самом деле глуповатый.

— Соревнуетесь в игре «кто больше разнесет?»

— Не только в этом! — махнул рукой Кельни. — Есть еще старая-добрая игра «Догони меня, кирпич»!

— А! Ну, я в этом тот еще мастер! — сверкнул на лице самоуверенной улыбкой, указав на себя большим пальцем, мастер по разрушительным забавам, «Я случайно, Таргот!» по имени Френтос.

— Я так и знал! Вот, прямо, по лицу увидел, еще когда телегу толкал!

— Присоединяйся! Будет весело! — хлопал в ладоши металлическими перчатками, похожими на варежки, стражник.

Френтос, уже и вправду всей душой желавший присоединиться к забавам окружающих разрушителей плохого настроения, лишь на секунду посмотрел на своего спутника, что не только не оторвал его от разговора с не касающимися их дел людьми, но еще и теперь ничего ему не говорил. Такое отношение к свободному времени Френтоса, которого у него было и без того мало, уже окончательно его разозлило, и действовать так, как хотел Ультра, он больше не собирался. Тем более, что тот и сам ничего ему толком не объяснял.

— Идет! Я в деле. — однозначно кивнул новым друзьям Френтос, перед тем злобно цыкнув, отворачиваясь от спутника.

— Класс! Начнем, тогда, с этого. — резко указал пальцем Кельни на почти полностью разрушенный дом рядом, правее дороги, который ранее и ковырял алебардой стражник. Вернее сказать — он указал на гору строительного мусора, на которой еще росла пара толстых кирпичных стен, уже прямоугольными дырами в себе, будто грустными глазами, смотря в сторону города.

— А что такое «Догони меня, кирпич»? — чесал пыльную от работы голову со слипшимися от пота волосами один из мужиков.

— Игра. Там...нужно метать. — с паузами в несколько секунд между каждым словом своим медленным металлическим голосом втесался в разговор Ультра.

— Что метать? Икру? — уже издевательски, окончательно устав от манеры речи напарника, ухмыльнулся Френтос.

Ультра, как принято, решил промолчать. Тем более, он и без того слишком много сказал за последние три минуты. Целых четыре слова — наверняка рекорд по его личным меркам.

— Держите меня семеро! — промчался мимо мужиков в сторону городских стен другой бывший стражник с большим молотом наперевес, от собственного бега забросав пару мужиков песком.

Веселье вокруг не останавливалось ни на секунду, и к компании, в которой как раз кстати оказался Френтос, присоединилось даже две женщины лет сорока, наверняка раньше не выделявшиеся среди прочих городские жительницы, теперь, как и все окружающие, с ног до головы в пыли, выглядящие уже более похожими на деревенских баб, способных и в горящую избу зайти, и эту самую избу разнести кувалдой. Примерно под стать виду деятельности они были и одеты. Френтос среди них тоже не слишком выделялся одеждой, хотя его драный бахашиб и выглядел уже более потрепанным, и не столь подходящим окружающей жару. И жару, впрочем, теперь в городе уже не замечал никто.

— Эта стена хочет напасть на нас! — вдруг крикнула одна из баб, с едва ли не боевым воплем поднимая над собой руку с топором.

— Хреначьте ее! — с не менее громким криком, стараясь перекричать так и

нарастающую вокруг музыку и гомон других компаний, указал пальцем на оставшиеся стены разрушенного дома здоровенный мужик.

Все вместе крича бессвязную ерунду, перемешанную даже с грубой речью в адрес бедных, и без того едва держащихся на своих местах, служивших своим хозяевам верой и правдой, стен, члены компании «возле Френтоса и Ультры» одним мощным потоком рванули в сторону разрушенного дома, по пути поднимая в воздух немалые объемы песка, тем закрывая вид на дорогу окружающим людям. Хотя все это и выглядело как бред сумасшедших, Френтосу такой бред нравился, и он уже бежал сносить те стены вместе со своей новой компанией, совсем наплевав на какие-то дела какого-то Ультры, при этом отвлекаясь и от мыслей о делах более важных, конечно связанных с Сокконом. Ультра молчал до тех самых пор, пока Френтос, с помощью своего Синего Пламени, не создал молот Миклиар, в условиях грандиозного разрушения города выглядевшего идеальным инструментом для каждого крупного разрушителя, кому было под силу его хотя бы поднять.

— Мне...нужно решить проблему. Пока можешь...что хочешь. — совсем не шевелясь, говорил спутнику Ультре.

Френтос многозначительно кивнул Ультре, уже особенно издевательски и хитро улыбаясь.

— Я как раз об этом думал. — посмеялся он.

Пока Ультра занимался неизвестными делами в городе, каждый житель которого в обязательном порядке вышел на улицы и приступил к полному уничтожению, в том числе, и собственного имущества, город накрыло будто новой волной разрушений, в которых дома его разбирались уже не по кирпичам, а сразу зданиями целиком. Крутясь волчком между домами, в немалую силу своего окто размахивая огромным и разрушительным молотом, от одного удара с окто сносившим и стены, и потолки, и полы, Френтос один за другим рушил окружающие дома себе почти на голову, что также было для него, и его окто, не страшно. Если бы рядом с ним в тот момент был кто-либо из его братьев, да или просто кто-то из его знакомых, они бы наверняка добавили к этому действию частое в таких случаях описание «Детство кое-где заиграло». Для Френтоса, в прочем, это все равно были бы пустые слова. С самого своего рождения, до момента первого пожара в Кацере, он не признавал свое взросление, и всегда, даже теперь, считал себя всего лишь большим ребенком, но никак не взрослым мужчиной, как есть. Все в точности да наоборот было с его братьями. Таргот всегда был серьезным и зрелым во всех смыслах, и о таких глупостях просто не думал. Соккон наоборот считал себя ребенком, и очень хотел вырасти, чтобы тоже стать умнее и серьезнее, как Таргот. Френтос, будучи всеми называемым «оболтусом» и «раздолбаем», даже не пытался держать себя в узде, и всегда делал то, чего хотел, невзирая на возможные последствия, о которых просто не думал. О последствиях своих действий в Дафаре он не думал и теперь, поскольку уже слишком завелся, и от самого процесса разрушения города, так и от музыки, веселой компании, и общей безумной атмосферы беззаботного праздника, буквально потерял голову.

— Кстати говоря. — с помощью окто заставляя пыль с себя разлететься в стороны и осесть на лицах своих сразу закашлявшихся товарищей, наблюдал за крушением нового дома теперь без несущих стен, Френтос. — Что вы, все-таки, празднуете?

— Как это «что»? — развела руками сопровождавшая Френтоса в той же компании все последнее время женщина с кузнецким молотом в руке. — Ты что, дорогуша, батикурмы поел?

— Я не местный, знаешь ли.

— А про войну будущую слышал? — громким баритоном продолжала она.

— Да. Всезнайки из Ренбира всем нам обещали страшную смерть.

Женщина про себя посмеялась, вытирая серый, уже разноцветный от грязи, фартук не менее грязной рукой. Вся остальная толпа, только что с ликованием махавшая руками, и весело кричавшая при виде падения дома одного из своих же товарищей, как по команде подошли к Френтосу поближе, и также принялись перебивать друг друга словами, и без того перебиваясь окружающим шумом и музыкой, стараясь получше описать причину своих действий. Старались они настолько активно, что из их слов Френтос разобрал лишь одно.

— У вас точно крыша поехала. — кивнул он им.

— Ну а мы тебе что говорили? Так меня этот дом достал, мочи не было терпеть! — смеялся Кельни, неуверенно чеша макушку, крася рукой светлые мокрые волосы в какую-то жуткую на вид твердеющую на глазах смесь.

— Не может же это происходить просто так.

— А оно и не просто так. — покачал головой умный лицом юноша, тем не менее тоже выпачкавшийся в пыли и песке как последний хряк, и вместе с остальными занимаясь не самыми умными делами. — Местные Хемиры взяли над городом власть, и на ее основе договорились с самим Хемирниром, чтобы в предстоящую войну мы не пострадали.

От удивления Френтос уронил молот на ногу стоявшего рядом мужика, который, в свою очередь, от боли вскрикнул, и, прыгая на одной ноге, стал быстро проговаривать «Больно, больно, больно...»

— Ваш город захватили Хемиры? — похлеще предыдущего мужика выпучил глаза Френтос.

— Что ж сразу захватили? Просто взяли власть в свои руки. Или даже в ручки. — трением рук друг об друга изображая какое-то особенное возбуждение, также гадко облизываясь, смеялся Кельни.

— Позор на твою озабоченную голову, дружок. — медленно качала головой одна из баб в компании, к слову жена того самого стражника с черенком от алебарды.

— И это Хемиры вам приказали разнести город по кирпичам?

— Приказ был таков. «Выйдите на улицы, и снесите стены, которые огораживают вас от внешнего мира».

— Нет, они говорили не так. — перебил товарища умный юноша. — Если точнее, они сказали: «Выйдите же на городские улицы, и собственными сильными руками разрушьте стены, что сдерживают вашу волю». Потом было что-то про детей Хемирнира и его волю.

— И вот за этим ты меня перебил, шкет? — медленно говорил Кельни, важно поднимая одну бровь.

— На этом странности, ведь, не заканчиваются? — решил продолжить обсуждения Френтос, уже понимая, что у действий его напарника Ультры теперь и вправду появилось хоть какое-то оправдание, и исследовать город, решая в нем какие-то проблемы, у него наверняка были причины. Дафар был небольшим городом, да и населения в нем было не слишком много. С другой стороны, в случае захвата его силами имтердов, он может стать проблемным участком на карте боевых действий людей. Френтос принял сторону людей, и в его же интересах было не допустить подобных происшествий, чтобы затем они не встали боком ни ему, ни его семье. Если бы только Ультра рассказал ему все с самого начала, может быть Френтос с ходу разнес был город и всех союзников имтердов вместе с ним.

Теперь, конечно, сам частично привыкнув к их компании, он бы на такое не решился.

— А ты у них сам спроси! — вдруг выдала женщина-кузнец.

— У Хемир? — не понял Френтос.

— Да, у этих обольстительниц. Одна держит отель в городе. Это отель при цирке, так что он стоит прямо рядом с ним, в центре города. Не ошибешься.

Компания всем видом показывала, что готова отпустить Френтоса, и отправиться за продолжением веселья без него. Предложение женщины Френтос, разумеется, принял с полной серьезностью. Как вы уже знаете, с Хемирами, что держали некоторые общественные заведения совсем недалеко от Дафара, Френтос уже имел дело, и вполне мог надеяться теперь на встречу с кем-то из своих знакомых Хемир в самом Дафаре, если именно те из них захватили в городе власть. Не назвать это шестым чувством, скорее Френтос просто создал предположение, в которое сам, для собственной выгоды и поверил, по крайней мере полностью надеясь, что не ошибется. По какой-то причине и окружающее веселье в городе начинало затихать, а жители с музыкальными инструментами, по воле случая теперь ставшие настоящими музыкантами, начинали все больше фальшивить, то ли выбиваясь из сил, то ли просто устав морально от таких развлечений. Не будучи октолимами, местные жители уставали как обычные люди, так же изнашивались от постоянных разговоров и танцев, и в итоге совсем теряли силы. Никто из них не пил и не ел, и пусть Френтос сразу обратил на это внимание, когда сам присоединился к веселью, им самим он о пагубном влиянии подобной работы без постоянно подкрепления организма питательными веществами старался не говорить. Френтос довольно критично оценил ситуацию, как следует задумавшись об этом теперь. Для него это был дурной знак — Хемиры могли просто солгать жителям, заставив их заниматься тяжелым физическим трудом, при этом не восполняя силы, так совсем их обессилив, чтобы потом их город было легче захватить.

«Прав был Ультра. Что-то тут не так. И мне это совсем не нравится.» — думал про себя Френтос, все-таки решив наконец покинуть компанию, которая и без того уже едва держалась на ногах. Даже по ходу веселья в его сердце росло щемящее волнение, хоть и едва заметное, но достаточно неприятное. Вокруг все так же было шумно и весело, и люди то и дело бегали туда-сюда друг за другом, в лицах оставаясь более чем счастливыми. И все равно — что-то в этой картине вызывало во Френтосе неподдельную тревогу.

— Удачи, что ли. — устало махнул уходящему вглубь города Френтосу Кельни, затем уверенно большим пальцем показав своим не меньше уставшим товарищам, что «все хорошо», хотя все они еще по-прежнему улыбались.

Солнце уже успело совсем скрыться за горизонтом, но город уже и сам светился не хуже от огней, разносимых тут и там гонявшимися от одного дома к другому по улицам людьми. Мелодия, которую все еще напевали, но уже реже играли, музыканты, на всех отрезках города звучала одинаково, и иногда еще веселый, будто карнавальным, мотив менялся на что-то относительно спокойное, пока музыканты налаживали инструменты для продолжения, и, в то же время, звучащее особенно убаюкивающим, будто разряжая тем самым атмосферу постоянно действия. Френтоса удивляло то, с какой синхронностью все эти люди, находясь даже на немалом расстоянии друг от друга, на разных инструментах наигрывали одну и ту же, казавшуюся ему знакомой своим мотивом, мелодию. Весь город выглядел максимально дружелюбно, и все его жители вели себя так, будто знали друг друга с рождения, и всегда между собой дружили. Френтоса даже напугало слово «единство»,

которое возникло в его голове теперь, когда он упомянул его в своих мыслях о состоянии дел города. Это не должно было казаться ему чем-то плохим, ведь он всегда любил праздники, особенно если на них было много народу. Это было похоже на то странное явление, которое он пытался, несколько дней назад, объяснить своей сестре Лилике, когда оторвался от нее, братьев и друзей во время празднования Ренбиром Дня Бога Людей, и когда сестра сама его нагнала для обсуждения действительно важных для них обоих вещей.

Возвращаясь к тому случаю — Лилика говорила с Френтосом так открыто и взволнованно, что тот, особенно спустя годы расставания после первого пожара Кацеры, в прямом смысле не выдержал давления ее искрящихся добром сапфировых глаз, и как на духу ответил на ее вопрос «За что ты меня ненавидишь?». Конечно, он не ненавидел ее, и эти слова прозвучали для него почти больно, ведь он понимал, насколько ужасно вел себя по отношению к родной сестре, и что не мог объяснить этого ей обычным языком, ибо сам совсем этого не понимал, хоть и точно понимал, что любил ее не меньше Соккона. Он как мог старался объяснить ей это, постоянно прерываясь, теряя слова, завершая предложения на полуслове. В ее глазах он видел неподдельный интерес и тот самый огонь, которым тайно горело его же сердце, и при виде чего речь его становилась с каждой секундой проще и яснее, давая ему будоражащий тело заряд уверенности. Лишь ее принятие брата таким, какой он есть, вытасило его из вдруг захлестнувшей его разум тьмы, с которой он старался бороться всю свою жизнь, но не мог сдержат ее влияния на свой разум в те моменты, когда прежде встречал Лилику. Что же было настоящей причиной его несдержанности и жестокости к этой безобидной, милой и доброй девочке? Ответ лежал на уровне его подсознания, и именно оно велело ему присвоить себе бедное дитя, овладеть ей, но не в привычном смысле, вызванным влечением, а в смысле «поглотить», сделать частью самого себя, стать с ней «единицами». Именно этого Френтос не понимал, боялся этого желания, как все люди боятся неизведанного, тем более если это что-то является частью их самих. Отрицание этого желания, отпустившего его только после потери сестры два года назад, и приводило Френтоса в постоянное бешенство, и потому он был так жесток по отношению к сестре те детские годы, что он едва ли смог объяснить ей два дня назад, но что она, загадочным образом, без проблем поняла. Что-то подобное он чувствовал и теперь в Дафаре, думая о «единстве» местных жителей, о синхронности их песен, и даже синхронности мыслей. Этому не было логичного объяснения из знаний, которыми уже владел Френтос. Это был очередной гонявший мурашки по его телу жуткий голос его подсознания, и, скорее всего, потому все это вызывало в нем волнение.

Строением Дафар, по которому быстрой походкой к центральному и самому высокому его зданию шел Френтос, не сильно отличался от Ренбира. Все те же улицы с домами по бокам, растущие между домами и дорогой деревья, и сам путь по любой дороге города, который также вел людей строго от выходов из города напрямую к его центру. Таким город был, кажется, совсем недавно, и теперь уже нигде вокруг нельзя было встретить растущих из земли, а не лежащих на ней порубленными на части, деревьев. Нельзя было встретить и полностью целых домов. Ураган из безумных, и безумно веселых жителей, снося все на своем пути, превратил ранее красивый и экзотический «город песков» в самое настоящее подобие свалки строительного мусора, который недавно перерабатывал мощными ударами молота, теперь растворенного в воздухе Синим Пламенем, и Френтос. Он провел в городе уже почти целый час, и за это время сам едва не сошел с ума от местных развлечений системы «развлеки себя сам». Теперешнее отсутствие солнца на небе совсем не убавило

жары, уже заставившей Френтоса полностью расстегнуть бахашиб, но максимально плохо сказалось на его восприятии, добавив ему застилающей небо темнотой обыкновенной вечерней сонливости. Слишком силен был контраст между черным ночным небом с уже поднимающимся ввысь где-то впереди-слева диском луны и все еще мерцающим от света факелов и песка городом. Он никак не мог противостоять этому их дуэту, и сам уже подумывал немного отдохнуть в отеле, как только до туда доберется и снимет себе комнату. Если, конечно, по пути к отдыху не произойдет чего-нибудь нового, на что Френтос уже надеялся всей душой.

На самом деле, ничего нового в том, что произошло с Френтосом уже у входа к самому отелю, не было. Три юных дурака, уже точно потерявшие всякий разум, пытались выбить его остатки из головы самым простым и прямым путем, для того с разбегу и по очереди влетая в стену у самого входа в отель, здание которого было почти единственным в городе еще не разрушенным, и даже не поврежденным. Ударов пустых голов тех самых дураков у входа было точно недостаточно, чтобы повредить белоснежные стены здания, хотя они уже немало были запачканы грязью с волос и одежды дураков. Было здание трехэтажным, ухоженным, покрытым кристаллами Зоота тут и там для яркости в ночное время, и светило даже на большом расстоянии так ярко, что Френтос совсем без каких-либо раздумий со ста метров, над дорогой заметив одну лишь крышу здания, понял, что именно его он и ищет. Минувя глупо смеющихся у входа дураков и помимо «молотоголовых» разрушителей стен, он медленно подошел к двери отеля, и как раз тогда сразу остановился, услышав впереди то, что не было ново само по себе, как и для Френтоса, но в этом городе точно происходило впервые. За дверью явно проходила словесная дуэль между кем-то старым и хриплым, и кем-то молодым и завораживающим. Оба голоса Френтос знал, хоть и не смог их сразу вспомнить.

— Не трясись тут своими дойками. Ты прекрасно знаешь, почему я тебя про это спрашиваю. — возбужденным хриплым голосом говорил явно какой-то злой, но в то же время надменный старик. — Не отнекивайся.

— Смотришь на них, когда говоришь о делах? — медленно смеялся обворожительный молодой женский голос. — Может быть, ты сюда по другому делу пришел? Просто стесняешься?

— Убери свой ядовитый язычок обратно за острые зубы.

— Если стесняешься, я могу сама использовать этот язычок, чтобы ты успокоился.

БАМ! Примерно с таким звуком сердце Френтоса едва не выпрыгнуло из груди, повторяя сопровождавший это звук удара всего тело одного из дураков рядом о стену отеля, что мгновенно вынудило тайного слушателя под дверью выдать свое присутствие людям за дверью своим испуганным возгласом.

— Я сейчас эту стену тобой пробью! — пригрозив все еще смеющимся парням кулаком, крикнул Френтос. От того засмеялись и другие люди, небольшими компаниями по два-три человек стоящими неподалеку перед отелем.

Конечно, ни о какой скрытности теперь и речи идти не могло. Женский голос внутри, оказавшийся Френтосу относительно знакомым, мгновенно замолчал, услышав крики из-за дверей, но старик молчать даже не думал. Его не перебил и звук удара уже о внутреннюю стену едва не выбитой с петель ногой Френтоса двери. Его не перебили шаги твердых ботинок позади в его сторону, и даже то, что стоящая теперь перед ним в холле на ресепшне, за деревянной стойкой, Хемира смотрела именно в сторону дверей. Ей, к слову, картина

вышибающего двери в ее владениях с ноги Френтоса была уже знакома.

— Это вы довели город до безумия, я знаю. Это вы, рассадник гадких тварей, вечно сводите людей с ума, а потом используете их в своих...извращенных целях. — едва не залез на стойку грудью уже задыхающийся от бесконечного потока собственных слов в разговоре, которого Френтос не застал, тот старик. Залезть на стойку полностью ему мешала только тянущая под его животом блестящая от окружающего света черная кожаная куртка.

Довольно скромно выглядел отель при цирке, пусть не слишком крупном, но более чем известном на Западе, наверняка нередко принимающим гостей. Как и снаружи, внутри он был хорошо ухожен, свеж и чист, украшен самыми разными элементами местной экзотики и кристаллами Зоота, инкрустированными в не менее экзотические держатели. В углах холла стояли горшки с большими папоротниками, тут и там с потолков свисали золотистые ткани, цветом точь-в-точь идентичные между собой, и наверняка связывающие отель тематически с самим городом и его золотыми песками. Дверь закрылась за спиной Френтоса автоматически при помощи дверных доводчиков, и повсеместный рокот барабанов снаружи, наиболее частых у центра города, почти мгновенно затих. Скорее всего, только теперь черноволосый старик в маленьких черных очках, с правда чересчур возбужденным и вспотевшим от того возбуждения лицом, стоявший перед Хемирой на ресепшне, наконец обратил внимание на внезапно дунувший в его сторону со стороны города ветерок, и перестал поливать собеседницу грязью часто скрытых мной в тексте грубых выражений из своих старых морщинистых губ. Наконец оторвавшись от этого дела, он даже решил смочить горло водой из стеклянного стакана, стоявшего, очень кстати, как раз у него под рукой. Едва сделав пару глотков, впрочем, он сразу довольно болезненно и сухо закашлял, подавившись содержимым от слишком частого дыхания, настолько уже горячего, что от него внутренняя сторона прозрачного стакана мгновенно запотела даже в окружающей, хоть и уже немного ослабшей, жаре.

— Приветик, любимый! — весело махнула рукой Френтосу Хемира.

Ее голос, как и ее внешность, были уже хорошо знакомы Френтосу по описанной мной ранее в первой главе «заварушке с Цезом». Эта Хемира, Слаки, была барменом в том самом борделе Хемир, куда Френтос ворвался в поисках Цеза, и была той же, кто, затем, буквально спойл его крепким алкоголем, более чем дорогим, но совершенно бесплатно по до сих пор не понятным ему причинам. Не найдя Цеза в том борделе (и то был не ложный след, и Френтос убийцу даже встретил, хоть и не узнал), Френтос участвовал во множестве местных забав Хемир, включая подпольные бои на арене, где помог своим новым подругам заработать немалую сумму денег ставками в бою с некой странствующей воительницей Амелией и «любого, кто отважится бросить ей вызов». Когда-то Амелия входила в число приспешников Вестника Революции, Геллара, и с тех пор, как тот столкнулся лично с Мерсером и отошел от дел, уже не показывалась на публике под настоящим именем. Именно Слаки попросила Френтоса сразиться с Амелией от их лица, и подговорила почти всех своих подчиненных сделать ставку против нее, ибо ту саму на арену отправили очень богатые люди, готовые платить любые деньги за хорошее зрелище, устраивать которые Френтос был тем еще мастером. Их попытка заработать на ставках, выпустив на поле боя своего непобедимого воина, провалились вместе с полом арены, когда Френтос пробил его телом девушки. На самом деле, это был не простой бой даже для него, и девушка, будучи одетой в слишком прочные доспехи, даже от последнего удара Френтоса не слишком пострадала. Все же, победу в том бою присудили именно ему. Было это событие настолько громким, что

владелицы таверны, Хемиры во главе со Слаки, едва на месте не отдались Френтосу после его победы, чему он сам не возражал, но чему помешало только вмешательство кое-чего более его манящего, что буквально вытащило несостоявшегося чемпиона подпольных боев за шкуру из толпы полуголых девушек, заранее приманив его толстым твердым кулаком. При этом, конечно, волоча Френтоса за собой подальше от обиженных на такой поворот девушек грубой силой, сам Таргот при их виде не моргнул и глазом и даже ничего не сказал.

— Что ты стоишь, как не родной? Разглядываешь меня? — продолжала улыбаться Хемира.

Ее мышинные уши, как и тонкие белые кошачьи усы, немного поменяли цвет с прежнего белоснежного на более сероватый за тот год, что они и Френтос не встречались. Будучи одетой в относительно откровенное платье с глубоким вырезом груди, она только доказывала Френтосу, что внутренне совсем не изменилась за последнее время, и ее игривый характер не мог пробить своими словами даже сумасшедший старик, теперь как можно быстрее старавшийся после тех слов отдышаться. Спешил он с этим, разумеется, не просто так. И Слаки, хоть старалась этого не показывать, совсем не хотела, чтобы тот вмешивался в ее разговор со старым другом.

— Да... Что у вас тут только что творилось? — почесал грязную после недавних забав в городе голову Френтос.

От тут и там проступающих пятен кирпича и камня, вьевшихся в пропитавшуюся потом одежду, выглядел он, откровенно говоря, совершенно не презентабельно, и сам, возможно, впервые в жизни, понял, что в таком виде говорить с девушками было некрасиво, и сам тому был не рад. Тем более говоря с девушками, так выделяющимися своей, в прямом смысле, нечеловеческой красотой на фоне почти всех его прочих знакомых.

— Я и сама не поняла. Почти все прослушала. — так же весело кивнула головой девушка.

— Фреентос, друг мой сердечный, о чем ты говоришь с этим порождением похоти и скверны? — продолжая отдышку, от бессилия уже опираясь обеими руками на стойку, повернулся к нему жуткий старик, для виду даже прислонившись к той же стойке спиной, и поправив свободной рукой очки.

— А ты кто? — не понял Френтос, тем не менее уже подсознательно ожидая повторения сцены своего знакомства с Кельни и его компанией у бывших городских стен.

— Дело проклятой деревни год назад — припоминаешь?

— Джером? — неуверенно растянул слоги Френтос, с удивлением для себя найдя подходящее имя глубоко в бездне собственных воспоминаний, активно заливавшихся алкоголем после несчастного случая смерти его друзей в той самой деревне, о чем он до сих пор старался не вспоминать.

— Ранее уполномоченный по вопросам Хемир всей Ирмии. — самоуверенно тыкнул в себя пальцем старик.

— А теперь?

— Теперь беситься из-за снижения потенции. — улыбаясь добавила Хемира.

— Я-то старый? — так же краснея от возбуждения, вызванного почти фанатичной неприязнью к Хемирам, повернулся к ней старик. — Я даже сейчас любым охочим 10 палок кину, да не вспотею.

— Тебя сняли с поста за то, что ты клал эти палки на работу? — перебил его Френтос.

— Ах, ну...не так все было плохо, конечно. — неуверенно поправил маленькие очки

Джером, только теперь заметив, что на них упало несколько капель его же собственного пота, теперь стараясь вытереть их о высокий воротник своей дорогой куртки.

— Чего ты тогда сюда приехал?

Старик быстро надел очки обратно на лицо, и так же быстро оттолкнулся спиной от стойки у себя за спиной. Резким движением всего своего старого, но более чем энергичного разгоряченного тела, Джером проскочил вперед, к Френтосу, так за полсекунды от стойки ресепшна очутившись перед самым его лицом. Френтос, разумеется, не испугался таких движений старика, ведь тот даже не был октолимом, и при последней встрече с ним был более чем дружелюбен, даже подставив себя под удар собственного начальства, оправдав Френтоса в деле, где тот остался единственным свидетелем, жертвой, и, в то же время, подозреваемым. Разумеется, недавние слова о безумии местных жителей, сказанные стариком собеседнице Слаки еще пока Френтос стоял за дверью, немало интересовали его, уже давно шестым чувством ощущавшего неладное, и он уже заранее надеялся, что старик знает о происходящем больше, чем его бывший спутник Ультра, теперь совсем где-то без вести пропавший. И тем более — он был почти уверен, что, в отличии от Ультры, Джером не будет строить из этого загадок, и без лишних вопросов все ему расскажет.

— Недавно меня снова вызвали. — шептал старик уже куда серьезнее, специально так повернувшись к Слаки спиной, чтобы та не смогла даже прочитать его слова по губам. — Поручили решить одну проблему. Точнее, кое за чем проследить. И отправил меня сюда лично некто Серпион. Понимаешь?

Имя Бога Природы давало Френтосу уже куда более точное представление о сути задачи, порученной им Джерому. Потому же была яснее и причина шепота старика. Много чем нашумевший скандальный человек, уволенный с собственной должности, в которой он был наверняка лучшим из лучших, за несоблюдение служебной субординации, возвращается к работе по личному приказу Бога, тем более лидера Информаторов, сразу приходя для того в город, где столь странно ведут себя люди. Учитывая, что Френтоса и Ультру в Дафар также отправил именно Серпион — во всем этом определенно был смысл.

— Номер 106. Постучи три раза, и я открою. Дело действительно непростое, но я тебе все расскажу. А если что-то произойдет, допроси эту Хемиру. Ей я уже тоже обо всем рассказал. — подмигнул ему на прощание старик, уже разворачиваясь направо к проходу с лестницей, и, махнув тянущимся почти до пола плащом, отправился в ту сторону.

Пока старик, отбивая твердой подошвой сапог прерывистый ритм о деревянный пол, покрытый диковинным ковром со странным узором в форме не то глаза, не то двух скрещенных кос с точкой посередине, уходил в сторону лестницы левее Френтоса, ведущей на второй этаж, самого Френтоса загадочным образом осенила причина внезапного подмигивания старика. То же было и год назад, когда Френтоса отчитывала капризная Далия, будучи еще градоначальником Манне-Дота, за его неподобающее поведение, благодаря которому вину за смерти его друзей и всей деревни Кирпичники и была сброшена на него. Тогда Джером вступился за него, и подмигиванием подсказал Френтосу, как ему стоит реагировать на его слова, и чтобы он сразу нашел в них определенную уловку. Уловку в словах старика теперь он нашел намного быстрее, чем тогда, и без того чувствував на себе сосредоточенный взгляд обладающей животным слухом Слаки, наверняка слышавшей весь его шепот от и до. О том, что та знает истинную причину визита в город Джерома, он сказал специально. Не зря он был лучшим в своем деле специалистом по Хемирам. По крайней мере среди людей.

— Даже не верится, что мы наконец одни.

Внезапные слова девушки, как будто нарочно, прозвучали ровно тогда же, когда сам Джером едва ступил на скрипучую осевшим между досок песком лестницу, и совершенно точно ее еще слышал. И ее, и ее печальный вздох.

— Не нравится общество стариков, или конкретно этого? — удивленно осматривая неподдельно грустное лицо девушки, подошел к стойке Френтос.

— Если уж ты спросил... — вздохнула она. — До каких-то пор мне нравилось общество всех людей. Всех тех, кто кидался в меня палками, едва завидев, просто потому, что какой-то монстр сделал из меня Хемиру.

— Какие добрые люди. — с явным сарказмом покачал головой Френтос. — Эти ваши мутации итак проходят болезненно, еще и против вашей воли.

— Именно! — ладонями ударила по стойке Хемира, тем не менее выглядя еще относительно спокойной. — Мы этого не просили. И хотя я к такой жизни уже привыкла, и она мне даже нравится...все равно неприятно все это слушать. Сколько не старалась привыкнуть, а все равно больно.

— Я думал, что у вас даже в первый раз — не больно. — решил напоследок состричь Френтос.

Хемира только весело хихикнула в маленький кулачок.

— Я очень рада снова тебя видеть. Давненько хотела с тобой поболтать. Ты, значит, прибыл сюда по какому-то важному делу?

— Понятия не имею. Об этом нужно спрашивать железную банку, которая меня сюда привела. — пожал плечами Френтос.

— Что за банка?

— Зовут Ультра. Какая-то важная шишка из Ренбирского дурдома, закованная в доспехи, и, видимо, ими отдавив себе то ли язык, то ли мозги.

— Хи-хи. У тебя все, как всегда, весело. А у меня, видишь, как раз подходит к концу рабочая смена. — особенно мило и обворожительно улыбнулась Слаки.

— Н-нет. Пожалуй, воздержусь. — протестующе покачал рукой Френтос, явно от одной улыбки разгадав намек девушки.

— Что так? — не поняла она.

— Ты же знаешь, зачем старик сюда приехал?

— Да...Расследует тут причину окружающего веселья. Девочки и мальчики со всего города вышли порадоваться за нас, что здесь такого?

— За вас?

— Это наша покровительница, лично помощница Западного Генерала имтердов, договорилась о помощи городу с Хемирниром. Наша самая добрая, милая, и красивая девочка, Ксария!

— И о чем они договорились? Дафар встанет на сторону имтердов?

— У нас...ну... — вдруг растерялась девушка.

— Даже не думай говорить, что у вас не было другого выхода.

Полными удивления зелеными кошачьими глазами она посмотрела на него. Он и сам был немного растерян, и в его глазах девушка отчетливо видела смятение и боль. Они были не велики, но более чем заметны, тем более ей, кто, как ни крути, догадывалась о подобном, хоть и все время, встретив Френтоса в подконтрольном ее сестрам городе, надеялся на обратное.

— Ты не хочешь, чтобы мы стали врагами, да? — опустила глаза она.

— Понимаешь...когда я решу свои дела здесь, я собираюсь отправиться на поиски брата, Соккона. Он недавно пропал... — вода дрожащей рукой по покрытому холодным потом затылку, тихо от волнения говорил он. — Если...то есть, когда мы найдем его, то все дальнейшие вопросы про эту будущую войну будут решать уже они с Тарготом.

— Да, у тебя и вправду ничего не меняется. В прошлый раз Таргот и Соккон, и теперь...

«Постой...Мы же не были так уж близки. Она на что-то намекает?» — растерянно задумался Френтос. «Надо было взять у Соккона пару уроков, как понимать девушек. Думал, что не пригодится, раз рожей не вышел...Чтоб тебя.»

— Ладно, не волнуйся. — махнула также чуть дрожащей рукой Слаки. — Будь что будет. Мы все равно не станем врагами, правда?

Ее внезапная лучезарная улыбка вдруг даже тронула сердце Френтоса, которое, пусть и было простым само по себе, все же немало окрепло за последние годы, и особенно за последние дни, сразу после воссоединения с сестрой и потери брата. Тронуть его теперь было не очень сложно, особенно учитывая, как уже наводила на него жути окружающая атмосфера пусть и веселого, но все-таки безумия, до сих пор льющегося в отель через двери и окна со стороны остального города. Ее улыбке удалось на секунду разогнать собравшуюся в его голове тьму страха, и в том была ее большая заслуга. Хотя это и не меняло факта, что волнение Френтоса с каждой секундой, необъяснимым образом, только росло, как с ним росла и загадочная сонливость.

— Правда. — улыбнулся Френтос, решив убавить волнение последними каплями воды из стакана на стойке рядом.

— Нет-нет, ты чего? — вдруг выхватила из руки Френтоса стакан Слаки, да так, что тот едва не треснул. — Оттуда же старый невымытый псих пил. Подхватишь еще маразма какого-нибудь. Да и вода тут тебе не «Источник Марконнор».

Френтоса будто ударило молнией.

— Источник Марконнор? Что это? — вдруг взволнованно спросил он.

— А, это...такой очень крепкий алкоголь, настаиваемый на воде самого горячего источника Верховного Властителя имтердов. Он находится в Землях Марконнор. Все Хемиры мечтают однажды испить его, чтобы почувствовать себя настоящими имтердами. — улыбалась она, старательно протирая стакан белой тряпочкой.

По неизвестной причине, Френтос не вспомнил, где именно он слышал об этом напитке раньше, и почему его вдруг это так заинтересовало. Он любил крепкие напитки, но слишком редко пил их в последние месяца, наконец окончательно отойдя от всех трагедий, которые пытался тем алкоголем заглушить. Среди всей троицы Братьев Кацеры трагедия гибели их родителей, а именно образ убившего их Графа Думы, наиболее крепко засел в голове именно Френтоса. Он испытывал странное чувство влечения к тайне таинственного убийцы, и, чего никогда не рассказывал братьям, чувствовал между собой и Думой некую необъяснимую связь. Глаза Думы горели Синим Пламенем, и именно таким была вторая сила Френтоса помимо окто. Именно после трагедии с пожаром в старом имении Кацер в нем пробудилась эта сила, и он всегда странно себя чувствовал, когда ее использовал, будто слыша в эхе его пылания чей-то холодный словно лед неживой голос. Это чувство ему никогда не нравилось, и после него по его телу бегали мурашки.

— В общем... — снова неуверенно почесал затылок Френтос, каждым движением счищая с него так и осыпающуюся каменную крошку. — Мне нужно попасть в номер, где

остановился старый дурак.

— Уже? — едва заметно дернула глазом Слаки.

— Да.

— Точно, ты же здесь по делу...

Френтос тоже повел глазом. Внезапный глоток и ослабление всего на миг дрогнувшего голоса девушки о многом бы ему сказали, если бы он правда взял пару уроков «понимания девушек» у версии меня, принадлежащей этому миру. И, конечно, он бы даже спросил ее об этом, если бы его сердце уже не было заполнено «любовью изгоя» исключительно к уже близким ему людям.

— Номер 106 наверху. Вот тебе запасной ключик. — со звоном подбросила к Френтосу маленький ключ с деревянной биркой Слаки, что тот мгновенно поймал своим окто, заставив ключ висеть перед ним в воздухе. — Только смотри, не говори старику, о чем мы тут болтали.

— Конечно. Спасибо, и... Удачи тебе. Надеюсь, мы еще увидимся чуть позже. — все еще серьезный после раздумий, медленным шагом пошел в сторону лестницы Френтос.

Почти не нарушая воцарившейся тотчас вокруг тишины холла, даже не создавая шума своими движениями благодаря гасившему их большому толстому ковру, он прошел несколько метров вперед, уже не обращая внимания на буквально прожигаящий его отражением окружающего света со всех сторон взгляд блестящих будто горящие в огне изумруды глаз Слаки. На секунду остановившись у самой первой ступеньки, он еще раз как следует обо всем подумал, и все-таки решился сказать девушке то, что хотел сказать ей еще с самого начала их беседы, в чем был до сих пор не уверен, но чего сдержать уже просто не мог.

— Когда все закончится, сходим куда-нибудь вместе. Это, если что, не вопрос. Все равно и ежу понятно, что даже на войне мы останемся друзьями. — в конце сглотнув, сказав все на двух дыханиях, продолжил подъем он.

И вот, Френтос совсем пропал наверху, за лестницей второго этажа, став невидимым для уже чуть влажных глаз Слаки. Девушка молчала, еще стараясь улыбаться, но думая уже совершенно о других вещах. Прозрачная склянка с неразборчивой человеку надписью внутри деревянной стойки перед ней, пустой стеклянный стакан в ее руках, и даже постепенно затихающий сам по себе шум за дверьми, постепенно пропадали из ее восприятия. Всего на несколько секунд свет ее нераскрытых чувств, свойственных точно уже не понятно зверю ли, или человеку, вернул ей сознание, возвращая ее в реальность, которую она по своей воле обменяла на беспросветную тьму, так уже сама не понимая, на что надеясь. Она сама не понимала, что чувствовала теперь, и были ли то ее чувства, или чувства того, с чем она их теперь делила.

«И я снова ничего ему не сказала. Может быть, оно и к лучшему.» — напоследок вздохнула она, еще трезво, хоть и уже грустно, проводя грань между мыслями своими и чужими. «Если мир, о котором говорит Он, и вправду так хорош...то в нем найдутся люди и помимо Френтоса, кто сможет меня понять. Как тогда...»

Проходя по пыльному коридору второго этажа, выглядящему уже более мрачно и запущенно, нежели холл, Френтос без проблем нашел нужную ему дверь с потрепанной стеклянной табличкой «106», за которой и должен был остановиться его товарищ Джером. Поскольку коридор второго этажа, окна которого выходили на улицу только с одной стороны, был слабо ухожен, а ветер при открытых на проветривание окон ранее немало

закидал пол едва заметным песком, его хруст и без того серьезно выдавал присутствие шедшего по нему к двери Френтоса, и его приближение старик внутри уже наверняка услышал. Последние мысли, включая недавнюю мысль о том, есть ли в отеле кто-то еще помимо него, Джерома и Слаки, слишком забили его голову, и о правильном порядке действий для открытия двери со слов старика он уже забыл. Вставив ключ в замочную скважину, и провернув его в ней, он мог теперь поклясться, что слышал внутри звук падения чего-то не слишком тяжелого, например тела Джерома, на пол. Подтверждение слуху Френтоса предстало перед его глазами сразу, как он со скрипом того же осевшего на дверных петлях, да и везде вокруг, песка, отворил дверь.

— Френтос? — взволнованно вскочил точно с пола на ноги у кровати в левом углу комнаты старик, судя по мятому воротнику и взъерошенным угольными волосам и вправду с той кровати упав.

— Ждал кого-то еще? — не понял Френтос, проходя чуть вперед и захлопывая за собой дверь.

— Но я просил тебя трижды постучать в дверь.

Френтос, едва вставив ключ обратно в замочную скважину, пытаясь закрыть дверь, прищурился, многозначительно посмотрел на старика. Было очевидно — он все напрочь забыл.

— Что ж, это уже не важно. Главное, что ты здесь, и мы оба целы-невредимы. — важно поправил съехавшие на бок очки Джером, затем пригладив обеими руками взъерошенные, все-таки, не полом, а подушкой на кровати позади него, волосы.

— Видимо, мы могли быть и не цели, и не невредимы? — все-таки закрыл дверь на ключ Френтос, теперь направляясь в сторону противоположной кровати справа.

В комнате, помимо двух кроватей и стола по центру, из мебели и был один лишь только шкаф у стены. В комнате не было даже комодов, а с ними не было и стульев у стола. Наверняка, владельцы отеля с самого начала не планировали, что кто-то будет оставаться в их владениях надолго, а не просто на ночь. И, судя по тишине за дверьми в коридорах, других посетителей кроме Джерома и Френтоса у отеля в тот момент правда не было, и, если владельцы его уже унесли из комнат многие столь необходимые гостям вещи, как те же стулья, и так запустили уборку второго этажа — скорее всего, новых посетителей они уже и не ждали.

— Что ж, давай поговорим о важных делах, пока я совсем не уснул. — сел сразу на кровать старик., так же в одежде, проявляя так только большее неуважение к владеющим зданием Хемирам, которым и придется убирать после него грязь с кровати.

— Рассказывай. — также сел на свою кровать Френтос.

— Не буду ходить вокруг да около. То безумие, которое ты видел на улицах этого города, вовсе не беспричинно. Это эпидемия. И это не образное выражение. Серпион предоставил мне в рассмотрение несколько случаев подобного в других городах, где люди также все вместе сходили с ума, и поддавались саморазрушению.

— И Слаки, и сами жители, говорили, что всему виной какой-то приказ Хемирнира, с которым они заключили договор.

— Брехня. — махнул рукой старик. — Я знаю все об этих эпидемиях, и тем более о способностях Хемирнира. У Хемир, понимаешь ли, есть одна особенность. Все они появляются на свет путем усовершенствования человеческого тела неким «паразитом» Хемирнира, к которому наиболее восприимчив женский организм. Причина тому проста —

пока самого Хемирнира нет на Западе, он хочет, чтобы его творения размножались, сохраняя большую часть генов, свойственных именно Хемирам.

Френтос многозначительно почесал лоб.

— Говоря еще проще — эти эпидемии не похожи на результат воздействия на людей сил Хемирнира. Его Пурпурное Пламя... скажем так, это всего лишь дополнение к прочим, которое подчиняет их его воли. Но у него есть собственная воля, и она не может полностью поглотить волю человека...

Старик разразился весьма протяжным, но очень важным зевком. Важно было именно обращение внимания на признак сонливости человека, который, будучи невероятным фанатиком, настолько увлеченно рассказывал Френтосу имеющуюся у него информацию, что сам буквально краснел после каждого слова от возбуждения и волнения. Прикрыв рот рукой во время зевка, едва не разорвавшего его рот до ушей своей силой, он и сам, кажется, начал замечать, что силы покидают его против воли, и начал больше торопиться, чтобы поскорее рассказать товарищу основную суть своего рассказа. И, в то же время, начал замечать, что мысли от него тоже довольно быстро уходят.

— О чем, бишь, я?..

— Ты хотел сказать, что вызвало эту твою эпидемию. — напомнил Френтос.

— У них у всех есть идея... Они все будто разделяют общие мысли, даже общие знания... Первый случай был в Эмонсене, и он же был самым крупным. Город... эмн...

Старик уже держался за голову, говоря эти слова, а глаза его сами закатывались. Веки буквально падали на глаза, и без того маленькие, и старик даже пытался протереть их руками, для этого сняв очки, и повесив их себе на воротник спереди. Не зря он совсем недавно какое-то время дремал на кровати — он пытался сбить сонливость, чтобы получить взамен по крайней мере минуту трезвого рассудка, и успеть за это время все рассказать Френтосу, ведь уже пару минут назад заметил, что с его организмом происходит что-то неладное и подозрительное. И все бы у него наверняка получилось, если бы он не был фанатиком, и не слишком тараторил в речи, которую заранее можно было значительно сократить.

— Эмонсен, говоришь? Где-то я уже слышал это название. — задумался Френтос.

Старик молчал, уже от сонливости сам забывая, что говорил с десятков секунд назад.

— Это все?

Старик снова молчал, теперь уже мало что понимающим взглядом частично прикрытых глаз смотря на Френтоса.

— Ты в порядке?

— Наверное, я... просто давно не спал со всеми этими расследованиями. — устало вздохнул старик, все-таки решившись уже всем телом лечь на кровать.

— Полежи тогда немного. Все равно тут главная Слаки. Не знаю, как насчет тебя, а меня она точно в обиду не даст даже каким-то эпидемиям. — тихо усмехнулся Френтос, сам ложась всем телом на свою кровать.

В комнате было не слишком жарко, как на улице, но и не так холодно, как обычными осенними ночами у Леса Ренбира, что тоже был совсем недалеко. Френтос снова вспоминал времена, когда развлекался в таверне Слаки, и когда защитил ее от Амелии, также как Джером ненавидевшей Хемир, и так же активно изливаясь желчью. Он не вспомнил слов, которые сказал ей однажды, и которые правда тронули сердце несчастной Хемиры, некогда силой вырванной из собственного дома, нечеловеческими страданиями превращенной в

изгоя, так и не нашедшей себе призвания по душе в окружающем ее жестоком мире. Он был единственным среди людей, кто не стал судить книгу по обложке, и ни в чем не поддавался предубеждениям. Задумавшись теперь, почему он помог ей в прошлом, и почему пытался успокоить ее сейчас, он не находил в своей голове подходящего объяснения, и даже в собственном сердце не видел ответа. Были ли Хемиры такими, какими их считали страшась любой другой разумной жизни, кроме себя, люди? Созданные безжалостным монстром мутанты, наделенные не истощаемой похотью во имя достижения его личных целей, массового размножения для подготовки собственной армии к будущей войне. Френтос сам по себе не любил думать, и боялся замкнуться в своей голове, как это часто происходило с его братом Сокконом. Он всегда делал то, чего хотел, и всегда говорил то, что думает. Возможно ли, что такая простота и помогла ему достучаться до сердца той Слаки, которая уже давно закрылась от окружающих маской монстра, которым ее считали недалекие люди, сделав смыслом своего существования смирение? Мысли об этом все еще не давали ему покоя.

— Слушай, старик. Чего ты так взвился на Хемир? Раз ты в них разбираешься, ты должен знать, что они не по своей воле стали такими, и было это совсем не весело. — решил говорить напрямую, и максимально серьезно, Френтос.

— Кого волнует, из сколь хорошей муки делают блины, если получаются они ужасными. — тихо, но вполне членораздельно, ответил старик. — Я встречал столько Хемир за свою жизнь, что научился различать их дурные стороны одним взглядом в звериные глаза. Если в этих глазах еще сияет их прошлое «я», и если они нашли способ переступить через жестокость, которая их создала, и не поддаваться ей...

— Уморил ты меня своими байками. Мне Таргот уже всю плешь проел такой философией. — отмахиваясь рукой, вздохнул Френтос, все-таки, не найдя в словах старика нужного ему ответа.

— Жестокость, Френтос...Эх... — особенно бессильно и сонливо вздохнул, и одновременно зевнул, старик. — Скоро мы все станем жестокими. Хорошо бы мне...до этого не дожить.

Наступила тишина. Закрыв глаза, Френтос решил задуматься и о делах насущных. Тепло одеяла под ним, его мягкость, и окружающая уже полная тишина, быстро поглощали его сознание, и он старался по крайней мере не уснуть теперь, коли решился на небольшой отдых даже после всех историй Джерома, которые так и не воспринял достаточно серьезно, думая все время совсем о другом. Он думал и о Слаки, и о своей наиболее важной задаче — помощи Соккону. Он вел монолог сам с собой, уверяя себя, что бросит все дела в Дафаре, и сбежит обратно в Ренбир, если не встретит Ультру в течении еще одного часа. Он говорил себе, что дела каких-то эпидемий не важны для него до тех пор, пока он не поможет брату, и если те не коснутся его семьи. Шипучим коктейлем из постоянно перемешивающихся между собой мыслей, его утягивало куда-то глубоко в себя, где его, совсем скоро, окончательно настигли и сонливость, и усталость. Слишком много сил он потратил за последние часы, и за то время почти совсем не ел. Даже воды из стакана со стойки ресепшна ему не дала выпить Слаки. В его теле еще оставались материалы для восстановления сил после его «пира» в корчме полтора часа назад. И, все же, потеря сил дала о себе знать — уже через пару минут размышлений его сознание окончательно рассеялось, а вместе с ним растворился и окружающий мир. Он не заметил момента, в который уснул, как и принято достаточно уставшим человеческим организмом, настоящий отдых к которому приходит только с

отключением мыслительного процесса. Но сон Френтоса был другим. Хотя он и не любил думать, он делал это не меньше прочих, хоть и думая о не слишком умных вещах. Он редко запоминал свои сны, но никогда не забывал того, что в них видел. И, тем более, что слышал.

«Предатель.» — пробивался через его сон ужасно неприятный, металлический и холодный голос будто самой Бездны. — «Он уже прибыл.»

Он мгновенно вскочил с кровати, тем самым, судя по ее скрипу, чуть не сломав ее старые деревянные ножки. Быстро вытерев лоб от холодного пота, он молниеносным движением всего горячего и заспанного тела соскочил с кровати на пол, совершенно уверенно встав на ноги даже после такого сна. Но был ли тот сон правда так краток, как казалось с первого взгляда, или он просто не запомнил в нем ничего, кроме голоса? Комната вокруг Френтоса была пуста, в ней не было совершенно ничего нового, только те же кровати, стол, и шкаф, как и прежде. В ней не было ничего нового...и не хватало чего-то старого.

— Джером? — взволнованно, все еще пытаясь отдышаться, осмотрел пустую взъерошенную кровать в другом углу комнаты Френтос.

Пускай самого старика в комнате уже не было, его очки все еще лежали на столе. Френтос окончательно вернулся в сознание теперь, чувствуя подвох, становясь даже живее, чем до попадания в Дафар. Он прекрасно помнил, что старик закрепил очки спереди на своем воротнике, но не клал их на стол. Странно было то, что он покинул комнату без очков, ведь он точно плохо видел без них, и даже на лестнице так, при своем возрасте, мог оступиться. Ему не было никакого смысла делать это самому. С осознанием этого, и довольно заметно, нутро Френтоса начало бить тихую тревогу.

«Все, все, все.» — с громким шлепком ударил себя ладонями по щекам Френтос, затем активно их растирая. «Час уже наверняка прошел, а Ультры так и нет. Нужно валить отсюда, и поскорее.» С этими мыслями он, без особых раздумий, подскочил к двери, чуть сдвинув ногами от приземления ковер, и дернул дверную ручку на себя. Чего и следовало ожидать, дверь была уже открыта, а ключи Джером, наверняка, забрал с собой, когда уходил. Оставалось только понять, когда это произошло, и для чего старик вообще покинул комнату в его ужасном состоянии, при этом заранее не предупредив Френтоса, особенно если заранее боялся вмешательства кого-то со стороны, и потому даже просил Френтоса постучать в его дверь три раза, доказав, что это пришел именно он.

Дверь уже почти не скрипела, или, по крайней мере, звук ее скрипа слишком сильно перебивался участившимся звуком дыхания и сердцебиения Френтоса. Только в коридоре, где в сторону главной улицы выходило наполовину открытое окно, его уши залил довольно странный шум, похожий на хоровое пение постоянно движущихся вправо, в сторону самого местного цирка, людей. Этот звук немало пугал Френтоса своей монотонной тяжестью, и только добавлял ему желания поскорее уйти от всего города подальше. Со своим окто он мог спокойно пробить стену с другой стороны коридора, и выйти через нее, чтобы не сталкиваться с поющими под самыми окнами отеля людьми спереди. С другой стороны, на ресепшне должна была оставаться Слаки, и Френтос просто не мог оставить ее в этом безумном городе теперь, уже всем своим подсознанием чуя окружающую его опасность. Быстрым шагом, едва не переходящим в бег, он добрался до лестницы, ведущей на первый этаж, и, бегом спустившись по ней, сразу подбежал к деревянной стойке, где совсем недавно, казалось, он и разговаривал с подругой. Увы, холл был полностью пуст, и Френтос сам понимал, почему. Он вспомнил, как Слаки говорила ему, что ее рабочая смена уже заканчивается, и наверняка потому ушла из здания за то время, пока Френтос дремал. По

крайней мере, он специально думал так, и так же пытался себя успокоить.

Голоса снаружи все не замолкали, и факт того, что Слаки не было на месте, только большим волнением трепетал сердце Френтоса. Пусть он был не из пугливых, тем более после той же истории с Проклятой Деревней год назад — то, что он слышал снаружи, с каждой секундой звучало все более жутко, а от прежнего веселья местных жителей, как и от веселья самого Френтоса, не осталось и следа. Голоса жителей снаружи сливались в хор, больше похожий на церковный, хоть и весьма торжественный, но все равно будто пропитанный злой волей. От его тяжести и протяжности у людей более пугливых, чем Френтос, наверняка бы уже начала стечь кровь в жилах. Хоть и вряд ли от этого воздух в холле вдруг показался ему таким холодным даже в столь толстой и теплой одежде, как бахалиб.

Сглотнув уже подступивший к горлу ком, сжав всю свою волю в кулак, он с полной решимостью бить все, что может вдруг на него напасть снаружи, тяжелым и быстрым шагом, едва не круша под собой трещащий пол, подошел к двери, и со всей силы выбил ее ногой. Дверь, конечно, открывалась в другую сторону. И Френтоса это, конечно, теперь совершенно не волновало.

С треском слетев с обеих петель, удержавшись при ударе о внешнюю стену единственным прицепившимся к железной петле кусочком дерева, подняв в воздух лежавший под собой песок дверь ушла с пути до предела напряженного Френтоса, открыв ему картину внезапно не совсем новую, но все равно более жуткую, чем прежде. Пока все было не так страшно — местные жители всего лишь быстрым шагом, все вместе, и так же вместе напевая одну песню, шли в сторону цирка, попутно даже весело махая Френтосу рукой. Некоторых из этих людей Френтос видел, когда занимался с ними разрушением города, а с некоторыми даже общался. Они все так же весело улыбались и болтали между собой, но сами их улыбки выглядели уже немного иначе, и совершенно иначе в глазах именно Френтоса. Будто это были улыбки уже совершенно других людей, а точнее даже одного и того же человека, и совершенно точно опасного и безумного.

— Куда вы идете? — сделал всего пару неуверенных шагов наружу, остановившись в паре метров от потока людей, Френтос.

— Как это куда? На представление! — смеялся кто-то из толпы, голос кого так же мгновенно был подобран несколькими прочими жителями, повторившими именно слово «представление» с разными междометиями и предложениями.

— Что за представление?

— Приходи, узнаешь!

Они двигались хаотичным строем достаточно быстро, чтобы надолго не задерживаться перед Френтосом, тем самым, не давая ему возможности как следует с ними поговорить, и уже через несколько секунд строй их совсем поредел, а его изголовье вовсе пропало в парадном входе цирка. Многие из них были ранены в своих играх и развлечениях, и не всегда так уж безобидно. Так или иначе, они уже совсем не обращали на это внимания, так и продолжая улыбаться как ни в чем не бывало. Будто что-то заранее убивало в них волнение, говоря, что даже с самыми серьезными ранами им волноваться больше не о чем.

Фонари по всему городу быстро гасли, и поток людей шел в цирк не только по той дороге, возле которой остановился Френтос, но и по каждой крупной дороге города. С каждой секундой улицы все больше поглощала крошечная тьма, непроглядная в окружающей ночной темноте, даже слегка рассеиваемой светом луны, уже поднявшейся

высоко в небе над самым зданием цирка. Именно здание цирка теперь светилось в этом городе ярче всего, будто вобрал в себя свет всего остального города, и только благодаря тому свету Френтос там еще хоть что-то видел, даже учитывая, как ярко светили кристаллы Зоота на здании отеля. Дальше нескольких десятков метров, до самого цирка, что был метрах в сорока, их свет просто не доставал, будто какая-то неведомая сила нарочно его поглощала, и что наиболее красноречиво говорило Френтосу, что на самом деле происходило в окружающем его городе. Даже на себе, кое-где открытой за порванным бахалибом смуглой кожей, он чувствовал дыхание ночи, сопровождаемое немалым похолоданием, особенно подозрительным после недавней жары. Все его сильное тело начинало тревожно дрожать.

«Дело плохо. Нужно срочно найти Джерома.» — еще глядя в след быстро уходящим к цирку жителям, кивнул самому себе Френтос, резко разворачиваясь на месте, и вбегая обратно в отель.

Как подумал Френтос, комната прислуги наверняка находилась за стойкой ресепшна, на что и намекало ее местоположение. Он еще надеялся встретить там Слаки, если она не успела уйти, и спросить у нее, не видела ли она Джерома, ведь тот наверняка должен был проходить мимо нее, если хотел куда-то отойти. Он не оставил ключей в комнате, а, значит, унес их с собой. Иными словами — в голове Френтоса снова заработала логика. Пускай он и пытался всеми силами той логики отрицать мысли о том, что Слаки сама могла быть причастна к исчезновению старика, и была поглощена той же эпидемией, что и жители. В то, что она была с ним неискренна в их последний разговор, ему верить просто не хотелось.

Пройдя за открытую сбоку стойку, подойдя к двери как раз на углу очерченного квадратной стойкой пространства, Френтос с удивлением увидел на самой двери, под надписью «Только персонал», маленькие цифры «101». Подергав ручку, и окончательно убедившись, что дверь эта закрыта, он повернулся к деревянной стойке, где должны были лежать ключи ко всем дверям отеля, предназначенные для работников. Вышибать двери, как обычно, в месте, где работает его подруга, ему не хотелось. К сожалению, рабочее пространство стойки со стороны Френтоса было почти пусто, и лежали на нем лишь пустая стеклянная склянка, пустой стакан, да один-единственный маленький ключ. Взяв звенящий своей биркой на алюминиевом кольце ключ в руки и осмотрев его, Френтос узнал, что ключ этот от комнаты «206» на втором этаже. И, узнав это, его сердце на мгновение дрогнуло.

«Я...я смотрел на табличку шестой комнаты на втором этаже. Там точно было написано «106».»

Положив ключ дрожащей рукой обратно на стол, Френтос, для успокоения готовый изучать уже все, что его окружает, лишь бы немного отвлечься и собраться с мыслями, взял в ту же руку пустую склянку с черной надписью на обратной стороне. Повернув ее в руке, и прочитав надпись, он так же внезапно ее уронил, дребезгом разбиваемого стекла заливая весь теперь не слишком тихий холл. Нет, его испугала не надпись на склянке, в которой он, за незнанием имтердова языка, не узнал название редкого снотворного из желез Гиперимов. Где-то справа, со стороны коридора первого этажа, он отчетливо услышал сдержанный деревянной дверью громкий болезненный крик.

Отбросив страх, уже холодной хваткой сковавший его мускулы, одним злым движением руки и велением разума он создал перед собой, из Синего Пламени, молот Миклиар, с ним в руках молниеносно выскочив из-за угла холла в коридор, сразу занеся оружие позади себя для рывка вперед. Дабы подтвердить свое недавнее предположение, теперь не дававшее ему покоя, как и сам недавний крик, он посмотрел на таблички с номерами комнат по всему, как

он и думал, пустому коридору впереди. Таблички с номерами точно указывали на обычный в отелях и гостиницах порядок — первая цифра обозначала номер этажа, а остальные две составляли номер комнаты. Комната «106» тоже была впереди, и именно к ней, уже чувствуя все больше нарастающее волнение, таким же быстрым резким шагом направился зло скрипящий зубами Френтос. Только у этой двери в замочной скважине торчали ключи, и именно эти ключи, судя по бирке, когда-то дала Френтосу Слаки. К комнате на втором этаже эти ключи не подходили, но провернулись в замочной скважине Френтосом, потому как та дверь была уже ранее открыта, и все ключи отеля были похожи между собой.

Френтосу хватило сил, чтобы резко и зло, перебивая страх, повернуть ручку этой двери, но не хватило сил сразу ступить внутрь. Глядя на бирку «106» ключей, случайно он посмотрел и на пол, тогда же холодным прикосновением страха растеряв почти все свои силы где-то в области пяток ног. Это была единственная дверь, которую он мог открыть теперь, и это явно было частью плана той загадочной силы, которую он почти с самого начала своего пребывания в Дафаре чувствовал каждой клеткой своего крупного тела, и взор которой теперь будто морозил его спину. В щели под дверью в холл светил серебряный лунный свет, и оттуда больше не исходило никакого звука. Там больше не происходило ничего, и уши Френтоса свистом застлала звенящая тишина, перебиваемая лишь его собственным испуганным дыханием. Из нижней щели под дверью в сторону холла вытекала темная алая кровь.

Часть 3: Френтос. Глава 3: Безумный Цирк

Еще раз про себя уверенно вздохнув, медленно и аккуратно он приоткрыл дверь, всем телом прижавшись к правому дверному косяку, заглядывая в открывающуюся между дверью и им небольшую щелку. Дверь поддавалась, но тяжело, как будто что-то изнутри мешало ей открываться, хотя в целом сама комната впереди была пуста. Она ничем не отличалась от таковой комнаты «206» на втором этаже, в которой, неизвестно по ошибке ли, ранее остановились Френтос и Джером, и где они провели неизвестное даже по положению луны на небе, количество времени. Единственное ощутимое различие этих двух комнат было и в том, что в комнате на первом этаже было занавешенное прозрачными белыми шторами окно, которого, почему-то, не было в комнате наверху, а на полу этой комнаты под самым окном медленно растекалась небольшая лужица крови, все еще активно капающая туда с подоконника, где явно и появилась первой. В остальном, Френтос не видел никаких различий между этими двумя комнатами, и они наверняка специально были выполнены одинаково, как и все прочие комнаты отеля. Стол посередине комнаты был перевернут, и лежал левее от входа, рядом с той кроватью, на которой, только в верхней комнате, спал Джером. Небольшая струйка крови, вместе с едва заметными маленькими кровавыми следами, шла от подоконника как раз через стол к двери, и именно на это Френтос обратил внимание с наибольшим волнением.

Неспроста дверь шла так тяжело, и именно осознание причины этого, ввиду неприятного запаха с той стороны, пугало Френтоса теперь, уже чуть слабее толкающего ее вперед, сам аккуратно протискиваясь в уже достаточно большую дверную щель. Он был уверен, что двигает что-то прижатое к двери, и сам, с ужасом предположив, что именно, невольно сглотнул подобранный к горлу ком.

— Старик?.. — неуверенно спросил он, нутром чуя неладное, но еще стараясь специально не смотреть налево за дверь.

— Ты?

Он вздрогнул, услышав этот голос. Дрожь помогла ему, выведя его из оцепенения, и позволила, растворив в воздухе за собой свой молот, с новыми силами аккуратно подтолкнуть дверь окончательно вперед, чтобы полностью протиснуться через нее оставшейся половиной тела в комнату. Едва он ступил вперед, сам едва не наступив на что-то выпирающее у самого угла двери от пола, взгляд его устремился ровно туда, на внутреннюю сторону двери, теперь правда покрытую кровью. То, что выпирало у края двери снизу, была рука сидя опиравшегося на нее всем телом человека.

— Чтоб тебя, старик... — взволнованно раскрыв глаза, присел он на одно колено перед телом еще истекающего кровью Джерома.

Кажется, старик потерял сознание раньше, и только после слов Френтоса пришел в себя. Будто из последних сил, осознавая свое глупое в его понимании состояние, он пытался тихо, но совершенно беззаботно, смеяться, хотя сразу оттого разразился болезненным кашлем. Вся его куртка была залита кровью, текшей явно некоторое время назад из самого его лба. От нее почти не было видно его морщинистого грязного лица, казались намного темнее его и без того черные сальные волосы, и даже глаза на фоне крови смотрелись как-то особенно устало и безжизненно. Именно от него на пол под дверь комнаты текла кровь, и рана его была не слишком старой, скорее всего полученной именно в тот момент, когда Френтос услышал с

ресепшна крик. Тот, кто нанес ему удар, скорее всего уже бежал через окно, и именно об этом тогда думал Френтос. Именно с подоконника еще текла та же кровь, делающая картину произошедшего до абсурда ясной, если не учитывать того, что в недавнем крике Френтос вовсе не узнал голос старика.

— Кто тебя так? — спросил он.

— Та... Хемира. — с тяжелым вздохом тихо ответил Джером.

«Слаки?..» — испугался Френтос. «Нет... не может быть. Она не могла...»

— Но я сам виноват. — вдруг продолжил старик. — Я решил вызнаться у нее все сам, как делал это раньше. Возраст уже не тот... она меня поборола.

— Ты хотел ее пытать? — с удивлением и некоторой злостью понял Френтос.

— Пытать? Думаю нет. Помнишь, я говорил тебе о том, что у каждой Хемиры... может быть отблеск их прежнего «я» в глазах?

— Да. Она точно из таких. — кивнул Френтос.

— Было бы это так.

— То есть... Она правда врезала тебе, и сбежала через окно? — не понял он.

— Нет...

Едва заметным, медленным движением дрожащей руки, заляпывая карман своей куртки кровью, старик судорожно начал что-то в ней искать. Он едва достал краешек этого предмета из кармана, как Френтос, не дожидаясь сопутствующих слов, вынул предмет оттуда целиком. Что было видно уже по одному краешку, освещенному достаточно ярким лунным светом из окна, была этим предметом записная книжка черного цвета, также кожаная, как и куртка ее владельца, и такая же черная, как почти все его черты, включая даже глаза и волосы.

— Прочитай последние записи.

— Насколько последние?

— Последний абзац... — приложил руку к больному месту на голове старик, так и продолжая, в остальном, сидеть совершенно неподвижно.

Пусть книжка и была немного заляпана кровью от пальцев старика, последняя ее исписанная черными чернилами страница, так и имеющая всего один абзац на своих белых полях, находилась почти в самом конце книжки, и имела после себя достаточно выразительный рисунок. Большая черная точка. Текст же, помимо, странных символов ниже, имел вполне понятный смысл, и все же Френтосу был, местами, не совсем понятен. До такой степени, что некоторые слова он читал не с первого раза, и без того ранее не любивший читать.

«Френтос, я оставляю это описание тебе здесь, потому что ты не любишь долгих слов. То, что происходит в городе, вовсе не эпидемия в ее привычном смысле. Это проклятье, и именно из-за него я пишу это здесь. Я и сам попал под его влияние, и до сих пор слышу его голос. Он командует мной, постепенно подчиняя себе мое тело. Что бы ты не делал, не позволяй Черному Пламени тебя коснуться. Именно оно пришло сюда из Эмонсена, и именно оно сводит жителей Дафара с ума...»

Остальной текст неразборчив, и Френтос уже сам по себе не мог это читать. Он понял то, чего ему лучше было не знать, но и молчать больше не мог. Все это звучало правда, как дурной сон, тем более для него, заранее кое-что об этом знающего, всю жизнь надеющегося впредь никогда с этим не сталкиваться после встречи с Графом Думой.

— Старик? — смотрел на обездвиженного потерей крови Джерома он. — Тебя точно...

ударил Сласти?

Старик жутко, и с явным удовольствием, улыбнулся. Он не мог сказать этого сам, потому как та же сила все еще мешала ему говорить, и все время надеялся, что Френтос сам до всего додумается по его подсказкам, и был теперь рад, что это так и произошло.

— Теперь ты понимаешь? Я понял, что мое тело перестает меня слушаться, и попытался выгнать навязчивый голос из своей головы. Вот...чем это кончилось. — продолжая улыбаться, шептал он.

— А ведь никто из местных даже не отрицал, что они поехали кукухой. — покачал головой Френтос, уже окончательно все понимая.

«Хотя мне казалось, что крик, который я слышал, принадлежал не старику...» — также неуверенно вспомнил он.

Старик снова тяжело вздохнул. Скорее всего, разум его был уже почти ясен от чужих идей, и он мог нормально мыслить по крайней мере до той степени, до которой позволяло его состояние. Он чувствовал смертельную слабость, а весь мир перед его глазами уже начал медленно расплываться.

— Весь город собирается в цирке на какое-то представление. Кажется, мне нужно нанести им визит. Наверняка все ответы будут там. — разом стал серьезным до предела Френтос, так же резко поднимаясь на ноги.

— Цирк? Хорошая идея. Расскажешь потом....

— Конечно. А ты пока отдохни. И... — уже чуть отошел и нажал на ручку двери одной рукой Френтос, потянув ее чуть назад, так отодвигая и Джерома. — Смотри не помри.

Старик, улыбаясь как обычно, только покачал головой.

— Пока во мне это Пламя... — со всем смирившись, глупо улыбался старик. — С ним я уже не могу «просто» умереть...

Не обращая внимания на уже расцененные Френтосом как «предсмертный бред» слова старика, без лишнего шума и промедления он покинул комнату, теперь совершенно уверенный, что причина окружающего его безумия как-то связана и с ним самим, и при этом же совсем забыл о своей первоначальной задаче — спасти брата. Черное Пламя, которое упоминал в своих записях старик, было хорошо ему знакомо, и именно его образ так часто вставал перед его глазами, когда он вспоминал о первом пожаре в Кацере. Именно этим Пламенем владел Граф Дума, и именно в указанный Джеромом город Эмонсен, первоисточник этого Пламени, и отправились на поиски Думы Кайла и Тиадрам. Было очевидно, что жители Дафара, собравшиеся совсем недавно в цирке, ждут теперь там не абы какого представления, свойственного даже вечно узко направленному в этом плане Дафару, а именно представления с участием Френтоса. Эти мысли не были выводами из однозначных фактов, и Френтос сам уже не замечал, как нечто загадочное внутри него само завершает его мысли, и так же само манит его в тот цирк. Оно совсем побороло его инстинкт самосохранения, тем не менее и без того редко у него выражающийся, и совсем скрыло его от логичной и верной в этом случае мысли — он сам шел в ловушку, откуда наверняка не сможет выйти, даже со всей своей невероятной силой, как не смог этого сделать два года назад. Он все еще не верил, что что-то во всем мире, даже после его недавнего боя с Самумом, может стать для него проблемой в открытом бою, и совсем не боялся вступить в бой даже с чем-то неосязаемым и могущественным, как само Черное Пламя. Не говорю уж про то, что у него был свой должок перед этим Пламенем — если он управляло Графом Думой, убившим его родителей, он собирался сполна заставить его за это

заплатить.

В злых мысленных монологах, в которых Френтос уже успел самому себе описать целый список действий, который был готов сделать с любым негодяем, кто может встретиться ему впереди, уже выйдя из отеля на улицу, теперь находясь как раз между отелем и шумным от постоянных возгласов изнутри зданием цирка, куда и продолжал идти, он на секунду отвлекся и остановился. Всего на мгновение по всей поднебесной, что его окружала, промелькнула огромная черная тень, закрывшая собой от серебряного лунного света целый город. Френтос не успел вовремя посмотреть в сторону луны, и потому не заметил пролетевшее под ней гигантское существо на фоне черного неба. Отдаленно он слышал с той стороны взмахи огромных крыльев, и, как следует вглядываясь туда еще непривычными к темноте глазами, даже видел где-то высоко вдальке черный силуэт будто огромной птицы, также плохо разбираемой в свете луны. Что бы это ни было — оно было слишком далеко от города, чтобы причинить Френтосу вред. И оно, наверняка, просто пролетало мимо, что даже для нашего мира было редкостью.

Здание цирка нельзя было назвать шатром, ведь, хоть и был он внешне на него похож, все же явно имел и стены, и, кое-где внутри, пол и потолки, а не только лишь заграждения из ткани. Названные Френтосом «натянутыми простынями», немного просевшими к полу от груза песка на себе, ткани покрывали почти все стены и навесные потолки цирка, самого высотой с пятиэтажное здание, светящегося через всю ту полупрозрачную ткань как раз изнутри и весьма ярко. С расцветкой из красных и желтых полос, в окружающей темноте оно смотрелось вовсе не как обитель безумия и тьмы, а, наоборот, как последнее прибежище света в этом уже потерявшем все свои былые краски городе, ныне поглощенном лишь лунным светом. Скинув своим окто с себя остатки грязи еще после городских веселий, пройдя по парадному входу внутрь совсем не огороженного никакими несущими конструкциями только снаружи холла цирка, Френтос еще у входа заметил впереди стоящего за деревянной стойкой местного ресепшна консьержа, также являвшегося в здании, очевидно, и билетером, и гардеробщиком. Крики немалой радостной толпы раздавались исключительно откуда-то спереди, скорее всего уже с самих трибун цирка, и помимо консьержа и Френтоса в холле уже никого не было, будто все жители города прошли мимо холла напрямую к арене.

Сам консьерж, будучи одетым в традиционный для своей профессии костюм с белыми рукавами и бардовым жилетом, выглядел как совершенно обычный человек средних лет с черными волосами и загорелой кожей, вполне свойственной дафарцам, хоть и ощущения от его вида у Френтоса были неприятными, ведь правда неприятно на его умном лице выглядела жутковатая улыбка. Стоял он как раз в гардеробе, но в нем, где стояли на деревянных опорах такие же деревянные дощечки с крючками для одежды, самой той одежды не было никакой. Это было не удивительно — Френтос и без того понимал, что для таких формальностей у тех, кто устроил все окружающее представление, просто не было времени. Они должны были всеми силами обогнать его, и поскорее занять свои места в зале. Он быстрым шагом, хоть и все еще неуверенно и взволнованно, прошел по желтоватому дощатому полу, едва заметному на фоне принесенного жителями в холл песка, стараясь уже не разглядывать свое окружение, теперь своим видом мало что для него значащее. Он уже бывал в подобных местах прежде, пусть то были и вправду шатры, и имели немалые отличия от этого уникального здания Дафарского Цирка. Ветер снаружи был слишком слаб, чтобы трепетать слабо натянутые тканевые стены уже за спиной прошедшего глубже в холл

Френтоса, и позади него также не было совершенно никаких звуков. Весь свет, звук, запах свежего алоэ из горшков по бокам стен, и даже слабые вибрации воздуха, исходящие от криков толпы из зала за стенами впереди — вся активность города теперь сконцентрировалась исключительно в этом здании.

— Добро пожаловать на представление, участник номер один. — учтиво, но особенно неприятно улыбаясь, поклонился Френтосу якобы вежливый гардеробщик.

— Куда мне идти? — не меняя серьезного лица, напрямую спросил Френтос.

— Вот ключи от верхнего яруса. Это самое высокое ложе, и предназначено оно только для самых важных зрителей.

Френтос, так же быстро и резко двигая ногами, подошел к стойке, и одним секундным движением руки со звоном схватил со стола, куда секунду назад гардеробщик протянул руку, небольшую связку ключей, тут же разглядев на ее бирке надпись «для персонала», довольно неприятной мыслью отозвавшуюся в его голове. О чем он подумал, думаю, можно не говорить — его способности Синего Пламени, как и его связь с Черным Пламенем, уже давно давали о себе знать, и Френтос продолжал всеми силами эту связь отрицать. Тем более учитывая, что эти самые силы совсем недавно, буквально, проломил его другу Джерому голову.

— Бинокль? — с шуткой, но таким же серьезным лицом, спросил Френтос.

— Он вам не пригодится. — однозначно проговорил гардеробщик, так же учтиво и, якобы, дружелюбно, улыбаясь.

Пару секунд Френтос вглядывался в глаза этого человека, и буквально холодом по всему телу чувствовал теперь, насколько безжизненны они были. Вернее сказать — в них еще оставалась жизнь, но была она совершенно темной и холодной, будто стоял перед Френтосом вовсе не человек, а самая настоящая нежить, о которой он некогда слышал истории товарищей из незаконных краалий. Они также все поголовно подчинялись любой воле своего «хозяина», и так же имитировали жизнь. Пускай и никогда не выглядели настолько живыми внешне, и вовсе с хрустом дергались при движениях так, будто под контроль их некроманта попадали одни лишь кости. Гардеробщик для подобного двигался слишком плавно, и его поведение напоминало, скорее, переселение души в чужое тело, о которых Френтос не только слышал, но и однажды, в той же истории с Джеромом год назад, случайно поучаствовал.

Резко повернувшись в сторону левой лестницы, вместе с правой таковой обходящей центральную тканную стену позади гардероба кругом, Френтос внимательнее изучил бирку на ключах, надпись на обратной стороне которой указывала, что «все двери открыты», хотя все ключи в той связке были разными, и наверняка должны были открывать разные двери. Пройдя по деревянным лестницам с первого этажа на второй, а со второго на третий, Френтос заметил, что все помещения вокруг него и вправду больше похожи не на цирк, а на театр, как тот в столице Ирмии, где когда-то в детстве он бывал с матерью и Сокконом. Тогда он немного опоздал на представление, хотя его отсутствие в течение почти целого часа в буфете никто в зале и не заметил, и только в антракт, пока тот беседовал с буфетчиком о вещах не столь умных, Соккон вдруг выскочил у него из-за спины, решив купить себе воды, сдав Френтоса матери со словами «Мам! Здесь продается новый Френтос! А я говорил, что вы его в магазине купили.»

«Самый верхний ярус. Неспроста, конечно.» — думал про себя он теперь, поднимаясь вверх по уже последней лестнице почти к самой натяжной крыше. По пути он не видел ни

буфетов, ни мест ожидания, только абсолютную пустоту, из которой будто нарочно убрали все лишнее, что теперь этому цирку просто не пригодится. Полукруглый коридор, который и представлял из себя самый верхний ярус цирка, имел слева всего одну дверь, ведущую, судя по крикам толпы с трибун, к самой высокой ложе прямо над ареной. Проходя по деревянному полу, обитому кожей для роскоши и стиля, к той двери, он уже поднял в руке связку ключей, но, от их же звона, вспомнил, что «все двери открыты», и в этих ключах, скорее всего, толку ему с самого начала нет, а гардеробщик дал их ему лишь для того, чтобы тот прочитал оставленную на их бирке надпись. Он стоял уже около двери. Крики толпы за ней не зря, даже при немалом расстоянии между верхним ложем и трибунами, доходили до Френтоса так четко. Дверь была с самого начала наполовину открыта. Стараясь уже ничему не удивляться, и без того сам все поняв раньше, он без раздумий бросил ключи на пол, на мгновение перебив окружающий шум спереди глухим звоном удара металла о мягкий пол. Так же решительно подойдя к двери, толкнув ее плечом, он прошел внутрь, сразу еще больше ослепленный ударившим в глаза из зала светом факелов. В остальном здании не было собственного света, и весь он светил через ткань стен именно с арены, что было также неудивительно, хоть и немного удивило Френтоса. Похоже, что темнота вовсе не была любовью Черного Пламени и поглощенных им жителей. Они просто забрали его из города с собой на представление, чтобы сделать его еще более ярким.

Щурясь и прикрывая глаза рукой, оглушаемый криками толпы он прошел вперед по ложу, состоящему из небольшой полукруглой площадки, обитой тут и там красной тканью, с несколькими креслами как раз под перилами выхода в зал. Подойдя по тому мягкому полу уже к самому краю ложа, Френтос убрал от лица руку, и, обеими руками упираясь в перила, принялся осматривать зал внизу под своим ярусом. На этаж ниже впереди слева и справа были еще два ложа, а на два этажа ниже таких ложе было вовсе пять. Ниже них были уже два этажа зрительских трибун, в тот момент уже заполненных людьми лишь с незначительными пробелами. Самые разные жители, чаще всего уже грязные и даже раненные от недавней работы по разрушению города, махали руками, кричали, смеялись, но ни в коем случае не разговаривали друг с другом. Причину такого поведения Френтос отлично помнил, и уже даже не озвучивал ее для уточнения у себя в голове, вспоминая про «единый разум», описанный в своей записной книжке Джеромом. В десятке метров над Френтосом, над самой ареной, потолка не было, и через круглую дыру там он отлично видел малый край светившей как раз на центр арены луны. Весь остальной зал освещали факелы, установленные тут и там снизу, на ложах, и особенно на ложе второго этажа внизу справа, явно предназначенного для некоего «оратора», как выразился Френтос, не подобрав тогда для описания никакого другого более подходящего слова, вроде слова «конферансье».

— Скоро начнется.

Френтос резко повернулся в сторону того металлического голоса, на мгновение перебившего своей тяжестью даже крики толпы снизу. Хоть сердце его встрепенулось, он был вовсе не удивлен тому, увидев рядом, в углу его ложа, смотрящего вниз с привычным ему непоколебимым видом Ультру. Он совсем не изменился за то время, которое Френтос пропустил сном в отеле, и в которое они не виделись. Единственное, что бросилось ему даже не в глаза, а именно в уши, так это вдруг заметно изменившийся тембр безжизненного голоса бывшего спутника.

— Ты тоже будешь участвовать? — подозрительно исподлобья смотрел на сосредоточенного Ультру Френтос.

— Только если что-то пойдет не так. Но эту проблему с самого начала не должны были решать мы.

— Вот ты как заговорил, значит? — еще подозрительнее напряг сжимавшие перила руки Френтос, от очередного внезапного изменения голоса собеседника все меньше ему доверяя.

Ультра поднял одну руку ладонью к нему, прося его теперь помолчать. Той же рукой он указал Френтосу на закрытое сверху натянутой между четырьмя столбами тканью место конференсье. В тот момент толпа быстро замолкала и опускала постоянно поднимаемые ими руки, и Френтос уже понимал, что теперь внизу должно произойти что-то особенное, что он как раз ждал, и за чем пришел. Он не видел человека, выступавшего теперь перед публикой жестами рук с трибуны конференсье, но, каким-то загадочным и неприятным ему образом, чувствовал его присутствие там. С подобного расстояния ему было бы тяжело услышать чью-то речь, и потому он заранее наострил уши, и повернул правое из них к арене. На самом деле, в этом не было необходимости — местный конференсье использовал своеобразную телепатию, чтобы передавать свои мысли окружающим. Весь зал на мгновение накрыла тишина.

— Вот и пришло время решить судьбу предателя! И время для него же сделать свой последний выбор! — невероятно громко кричал с той стороны не видимый Френтосом наверняка средних лет мужчина, голос которого будто двоился, неприятным эхом отдаваясь по всей черепной коробке, чтобы окружающие люди его наверняка услышали.

Сотрясая стены и потолок звуковыми вибрациями, толпа разразилась громовым «Ура!», повторенным ей трижды с небольшой периодичностью, но абсолютно синхронно, будто то и вправду кричал разделенный на несколько тел один человек.

— От лица Правителя, что сулит миру Единство, я приглашаю на эту арену неповторимого Френтоса! — на мгновение своим голосом перебил сердцебиение Френтоса конференсье. — Пускай связь, подаренную ему нами с рождения, даст о себе знать, и осветит наш путь Синим Пламенем!

Руки Френтоса задрожали, когда толпа снизу, как по команде, посмотрела в его сторону, теперь, все безумно улыбаясь, разразившись криком его имени. Все они звали его вниз. Они ждали представления.

— Твой выход. — не шевелясь, проговорил Ультра.

Френтос растерянно посмотрел на него, затем посмотрел на зал, на ложе конференсье, и только за десяток секунд, сопровождая свои скомканные и взволнованные мысли ощущением криков своего имени снизу собственным телом, наконец решил сделать то, зачем он с самого начала и шел в этот цирк, на эту самую арену. Он больше не мог заставлять публику ждать. Они называли его предателем, и он прекрасно понимал, почему. Со скрежетом сжав металлические перила перед собой руками, он в последний раз, в злобной гримасе, хрустнул зубами и цыкнул, думая «ну давайте, уроды!», быстро отталкиваясь ногами от пола, перепрыгивая порог верхнего яруса, абсолютно уверенно и смело отправляясь в полет на самый центр арены, уже чувствуя развивающий его буйные угольные волосы холодный ветер. Зов толпы мгновенно перешел в рукоплескания и крики, и все тело Френтоса буквально объела горячая злоба. То, что тратило его время, отвлекало его от поисков брата, а теперь и, совершенно точно, забрало в неизвестный мир его знакомого старика Джерома, в его сознании однозначно стало врагом, и кем бы не оказался тот, кто все это учудил, Френтос собирался буквально размазать его по песку арену, и совершенно точно

не собирався подчиняться его воле. Взрыв гравитационного окто, падением Френтоса поднявший на несколько метров ввысь половину песка арены, сопровождаемый перебивающим возгласы толпы шуршанием того же песка, теперь быстро оседающего вокруг центра на всю арену, был именно так силен, как этого хотел его создатель, и произвел именно нужный ему эффект, быстро покрыв арену его внутренней силой для будущего контроля территории. Его силы полностью восстановились за время, пока он отдыхал в отеле, и так же он был уже полон ультимативного Синего Пламени, которое, в чем он был уверен, могло уничтожить любую силу мира, с которой бы не справилось его окто, и которую бы ему не пришлось встретить в окружающем безумии. Его глаза горели этим Пламенем, и только его тогда было видно в песчаной завесе, которую он поднял своим приземлением. О имени ветра пустынь напоминал ему вид этого песка, и это только добавляло злости и серьезности его взгляду. Подобного тому, что сделал с ним и его братьями в Храме Актониса восточный генерал имтердов Самум, он больше не допустит, и для этого уже заранее разминал свои сильные, пусть и вечно сторбленные плечи.

Пускай ложе конференсье и было совсем недалеко над ним впереди, и именно туда теперь смотрели злые глаза Френтоса, самого оратора в ложе, как и кого-либо другого там, почему-то не было. Песок, поднятый Френтосом, уже начинал медленно срываться с места, переносимый по арене в разные стороны вдруг начавшим подниматься, дувшим сверху, с самого неба, ветром. От того же ветра начинали колыхаться и составляющие почти все перегородки цирка ткани, а где-то совсем высоко в небе над цирком нарастал слабо различимый шум и свист. Чутье Френтоса уже било тревогу, но руки его с хрустом били и разминали одна другую. Он был зол на то, что его, бесстрашного Френтоса Кацеру, морозил страх сразиться с неизвестным, что точно желало причинить ему вред, и что все больше отнимало его время на поиски брата. Если, конечно, его не морозил тогда именно окружающий холодный и мокрый ветер, постепенно прилепляющий воздушный песок к его мокрому от впитавшегося с тела холодного пота бахалибу.

— Поднимайте ворота! — вдруг одновременно пронесся по залу одинаковый голос сразу всех его зрителей, чем немало пошатнул решимость удивленного Френтоса. — Предатель уже там! И сейчас, спустя сотни лет преданной службы, он готов исполнить для нас свою последнюю волю!

«Сотни лет?..» — вдруг громом пронеслись по голове Френтоса и самой арене с небес слова до боли в черепной коробке знакомого ему голоса «неизвестной силы», уже не раз когда-то пытавшейся с ним говорить. Да — высоко в небе над ареной и вправду прогремел гром.

— Пришло время выбрать глашатая рассвета нашего нового мира. Что же победит — прошлое или будущее? Да начнется же представление!!!

Вспышка молнии в небе над самой ареной вдруг озарила зал лиловым светом, и на голову Френтоса с неба упала холодная капля дождя. Пока гул вокруг нарастал, и постепенно поднимающийся ветер снимал с Френтоса остатки вечной Дафарской жары, впереди под ложе конференсье вверх с грохотом и скрипом поднимались большие и ржавые железные ворота, затем выступившие над тем же ложем. Только теперь Френтос почувствовал буквально вырвавшуюся наружу спереди, давящую на него своей мощью внутреннюю силу будто самой ожившей бури. Ветром на него давили небеса, и все чаще на него оттуда падали ледяные капли дождя. То и дело давящий на уши гром сверху раз за разом перебивал крик толпы, снова ликующей, теперь точно готовой к настоящему представлению, что ждало их,

поглощенные Черным Пламенем бездушные оболочки, уже совсем скоро на арене этого безумного цирка. Цирка, куда Френтос, даже чувствуя неладное, решился прийти сам, обрекая себя на судьбу стать невольным зверем в клетке из Черного Пламени, что его уже окружало в телах горожан.

С каждым шагом ударяя маленькими белыми молниями по полу и стенам вокруг себя, больше всего их заряда собирая на острие своего золотого копья, от уже поднятых ворот арены в сторону Френтоса, по песку шел воин в пластинчатых доспехах из чистого золота, его ослепительный свет с арены отражая своему врагу прямо в глаза. Его золотистые короткие послушные волосы словно рожь колыхались на ветру, что сам тот человек и создавал одним своим присутствием, поднимая в воздух окружающий песок, и с ним же заливая арену цирка тяжелым гулом.

Теперь Френтос правда был напуган, и уже никак не мог противостоять страху, даже не думая о нем, остановившись на мысли, промелькнувшей в его голове с последними словами конференсье, застывшими теперь в полных решимости и жажды убийства серьезных глазах его уготованного самой судьбой противника. У них не было, и не могло быть причин стать врагами, и Френтос совершенно не понимал, почему этот человек выступил против него, чего он искал на этой выжженной безумием земле, и для чего, спустя столетия жизни в мире и покое, снова надел свои божественные доспехи, в Первую Войну впитавшие кровь и ужас его врагов из имтердов, теперь отражавшие в себе силуэт самого Френтоса. Даже со всей своей силой окто, и даже с Синим Пламенем, казавшимся ему всемогущим, от осознания способностей противника теперь Френтос совсем не был уверен в своих силах, и потому дрожал правда словно загнанный в клетку дикий зверь, что выглядело только ироничнее на песчаной арене цирка. Ему предстояло сразиться с одним из Богов, и тот наверняка не будет знать к нему жалости.

— Ну конечно. — крепко сжал зубы Френтос. — Это же ты меня сюда отправил.

Небо над Дафаром начали медленно затягивать тучи, и на весь город, и в частности арену его цирка, надвигалась страшная звенящая буря.

Часть 3: Френтос. Глава 4: Божественная буря

Серпион стоял неподвижно. Его глаза, отражая источаемый его же молниями свет, блестели и собственной решимостью, тем не менее где-то глубоко еще меркнувшей в тьме сомнений. Бог Природы был человеком всегда решительным, всю жизни сражавшимся, как он думал, за правое дело, не перед чем не останавливаясь для достижения своей великой цели — абсолютного мира и порядка в мире, в единении его живых существ с природой. Он без жалости и сочувствия уничтожал все, что мешало его мечте сбыться, и убивал всех, кого считал врагами природы. Разрушительная натура Френтоса была ему не по душе, но вовсе не потому в этот день он предстал перед ним в доспехе, столетия назад впитавшим в свое золото, лучший проводник электричества, кровь тысяч своих врагов, которых на самом деле желал убить. И не поэтому его решимость была столь ослепительно сильна.

— Будь на твоём месте кто-то другой, я бы уже сделал из него отбивную. — продолжал говорить Френтос, сам того не замечая, отводя в сторону глаза. — Но Лилика...много говорила о тебе. Она даже называла тебя героем.

Взгляд Серпиона чуть изменился. Последнее предложение Френтоса его удивило, и его мозг никак не мог решить, было ли то приятное удивление, или была то соль на ноющую рану. Слова плохо давались и Френтосу. Он делал немалые паузы между каждым предложением, стараясь подобрать их как можно более верно. От раздумий его уже не отвлекали крики окружающей толпы, давящие своими взглядами, сосредоточенными даже на движениях его губ, наблюдая за каждым его действием, и так же к каждому слову прислушиваясь. Он слышал, как они шептались между собой, все будто разделяя одни мысли, и об одном теперь думая. Они хотели представления. И Френтос всеми силами теперь желал его не допустить.

— После того, как исчез Соккон, ты направил меня сюда, и я был против этого. Я хотел помочь брату, и мне было плевать на ваши планы. — говоря уже громче, резко махнул он рукой. — Это Лилика отговорила меня тогда! Попросила помочь тебе, как ты когда-то помогал ей. Она рассказала мне, кем ты был в прошлом. Как ты из последних сил защищал людей от имтердов и героически бросался в бой, чтобы защитить слабых!

В дрожи Серпион прикусил губу. Его дыхание участилось, а от бури в его собственном сердце на мгновение в небе погасли молнии, хоть и в покрывших его тучах еще глухо гремел гром. Слова Френтоса имели смысл, великий для сбившегося с пути Бога, и это только добавляло ему боли, терзая загнанное в угол отчаянием сильное сердце, колебля его волю.

— И теперь ты стоишь здесь, передо мной, в этом проклятом месте. Почему?.. — со злобой напряг сильные челюсти Френтос. — Почему ты стал слугой этого Пламени?

— Почему я стал таким? — тихо и с дрожью в голосе, будто себя самого, спросил Серпион. — Не потому ли, что все вы, со своей жадой индивидуальности, бежите от единства, к которому стремлюсь я, и которого жаждет природа?

— И все? — цыкнул Френтос. — Может быть ты этого не знал, но люди тоже часть природы. Разве среди животных не происходит того же, что происходит среди людей?

— Я говорю не об этой природе, Френтос. — серьезнее насупился Серпион. — Тебе не дано этого понять. Почти ни один человек на это не способен. Не ведая истинной сущности природы, вы все нарушаете ее законы, и обращаете ее любовь к вам в гнев.

Паузы между словами Бога Природы о многом говорили Френтосу. Он был уверен, что

собеседник очень тщательно, и не просто так, выбирает слова, так наверняка стараясь что-то от него скрыть. Он был не лучшим переговорщиком, в целом как и Серпион, и всегда предпочитал словам действием. Но кое-что, за свои короткие, в сравнении с возрастом Серпиона, годы жизни, он все-таки в этом ремесле усвоил.

— И как природа связана с тем, что происходит вокруг? И почему вдруг ты решил, что я ее враг?

Серпион сглотнул, будто проглотив с тем и слова, которые уже собирался сказать, но которых говорить не мог.

— Говори, что это за Черное Пламя, и как оно связано с Дафаром, Эмонсенем, и Графом Думой. — легко подловив Серпиона на осечке речи, напрямую обратился к нему Френтос.

— С Думой? Тебе это должно быть лучше известно.

Если то не была капля все усиливающегося дождя, то по щеке Френтоса пробежала его собственная капля холодного пота.

— Ведь это в твоих жилах течет его кровь.

Сердце Френтоса забилося быстрее от тех слов, но вовсе не от волнения. Его ритм был злее, и так же зло теперь, с треском, сжимались его зубы. Он уже давно думал об этом, и эта мысль не давала ему покоя с того самого момента, как, на дне рождения Таргота, о случае изнасилования Думой ему и братьям рассказала его мать. Хоть отец и мать очень старательно уверяли его в обратном, он не раз думал, что именно результатом того изнасилования в итоге стал он, родившись на свет ровно через десять месяцев после этого, и ничем не похожий на своих предшественников в роду — красновласых и красноглазых красавцев.

— Все равно. — уверенно отмахнулся Френтос. — Все, что я с ним разделил, это Синее Пламя. Черного у меня нет, и я о нем ничего не знаю.

— Тебя не смущает то, что говорил Доран перед тем, как я вышел на арену?

— Доран?

— Все, кого поглощает Черное Пламя, разделяют между собой его волю.

— Они сказали, что ты должен покарать предателя. Как я понимаю, покарать сына Думы, который не пошел по его стопам, а?

— Предателем они назвали меня.

Френтос вздрогнул.

— Я предал природу, помогая Черному Пламени в достижении его искаженного «Единства», и предал своих товарищей, даже всех людей, совершив множество преступлений по его воле. Но теперь... — поднял перед собой тыльной стороной к Френтосу свое искрящееся молниями копьё Серпион. — Теперь я искуплю свою вину перед ними. Я нарушу планы Дорана, и для этого...

— Хорош тут шутки шутить! — уже кипя от злобы, буквально презирая глупость ситуации в своем восприятии, махнул рукой Френтос. — Это твое Черное Пламя убило моих родителей! Настоящих, а не каких-то бездушных уродов! Что бы там ни было с моей кровью, и кому бы она не принадлежала, я никогда не покорюсь убийце своих родителей!

Ветер поднимал все больший шум, шатая опоры и ткани цирка, поднимая в воздух окружающий Френтоса и Серпиона песок, застилая уши их обоих бесконечно нарастающим, уже почти штормовым, гулом. Толпа кричала, смеялась, шепталась, и так же в небе на языке разгневанной природы будто между собой переговаривались раскаты грома, молнии от

которых уже вот-вот были готовы разорвать небосвод, с чем и их покровитель среди людей, могущественный Бог Природы, был готов разорвать противника своей настоящей природы.

— Хватит! — громоподобно ударом молнии в небе раскатился по арене отчаянный рык Серпиона. — Я слишком долго колебался, и больше не могу медлить! Я не питаю к тебе ненависти, но должен предотвратить то, что станет с тобой, когда до тебя доберется Доран. Если ты хочешь, чтобы Черное Пламя ослабло, и если бы ты знал, сколь сложно ему сопротивляться, ты бы уже сдался, и сам позволил себя убить! Ни одному созданию Гармонии не удастся противостоять Бездне. Никому. И я сам...сам познал это на своей шкуре. — окончательно принимая боевую стойку, заноса справа за собой искрящееся копьё, глазами, горящими невероятной решимостью и злобой, глубоким отчаянием и лишь маленьким тусклым лучиком надежды, смотрел на Френтоса Серпион.

Последние секунды оба героя смотрели друг другу в глаза, пока с неба, сотрясая землю громовым оркестром, на золотой песок арены цирка крупными ледяными каплями, уже часто как при обычном дожде, на землю будто падали небеса. Вода, молнии, и противник с колющим оружием — Френтос уже сражался с подобным полгода назад, когда по случайному заказу одной из краалий вместе с братьями угодил в логово Гиперимов. Соккон дал брату несколько советов, как ему противостоять молниям со своим окто, и он отлично то запомнил, как в стрессовой ситуации, буквально загнанный в угол разрядами тока, бившими по его промокшему до ниточки телу. Теперь, стоя перед лицом не менее страшного монстра, ведь нет в мире никого страшнее загнанного в угол человека, он вспоминал слова брата, и наконец вспомнил, чего искал на самом деле, и для чего лично он пришел в Дафар. Серпион сделал свой выбор, и не собирался более слушать Френтоса — он не хотел слушать того, кого ему придется убить, чтобы это более не нарушало его решимости. Так было даже лучше. Теперь Френтос мог решить эту проблему по старинке, и, наконец, вернуться к поискам брата.

— Ну хорошо, дружок... — крепко сжал кулаки Френтос, зажигая глаза настоящим гневом, особенно ярко сверкнувшим в свете с грохотом ударившей в центр арены позади него молнии. — Пусть будет по-твоему...я с радостью выбью эти мысли из твоей головы вместе с зубами!

Молниеносным движением руки он перехватил внезапно оказавшееся у самого его лица взорвавшееся яркой вспышкой молнии, от того постоянно краснея, толстое острие копья Серпиона. После долгих тренировок с Сокконом, по его мнению, эталоном скорости, его уже нельзя было застать врасплох быстрыми выпадами, и он легко мог их блокировать. Даже теперь, на особенно долгое мгновение скрестив злые взгляды со своим противником, он без дрожи одной рукой держал заряженный молниями металл перед своим лицом, уже без капли волнения, с полной уверенностью в своих силах. Пусть созданные окто Серпиона молнии и не пробивали внутреннюю силу Френтоса, раскаленное острие его копья жгло руку, и ему пришлось резко перехватить его подальше второй рукой в то же мгновение, с огромной силой махнув его, вместе с его владельцем, себе за спину. Отброшенный таким образом, некогда один из величайших воинов человечества, Серпион не растерялся, и уже в полете с силой метнул то же копьё в грудь уже развернувшегося к нему всем телом Френтоса, от чего тот предпочел уклониться легким движением в сторону. С взрывом искр и паром воткнувшись в уже мокрый от дождя песок, копьё вдруг ярко вспыхнуло ослепительным белым светом, обратив на то внимание Френтоса, и так же привлекая его внимание к новой атаке Бога Природы. Из той вспышки к своему копьё переместился сам Серпион, затем

выскочив из нее с резким колющим ударом копья в самый живот противника, тем не менее также мгновенно перехваченный мощной левой рукой.

Усиливая свои физические способности гравитационным окто, Френтос имел огромное превосходство на Серпионом как в скорости, так и в грубой силе. Меняя давление и силу притяжения, он мешал противнику легко перемещаться по арене, и буквально притягивал его атаки к своим рукам, покрытым наибольшим слоем внутренней силы. Рванув всего Серпиона за острие копья к себе, он с огромной силой нанес ему встречный удар ногой, от которого Бог едва успел частично закрыться длинным металлическим древком копья. Удар этот был настолько тяжел, что Серпион от него буквально отправился в полет, но уже неконтролируемый, а при виде поднимаемого ударной волной в воздух песка, по всей арене с трибун вокруг радостно и с удовольствием закричала толпа.

— И это все? — крикнул вдогонку уже всем телом скользящему по мокрому от песку Серпиону Френтос.

Бог быстро и во вращении оттолкнулся одной ногой от пола, сам так отскочив назад, почти к самому краю арену, к воротам, откуда ранее он сам туда вышел. Мягкий золотой доспех на животе немного погнулся, но, будучи укрепленным примесью вольфрама и сколы, поглотил немалую долю силы окто противника, и потому совсем не пропустил его атаку по своему владельцу. Гул в небе уже превращался в грохочащий вой, и ярость небес начинала все больше давить на землю, раскачивая и расшатывая его одним только звуком, уже ветром срывая с земли целые горсти мокрого песка. Сама природа кипела от злобы, и от нее же адским пламенем горели глаза ее Бога.

— Остановись! — разрывая воздух криком даже на фоне криков уже не видимой за дождем толпы и грохотом молний по арене, так же искрясь злобой взывал к голосу рассудка Серпиона Френтос.

— Нет!

Страшный свист вдруг поднялся перед самым Серпионом, и вместе с ним на высоту почти в десяток метров в сторону Френтоса поднялся огромный песчаный смерч. Не прекращая вращения, вихрем поднимая в воздух все больше песка, он рванул прямо на врага, и тот даже не попытался от него уйти, так специально остановившись, продолжая стоять на месте, лишь серьезно и уверенно смотря вперед. Защищаясь своим окто, увеличив в сотни раз ядерную силу и силу притяжения между всеми атомами своего тела и одежды, тем самым он оставался почти неуязвим к повреждениям извне, и легко сопротивлялся силе ветра смерча Серпиона. Смерч, в свою очередь, окружил Френтоса, и тот одним движением руки разогнал его ветер в разные стороны, прекратив вращение, и тем самым разорвал сам смерч. Вместе с мокрым песком тот вращал по ветру и капли дождя, полностью вымочившего Френтоса до нитки. Все время дующий сверху штормовой ветер, дождь, крики толпы, и особенно гром, полностью поглотили уши Френтоса, а его глаза вокруг на мгновение после рассеивания смерча, застлал кружащийся вокруг песок. Он даже не заметил, что оказался в ловушке, и не успел вовремя отреагировать, чтобы защититься от новой атаки Серпиона своим окто. Всего мгновение, и в центр песчаной бури по центру арены, в которой буквально только что пропал Френтос, с самых небес ударила страшная огромная молния. Зрители тоже мгновенно замолчали, а песок после удара молнии, теперь будто падая в густой как молоко туман, начал быстро оседать. Руки Серпиона только крепче сжали металлическое древко копья, когда ликование толпы вернулось, и вместе с ним, как и сам Серпион, совсем затихли так и гроыхавшие в небе молнии. Песчаная завеса в одно

движение руки Френтоса осела, и вместе с тем тот шагнул вперед, сияя Синим Пламенем из глаз, с паром от дождя открывая глазам публики свой обгоревший от удара молнии по мокрой одежде почти полностью разорванный и обугленный бахалиб. На его теле под одеждой не было ни единой царапины. Он выглядел куда страшнее, чем прежде, и одной своей невероятной силой и решимости, впервые за многие годы, нагонял ужас в уже ослабшее с годами сердце Серпиона. Сердце Бога, который никогда не боялся, и никогда не отступал даже при виде самых страшных врагов. Такое было лишь раз. И тот страх тоже вызвал имтерд, некогда носившей фамилию Кацер.

— Все? — с не теряющим серьезности лицом, но точно безумными и бешеными широко открытыми глазами, спросил Френтос.

Серпион вскинул копьё и чуть присел. Его руки чуть дрожали, но уже вряд ли от нагоняемого им же на город холода. В его глазах уже мелькало отчаяние, но даже так — свет его надежды светил куда ярче, чем единственно различимые впереди на фоне тьмы горящие Синим Пламенем глаза его противника. Он не мог проиграть эту битву. Он просто не имел права проиграть.

— Во имя природы. — прикусывая язык, про себя шептал он. — Никакой пощады!

Рывок, вспышка, и треском по арене, на потеху так и не замолкающей публике, удар за ударом сходились в ожесточенном бою горящие уверенностью лишь в собственной правоте оружия Френтоса и Серпиона. Внутренняя сила разливалась по арене, разбрасывая под собой песок, прожигая его, промокший будто от слез безысходности Бога Природы, злобными молниями, на фоне его золотых доспехов с каждой секундой кажущимися все краснее и горячее. Лиловые молнии со звоном били по мокрому, но не пропускающему воли врага, Френтосу, с полной уверенностью и серьезностью теперь не только парируя атаки разрубающего на лету капли дождя золотистого копья, но и перехватывая их, ударяя Серпиона в ответ, тем не менее встречая наконец серьезное сопротивление его не зря столь тяжелого доспеха и не менее крепкой внутренней силы. Окто Френтоса было его единственным оружием, но он ни на секунду не отвлекался, не уходил в защиту, и не пытался экономить силы. Он был в бешенстве, и дрался голыми руками, как дикий зверь, одной только яростной гримасой разрывая в клочья решимость противника, которой и без того было уже не так много, и гасла она с каждым новым заблокированным врагом ударом. Никогда прежде ему не приходилось сражаться с кем-то настолько сильным, и то же подтверждал в своей голове Серпион, понимая, что этот бой лишь истощит их обоих, но не приведет ни к чьей смерти. Френтос этого не понимал, и не собирался об этом думать. Он всего лишь хотел избить Серпиона, и так, чтобы вся дурь из его головы наконец испарилась, как испарялся вокруг него создаваемый им же дождь, даже если для этого придется сначала переломать ему все кости.

Они уже изрядно устали, и Серпион только теперь отскочил назад, понимая, что продолжать бой обычными атаками впредь нет смысла, и Френтос все равно все их заблокирует. Пришло время и ему достать козырной туз из рукава, и нанести по уже ослабшему врагу последний, самый сокрушительный и смертоносный удар. Это был рискованный ход, и не только для врага он мог оказаться последним. Серпион понимал это, но уже не мог мешкать. Френтос заранее был слишком хорошо подготовлен к бою с силами природы, но была она прореха в его силах, которую он до сих не замечал, и которая, очень кстати, была очевидна для закаленного в боях воина Серпиона. Если возможность и была — сейчас было лучшее и единственное время ей воспользоваться.

Одним мощным ударом копья в песок, сплевывая уже подкатившуюся под губу кровь, он активировал одно из своих самых страшных оков, последнее в жизни многих его врагов во времена Первой Войны, и уже давно позабытое им в потоке времени, только теперь вынудившее его оживившийся от ярости мозг вспомнить о той силе. Будто весь мир вокруг ударила огромная невидимая рука, с грохотом и раздирающим уши гулом под ногами Френтоса сотрясая землю, а ветер, ранее и без того едва не срывающий со стен цирка удерживающие ткань опоры, с хрустом их разорвал, мощным потоком разрывая все вокруг арены, растворяя в своем потоке даже людей.

Френтос на мгновение испугался столь могущественной силы, и сам от тряски земли в один момент упал на одно колено, будто преклонившись перед истинной силой Бога Природа. Он видел, как вихрь, несший теперь с собой постоянно отрываемые им от цирка части, буквально съедал еще смеющихся от происходящего на арене людей, и в ужасе заметил, как все они растворяются в воздухе, превращаясь в Черное Пламя, собирающееся в одно толстое кольцо вокруг арены. Его смех не пропал, а переместился будто в самую черепную коробку Френтоса, теперь звуча намного жутче, холоднее и безумнее. Даже в усилившемся теперь ледяном, шквальном дожде, он не чувствовал такого холода, как в том смехе. На мгновение тот холод заморозил и его самого — его губы задрожали, тело перестало двигаться, и Синее Пламя его глаз в миг погасло. Промокшее до ниточки тело теперь дрожало словно кленовый лист на ветру, и не на обычном, а на самом настоящем ветре разрушения, что только большей болью в голове озвучивало имя его последнего непобежденного противника — ветра пустынь.

— Так это оно? Черное Пламя? — все еще едва шевеля губами, смотрел по сторонам Френтос.

— Синее Пламя, которым ты владеешь, тоже часть Черного. — дрожал в ушах Френтоса голос будто телепатии Серпиона, на самом деле лишь отражаемый от все разбивающихся о тело Френтоса капель дождя.

Бог Природы был невидим в окружающей буре, и слишком громко вокруг уже по самому цирку вокруг арены били его молнии. Где-то ткань цирка загоралась, поджигая и прочую, носящуюся по кругу мокрым вихрем, оттого быстро в нем тушась, также легко, словно перышко, бросаясь им далеко в сам окружающий город. Огни загорающейся от молний ткани, как и сами молнии, очень ярко выделялись на фоне остального окружения, в котором уже совсем потухли все цирковые огни факелов. Крыши у цирка уже не было, и почти все его этажи, вместе со всеми ложами, включая самую верхнюю с Ультрой, разрушились от страшной силы разгула стихии, и всю арену залил белоснежный свет отныне висящей высоко в небе прямо над головой Френтоса луны. Только Черное Пламя вилось неподвластно буре, не отбрасывая тени, вместо привычного Первородному Пламени треску заливая и без того шумную от бури арену чем-то похожим не то на шепот, не то на тяжелое дыхание.

— Пусть хоть трижды между моим Пламенем и этим Черным будет связь — я не собираюсь подчиняться убийце своих родителей. — стискивая зубы, собрав всю свою уверенность в кулак, исподлобья глядел в пустоту перед собой Френтос.

— Не важно, что ты говоришь сейчас. Скоро это изменится. И именно этому я должен помешать.

— Я сам этому помешаю! — рыкнул Френтос. — И тебе, и этому Пламени, и Думе, и имтердам! Все, кто навредят моей семье, — да хоть даже подумают об этом, — я всех их разорву! Пока я не спасу брата, никто не сможет меня убить! Я просто не имею права

умереть!

— Ты!... — вдруг мощным шквалом ветра по ушам Френтоса ударил злобный крик Серпиона. — Да ты хоть представляешь, с кем собрался меряться силами!? Я пытался. Пытался сопротивляться, пока он сам меня не отпустил! Из его игры нельзя уйти живым. И поверь — судьба стать его частью намного страшнее смерти.

— Тогда я сделаю то, чего не смог ты. Даже если это будет стоить мне жизни. Меня... — окончательно кивая самому себе, тяжело выдохнул уже трясущийся от напряжения и разливающейся по телу усталости Френтос. — Никто не остановит.

Вспышка окто Серпиона произошла совсем рядом, как раз за спиной Френтоса, у границы бури, что он создал, и что все время медленно сужалась к центру. Френтос повернулся к нему лицом, и оба они, наклонив голову и глядя в глаза друг другу уверенным взглядом, стояли на своих местах абсолютно молча. В глазах Френтоса горело Синее Пламя, и видели те глаза перед собой не больше, чем труса, рухнувшего в бездну отчаяния под грузом собственных ошибок. В глазах Серпиона горел последний свет решимости, что разгорелся в нем снова теперь, после последних слов противника, освещая им его последнюю волю по крайней мере для последней атаки. Атаки из последних сил.

«Нет...» — тяжело дыша после затяжного боя, думал про себя Серпион, медленно ступая вперед, с каждым шагом сужая за собой к центру арены ветряную бурю, держа копье за самое навершие древка, острие держа в буре, движениями ветра и воды в ней разгоняя в нем страшный статический заряд. — «Кому-то вроде тебя...нельзя становиться оружием его воли.»

Скорость движений Бога Природы постепенно повышалась, и вместе с тем росло напряжение и дрожь в руках Френтоса. Они оба истратили много внутренней силы, и их тела уже изрядно ослабли от этого. Но то была лишь внутренняя сила, и двигала ими уже совсем не она, а куда более мощная сила духа.

«Всегда есть другой выход.» — телепатией будто с небес сотрясал его голову глухой голос старого друга, все время того боя пытавшегося отговорить Серпиона от совершения былых ошибок, в которых он сам никогда не видел зла, и всех которых в судьбе друга пусть не знал, все же понимая их как никто другой.

Именно этот друг помог Серпиону найти в себе решимость для исполнения своего плана в Дафаре, но и он же все время его пребывания в городе наставлял его на иной путь, к словам о котором отчаянный Бог Природы оставался глух, и игнорировал тот доброжелательный голос до сих пор, как бы тот не пытался его отговаривать. Он знал, что никто со стороны не имеет права вмешиваться в дела Бездны, и потому до сих пор лишь бессильно наблюдал за другом со стороны. Он ничем не мог ему помочь, и никак не мог его спасти.

Свет решимости в глазах Серпиона нарастал еще быстрее, и вместе с ним окружающая буря, дождь, и даже гром усиливались, своей чудовищной силой окто одного из сильнейших людей даже среди Богов расшатывая под его врагом землю, заставляя сильнее биться в тревоге его сердце. Френтос чувствовал, что вот-вот с ним произойдет что-то страшное, и его окто может не справиться сразу со всей готовой вырваться в один удар силой бури Серпиона. Он был мокр, обездвижен, и от того был слишком уязвим к подобной молнии, не созданной окто, самостоятельно собираемой его копьем от трения воздуха. Никогда прежде он не видел ничего подобного, и даже то, что он встречал в своих странствиях год назад, никак не могло сравниться с этим. Он просто не знал, как от этого защищаться.

«В этот раз все будет иначе.»

Копье Серпиона, испаряя уже стеной бьющий вокруг него на песок с неба дождь, наконец покинуло бурю, заряжаясь чудовищной энергией его краснеющих будто от гнева самого Бога, ярких звонких искр, раскаляя и сам наконечник уже побелевшего от накала копья. Выше, позади него, над кольцом из поднимающегося все выше от песка ветра, продолжая рассматривать подготовленное собой и для себя же представление, поднималось кольцо из вьющегося клубами, смеющегося Черного Пламени.

«Либо победа...»

Серпион вскинул копье, занеся его острием вперед под правым боком, и тогда же, встав на месте только ровнее, крепко сжал кулаки и зубы Френтос, всеми силами стараясь подготовиться к последнему удару врага.

«Либо смерть!»

Вихрь сорвался с места вместе с Серпионом, и по арене со страшным грохотом и каскадным потоком ударила волна молний. Все пространство арены, да и всего цирка в целом, залил яркий белый свет, и ударная волна в то же мгновение разорвала в клочья весь оставшийся от цирка бардак. От ослепительной вспышки никто со стороны не смог бы увидеть, что произошло тогда, когда копье Серпиона, высвободив всю наполнившую его силу молний, ударило Френтоса в грудь, и в поднявшемся дыме, паре и песке уже не было видно, что произошло с его противником. С криком отчаяния и ужасной боли, громом по всему городу, весь мир вокруг них мгновенно исчез, и с тем, так же крича, мощной волной по всему небу Дафара взорвалась терзавшая его буря. Ее силы вдруг ослабли, небо пробил белоснежный лунный свет, а арену цирка, бывшую ее центром, полностью накрыл поднятый последним дуновением той бури песок. Все это продлилось лишь мгновение, и едва витавший в воздухе песок окончательно осел на арену, стало видно, что все, что прежде находилось там, уже успело в нем исчезнуть. Там больше не было никакой внутренней силы, не было ни единой души. Все это в миг пропало без следа.

Секунды шли все быстрее, плавно перетекая в минуты, также плавно растворяя во времени совсем недавно бушевавшую в городе бурю. Дождь совсем затих, расплылись по небу облака, и ветер, еще лаская охватившие город в некоторых местах пожары, укутывая все вокруг черным смогом, быстро затихал, с чем затихал и весь город. Звенящая тишина объяла ныне покрытые мирным лунным светом дымящиеся развалины, и с тем же погасли в том свете все их последние огни. Промокшие насквозь и обугленные от молний дома, грязные желтые ручьи, бегущие от дождя у центра города по песку его улиц в разные стороны — то была идиллия разрушения, его последняя симфония, с которой однажды сталкивалось все сущее в мире, и что одной страшной бурей унесло за собой целый некогда процветавший и живой город в небытие. Здесь больше не было жизни. В нем больше не было света.

Высоко в небе еще слышались взмахи огромных сильных крыльев, и только эти звуки, с небольшой периодичностью, разрывали ту пугающую тишину, что залила город внизу, и где только теперь в щелях между обломками бывшего цирка угнездились и затаились тихо и жутко шепчущее Пламя, чернотой собственных нематериальных глаз наблюдая за тем, что происходило вокруг него, на самой арене цирке. Уже на ровно покрытую обожженным, горячим и еще мокрым черным песком ту арену ступила закованная в доспех того же цвета, с каждым шагом проваливающаяся на пять дюймов в песок, огромная нога. Нога не человека, а лишь доспеха, принадлежавшего душам тех, кто еще ждал послесловия того представления, что недавно унесло с собой в небытие целый город, и для того, наконец, сами вышли на

остатки его арены, теперь могильно тихой. То была нога настоящего слуги Бездны, что всегда был им, и оставался им теперь. Пока он лишь молча прислушивался к тишине, находя ее прекрасной, и пока не желая ее нарушать. Он думал о судьбе своего товарища, с которым некогда вместе служил Бездне, и в которой так и не нашел изъяна, из-за которого он, Бог Душ Ультра, доверил Черному Пламени все свои жизни. Но он не мог молчать долго. Представление еще не закончилось — теперь свою роль в нем должен был отыграть и Ультра.

Часть 3: Френтос. Глава 5: Такие разные души

Мертвая тишина воцарилась на арене цирка Дафара. С тихим шуршанием на грязный и мокрый песок вокруг него, на его разорванные недавними молниями, светло-серым дымом и паром выделяющиеся на фоне пустынного города дома, ложились недавно поднятые бушевавшей в его центре бурей ткани цирка, и с редким шумом рушились части самого цирка вокруг арены, чаще падая в песок, и оттого не создавая много шума. Песок уже осел на руинах цирка, покрыв искрящимся от света серебряного диска луны выше своим слоем каждый миллиметр вокруг арены, в том числе теперь будто растворенный в окружающем, теперь совершенно спокойном, воздухе, также блестя им на свету. Едва заметная песчаная завеса столбом тянулась от центра арены на многие десятки метров в высоту, и те же десятки метров во все стороны. Потолки и стены, ложа и трибуны, весь цирк вокруг был разорван в клочья силой обозленной природы, и горой мусора минимум в пять метров высотой его части теперь лежали вокруг арены, закрывая вид на арену городу, будто отделяя от него цирк.

Лишь одна вещь на той арене нарушала накрывшую ее с головой звенящую тишину, разрывая ее звуком особенно активно ссыпавшегося песка в одном месте, преобразуя ровную песчаную гладь сначала в небольшой бугорок, а затем и вовсе поднимаясь над ней. Сдавленный и болезненный кашель окончательно прервал властвование тишины над недавним полем боя, представляя перед ним того, кто и стал причиной образования того покоя после страшной бури. Прерывистое тяжелое дыхание сопровождалось сильной дрожью горки песка на горбу той кучи, что теперь, с каждой секундой того дыхания ссыпая с себя песок, все больше, на фоне окружающей пустоты, становилось больше похоже на образ человека. Он стоял на четвереньках, одной рукой упираясь в песок под самым своим напряженным лицом, а другой рукой держась за покрытый тем же песком, но уже алым от крови, живот. В его голове все еще стоял звон от последней атаки Бога Природа, и в глазах все еще было темно от света его молний. Несколько секунд он безрезультатно пытался отдышаться, каждым вздохом разгоняя в стороны от себя песок ниже, в один миг протянув перед собой истерзанную мощью окто Серпиона правую руку, рассмотрев ее еще размытым зрением, так и смешивающим между собой красные и серебристые от света краски той руки. От центра ладони во все стороны его рука была будто разорвана, треснута, и на песок ниже из нее большими черными каплями капала кровь. Сам песок вокруг, как и покрытый им после дождя он сам, как окружающая ночь, и будто как само Черное Пламя — все вокруг него было черно. Того же цвета теперь казались и его потонувшие в бездне смятения мысли. В последний момент, понимая, что ему не хватит сил остановить атаку Серпиона, Френтос прибег к использованию Синего Пламени, с его помощью одной рукой остановив оружием врага, а остатками внутренней силы защитившись от сжавшей его ледяными тесками злобной бури. Вода, как проводник электричества, сделала свое дело, и статический заряд золотого копья Серпиона буквально закоротил Френтоса, не позволив ему правильно использовать свои силы, лишь частично поглотив пробивную силу последней атаки, направленной ему в живот. От его верхней части одежды уже совсем ничего не осталось, его торс прикрывал лишь налипший на мускулистое смуглое тело мокрый песок. Пусть Френтос и остановил само копьё рукой, нечто вроде ударной волны серьезно ударило по его животу, а руку до самых костей прожгло молнией. Он чувствовал ужасную боль и усталость во всем

теле, и потому еще скрипел мелким песком на зубах, будто корчась от боли, каплями горячего пота оставляя на лбу разводы покрывшего его грязного песка. Он понимал, что все могло закончиться куда хуже, и эта мысль не давала ему покоя, хоть и возвращала его к реальности. По крайней мере он был еще жив, осматривался вокруг, и уже заметил на окружающей его песчаной глади нечто, что мгновенно оторвало его от мыслей о собственной судьбе, и даже помогло ему частично забыть о боли. Разгибая совсем уже неподатливую спину, он разогнулся, теперь сидя держась обеими руками за живот, все еще болезненно качаясь с каждым мощным вздохом, от боли еще щуря один глаз.

— Ну что...остыл? — с большими паузами на вздохи, чуть подняв голову, спросил куда-то вперед он.

На самом краю арены, под обрушившимися с последним ударом Серпиона ржавыми железными воротами, откуда сам Серпион на арену и выходил, резкой дрожью другая кучка обгорелого песка ссыпалась с особенно яркого от света луны, переливающегося золотом треснувшего доспеха Серпиона, и в тот же миг оттуда на Френтоса устремился взгляд полузакрытых бессильных глаз их владельца. Он распластался на песке как раз прижавшись спиной к тем воротам, правой рукой все еще сжимая невидимое от песка копьё, почти не дыша, не шевелясь, глядя уже на собственное тело, в частности свой золотистый доспех под слоем окровавленного песка. Он выглядел ужасно даже по меркам мертвецов, и очень кстати теперь подходил под описание «краше в гроб кладут». Его белокурое и островками покрытое песком лицо было уже совсем бледным, под глазами выросли синюшные отеки — использование последней атаки буквально выжало его как старую губку, и он едва ли теперь вообще был похож на человека. Чудом было уже то, что в таком состоянии он еще оставался в сознании и даже частично еще мог двигаться. Отпустив копьё под песком, с большим усилием своей поврежденной правой руки, от боли сжимая зубы и решетку позади себя левой рукой, капая кровью изо рта на песок перед собой, он сдвинул небольшую горстку того песка на своей груди, чтобы разглядеть под ней свои доспехи, на которые также мгновенно начала капать его кровь. Доспех был буквально разорван, и его нагрудник, потрескавшийся, потерявший небольшие кусочки в трех разных местах, едва держался на его с каждым вздохом поднимающейся груди. Не то от боли телесной, не то от душевной, в уголках его покрасневших от изнеможения и напряжения золотых глаз начали накатываться слезы.

«Твой доспех сломан? Разве этого достаточно, чтобы сломить твою волю?» — звенел в его голове голос из далекого прошлого, принадлежавший человеку, некогда спасшему его от гибели, и так же спасшему от забвения его родные земли, будущего Бога Смерти, Лиисеркима Чеистума. — Я могу отвести тебя туда, где другие великие люди создадут для тебя новый доспех. Мы дадим тебе новую волю. Вместе мы положим конец ужасу природы, что наводят по миру имтерды. Тебе лишь нужно взять мою руку...»

Он еще помнил тот день, когда один из Горных Владык имтердов, Тес, сжигал родные ему леса, и когда он, собрав в кулак всю свою силу уже умелого октолима, отчаянно бросился на отряд имтердов Теса, и так же как сейчас впал в отчаяние потерпев поражение. Чеистум спас его, и отвел на Запад, сам там же, после разговора с Верховным Властителем людей Нисом, получив титул Бога, и поделившись таковым титулом с молодым Серпионом. Его доспех был выкован Демонами в городе Синокине, под руководством мастера-кузнеца, тогда еще не обладавшего собственным окто, Чеисомом Думой. Крепчайший доспех, что когда-либо видел мир, из уникального сплава золота и вольфрама, закаленный в пламени

окто его новых товарищей, будто впитавший тогда частичку их воли. Доспех, идеально подходящий для настоящего Бога Природы, пропускающий и будто усиливающий его молнии, в то же время крепкий и теплоемкий, легко выдерживающий любые проявления шального окто хозяина. Доспех, который Серпион никогда не надевал после самого Великого Спуска, и который надел, казалось, в последний раз в жизни для боя с Бездной, надеясь, что, хотя бы, он сможет придать ему решимости в бою со злом, и поможет ему выдержать ее всепоглощающую тьму.

Но доспех его был разбит вместе с его волей, и теперь, из сиявшего золотом в лучах солнца, перед боями с врагами природы, превратился в блеклую, стертую песком, покрытую собственной кровью хозяина, поломанную груды желтого металла. Даже доспех не дал ему достаточно решимости, чтобы победить в этой битве. И даже до самой битвы Серпион дойти не смог — он потерпел поражение еще прежде, чем сам Правитель Бездны показался ему и его противнику.

— Может быть, теперь ты расскажешь... Хах... — продолжал отдышку Френтос, теперь с усилием поднимаясь на ноги, вытирая левой рукой с лица налипший песок. — Расскажешь, почему у тебя снесло крышу?

Серпион не отвечал Френтосу, хотя и обратил теперь взор своих усталых, уже затуманенных словно мутный желтый топаз, глаз на недавнего противника. Он никогда не хотел, чтобы Кацеры становились его врагами, и даже по собственной воле помогал им, 400 лет назад, контролировать земли людей на Востоке. Именно после боя с обезумившим Тарготом тогда, уже зная от своего товарища Ультры, Бога Душ, о планах Правителя Бездны, он понял, насколько коварны Клинки Власти Гармонии, и стал помогать Бездне в исполнении ее воли. Это лишь часть истории из прошлого человека, который уже не мог теперь думать о добре и зле, разбирая собственный выбор, оценивая его, теперь буквально проваливаясь в пучины своего подсознания, постепенно теряя сознание пусть не от ранений, так хотя бы от трат собственной внутренней силы. Его неуверенность в последний момент помешала ему ударить Френтоса в полную силу, и он мешкал весь бой, тем более уже давно не сражавшись со столь серьезными противниками один на один. Его понимание света и тьмы перемешалось настолько, что будущее для него в миг пропало, оставив вместо себя перед глазами бедного Бога, все такого же человека, лишь образ уже совершенных им ошибок, за которыми не было видно ни зги. Он больше не мог, и не собирался сопротивляться своему уделу, и сам теперь мысленно назвал свои рвения «бесполезными».

— Не ожидал я... — едва шевеля губами, тихо даже в окружающей тишине, шептал он. — Что вы настолько сильнее нас.

— Не говори за всех. — уверенно отрезал Френтос. — Если бы здесь был Таргот, эта арена взорвалась бы прежде, чем ты на нее зашел. Уж я-то знаю.

Серпион тяжело вздохнул. Неудивительно, что он понимал это даже лучше, чем Френтос. Однажды с ним такое уже случалось, и Френтос об этом тогда даже не догадывался.

— И все равно, ты дрался не в полную силу. Как и я.

— Не важно. Я проиграл. — скрипя зубами от боли в шее, качал головой Серпион.

— Ты проиграл мне, а не Черному Пламени. Надеюсь, хоть теперь я смог вбить это в твою башку? Я действую только из собственной прихоти, и никакое Пламя надо мной не властно.

— Спина... — окончательно опуская голову к груди, прошептал Серпион.

— Да... — вздохнул Френтос, чувствуя прыгающее от недостатка воздуха и усталости в груди сердце, из-за того дыша только тяжелее и глубже. — Сломанная спина не проблема. Если я найду Соккона, то он легко это исправит. Если ты сможешь мне его найти, конечно.

Серпион сидел впереди всего в семи метрах, и голова его была опущена к самому доспеху, будто сознание его уже правда покинуло. Даже с такого расстояния Френтос чувствовал, что внутренняя сила Бога Природы изменилась, будто закрылась внутри тела, как это бывает у октолимов во сне. Он не сразу понял, что тот сказал последнее слово на своем последнем дыхании, и вовсе не о своей спине тогда говорил. Внутренняя сила Френтоса была ничтожно слаба, и он едва ли чувствовал все это время чужое присутствие позади себя. Хоть он и не слышал его шагов, будто он стоял рядом еще с того момента, когда тот поднимался на ноги, он нутром чувствовал, что позади него есть нечто опасное, ощущение чего было похоже на самый настоящий животный инстинкт. На мгновение сердце Френтоса дрогнуло, понимая, в какой ситуации он оказался. В его голове пронеслись слова Серпиона, сказанные тем еще перед началом их битвы. Они буквально оказали друг другу медвежью услугу — оба ослабили друг друга, совсем забыв, что все это время рядом с ними был настоящий, и куда более могущественный враг.

— Ты победил. — однозначно отразился от затылка Френтоса металлический голос Ультры.

Френтос все еще был в смятении, а в глазах его искрами переливались «зайчики». Даже резко повернувшись назад, в сторону голоса своего недавнего спутника, он не был готов к продолжению боя уже с ним, и, тем более, почти его не видел. Его черный доспех слишком сливался с окружающей тьмой, а свет луны почти не касался его, будто материал, из которого он был создан, самостоятельно поглощал излишний свет. Он стоял всего в нескольких шагах от Френтоса, как всегда неподвижно и спокойно, направив взгляд прорезей своего шлема пока Серпиона, медленно и с тихим скрипом поворачивая шею к Френтосу. Тот же, в свою очередь, при одном только повороте головы с дрожью поняв, насколько ослаб, от злости на себя самого крепко сжал зубы и напряг скулы. «Ну и нахрен ты приперся, консервная банка. Добить меня хочешь?» — зло думал про себя он.

— Правитель Доран доволен твоей силой. Ты помог нашему товарищу найти покой.

Френтос напряг уши, и стал еще серьезнее. Голос Ультры переменялся, будто принадлежал уже кому-то совершенно иному, хотя так же доносился из тех же доспехов.

— Что случилось с твоим голосом? — сглотнул Френтос.

— Ты заметил? — совершенно новым, грузным и глухим голосом заговорил Ультра. — Как меняются наши голоса.

— Ваши? — не понял Френтос.

— Все мы части Бога Душ. Мы живем в этих доспехах. Здесь мы едины. — быстрее и проще заговорил новый голос Ультры.

— Что? Т-только не говорите, что эти доспехи... — понял Френтос.

— Доспехи — и есть Ультра.

Только теперь Френтоса осенила внезапная мысль «Вот, почему он так странно двигался...». Ранее под весом Ультры, крупного человека, облаченного в громоздкие доспехи, едва ли проминалась земля, и движения его были совсем легкими, будто...

«Внутри этого доспеха никого нет?»

Сложно представить себе возможную реакцию Френтоса, если бы он узнал, что души, населившие доспех Ультры, обитали отдельно в каждой его части. Под черным металлом его

нагрудника, под латами наплечников, и даже в его перчатках — под каждой частью его доспеха в кольцах едва заметной мелкой кольчуги обитали самые настоящие, все еще живые души людей. Может быть именно ощущение взора тысяч душ было воспринято Френтосом как опасность? Может ли вообще человек чувствовать подобное, или же я несу ахиною?

— Ультра есть собрание душ, желавших единства, и для того ставших ножнами безымянного Клинка Власти. — продолжил недавним тяжелым голосом Ультра. — Искусственный Клинок Власти Ультра, Клинок Черной Искры. Искра — сама природа Пламени, сакральный смысл которого...

— Ладно, хватит! — резко махнул рукой все это время в недоумении качавший головой Френтос. — У меня нет на это времени. Расскажешь все это потом, когда я найду Соккона — переводчика языка идиотов на нормальный язык.

— Точно. Ты же еще не знаешь, где искать Соккона?

— И ты, конечно, любезно поделишься со мной этой информацией?

— Мы не знаем.

— Что?.. — едва не поперхнулся собственной слюной, которую как раз пытался сглотнуть во спасении сухого горла, Френтос.

— В дело вмешалась...сторонняя сила. Черное Пламя не знает, куда пропал Соккон Кацера. — говорил уже привычный Френтосу с начала его пути от Ренбира к Дафару, самый неторопливый, и самый скрипучий голос Ультры.

— Значит, ты мне не поможешь?

— Прости. Знали бы мы сами...

«Он передо мной извиняется?..». Френтоса все больше сбивало с толку поведение Бога Душ. Не говоря о том, что упомянутым Ультрой «тысячам душ» наверняка было очевидно положение Френтоса, раненного и обессиленного, буквально бессильного против них, они вели себя до предела дружелюбно, будто сами считали Френтоса союзником, а между его Синим Пламенем, и Пламенем Черным, была почти родственная связь, просто не позволяющая им быть врагами. Хоть Френтос и не понимал этой связи, но наверняка именно из-за нее Серпион пытался его убить, и именно об этом говорил, даже если Френтос и пропустил часть его слов мимо ушей. Но он не чувствовал в своей голове чужого голоса, как об этом рассказывал Джером, и полностью контролировал свое тело, что шло наперекор словам Серпиона. Редкий чужой шепот, который он слышал с самого рождения, пропал два года назад, после встречи с Думой во время пожара Кацеры, и он уже почти не помнил, о чем тот шептал. Но был совершенно уверен, что это не был голос, о котором говорили прочие. Это был голос его собственного сознания.

— Слушай, слуга Черного Пламени... — сглотнул Френтос, решимостью своих глаз сверкнув на Ультру, наконец решившись начать с тем откровенный разговор. — Ты же расскажешь мне, как связано мое Синее Пламя с вашим Черным?

На пару секунд наступило молчание. Скрипя креплениями своих доспехов на шее, доспех Ультры повернул голову в сторону Серпиона, будто специально указывая этим что-то для Френтоса. Даже я не смогу описать того, что происходило в мыслях Бога Душ — это были мысли слишком многих душ, и они слишком разнились между собой. И все равно, все их мысли в чем-то одном, чего Френтос не понимал, полностью сходились.

— Серпион, да? — повернул голову в ту же сторону Френтос, видя, что положение и состояние Бога Природы совсем не изменились. — Он вырубился и нас не услышит. Так что не мямли.

Ультра не шевелился. Френтос продолжал внимательно следить за ним, но не видел в его поведении ничего нового. Доспехи стояли на месте, пустыми прорезями глаз глядя в сторону бывшего товарища, безжизненно украшающего кровавыми пятнами песок впереди и отражая на всю округу лунный свет от своего поломанного доспеха. На арену опустилась мертвая тишина, и была она, пожалуй, даже чем-то напряженной, с чем Френтос мириться уже не мог.

— Ну? — торопил Ультру Френтос.

— Знаешь...

Его голос снова изменился, и в нем Френтос почувствовал нечто совершенно новое и жуткое, что на мгновение заставило его вздрогнуть. Он сказал лишь одно слово, но страшный холод уже железной хваткой объял изнеможенное тело его собеседника, будто само продолжая незаконченное предложение, так и рисующееся в голове напуганного Френтоса. Огромный черный доспех, населенный тысячами душ, слуга Бездны и Бог Душ Френтос был уверен, что одного только движения такого монстра хватит, чтобы убить его, и до сих пор не понимал, почему тот этого еще не сделал. Он висел на волоске, и Ультра точно это понимал. Зачем ему было оставлять в живых того, кто всей своей сущностью был против его Правителя, и кто был готов всеми силами ему противостоять? Почему он так ничего и не сделал?

Свет луны вокруг мелькнул, будто что-то очень большое и быстрое пролетело высоко над ареной цирка, своим телом закрыв ее от взгляда луны. Френтос заметил это, и тут же бросил испуганный взгляд к небу.

— Будет лучше, если ты узнаешь это от него. — неожиданно закончил предложение Ультра.

Глаза наверняка не обманывали Френтоса, ведь теперь к ним, в тот же миг, подключились и уши. Тяжелые взмахи крыльев и мощный рык были настолько реальны, что Френтос едва не ущипнул сам себя, пытаясь понять, точно ли он не спит, и не снится ли ему это все после попойки в корчме возле Дафара. Создаваемые шумом сверху вибрации отчетливо давали понять, что существо, которое парило в воздухе совсем над городом метрах в двухсот, выглядело маленьким только от дальности, и, по мере приближения, его силуэт рос в геометрической прогрессии, а по мере того росло и волнение Френтоса. Он все еще не верил ни своим глазам, ни своим ушам, ведь впервые видел подобное в реальной жизни. Отражая свет луны, закрывая город огромной тенью своих гигантских крыльев, наверняка не меньше сорока метров в размахе, к арене цирка Дафара приближался огромный крылатый ящер с четырьмя шипастыми лапами и двумя закрывающими Френтосу вид на луну твердыми перепончатыми крыльями.

«Это... Доран?» — в ужасе сглотнул подкатившийся к сухому и больному горлу ком Френтос.

— Его имя Заэль. — глядя туда же, в небо, пояснил Ультра. Его голос бы почти не слышим из-за рыка дракона, своей силой сотрясавшего весь город, но Френтос отчетливо услышал его тогда, и без того максимально напрягая слух. Этот голос будто передавался ему телепатией. — Он многое знает о Бездне, и наверняка расскажет тебе о ней, если его лояльность людям еще сохранилась.

Махнув небольшим плащом сзади под поясом, Ультра развернулся в неизвестную сторону, и, уже осыпаемый подлетающим с каждым взмахом крыльев опускающегося все ниже Заэля, начал быстро уходить. Френтос, перебрасывая испуганный взгляд с дракона на

Ультру, и обратно, уже начал немного паниковать, закрывая лицо руками от мощных взмахов ветра с песком.

— П-погоди секунду, консервная банка! Мы еще не договорили! — кричал ему вдогонку слегка дрожащим голосом Френтос.

«Пускай идет.» — вдруг пронесся по его голове рычащий, явно нечеловеческий, вполне спокойный голос. «Мы все равно...бессильны перед ними.»

— !? — резко повернулся в сторону уже совсем близко подлетевшего к арене дракона Френтос. — Это...ты говоришь?

Услышав тот голос, теперь он смотрел на дракона уже спокойнее, пока тот, ловко махая огромными крыльями, замедлялся, стараясь как можно аккуратнее сесть на край арены, оставив голову совсем над Френтосом, чтобы не сесть на мусор вокруг арены задней частью тела, но и не придавить человека впереди передними лапами. В один момент, будучи уже достаточно близко к арене, он сделал последний мощный взмах своими сильными крыльями, и с громopodobным грохотом, мощью своего тела пошатнув землю под ногами Френтоса, от чего тот едва не упал, приземлился на четыре лапы буквально в четырех метрах от его лица. Пока падал на арену песок, поднятый его приземлением, сам он в полную длину своей могучей шеи поднимал над Френтосом мудрую голову. Это было величественное существо, старое как мир, и потому невероятно умное, познавшее за столетия своей непростой жизни много тайн, и прошедшее через не меньшее число битв. Его покрытое острыми кроваво-красными шипами огромное чешуйчатое тело было тут и там украшено наверняка старыми, но по-прежнему жуткими огромными шрамами. По тем же шрамам было видно, что темно-коричневая чешуя Заэля, кое-где даже не прорезанная или проколота, а вовсе пробитая или разрушенная, сама по себе была прочна как камень, и не менее прочны были прерывающие ее тут и там длинные костяные шипы. Те же багряные шипы, но уже куда большие, составляли настоящую гряду от относительно небольшой головы дракона по толстой шее к самому уже не столь толстому, десятиметровому, заканчивающемуся большим шипастым наростом, хвосту. Его рога также были багряными, от самого носа с изгибом идущими вверх, выступающими на метр над головой. Зеленоватые яркие мелкие глаза, в купе с поистине огромной зубастой челюстью, смотрелись Френтосу, смотрящему на них снизу, на высоту почти пятиэтажного дома, как минимум пугающими, учитывая, как из ноздрей и рта его валом валил наверняка раскаленный белый пар. Он никогда в жизни не видел существа столь огромного, и в то же время столь величественного и могучего, настолько близко. С его текущим уровнем сил он вряд ли смог бы победить даже в пьяном дебоше, что говорить о боях с драконами, победители в которых среди людей до сих остаются легендами, и которых за столетия насчитываются лишь единицы.

«Я видел ваш бой с самых небес.» — снова эхом по подсознанию Френтоса разносился голос дракона, смотрящего как раз на него полными какой-то особенной грусти глазами. «Досадно видеть, что Серпион так отчаялся. Воистину, Бездна непобедима. Пока никто не может понять ее природу, никому не по силам ее обуздать. И если никто не сумеет ее обуздать, ее жертвы будут и дальше бродить по свету, стараясь заглушить в голове ее голос, или вовсе станут слугами ее Проклятья».

— Сразу видно, что говорю не с человеком. — почти шепотом вздохнул про себя Френтос. — Сейчас модно говорить так, чтобы ничего не было понятно?

Заэль молчал.

— Один мой друг разбил себе голову о подоконник, чтобы заткнуть в голове голос этой

вашей Бездны. Что такого она говорит людям?

«Только тех, кого коснулось Черное Пламя, она посвящает в свои планы. Я был боевым товарищем и другом Бога Небес Мосселькема, и видел, как его поглощало Черное Пламя. Рана, которую ему оставил Верховный Властитель имтердов, со временем свела его с ума, и он тоже потерял разум. Он просил меня отравить его своей ядовитой кровью, чтобы голос в его голове затих, пускай даже тогда он распрощается с жизнью. Со временем его поведение изменилось, и он решил прислушаться к тому голосу. Мне не ведомо, что Бездна сказала ему, но прислушавшись к ее голосу, он совсем утерял собственную волю, а уста его замолвили языком Дорана.»

— И кто такой этот Доран?

«Так зовут Черное Пламя. Так зовут и Бездну. Все, кто разделяют его Пламя, становятся частью его общего разума, и теряют разум собственный. Вы, люди, по природе боитесь сил, что могут лишить вас разума и завладеть вашим телом. Это можно назвать защитным механизмом. Замечая в своей голове чужой голос, вы поддаетесь панике, и стараетесь избавиться от дурного наваждения. Но Черное Пламя не простое наваждение, оно не галлюцинация, и не болезнь. Это Первородное Пламя, которое поглощает саму Душу, и забирает ее в Бездну.»

— И только из-за какого-то врожденного страха Джером устроил самоубийство? — задумался Френтос.

«Джером не убил себя. Черное Пламя ему помешало.»

Френтос удивленно поднял глаза на все это время то и дело меняющего мимику под стать словам телепатии дракона. Пускай, от части, он об этом уже думал раньше.

«Он пытался говорить с девушкой в том доме, где вы были недавно, но та увидела Черное Пламя в его глазах, и испугалась его. Она сбежала от Джерома через окно, но тот схватил ее, и не выпускал. Она сильно ударила его по голове, и только тогда старый человек пришел в себя. На секунду, вернув сознание, он понял, что им управляет Черное Пламя, и сам попытался выгнать его из своей головы.»

— Ты видел даже то, что происходило за стенами отеля? — удивленно выпучил глаза Френтос, глядя на постоянно меняющееся мимикой под стать словам телепатии лицо дракона.

«В мире нет ничего абсолютного, Френтос. Идеал и совершенство — всего лишь иллюзия. Выдуманное нами понятие для обозначения степени превосходства вещей над прочими. Наш вид использует телепатию и эхолокацию, чтобы лучше ориентироваться в небе. Иногда мы не видим глазами то, что происходит ниже, под облаками. Издаваемый нами шум волнами отражается от предметов поднебесной, и сие вибрации мы чувствуем рогами. Так мы можем видеть все, до чего не могут добраться наши глаза. Если бы мои рога были достаточно чувствительны, я бы слышал все, все что происходит в мире вокруг нас, над землей, на земле, и под землей. Везде. И я совершенно точно знаю, что твой товарищ еще жив.»

— Но ведь звук исчезает с расстоянием...

«Нет.» — однозначно прервал слова Френтоса Заэль. «Абсолют — иллюзия. Не существует идеальных фигур, не бывает прямых углов, целых чисел, абсолютного нуля, и, точно так же, звук не может утихнуть до абсолютной тишины. С расстоянием он теряет силу, но не пропадает. Даже если его сила уменьшается до того, что мы станем ей пренебрегать.»

— То есть...и свет как-то проходит через любой материал? Даже через...

«Нет.» — так же повторил Заэль, окончательно ломая своими истинами восприятие мира Френтоса. «Свет лишь частицы, отражаемые от объектов, и отражением своим в наших органах зрения рисуящие картины. В достаточно плотном материале частицы света теряются, и дальше им пути нет.»

— Д-да... — сглотнул Френтос, только теперь в полной мере осознавая, какую страшную для себя самого и своего слабо развитого восприятия беседу начал. — Сразу видно, что ты не человек.

«?» — многозначительно гортанным звуком удивления изобразил вопрос Заэль.

— По крайней мере «нормальные» люди о таком не разговаривают. — ухмыльнулся Френтос.

Заэль, обдумывая слова Френтос параллельно мыслям собственным и наверняка куда более важным, так же, понимая сарказм собеседника, ухмыльнулся.

— Значит, говоришь... Джером еще жив? Или жив, но... не совсем жив? — вернулся к недавней теме Френтос.

«Как и прочие жители, он стал един с Черным Пламенем. Сложно сказать, лучше ли эта судьба, нежели смерть.»

— Заэль?..

Хриплый голос со стороны, даже в окружающей тишине, легко отвлек дракона и Френтоса от разговора, переведя взгляд обоих в сторону лежащих наполовину в песке, наполовину скрытых им выше ржавых ворот. С усилием сжимая зубы, сдавленно и крайне болезненно дыша, хрустя шейными позвонками поднял голову к самой решетке макушкой Серпион. Кровь уже не текла из его крепко стиснутых губ, но вид его все так же оставлял желать лучшего. По крайней мере, он вернулся в сознание, и, очевидно, еще не собирался умирать от кровопотери. Его повреждения были внутренними, и их восстановление у октолимов в состоянии покоя было куда проще повреждений внешних. Хотя сломанные кости, разумеется, и для октолима были проблемой серьезной. И у Серпиона таких переломов точно было немало.

— Очнулся? Уже хорошо. Будет с кем нормально поговорить. — едва заметно улыбнулся Френтос.

— Ах! Я знаю... где искать твоего б-брата. — со вздохами от боли, от нее же щуря закрытые веки, громко кашлял Серпион.

— Знаешь!? — подскочил на месте Френтос.

— Знаю.

— Где? Нужно срочно туда бежать!

— Не так быстро. — серьезным взглядом теперь направленных в сторону Заэля глаз сверкнул Серпион. — Скажи, Заэль. Чью сторону ты выбрал.

Дракон явно замешкал, чуть тряхнув головой вниз, также сдвинув ниже и веки, меняя выражение лица.

«Я видел, что делала армия Совенрара и Хемирнира на Севере. У людей нет шансов победить в этой войне. Я принял решение... следовать за ними» — транслировал свои мысли Серпиону и Френтосу он.

— Мы оба знаем... как оно на самом деле. Ты просто не можешь бросить Мосселькема одного. — уже проще вздохнул Серпион.

Дракон молчал. И ему, и Серпиону, правота последнего была очевидна.

— Не знаю, о чем вы говорите, да и плевать, если честно. — подвел свой итог

Френтос. — Мне нужно найти Соккона, и точка. Если ты знаешь, где его искать, то...

Теперь замолчал Френтос, уже смирившись, что ему, чего он не делал почти никогда в жизни, о чем-то придется просить другого человека, тем более используя для этого слово «пожалуйста». Хоть он и был готов пожертвовать собой для помощи брату, и смертельные бои он начинал без особых раздумий, вопросы личного характера решались им с большой неохотой, и говорить людям то, чего он не хочет, ему было уже куда сложнее. Тем более, если он к этому не привык, и считал это позором.

— Синокин.

Это слово вырвалось из уст Серпиона так резко, что даже Заэль удивился, услышав его теперь, спустя столько лет. Оно ни о чем не говорило Френтосу, но старый дракон, участвовавший в войне людей и имтердов после Великого Спуска на Севере, часто слышал имя этого города в разговорах трех Богов, правивших Королевством Света. Все они, Бог Света Альберт, Бог Ночи Гимилл, и лучший друг Заэля, Бог Небес Мосселькем, получили свои титулы Богов в том самом городе, и именно он был родиной всей человеческой расы. Что он слышал от Мосселькема — город был подземным, и именно оттуда на поверхность когда-то вышли Археи людей. Он всегда хотел увидеть этот город воочию, но никак не смог бы сделать этого из-за своих размеров. Даже от драконов, он был слишком скрыт, ибо слишком глубоко под землей находился. Это была неприступная территория для всех врагов людей, и именно там люди оставили все свои древние тайны, включая и ту, кем они были до выхода на поверхность.

— Что это? — не понял Френтос.

«Город. Родина всех людей. Он находится под землей, глубоко под городом Ренбиром.»

— уточнил Заэль.

— Город под Ренбиром? Родина людей? — икнул Френтос.

— В его окрестностях я и тренировал твою сестру сражаться с имтердами. Как это когда-то делали мы. — приложил левую руку к болезненно трясущейся под нагрудником груди Серпион.

— Это все, конечно, здорово, но какого хрена Соккон делает там? — развел руками Френтос.

— Давай...не сейчас.

Со вздохом, левой рукой придерживая доспех на груди, правой рукой Серпион нащупал под мокрым песком рядом с собой рукоять копья, и, вытащив его оттуда одним сильным движением, осыпая его верхний и еще теплый слой, воткнул его вертикально в прикрывавшую его кучку справа перед собой. С невероятным усилием человека с буквально сломанной спиной, он одной правой рукой, сложив под собой ноги, поднялся на копье, сопровождая все свои движения отвратительными хрустами и стонами, тем не менее самому ему, очевидно, не помешавшими встать на ноги.

«Твоя выносливость все еще на уровне Бога. Отрадно видеть, что ты можешь оправиться даже после таких ранений.» — скорее всего улыбнулся (сложно судить по мимике столь огромной челюсти) Заэль.

— Бывало...и хуже. — все равно бессильно, трясясь словно лист на ветру, упирался в древко копья правой рукой Серпион.

«Дело не только в телесных ранах.»

— Разве ты не видишь?.. — уже сдвинувшись с места, медленно и максимально аккуратно, с каждым шагом тяжело упираясь в копье как трость, шагал в сторону Френтоса

он. — Наш пассажир торопится в Ренбир. Давай не будем...заставлять его ждать.

— Пассажир? — удивился Френтос.

Заэль многозначительно ухмыльнулся, тем самым обратив внимание Френтоса на себя самого, и в частности свои разминаемые активной тряской могучие крылья. Лицо Френтоса изменилось как-то само при осознании того, что будет происходить с ним дальше. Особой детской радостью залились его глаза, растеклась по лицу и не менее ребяческая улыбка. Охнув от самой возможности взглянуть на мир со спины драконы, тем более если тот быстро доставит его напрямую к брату, он буквально забыл обо всем, что происходило с ним совсем недавно, и из-за чего теперь у него болела голова, от бессилия тряслись руки, а с одной из тех рук еще текла кровь. Хотя, возможно, руки его тряслись и не только от бессилия. По крайней мере от бессилия «устоять перед полетом верхом на драконе», что, пожалуй, за всю историю мира удавалось лишь избранным единицам людей.

«Вместе мы доберемся до Ренбира за считанные часы.» — уверенно и гордо вытянул голову ввысь Заэль довольный возможностью по крайней мере сверху взглянуть на легендарную столицу расы людей самому, ведь прежде он не бывал на Западе, и только пару дней назад смог, наконец, перелететь туда через Бездну Марконнор с самого разрушенного войной Севера.

— Надеюсь, ты готов к этому путешествию. Тебе придется держаться самому, и держать меня. Понимаешь? — ухмыльнулся Серпион, лицом уже куда спокойней, будто Френтос и вправду выполнил свое обещание в ходе битвы, данное им перед ее началом. Он и вправду выбил из его головы дурные мысли, пускай и без обещанных зубов.

— Заодно, расскажешь мне, как Соккон попал в какой-то там город людей. — весело кивнул Серпиону Френтос, так же быстро переводя взгляд на Заэля. — Надеюсь, в небе не так холодно, как здесь?

Все они были готовы отправляться в Ренбир, и Серпион не собирался больше ничего скрывать от Френтоса. То была удивительная компания. Дракон, принявший сторону имтердов. Бог Природы, принявший сторону людей. И Френтос — потомок Археев имтердов, с кровью Архея людей, не принимающий никаких сторон до тех пор, пока не найдет брата. Все они были друзьями теперь, сведенными вместе не иначе, как судьбой.

«Судьба — забавная штука.» — невидимо всей троицей где-то рядом, из горы мусора вокруг арены, наблюдал за происходящим впереди небольшой, но очень насыщенный стусток Черного Пламени. «На все есть воля Создателя. И коли нет Создателя — на все есть воля его Правителей.»

Наблюдая, как неумело и взволнованно Френтос поднимался по крылу великого дракона на самую его шею, таща за собой на спине постоянно скрипящего зубами от боли Серпиона, Заэль слишком о многом думал, и совсем не обращал внимания на звуки, что окружали его, и были тогда совсем рядом. За той же картиной наблюдал и Ультра, еще стоя совсем недалеко, за горами мусора, там найдя для себя место наблюдения, уже из остатков интереса к судьбе старого товарища Серпиона наблюдая за его изредка мелькающей на лице улыбки, чего тот не видел уже очень давно, и о виде чего совсем позабыл. Стусток Черного Пламени висел в воздухе рядом с ним, и через него, из самой Бездны, на остатки арены цирка горящими Синим Пламенем глазами с интересом взирал сам Правитель Бездны.

— Наш соглядатай Кенн ведет себя очень странно. Он выполнил мою просьбу, но... меня не покидает предчувствие, что он донес Унзару наши планы не так, как мы об этом просили. — как оказалось, именно голосом некогда настоящего Бога Душ, запершего свою

душу в доспехах, а именно ножнах на спине, проговорил Ультра.

— Их контракт завершен. Они более не станут нас слушать. — ухмыльнулся высоким смеющимся и двоящимся голосом сгусток Черного Пламени по имени Доран.

— Остальное мы предоставим Геллару?

— Хотелось бы, чтобы он сделал все так, как мы договаривались. Но я больше не вижу его. Черное Пламя внутри него скрыто от моего взора телом Актониса, отделяющего его от всех Миров. Хе-хе. — про себя тише и самоувереннее смеялся Доран. — Ты такой предсказуемый, Геллар. Тебе помог старый слепой дурак, и ты решил, что я ничего не узнаю? Хочешь меня провести?

Шепот, вечно сопровождавший Черное Пламя, вдруг стал громче, пусть и так оставался тихим, но уже куда более понятным. Ультра повернул шлем своих доспехов в сторону того сгустка совсем рядом с собой, и прислушался к его голосу. Именно голосом мыслей Дорана был тот шепот.

«Тогда ты думал, что используешь нас. Спустился в самую Бездну просить меня о помощи, и столь дерзким тоном, будто сам над нами властвовал. — думал про себя Доран, мелькая Синим Пламенем своих глаз в беспросветной Бездне, продолжая через небольшой осколок своего Пламени наблюдать за уже забравшимися на шею Заэля, устроившимися поудобнее между его шипов, Френтосом и Серпионом. — Я подарил тебе символ своего могущества, и попросил лишь об одной услуге взамен. Теперь ты уклоняешься от выплаты этого долга. Это обидно. Ведь мы на самом деле хотели помочь тебе... Геллар Кацера.»

На едва различимом лице самого крупного, похожего на крылатое живое существо, сгустка Черного Пламени, особенно жутко и неприятно на фоне бесконечной тьмы Бездны, вырывающимся из уголков его рта Синим Пламенем вырисовалась улыбка. На все протяжении пустот Бездны, от всего его Пламени, что еще носил на себе тяжелым грузом Мир Гармонии, затих шепот его мыслей, в которых он, в предвкушении настоящего представления совсем скоро, не мог сдерживать смеха.

— Скажи, если что-то придумаешь. Я выполню любые просьбы. — будто в никуда сказал Ультра. (все близкие Дорану живые существа общаются с ним как к себе равному — он не любит, когда его возвышают, поскольку считает себя такой же «жертвой жестокости Создателя», как и все окружающие, и как раз последствия этой жестокости пытается исправить.)

— Все в порядке. Подождите немного, я сделаю все сам. Твой сюрприз для наших друзей уже на месте, и уже скоро я за ним зайду.

— Френтос поможет нам?

— Да. И не только он.

Ультра многозначительно вздохнул. Забавно, ведь в его доспехах правда была лишь пустота, но иногда он еще пытался имитировать свою прежнюю жизнь, что давно их покинула. План Дорана был абсолютно ему ясен, и ему не с чем было спорить. Он знал, когда закончится Эпоха Тишины, и какое событие начнет настоящее затишье всего мира в ее последний день. Всего день, и Геллар выполнит свое обязательно перед Бездной, пускай даже он этого не захочет. И, если это произойдет, исход Последней Войны будет уже предрешен.

Часть 3: Френтос. Глава 6: Драконьи истории

Будучи зажатыми между шипов на самой голове Заэля, Френтос и Серпион были совершенно спокойны за безопасность полета, тем более уже имея опыт передвижения по воздуху, хоть и не сравнимый с полетом на драконе, но, по крайней мере, имеющий хоть малые с ним схожести. С высоты в сотню метров над особенно завораживающе залитой лунным светом землей, Френтос с некоторой печалью, но в то же время и сарказмом в мыслях, осматривал серьезно разрушенный бурей Серпиона Дафар, думая «жители не справились — мы им помогли». Дымящиеся после ударов молний дома, коричнево-серый от дождя песок, и даже то же самое здание отеля, в котором Френтос успел, как оказалось, проспать целые два часа, были уничтожены на корню, не выдержав гнева Бога Природы, теперь на городские пейзажи ниже даже не смотрящего, уткнувшегося в нагрудник своего доспеха подбородком. Пока Заэль с пассажирами только взлетал, Серпиона крепко держал за ворот доспехов Френтос, ибо сам Серпион даже на дракона залезть сам не смог, и Френтос затащил его наверх силой и уже частично с окто. Внутренняя сила Френтоса уже начала, по чуть-чуть, восстанавливаться, но он не собирался пользоваться ей в полете, чтобы крепче держаться «в седле», то есть на голове Заэля. Он хотел экономить ее, поскольку был уверен, что ему еще понадобится внутренняя сила в городе Синокине, название которого он уже забыл, а причин появления там его брата еще не понимал.

— Так почему Соккон оказался в каком-то там городе? — повернул голову к Серпиону он. Тот, в свою очередь, сидел на месте, бессильно опустив голову с закрытыми глазами, ровной спиной прижатый к прямому шипу, чтобы его стандартная для октолима регенерация позвоночника прошла максимально правильно и без отклонений.

— Я слышал разговор Унзара и Гедыра за час перед тем, как ты покинул город. — перебивал своим монотонным голосом звук взмахов крыльев Заэля Серпион. — Гедыр просил у Унзара его посох, чтобы тот передал его Дорану. Он говорил, что стоит Унзару только приказать, и Гедыр обманет Дорана, и сделает все так, как скажет он. Они так и не договорили, потому что заметили меня. При мне они, увы, обсуждать это не стали.

— А Гедыр тоже подчиняется Дорану? — удивился Френтос.

— Он касался Черного Пламени, но никогда особо не следовал его указаниям. Подробностей я и сам не знаю. И вот перед тем разговором он обмолвился, что встретил Соккона в канализации под Ренбиром, и тот просил его ни в коем случае не рассказывать этого Дорану. Наверное, Кенн его послушался, раз Ультра этого не знал. У него есть свои планы на счет Соккона.

Заэль уже достаточно высоко поднялся в воздух над ареной цирка, и быстрым движением, планируя великими крыльями в едином плавном движении вперед, с огромной скоростью начал полет вперед, в сторону Ренбира. На встречном ветру заколыхались золотистые волосы Серпиона, а волосы же Френтоса начали неприятно бить его по лицу, словно плеткой, спадая на лицо в некоторых местах, добавляя неприятных ощущений от этого осевшим на них мокрым песком. Тот, в свою очередь, быстро снял тот песок с волос, и кинул его влево, правой рукой продолжая держаться за маленький загнутый шип на голове дракона правее большого шипа посередине. Брошенный им песок, к сожалению, попадал и в лицо Серпиона, на что тот упорно старался не обращать внимания.

— Зачем это Дорану нужен Соккон? — подумал Френтос.

— Видишь ли, Доран заключил много договоров с самими разными существами, и одним из них был Геллар. В обмен на Черное Пламя, которое помогло Геллару убить семью Мерсера, Доран просил его о помощи, когда она ему понадобится. Эпоха Тишины уже началась, и в это время все должны закончить свои дела перед Последней Войной, чтобы как следует к ней подготовиться. И Доран не исключение. Он попросил Геллара достать ему Душу Россе, которой владеет Соккон. И, как видишь, кое-кто вмешался в планы Дорана, и заветную Душу он так и не получил.

— И кто же это вмешался?

— Негласный Правитель. Он переместил Соккона не в сам город, а только в канализацию между Ренбиром и Синокином. Не знаю, чего он хотел этим добиться. Представления не имею, что творится в его голове. — вздохнул Серпион.

— Так...ты пришел в Дафар после того, как узнал, что Негласный Правитель сорвал планы Дорана? И ты хотел сделать так же? — догадался Френтос.

— Тогда я понял, что это, хотя бы, возможно. Это помогло мне решиться, и я примчал в город так быстро, как мог. Эхх...Я думал, что тоже смогу сорвать его планы.

Теперь Серпион выглядел намного грустнее, чем прежде, хоть и был не слишком весел раньше.

— Так я и не понял, какие планы Дорана ты пытался сорвать, убив меня. — все еще не понимал Френтос.

— Ему нужен был сосуд, полный Синего Пламени, чтобы он смог сделать его своим основным телом для Последней Войны. Ультра стал ножами искусственного Клинка Власти Черной Искры, способность которого — разрывать связь между Зеленым и Белым Пламенем Души. Если бы он разорвал им твою связь с Зеленым Пламенем, составляющим личность, ты бы мгновенно подчинился его воле, а он бы использовал твое тело, чтобы им доделать свои дела перед Последней Войной. Возможно даже забрать Душу Россе из тела Соккона в твоём обликии.

— Хех. — невесело опустив глаза ухмыльнулся Френтос. — Я с самого начала думал, что эта груда железа задумала что-то недоброе. Но он так ничего и не сделал, хотя у него было полно возможностей.

— Я...и сам не понимаю, почему он ничего не сделал. — прищурился в тяжелых раздумьях Серпион. — Мне это не нравится. Хоть одного несчастья и не произошло, как бы это не обернулось чем похуже.

— Значит, все это представление с Дафаром было, чтобы заманить меня на арену? И зачем было так заморачиваться?

— Может быть, он хотел привлечь в город и меня?..

— Зачем? — не понял Френтос.

— Думал, что я попытаюсь ему помешать, когда услышу о его планах, а ты на месте меня убьешь. Сам слышал, что он говорил, когда ты спустился на арену.

— Он называл тебя предателем, потому что ты когда-то служил ему, но потом предал?

— Да...

— А что с Ультрой?

— Его давно поглотила идея Единства. Так называется Проклятье Забвения Черного Пламени, а сам Ультра, как ты знаешь, одно тело для тысячи душ. Не удивительно, что ему идея Единства понравилась. Он даже распрощался со своим телом, чтобы сделать его частью «доспеха единства», перенеся свою душу в колечко кольчуги.

— Так вы, когда-то, чудили вместе?

— Мы выполняли вместе многие команды Дорана. В том числе... — он задумался. — Ах, впрочем, это уже не важно. Когда я решил предать Бездну, я встретился с Ультрой у самого Дафара, но он сказал, что не поможет мне, и не поможет Бездне. Может быть, поэтому он бездействовал? Ему самому было интересно, чем все это кончится.

— Он встретился с тобой, пока я сидел в корчме? И как ты так быстро добрался до города?

«Ему помог я.» — внезапно пронесся по голове Френтоса и Серпиона тяжелый голос Заэля, своим появлением едва не вынудивший первого упасть вниз.

Пролетали они уже над ровными, залитыми лунным светом, полями. Огромная высота не пугала Френтоса, но сейчас он был слишком обессилен, и вполне мог не успеть как следует воспользоваться своим окто в падении, и это, раз так, теперь можно было назвать его летальной высотой. К счастью, Заэль двигался по воздуху довольно плавно и аккуратно, и Френтоса с Серпионом почти не качало от взмахов крыльев дракона, с чем волнами качалось и все его тело. В отличие от меньших драконидов, имеющих две задние лапы, и передние лапы с перепончатыми крыльями, четырехлапые драконы, с крыльями отдельно на спине, двигались намного аккуратнее, чем, скажем, те же виверны, а их наездникам всегда было проще на них удержаться. Пускай и их наездниками, чаще всего, и еще в древние времена, были только имтерды. Людей, даже на максимально устойчивой в пространстве голове или шее дракона, чаще всего тошнило уже через несколько секунд полета, и на всю жизнь потом поражала морская болезнь.

— Это ты его принес? — удивился Френтос.

«Я помог ему в знак памяти о нашей старой дружбе. Скоро все узы между сторонами будут разорваны, и мы станем друг другу врагами.»

— Ты же говорил, что никогда раньше не бывал на Западе? Как ты общался с Серпионом?

«Мы могли общаться через Бездну Марконнор, что нас отделяла.» — уточнил Заэль. — «Однажды я установил связь с драконами по ту сторону стены из Черного Пламени, когда уловил их движения своими рогами. Настроиться на них было нелегко из-за постоянного шепота той стены, и они также не сразу заметили мои сигналы. Я говорил так громко, как мог, и однажды они подошли к границе, и заговорили со мной. По случайности, собрания великих ящеров увидел Серпион. Мы общались через посредников, но довольно часто...»

— Думай лучше о своих проблемах, Френтос. — вдруг перебил друга Серпион.

Оба они, что было совершенно не ясно Френтосу, замолчали. Это казалось удивительным, и весьма подозрительным. Их молчание дало Френтосу время подумать о делах насущных, и, не прекращая разглядывать открывающиеся его глазам с небес пейзажи поднебесной, он решил как следует обсудить все происходящее вокруг в голове с самим собой. Пусть он и был уже сонным, а оттого, плюс пагубного влияния кровопотери, его голова соображала все хуже, картина происходящего в прошлом и настоящем для него была уже достаточно ясна. И все же — некоторые элементы всей этой истории никак не хотели вставать на свои места.

Холодный на высоте ветерок неприятно обдувал еще мокрого от недавнего дождя, замерзшего Френтоса, но его так и оставшееся без одежды выше торса холодное тело сполна согревала горячая от мыслей голова. Он старался думать о вещах более приближенных и простых, радостных и совершенно точно далеких от того, чего он все равно пока не понимал,

и чем его грузили окружающие «знакомые Дорана» весь последний день. По его разумению, уже частично ослабшему ввиду общей потери сил, в мире не было ничего такого (кроме Самума), с чем он, вместе с братьями, не смог бы справиться, особенно теперь, вернув и сестру. После их воссоединения в Ренбире он стал сомневаться и в том, что Самум стал бы для них теперь проблемой, и вчетвером, без учета участвовавшей в том бою Кайлы, они не смогли бы победить и его. Все же, его голову немного забивала тревога. Если Лилика и Таргот, в ходе поисков Соккона, так же, как и Френтос, вступили в схватку с неизвестным серьезным противником, они вряд ли могли продолжить поиски целыми и невредимыми, ведь такое позволяло лишь Френтосу его укрепляющее тело окто. Хоть Таргот и был велик и, несомненно, нечеловечески силен, для противников, подобных Серпиону, он был вполне уязвим, и его окто никак не смогло бы его полностью защитить от увечий. Лилика и вовсе была мала, на вид беззащитна и миролюбива, и за ее сохранность он переживал больше всего. Он всей душой надеялся встретить обоих братьев и сестру в Синокине поскорее, здоровыми и вне опасности, уже заранее понимая, какие липкие и острые сети вражеских планов вокруг них выются. Да, он еще не понимал, что судьба всех их заведет туда же, и просто был уверен, что Лилика и Таргот, будучи явно, в его же понимании, умнее его, без проблем сами вызнают местоположение Соккона, и, возможно, даже опередят его появление в Синокине.

Его сонливость, уже набежавшая на тело от качки головы драконы и встречного холодного ветра, медленно закатывала его глаза, и без того почти безжизненно взиравшие на совсем не двигающуюся внизу картину однообразных золотых полей. Луна все еще висела очень высоко, будто дракон вовсе не поднимался на сотню метров в воздух, а белой точкой мелькающий меж деревьев далеко впереди яркий в ночи огромный Ренбир, даже при всей скорости полета Заэля, совсем не менялся в размерах от своей дальности. Где-то справа, и все равно на горизонте, активно собирали самые разные небольшие заграждения и импровизированные казармы воины людей, наверняка шумные как обычно, к сожалению совсем безмолвные на подобном расстоянии. Не видя в этом уже ничего нового и удивительного, как несколько минут назад, Френтос наконец решил немного отдохнуть, и без того зажатый на голове дракона его костяными шипами, что спасало его, если тот уснет, от падения без чувств вниз. Он должен был отдохнуть и восстановить силы, прежде чем ступить явно на территорию неприятеля для поисков брата, где силы ему будут нужны больше, чем даже в бою с Серпионом. В отличии от Бога Природы, теперь и самого явного отключившегося за спиной Френтоса от того же бессилия и травм, вполне было вероятно, что те, кого Френтос встретит в подземном городе, не станут даже пытаться с ним говорить. Ему следовало заранее к этому подготовиться.

Убаюкивающая качка ласкала добрые мысли Френтоса, с некоторым усилием, так или иначе, прорвавшиеся в его ветреную голову через пелену тяжелых дум. «Знакомьтесь — это мой друг, Заэль.» — проносились по его голове воображаемые слова, сказанные им потерявшим дар речи при его появлении верхом на драконе в Дафаре Соккону и Тарготу. Он воображал сцену, в которой подобное произошло бы как раз после прошлого посещения города им еще во время охоты на него Цеза. Он бы представил и сцену того, как дракон, теперь для него символ «крутизны», по его команде сжег бы самого Цеза пламенем изо рта, но, к сожалению, Френтос даже не знал, как Цез выглядел, и представлял его весьма поверхностными образами. И, разумеется, он не знал, что имя Цез — псевдоним Кенна Гедыра, который тот использовал только для исполнения своих не самых добрых дел. И, так

же, не знал, в чем на самом деле заключалась шуточная охота «лучшего в мире наемного убийцы» на него и братьев.

Пока Френтос терялся в своих грезах, и примерно тем же занимался даже более серьезный Серпион, ни на секунду не замедляющийся дракон Заэль также о многом думал, не раз бросая взгляд своих грустных глаз в сторону укреплений людей справа, думая о том, что то, что происходило на Севере столетия назад, возможно на всем Западе было известно лишь только ему и Серпиону. В его мудрой голове яркими картинами батальных сцен возникали образы его друзей с Севера, вместе с которыми он, бок о бок, целые 400 лет сражался с объединенной армией имтердов и ардов Совенрара и Хемирнира, их Верховных Властителей. Невероятный перевес сил в сторону врага не пугал людей, ведомых на бой своими Богами, храбрыми феерическими полководцами, для победы над которыми не менее гениальные военачальники противника потратили столькие столетия. Именно по причине поражения армии Королевства Света Заэль остерегался Черного Пламени, и именно потому ему была ясна причина действий Серпиона в Дафаре, пускай он и пытался отговорить друга от риска, уговаривая его найти другой путь. Заключив жестокий контракт с Бездной, Совенрар заручился поддержкой Дорана в 400-летней войне, и именно с помощью Черного Пламени сломил волю армии людей. Именно из-за этого Пламени Заэль потерял в Бездне своего лучшего друга, Бога Небес Мосселькема, и именно потому теперь должен был помогать армии врага в Последней Войне, где будет сражаться и подчиненный Черному Пламени Мосселькем. Теперь вокруг него внизу еще долго не происходило ничего достаточно для описания интересного, так что, думаю, вы не будете против услышать эту историю сейчас, и она позволит вам понять многие важные элементы истории, которые прежде я не затрагивал, и о которых просто не знали те, судьбу кого я описывал. Да, я расскажу вам о самом жестоком и фанатичном противостоянии людей заклятому врагу, что когда-либо видел мир, указавшему для всей их расы предел их возможностей и силы воли. Я расскажу вам о 400-летней войне.

В завершение Первой Войны, когда Архей людей Кортъ и Архей ардов Джефф запечатали своими силами Храм Актониса с его наиболее властными над миром существами, Земли Марконнор ушли глубоко в Бездну, но ее Черное Пламя не стало их поглощать, а лишь разбрелось по ее горам и озерам, сосредоточив свой взор на еще сражавшихся на той территории людях и имтердах. Все они были поглощены Черным Пламенем, но наиболее ожесточенно сражавшиеся у самого сердца Земель командиры их армий Совенрар и Дума, даже будучи окруженными со всех сторон неподвластными им силами, не прекращали бой. Тогда Совенрар значительно уступал Думе по силам, и был вынужден заключить с уже обступившей его Бездной договор, по которому сможет продолжить войну с людьми, а его враг, Дума, будет уничтожен, взамен чего предложил самому Дорану помощь всех имтердов в распространении по миру его воли. Что произошло в тот день, в Бездне Марконнор, и по сей день остается загадкой даже для Правителя Гармонии, не способного заглядывать во владения своего брата Дорана, и ни Совенрар, ни Дума, никогда не рассказывали созданиям Гармонии, о чем они тогда говорили с Правителем Бездны на самом деле. Факт был в том, что Совенрар не только выжил после той схватки, но и получил в подарок от Дорана безымянный меч, полный Черного Пламени, и с ним вернулся в Мир Гармонии, где и приступил к свершению уже описанных мною ранее в части истории Лилики делам. Дума, после посещения Бездны, так же вернулся в Мир Гармонии, на Запад, и там стал главным исполнителем воли Дорана, получил титул его

Графа и Клинка Бездны.

Люди Севера, отделенного от остальных частей света появившейся на месте бывших Земель Марконнор, ушедших в Бездну, огромной стеной из Черного Пламени, окончательно разбили оставшиеся на их территории войска имтердов, и, силами оставшихся там трех Богов, создали собственное королевство, названное в тот же день Королевством Света, а их королем стал старший среди тех Богов — Бог Света Альберт. Не зная о ситуации в остальном мире, создав Совет Богов для контроля королевства, Альберт приказал своим воинам, переименованным из Демонов в Ангелов, приступить к обучению новых солдат, готовясь к возможному продолжению войн с имтердами. Пока блистательное, централизованное и крепкое государство людей росло в своем величии, со стороны Запада, у самой Бездны Марконнор в той стороне, на земли их надвигались мрачные пурпурные тучи. Спустя всего несколько месяцев, воины людей начали активно сталкиваться с воинственными ардами в той стороне, и без труда узнали в их поведении признаки командования своего старого врага — Верховного Властителя ардов Хемирнира, Клинка Власти Пурпурного Пламени. Не сложившие оружия после уже признанной Альбертом победы людей над имтердами, воины Королевства Света своими войсками начали вытеснять создания Хемирнира из занятых ими земель, и их противостояние длилось всего не больше года. Признавший превосходство людей над сородичами дракон Заэль, перейдя на сторону первых, вместе со своим новым другом Мосселькемом, контролировали все воздушное пространство в крупных боях армий людей и ардов, сами сбивая вражеских редких драконов и прочих крылатых врагов поменьше. Победа идеально дисциплинированной и отлично подготовленной армии людей над часто не обладающими собственным разумом ардами была очевидна, и Альберт уже приказал центральной армии Мосселькема пробить брешь в самом сердце армии врага, прорваться через нее к их Властителю, и добить его, обессиленного контролем своего Пурпурного Пламени над целой армией, и, разумеется, ее крупными потерями под давлением врага.

К сожалению, они не заметили того, что было скрыто от них уже третьими силами, и появления чего они никак не могли ожидать. К тому моменту Восток, где люди едва ли согласились передать бразды правления своими землями имтердам Империи и Лирою Кацерам, был выжжен пламенным гневом некогда Западного Военачальника имтердов, Геллара. На Юге ветер уже разносил по землям глухих к голосу даже собственных Богов людей голос Негласного Правителя. Голос не менее злобный и хитрый звучал теперь и на Севере, но до нужной поры его слышал лишь Хемирнир, его ближайший сторонник и союзник. В дело вступили Вестники, и у них были свои планы на 400-летнюю войну, как и на все тихо разделившие мир войны людей и имтердов. Такова была Эпоха Грома во всей ее красе — множество бурь, в отдалении друг от друга бушующих по всему миру, звук коих был остальными не слышим, хоть и гром от них был невероятно громок.

Разбив особо крупное войско ардов у самых границ Королевства Света, Мосселькем получил приказ отправить объединенные войска всех Богов вглубь владений врага, и для того собрал самую крупную армию, содержащую в себе минимум половину всех сил государства, дабы так наверняка окончательно покончить с остатками сил врага и их командиром. Он был полностью уверен в своей победе, и не ожидал подвоха, тем более такого, что произошел тогда, и который буквально перевернул ход войны, в миг превратив преимущество людей в их слабость. В башне, где за ходом битвы уже уходящих вдаль войск людей наблюдал Мосселькем, прорвался один единственный ард, быстро убитый Богом

Небес. Стоило тому отвернуться от поверженного противника, и его меч со свистом скользнул по левому глазу Бога, оставив ему ужасный шрам и лишив его того глаза, передав ему ужасно холодное Черное Пламя, тут же осевшее в пустой глазнице. Хоть у него остался лишь один глаз теперь, его зрачок сузился до неузнаваемости, а зубы крепко сжались от невероятной злобы. Отскочив в сторону, он следил за движениями врага, теперь занявшего его место на смотровой площадке, взмахом облаченной в черную перчатку и горящей Синим Пламенем руки заставляя пылать тем же Пламенем всех недавно убитых под башней ардов на протяжении всего великого поля битвы. Внешность ардов менялась, и Мосселькем с еще большим ужасом понял, кем те были на самом деле, и что за сила теперь возвращала их к жизни.

— Совенрар! — кипя от злобы, уже не обращая внимания на ранение, крикнул поднимающийся на ноги, крепко и до хруста в руках сжимающий свой немалый кривой меч Мосселькем.

На голове имтерда не было шлема, и Бог на всю жизнь запомнил увиденные им тогда изменения того лица, по бокам покрытого синей чешуей, с такими же синими волосами до спины и маленькими синими глазами, теперь выглядящими совершенно безумно, в такой же безумной гримасе кривя клыкастую улыбку. Самый страшный кошмар человеческой расы, который все Королевство Света считало уже побежденным, вернулся на поле боя, против них, запертых в одной Части Света, еще и в компании не менее опасного монстра Хемирнира. С этой же новостью поднятые Совенраром войска имтердов, скрывшихся под обликом ардов, зажали ушедшие в сторону настоящих войск ардов Хемирнира войска людей в кольцо, и без жалости их уничтожили, тем самым положив начало новой, куда более жестокой и тяжелой войне, заранее получив в ней огромное преимущество. Мосселькем, понимая, что его сил не хватит для победы над Совенраром, спасенный тогда же прилетевшим ему на помощь Заэлем, добрался до уже готового лично атаковать имтердов в лоб оставшимися силами людей Короля Альберта. С ним к Королю прибыл и Бог Ночи Гимилл, успевший в последний момент спасти часть окруженной Совенраром армии людей, выведя их остатки через тылы врага, тем не менее сам получив в бою немало ран. Новость о возвращении Совенрара на карту Севера привела Альберта в бешенство, и даже поддержка готовых продолжать войну во что бы то ни стало Мосселькема и Гимилла недостаточно его теперь успокаивали.

— Ты должен был сгнить в Бездне, ублюдок! — краснея от злобы, уже тяжело дыша, ударом тяжелого кулака едва не разрушив стоящую рядом с его тронном колонну, дрожал Альберт.

Пусть все три Бога, как и воины людей, как и все люди Севера, крепко держали в руках оружие, превосходство врага было слишком велико, и даже при поддержке Гимилла в прошлой битве они потеряли слишком много сил, при том, что их противник были вовсе бессмертен. Но гнев лишь придал им новых и сил, и так началась война, теперь названная 400-летней, в которой люди без страха и упрека, со священным гневом, каждый день бросались в бой с заклятым врагом, а имтерды и арды то и дело отступали из глубин земель людей, но не только под давлением сил последних, будто подчиняясь воле третьей силы, что и вернула их Властителя Совенрара в Мир Гармонии. Той же силы, которая позволяла ему теперь посещать Запад, переступая через самую Бездну Марконнор, там же через десятки лет выкрасть свою сестру Шираву и ее новорожденную дочь Лилику из рук людей, заперев ее, с поддержкой Правителя Гармонии, в его владениях на все оставшиеся триста лет до

появления на свет последних отпрысков рода Кацер. Умирая, люди отдавали свои души Бездне, увеличивая ее объем, чем и пользовался целые столетия Правитель Бездны, Доран также даровавший для этого Совенрару свое Черное Пламя. То же Пламя со временем поглотило войска Королевства Света, и за долгие годы безумия окончательно поглотило раненного им в левый глаз Мосселькема. То же Пламя, еще через сотни лет, помогло Геллару стать Актонисом, ведь именно с его поддержкой он сумел пересечь Бездну Марконнор, и забрать свою Душу из Алого Озера, что возвышалось на горе чуть-чуть над уровнем Бездны в тех же Землях. Именно Черное Пламя сделало некогда великого командира Демонов Думу своим слугой, своей волей заставляя его делать ужасные вещи по всему миру, исполняя его план, цели которого до сих пор тщательно скрывались от остального мира теми душами, что заключали собственные контракты с Дораном, а потому воспринимались им как союзники, тем более связанные по рукам и ногам пунктами своих договоренностей. Теперь, думая об этом, было даже хорошо, что Френтос пропустил многие слова Ультры и Серпиона ранее мимо ушей, и его глупость буквально спасла его от правды, которая была бы для него не просто неприятна — она была невыносима. Ведь именно Ультра, такой же, как и Дума, слуга Бездны, каждый раз приходил на помощь людям, семьи и судьбы которых тот уничтожал, и спасал единственных выживших после каждой бойни людей от страшной смерти, после чего те росли, а боль и скорбь в их сердцах делали их сильными октолимами, с чем росла и интересная Дорану их Душа. Именно этих людей брали под свое крыло Боги и Археи людей, будто они заранее знали, что собирается делать Дума, и не собирались ему в этом мешать. Они лишь пожинали плоды его кампании по созданию сильных душ, что однажды так или иначе станут сильными слугами Бездны. И они, разумеется, имели свои планы на эти Души, и потому делали их своими учениями, то есть тем же оружием, но уже в руках людей.

В итоге, правда, в выигрыше с этого все равно оставался именно Доран. Чем больше огромных и могущественных Душ погибнет в Эпоху Хаоса, в Последней Войне, тем больший объем их Белого Пламени провалится в Бездну, и так станет частью его Черного Пламени Белое Пламя не появляется из ниоткуда, и живые существа могут лишь разделять его со своими потомками при рождении последних. Объем Белого Пламени однажды может иссякнуть, но все оно так или иначе превратится в Черное. Создание трагедий, перераспределение сил существ Гармонии с их помощью для контроля их будущих и постоянных междоусобиц, а также вынуждение всех сторон находить друг в друге причины для ненависти, как лучшего катализатора в сеянии смерти. Великое множество сюжетов, за которыми следит Бездна, выращивая великие души, получая из них великую выгоду для своего Пламени, и называется Великим Планом Бездны. Планом Дорана.

400-летняя Война, в итоге, так и закончилась безоговорочной победой армии Совенрара и Хемирнира над людьми. То произошло совсем недавно, и сопутствующие тому дела также активно обсуждались между уже пятью Вестниками каждый год, для этого собиравшимися на Севере. Вестниками Революции, Гелларом и Имперой; Вестниками Войны, Совенраром и Хемирниром; Вестником Перемен, Негласным Правителем, или же Бризом. Королевств Света пало, и едва последний его человек умер, как Король Альберт, отдав бой в тронной зале своей столицы Совенрару, встал на его сторону, согласившись с предложением последнего стать его Военачальником в Последней Войне. Коварный и хитрый Властитель рассказал ему, что мог путешествовать и по прочим Сторонам Света помимо Севера, и на то же, все 400 лет той войны, были способны и бывшие командиры Богов, Археи людей с

Запада. Но они не стали этого делать, по своей воле оставив зажатых в угол бывших товарищей на произвол судьбы. Именно это разозлило старого Короля, и он больше не мог сражаться на стороне тех, кто так с ним поступил, и уже поглощенный Черным Пламенем Мосселькем также его поддержал. В тот же день последние отпрыски имтердова рода Кацер (Соккон, Таргот и Френтос), распечатали Храм Актониса, тем самым вынудив стену из Черного Пламени между Сторонами Света расступиться, открыв Западу и его людям вид на уничтоженные врагом их бывшие земли.

Но в одном Совенрар был, все-таки, прав, и Археи людей с Запада, как и их Боги, уже знали о том, что происходило на Севере, пусть и правда не могли с этим ничего сделать. О происходящем им рассказывал Негласный Правитель, и подтверждение того же они получили от другого Бога, не поддавшегося Бездне и имтердам, не поверившим в предательство своих давних товарищей, принесенного на Запад без руки, израненного и сломленного нескончаемыми битвами, все еще помнившим о их старой дружбе драконом Заэлем. Бог Ночи Гимилл, вечный одиночка, воля кого защищать свою расу была непоколебима, рассказал и бывшей ученице Бога Света Альберта, Богине Света Лорее, с судьбе ее учителя, и та едва ли смогла себя уговорить даже во благо всей человеческой расы подготовиться к будущей Эпохе, в которой им придется стать врагами. Даже зная, в каком отчаянии он находился, она просто не могла поверить, что столь великий человек их предал. Теперь всем им, всему миру, каждой стороне, нужно было собраться вместе, чтобы подготовиться к той будущей, последней Эпохе, и для того они собирали вместе все силы, что они сумели подготовить за годы кампаний по созданию новых героев для себя, только на которых им теперь и оставалось надеяться. За столькие годы Проклятье Забвения Белого Пламени их Душ слишком их изгрызло. Рвения к победе и жизни в Последней Войне тех людей, как и Богов с Археями, угасали с каждым днем, и с тем же слабели они сами.

Пока еще раненные и обессиленные Френтос и Серпион, мирно сопя себе под нос с уже полностью спящими лицами, дремали меж шипов на самом краю головы Заэля, а бьющий в глаза и уши ветер растворял в себе картину умиротворенных небес, что взирал перед собой мудрый дракон, где-то в мире так же мирно в самые разные грезы погружались Лилика и Таргот. Животные инстинкты железными тисками сжимали доброе великое сердце старого дракона, и окружающая тишина только больше его пугала, будто сам мир заставлял его бояться, игнорируя убеждения мозга, преобразуя окружающую тишину в тревожное затишье. Сам воздух вокруг был будто пропитан какой-то щемящей безнадегой. Изредка ему на глаза попадались люди, едва заметные, еще куда-то идущие далеко внизу. Над ними, но ниже самого Заэля, разрезая крыльями воздух пролетали птицы, еще куда-то стараясь сбежать. Мир будто сам просил своих жителей бежать что есть сил, скрыться, спрятаться, спастись от грядущего безумия, навеивая им подобные мысли, слышимые теперь лишь животными, будто были те в этом мире самыми разумными, и никакие думы не заглушали в них того голоса.

Заэль не переставал думать о сути той войны, наверняка служащей лишь средством Дорана выманить в мир на «честный разговор» своего Создателя, пусть и пользуясь для того столь радикальными мерами. Об этом ему рассказывал Мосселькем, и, пусть речь его часто мешалась с бредом, желания и стремления Черного Пламени в нем, как и во всем мире, были ему вполне понятны. Объединение мира под своим началом, утопия единства, где не будет войн и ненависти, и где он сам, наконец, сможет забыть о страхе. Именно страх в голосе Черного Пламени, в его шепоте из Бездны Марконнор, улавливал когда-то Заэль своими рогами, и именно открытие его происхождения заставило ярого сторонника людей встать на

сторону врага теперь, пытаюсь от того истинного Проклятья Забвения Черного Пламени уберечь своего друга Мосселькема. Бездна была одинока и голодна, ведь все ее Души были одинаковы, и сколько бы ни было тех душ, все они были лишь частью своего хозяина, что уже столетия сам дрожал от того шепота, и для того так часто выходил в Мир Гармонии, где чувствовал себя спокойнее. Да, сам Правитель Бездны боялся Бездны. И Клинок Власти Доран, что был ей однажды поглощен, потому и не смог ее обуздать, что испугался ее, и не принял ее голос. Он просто не мог понять...почему Бездна говорила голосом его мыслей, и почему предлагала ему то, чего он всегда желал на самом деле.

Впереди было уже шумнее. Дракон остановился, теперь отходя от мыслей неприятных, с большим удовольствием разглядывая в паре сотен метров впереди, внизу, разросшийся на целый километр в диаметре между изумрудным лесом и золотистыми полями, величественный и яркий, громко разносящий по округе марш воинов, город Ренбир. В лунном свете завораживающе блестела его Пирамида, ярко сияли собственным светом схожие с таковыми столицы Королевства Света дома, и от всего того света переливались в глазах Заэля образы как новых воинов людей, так и уже знакомых ему, даже закованных в те же древние доспехи, Демонов.

— Уже? — вдруг, качая головой и поочередно моргая глазами, поднял голову от торца шипа перед собой Френтос.

«Уже.» — даже в мыслях явно улыбаясь, вздохнул Заэль.

— Ай ты, твою мать. — начал судорожно и с дрожью в руках потирать глаза Френтос. — Чуть не замерз насмерть. Спасибо еще штаны теплые, а Серпион бил только выше пояса. Без штанов я бы точно импотентом остался, с такой-то холодрыгой.

— Ч-что? — так же закинув голову от груди назад, очевидно проснувшись от звона в ушах собственного имени, с сонным лицом спросил Серпион.

— Приехали. — потянулся Френтос. Он едва ли спал во время полета, и его силы восстановились очень поверхностно, и речь сейчас не только о внутренней силе. У него не было еды, чтобы восполнить ресурсы организма для лучшей регенерации. Он все еще чувствовал себя сильно ниже среднего, и остатки боли в правой руке и животе это только подтверждали.

«Прекрасный город. Прекрасный. Именно таким я его себе представлял, и таким он оказался. Ренбир, один из крупнейших городов имтердов древности.»

— Имтердов? — ничего не понимая, зевнул Френтос.

«?» — не понял сути вопроса друга Заэль. Вы же знали, что Кацера и Ренбир, как и многие прочие важные города людей, изначально были построены имтердами, и им же принадлежали? Вот и Френтос этого не знал.

— Куда, там, нам нужно?

«Серпион?»

— Смотри моими глазами...Эх... — все еще стараясь прийти в себя, пусть и делая это куда быстрее Френтоса, повернул голову в сторону леса левее Серпион. — Ближайший вход должен быть там.

— А он еще и чужими глазами может смотреть? — от сонливости не меняя лица, удивился Френтос.

«Ты говоришь про...ту поляну?» — уже сам посмотрел в сторону леса, на в темноте сливающуюся с зелеными елями, полянку Заэль.

— Там должен быть люк. Иногда мы отправляем туда особый отряд для прочистки

стоков, если они критически засоряются. Это наши люди. Они знают, как там безопасно передвигаться.

Дракон резко сорвался с места, ранее поддерживаемого плавными и синхронными взмахами крыльев, и, уже немало наклонившись всем телом, начал планировать по воздуху, опускаясь ниже к земле в указанном Серпионом неподалеку месте.

— Погоди, златовласка. — мгновенно перехватило дух от подобных маневров у Френтоса. — А ты не можешь отправить этот свой отряд со мной, если там можно ходить и НЕ безопасно.

— Еще одна златовласка, и ты даже спуститься на землю безопасно не сможешь. — цыкнул Серпион.

— Попридержи коней, инвалид. Спина треснет.

Резкий толчок от мощнейшего взмаха крыльев Заэля уже над самой землей, в метрах над верхушками деревьев, и листва с ветками и иголками мгновенно разлетелась по всей поляне от ее центра, с чем чуть вперед наклонился и Серпион, правда от хруста в спине теперь болезненно охнувший. Верхушки нескольких особо старых деревьев не выдержали давления ветра, создаваемого крыльями дракона, и на все то время, что тот висел над ними в воздухе, продолжая махать крыльями, весь лес под ним сотрясали весьма ощутимые шелест и хруст. Иногда на землю падали и ломаемые резкими ударами ветра ветки, еще чуть влажные от уже пропавшего пару дней назад «лесоренбирского» вечного тумана. С тем же и по земле самой полянки весьма нехотя разлетались мелкие зеленые иголки окружающих елей, но даже под ними, как раз по центру того круглого пустыря между стеной деревьев, с расстояния в десятки метров от лунного света в земле угадывались черты старого и потрескавшегося серого металлического люка.

«Там?» — переспросил Заэль.

— Там. — однозначно, еще сжимая зубы от боли, стараясь уже сам размять свою почти полностью восстановившуюся спину, ответил Серпион.

— Опустись пониже, что ли. — растирал дрожащие плечи Френтос.

— Не опускайся. Если ты сядешь туда, то внизу обвалиться потолок. — сказал, как отрезал, Серпион.

— А я как спускаться буду? — недовольно повернулся к извивающемуся словно червь в луже, старающемуся как следует размяться, Серпиону.

— Так же, как ты спустился на арену цирка.

Френтос вздохнул. Да, это было очевидно. Но тратить силы лишний раз он не хотел настолько, что предпочел бы вообще сначала выспаться на спине дракона, пусть и в неудобной позе, но зато потом хоть с какими-то силами.

— Не ной. — наверняка добавил ему немалой уверенности Серпион. — В старые времена люди переживали Гало, и продолжали драться. Тебя едва током ударило.

— Да ты *нецензурное слово, которое я уже в сотый раз перефразировал за весь этот текст*.

«Люди...переживали твое Гало?» — будто про себя, но случайно транслировав мысль друзьям, подумал Заэль.

То было довольно частым явлением в Первой Войне — природное явление, бедствие, создававшее в небе гигантскую воронку, иногда несколько километров в диаметре, в буквальном смысле обрушивающую небеса на землю. Гало, так названное людьми ввиду схожести с подобными оптическими явлениями, вращало облака вокруг воронки, в центре

которой собирало статическое электричество от трения ледяных кристаллов и воздуха в окружающих его тучах. Вращающий момент был столь велик, что воздух сверху мощным и постоянным потоком давил на землю, сотрясая ее, иногда даже вызывая смерчи. Пусть Ренбирская Академия Окто, не раз бравшаяся за изучение подобных явлений, даже по летописям и личным подтверждениям Богов до сих пор отказывается в это верить — небо от центра воронки освещал вовсе не белый свет огромного электрического заряда, а все пространство вокруг Гало, всю землю под ним на многие километры, заливал демонический кроваво-красный свет. Страшный грохот, сотрясающий землю, штормовой ветер и смерчи — все это было лишь малой долей несчастий, вызванных пагубным влиянием сего страшного явления. Достигнув определенного лимита энергии, заряд в небе, в один момент, взрывался, всю свою мощь, будучи сжатым плотными облаками по кругу со всех сторон, обрушивая на землю. Разрушения от подобной разрядки были беспрецедентными, и вполне были способны навечно менять карту мира. На самом деле, теперь, когда это явление упомянул Заэль, Френтос едва не получил открытый доступ к титулу одного из учителей Академии Окто, куда бы его прежде, ввиду некомпетентности и недостатков необходимого типа мышления, наверняка бы не взяли. Он почти прямым текстом услышал от дракона то, до чего вся Академия, столетия ломая седые головы, так и не дошли. Пускай и им, разумеется, уже приходила в головы идея, что подобные явления не могли случаться без чьего-либо явного участия со стороны. В итоге, они все сошлись на мнении, что никто в мире не обладал настолько великой силой, чтобы самостоятельно создавать Гало по своей прихоти. Довольно странно, не находите? Ведь Серпион сам столетиями работал с ними над многими вопросами окто. Если, конечно, он не опустил эту тему на вопросе «создания Гало по своей прихоти». Окто Серпиона было слишком шальным, и он редко менял погоду по своему желанию, а Гало и вовсе создавал случайно, даже не способный его полностью контролировать.

— Вы о чем там задумались? — уже медленно и аккуратно, с дрожью в коленях от движения неустойчивой опоры под собой, поднимался на ноги Френтос.

— Ничего особенного. — покачал головой, или же просто разминал шею, Серпион.

— А как насчет планов на будущее? Что ты собираешься делать? — серьезно повернулся к тому Френтос.

— Я уже убедился, что максимум моих сил — делать локальные выборы. Я выбираю войну, как и прежде. Моя битва еще впереди. — уверенно смотрел в глаза другу тот.

— В этот раз чудить не будешь?

— Прыгай уже. С окто или без, как хочешь. Результат все равно будет один.

Все еще грязное, и кое-где, чуть ниже рта, красное от крови усталое лицо Бога Природы не изменилось с теми словами, хотя Френтос и без проблем разобрал в них своеобразный, наверняка свойственный старому воину, сарказм. Он с самого начала не хотел убивать Френтоса, и теперь, увидев его решимость воочию, даже испытывал к тому немалую симпатию, поражаясь его внезапно великой силе воле, свойственной тем же воинам, которых он когда-то вел в бой, и с которыми люди в Первой Войне одержали победу даже над столь сильным врагом, как имтерды. Это придавало ему некоторой уверенности в том, что, если даже сам Серпион не справился со своей задачей в борьбе с Бездной, он еще может переложить свою надежду на плечи Френтоса, что точно не рухнет под грузом правды, наверняка ожидающей его впереди, известной, но не оглашаемой самим Серпионом, и никогда не перестанет сражаться. Пускай его характер все того же старого воина и не

позволял ему открывать своих мыслей и переживаний самому Френтосу, он продолжал вести себя грубо по отношению к нему.

— А ты что будешь делать, великан? — посмотрел Френтос уже на закрытые толстой костяной дугой выше маленькие глаза дракона.

«На все будет воля Совенрара и Хемирнира. Я не хочу сражаться с людьми...но все мы понимаем, кто и с кем будет сражаться на самом деле. Это не наша война. Не нам о ней переживать.»

Френтос, неуверенно поведя бровью и без того от сонливости полузакрытых глаз, задумался.

«Тем более, мне интересно посмотреть на героев имтердов. На Винториса, Геллара и Самума...»

— На последнего не смотри. Глаза вытекут. — оторвался от мыслей, которые все равно ему уже не давались, Френтос.

«Вытекут?»

Френтос уже не отвечал — в этом просто не было смысла. Серпион сидел рядом с уже вновь закрытыми глазами, так своеобразно провожая друга в неизвестность, в которой даже он сам не знал, что теперь происходило. Обдуваемый совсем слабым, уже не столь холодным и неприятным ветерком, Френтос смотрел вниз с какой-то особенной печалью, будто стараясь найти в себе решимость вовсе не на один прыжок с относительно небольшой для него высоты в десятки метров, а для целого скачка из огня да в полымя. К счастью, его голова работала все хуже с осознанием ухудшения своего состояния, и это, в какой-то степени, бесило Френтоса, мгновенно давая ему заряд энергии на попытки развеять бессилие, растряситься, и так подготовиться к дальнейшим трудностям, которые он не просто ожидал встретить впереди — он их предчувствовал.

Одно легкое движение, и затылок дракона уходит из-под его ног. С шумом ветра в ушах, снова поражая замершее тело неприятным встречным ветерком, всего на несколько секунд он отправляется в полет, так же быстро и уверенно встречая под своими ногами новую, и куда более устойчивую опору. Вокруг него ничего не пошевелилось, и от взмахов огромных крыльев выше под его ногами буквально не осталось ничего, кроме голой земли, да с небольшим, метр в диаметре, серым кругом посередине. Приземление прошло успешно, и внутренняя сила Френтоса была уже готова к материализации, пускай даже не слишком серьезной, и все еще своим недостатком потрясывала тело своего владельца.

Он повернулся чуть налево, глядя на так же смотрящего в его сторону сверху Заэля, махая ему рукой. Дракон едва заметно качнул головой, с тем открыв приподнявшийся на ней образ едва различимого из-за светившей из-за него луны Серпиона. С такого расстояния не было видно, смотрел ли тот в сторону друга, ведь его глаза были либо почти, либо совсем закрыты. И вправду — он не смотрел вниз. Он просто чувствовал, что происходило внизу, почти так же, как это делал Заэль, пускай даже у него и не было для того отдельных и специализированных органов чувств. Его органом чувств, в первую очередь, теперь было сердце, и ему было грустно. Серпион жалел Френтоса, поскольку понимал, в каком положении, на самом деле, тот находился, и меж сколькими огнями был.

«Удачи, друг мой. И, что бы ни случилось, избегай встречи с тем, кто прозван Негласным Правителем.»

Голос Заэля в голове Френтоса казался уже тише, как и голос его собственных мыслей. Всего в пару мощных взмахов, он поднялся выше в воздух, резкими потоками ветра сломав

под собой еще несколько верхушек елей, теперь, повернув правее, даже раскидав обратно по поляне ветки и иголки, что затерялись под деревьями в той стороны. Всю поляну снова залил лунный свет, ранее невидимый Френтосом там от черной тени гигантского Заэля. Люк стало видно лучше, и был он вовсе не серым, а белым. Пока он был плотно закрыт.

Френтос приземлился совсем рядом с люком, но, провожая взглядом уже улетевшего на достаточное расстояние от него Заэля и Серпиона, едва не потерял его из виду теперь, посмотрев вниз. Белый люк слишком сливался с окружающей, белой от света луны, поляной, а глаза его все еще слипались от недостатка необходимого октолимам для поддержания сил сна. Он не знал, что находилось внизу, и это еще немного пугало его. Пускай и дрожал он, скорее всего, вовсе не от страха. Пускай ветер вокруг него был уже достаточно теплым, влажным, и абсолютно спокойным, он все еще чувствовал во всем теле неприятный холод. Вокруг было очень тихо. Даже слишком тихо.

— Собираешься войти?

Этот был совершенно новый для Френтоса голос, хриплый и усталый, как у старика. Пусть то и было внезапно, это ничуть не испугало его, ведь его друзья, Серпион и Заэль, все еще не отлетели слишком далеко, и дракон точно слышал тот внезапный голос своими рогами (пускай тот голос, на самом деле, никому лишнему было невозможно услышать). Пусть и уверенный в своей безопасности, он достаточно настороженно обернулся назад, заранее взглянув туда через плечо, стараясь убедиться, правда ли к нему так неожиданно, тем более в подобных условиях, обратился кто-то ему еще не знакомый, а тем более встреченный им совершенно случайно. Лунный свет тогда едва ли справлялся с окружающей его тьмой, и конкретно в тот момент, когда он смотрел через плечо назад, буквально в пяти метрах от него образ загадочного человека совсем сливался с окружающей его тьмой глуши окружающих деревьев, очень некстати вставших на пути света к тому человеку, пусть раньше и казавшихся намного ниже. Френтос довернул все тело в ту сторону, стараясь получше разглядеть фигуру гостя, но почти сразу поймал себя на мысли, что правда никогда не видел его раньше, и вовсе не выглядел тот хоть сколько-то опасным. Видимость его была обманчива, и не только темнота и контраст теней с окружающим серебряным светом путали его восприятие. Что-то было не так с самим миром вокруг него, пока тот человек в черной вуали по самую шею находился рядом. Все его чувства как-то изменились, и он даже не заметил, как только при его появлении ветер зашуршал окружающими деревьями.

— Ты что-то об этом знаешь, дед? — подозрительно прищурил глаза Френтос, все еще стараясь получше рассмотреть расплывающийся перед усталыми и сонными глазами в темноте образ седых волос и морщинистого старого лица.

— Ох, ты говоришь про канализацию? Или конкретно про этот вход? — вполне дружелюбным хриплым голосом спрашивал старик.

— И про то, и про другое, наверное. — кинул быстрый взгляд назад, на люк, Френтос.

— Что ж, дай-ка подумать. Хммм... — приложил дряхлую ладонь к чуть наклоненному подбородку старик. — Я почти уверен, что совсем недавно кто-то заходил туда. Их... кажется, было трое. Три молодые девушки. Очень красивые. — добродушно и тихо про себя посмеялся старик.

— Какие еще девушки? — задумался Френтос о том, не говорили ли ему об этом раньше Серпион и Заэль. Скорее всего, он слышал об этом впервые.

— Ох. Воистину прекрасные, поверь мне. Говорят, что таких много там, внизу. Но они не любят незваных гостей.

— Знаешь что-нибудь еще?

— Есть в мире вещи, о которых даже мудрые старцы ничего не знают. И, поверь, знать не должны.

Френтос многозначительно и разочарованно вздохнул.

Наступила тишина. Ни старик, ни Френтос, уже наверняка не собирались что-то другу говорить, и последний отлично это понимал. Ему было достаточно лишь оценить свое общее состояние, чтобы понять, что собеседник из него теперь в любом разговоре никудышный — его с головой накрыла сонливость.

Со вздохом протерев глаза руками, он развернулся на месте и, хрустнув под ногами хрупкими веточками, не слишком энергично принялся разминать руки. Старик сопровождал движения уставшего и обессиленного юноши спокойным и молчаливым взглядом. Он чувствовал мир иначе, чем прочие, и было бы неверно сказать, что он мог за чем-то следить своими побелевшими от времени, ярких вспышек прошлого, глазами. Но он был полностью сосредоточен на собеседнике, что уже, одной рукой подняв чугунную крышку люка у себя под ногами, и так же с силой бросив ее в сторону, поразил тишину вокруг ее глухим тяжелым звоном о землю. Его тело плохо двигалось, он замерз, устал, и едва не засыпал на ходу. В земле под ним, под местом люка, к самой поверхности выходила старая железная и насквозь ржавая лестница. В своем обычном состоянии Френтос бы никогда не стал ей пользоваться, и просто прыгнул бы вниз со своим окто, чего теперь не позволяло общее бессилие. Теперь он мог лишь смириться с этим. Последний раз вздохнув, даже с некоторой заглушенной от усталости злостью на свое состояние, он принял на себя теперь удел обычного человека, мало на что способного в ожидающих его пока неизвестных, но наверняка экстремальных условиях Ренбирской Канализации. Выбора у него уже правда не было.

— Закроешь за мной вход? — все еще глядя вниз, где было уже достаточно светло, спросил старика Френтос. — Не хочу, чтобы кто-нибудь за мной пришел.

— Есть, кого бояться? — так же, не меняя лица, спросил старик.

— Вроде того... — прикрыл глаза Френтос.

Он присел, одной рукой упираясь в дальний край входа, а другой упираясь в ближайший. Довольно вялыми и дрожащими от холода движениями ног, переставляя их с земли уже внутрь на ступеньки лестницы, еще немного подумав про себя о безопасности спуска после услышанного им звонкого и протяжного металлического скрипа ржавого металла. Поняв снова, что мысли ему уже почти не даются, он медленно, но верно, начал свой спуск вниз. Лестница была невысокой и опиралась на стену, а ниже ее, в пяти метрах под землей, был уже потолок восьмиугольного помещения неизвестного пока назначения с несколькими этажами из узких металлических платформ, с еще несколькими лестницами по бокам. Внизу горел свет, хотя и был он очевидно неестественным, что, в понимании Френтоса, вообще ничего не значило. У него уже просто не было сил обо всем этом думать, и тем более разглядывать вокруг себя маловажное для него окружение и неинтересный интерьер подземелья и канализации. Он просто продолжал молча спускаться вниз, сосредоточенный, насколько это было возможно, только на своей задаче.

— Кто это был?

Перебивая легкое шуршание деревьев вокруг, где все еще изредка с ветки на ветку падали обломки их верхушек, этот голос едва ли его нарушил, все такой же тихий, и едва различимый. Мужчина в некогда известной всему Западу форме безжалостных и жестоких

наемников Бруси, сверкая в свете луны алыми, словно кровь, волосами, все то время, что говорили между собой Френтос и старик, стоял в тени у дерева позади последнего в добрых десяти метрах и оставался впредь совершенно тихим и незаметным. Ему ни о чем не говорил вид того юноши, с которым говорил его вечный спутник, и он все еще не понимал, зачем старик искал с ним встречи, или, тем более, о чем он с ним говорил — какой был в этом смысл.

— Френтос. — однозначно и с улыбкой ответил старик.

— И кто он?

Старик сразу не ответил. Паузой в несколько секунд он пытался выудить из памяти своего подопечного уже имеющуюся у него информацию об этом человеке, но он совершенно ничего уже не мог о нем вспомнить. Чего, в целом, и ожидал старик.

— Не думаю, что теперь это важно. Вряд ли вы когда-нибудь встретитесь в будущем. — качая головой, хрипло и тихо посмеялся про себя старик.

— И куда он пошел?

— Синокин. Знаешь такое место?

Лирой задумался. Было ли ему знакомо это место? Его название точно о чем-то ему говорило, и старик прекрасно это понимал. Хотя и на мгновение осекся, узнав, о чем юноша думал тогда на самом деле.

— Разве я не должен идти туда вместе с ним?

Улыбка исчезла с лица старика. Этих слов он точно не ожидал. В этом просто не было смысла.

— Почему же? — все еще не оборачиваясь к собеседнику, чуть наклонил голову старик. — Зачем тебе туда идти?

— Хотел бы я знать. Мне просто кажется... что я должен быть там. — задумался Лирой, окончательно уходя в собственные мысли, вполне возможно перепутанные с неким доселе неизвестным даже старику инстинктом, что пронизывал мир с самого его основания, но механизм которого так и не был никем объяснен.

«Что это? Голос сердца? Или же голос Проклятья?» — думал про себя старик, продолжая слепыми глазами рисовать перед собой образы лишь того, что он знал, с чем сталкивался, и стараясь выбрать достаточно верное объяснение сего феномена именно из этого. — «Каждый новый Первый Мир восполняет события своих предшественников. Все Кацеры собирались в Синокине. Но разве в том, что произойдет там, участвовал Лирой? Тогда Мир не может звать его туда, если его там еще не было, пускай он и может предотвратить неизбежное. Но он все равно это почувствовал? Почему... даже я этого не понимаю...»

— Мы пойдем туда? — перебил мысли Правителя Лирой.

— Нет. — уверенно и спокойно, будто сам с чем-то смирившись, ответил старик. — Это не наше дело. У нас свой путь, Лирой. У тебя своя судьба.

— И в чем же моя судьба?

Старик снова улыбнулся. Пускай он был слеп и глух, не чувствовал запахов или температур, не чувствовал боли, голода, и ни в чем не нуждался, его тело все еще имитировало типичную для своего вида активность, которую он проявлял когда-то давно, в других Первых Мирах, пока не потерял свой истинный облик и цели, да и пока вовсе не забыл сам, кем был. Его голова повернулась назад, к месту, где, еще прижавшись спиной к дереву, упиравшись одной ногой в землю, а другой обвивая первую, стоял тот потомок Археев

имтердов, что некогда, и уже будто навсегда, пропал из истории мира, и так скрылся ото всех его существ, что до сих пор желали его получить и использовать для изменения хода истории. Старик смотрел на него улыбаясь, так и сопровождая каждое сокращение его грудной клетки от учатившегося лишь теперь дыхания своим мертвым, но еще полным какой-то загадочной надежды взглядом. Даже Лироя пугал этот взгляд, пусть он и должен был уже давно к нему привыкнуть. Их путешествие по миру с того момента, что Геллар вторгся на Восток, передав тому Проклятье Забвения Красного Пламени, разделив его с сестрой Имперой, с чего и началась вся история трагедий мира в Эпоху Грома, длилось уже почти 400 лет. И Лирой едва ли что-то из этого помнил, и почти ничего в нем не понимал.

— Кацеры соберутся вместе, чтобы узнать сокрытое. Ты не можешь быть с ними, пока не узнаешь того, что сокрыто в тебе самом. Мы идем к Алому Озеру, к моему старому другу. Остальным там, внизу, займется Геллар.

Улыбка старика стала добрее.

— Не бойся. Скоро мы оба... снова найдем свою цель.

Часть 3: Френтос. Глава 7: Глубины

Лестница закончилась на узкой квадратной смотровой площадке, куда Френтос спрыгнул уже с последних ступенек, не нащупав одну из них ниже ногами, и потому решив, что там лестница и кончалась. Как оказалось, не хватало у этой лестницы только одной ступеньки, наверняка сломавшейся и отвалившейся от коррозии, пагубного влияния на металл окружающего влажного, теплого, и землистого воздуха. Запах подzemелья был полностью оправдан своим окружением — довольно большое восьмиугольное помещение с высоким потолком и несколькими лестницами с площадками по разным этажам, уходящими вниз. Кое-где стены были точечно порушены, будто от времени пробитые давившей на них с обратной стороны землей, теперь частично засыпав ей через дыры пол на три этажа ниже, а также некоторые площадки ближе к дальней от Френтоса стене. Он подошел к краю площадки, огороженному высоким заграждением, и посмотрел вниз, уже улавливая не только пресный запах тяжелого воздуха, но и всем телом уже чувствуя на себе его душный жар. Только за время, что он спускался по лестнице вниз, он уже успел отогреться, и теперь прекрасно себя чувствовал по крайней мере в этом плане. Как ни крути, при его состоянии как физическом, так и внешнем, с его уже открытым для любых температур голым торсом, тепло было куда предпочтительнее холода, и источником такового в канализации наверняка были еще работающие тут и там, эхом гудящие насосные станции. Френтос узнавал их звук, идущий из левого коридора, что был парой этажей ниже, и именно на место обслуживания подобных станций все помещение вокруг него и было похоже. Единственным прочим звуком, помимо тихого и почти булькающего звука тех станций ниже, был звук разбивающихся капель воды с потолка о пол первого этажа и некоторых частей площадок этажами выше. Не устаревающие и не требующие отдельного обслуживания кристаллы Зоота светили на весь зал вверх лишь первого этажа, но вряд ли потому, что изначально закреплялись на стенах только там — выше со стен они либо уже отвалились, либо их снесло потоками земли из щелей над ними.

Правее Френтоса тоже была лестница, но уже не вертикальная, а угловая, и он без особых раздумий отправился по ней вниз, все еще осматриваясь и думая, где ему будет лучше спуститься вниз. Под ним было еще два этажа с подобными площадками и мостиками от одного конца помещения к другому, но с одной стороны, как раз на этаже под самым Френтосом, площадка была серьезно завалена землей из дыры в стене как раз между тем этажом и серединой лестницы, по которой теперь спускался Френтос. Он мог пройти по той куче, или же мог пройти по мостику на другую сторону, к еще немного выделяющейся на фоне серых блеклых стен белой, с ржавыми подтеками, двери. Единственное «но» — с той стороны вниз не шли никакие лестницы, а прыгать с середины мостика вниз наш герой просто не хотел, ведь и без того чувствовал себя плохо, и не хотел ухудшать свое состояние еще сильнее, тратя внутреннюю силу. При обычном прыжке с такой высоты, разумеется, он наверняка переломал бы себе ноги.

Спустившись к той самой горе грязи на этаж ниже, все-таки решив лишний раз по ней не лазить, он медленно прошел по скрипучему, слегка танцующему под его весом, мостику к дальней двери, и, не увидев решения альтернативного, потянул влажную и скользкую дверную ручку на себя, с каким-то, похожим на электрические разряды, скрипом медленно открывая дверь на себя. Встретила его крошечная тьма, едва освещаемая светом из его

помещения, тем не менее сразу давшая ему небольшой запал для обсуждений с самим собой того, что теперь ему явно не нравилось, и о чем он был только рад лишний раз подумать, чтобы отогнать сонливость. Еще одна, но уже стандартная бетонная лестница, была как раз справа, и ее он даже в темноте еще хорошо видел. По крайней мере он видел ее начало.

«Руки сломать этим строителям...» — зло думал про себя он, проходя к той лестнице, и уже по ней спускаясь на первый этаж, по пути целиком проваливаясь в темноту, идя уже на ощупь. Была та лестница чуть влажной и скользкой, но он еще крепко стоял на ногах, и ему это не слишком мешало, в отличии от темноты.

И что, все-таки, ему не понравилось, если эта лестница немало ему помогла? Скорее всего, ему пришлось потратить несколько секунд на выбор пути из-за отсутствия тех же лестниц у двери на площадке, где, фактически, также было логично их разместить. И только за это ломать людям руки? Вопрос проектирования канализации, с учетом ее планируемого запустения в течении месяцев и годов, решался по принципу «чем надежнее, тем долговечнее». Двери частенько заедали от коррозии, особенно активной в подобном месте, и в случае, если одна из них заест, работники получали возможность попасть в помещение через другую дверь, так, по лестнице снаружи, быстро и просто до нее добираясь. Что происходило с лестницами внутри от коррозии, думаю, повторять не нужно, и наверняка потому их не стали делать сразу с двух сторон.

«Могли бы сделать лестницы с обеих сторон.» — про себя вздохнул Френтос, уже медленными и аккуратными шагами по невидимым в темноте ступенькам добравшись до первого этажа, и там с ходу, слева, нащупав руками дверь. «Или свет бы на лестнице оставили. Черти.»

Скорее всего, проблема заедающих дверей уже была некогда встречена работниками канализации, которых отправлял туда с «важными целями» Серпион, поскольку у той двери, ручку которой теперь безрезультатно пытался нащупать в темноте Френтос, этой самой ручки, как и замка, уже не было. Маленький лучик света пробивался к нему в темный коридор как раз через дыру, оставленную самой ручкой, наверняка вырванную с корнем, когда она начала заедать.

Одно легкое движение руки, толчок двери рукой вперед, и свет снова озарил раздраженное и уставшее лицо Френтоса, пропустив его в само помещение с насосами, кое-где заваленное землей, а в некоторых коридорах, идущих от восьмиугольного центра высокого зала, вовсе заваленное намертво. Таким был и широкий коридор правее Френтоса, где, судя по виду завала, обрушился сначала потолок, а потом на него обрушилась и земля по бокам. Если это было так — в коридоре второго этажа, который по лестнице проходил Френтос, не было пола, и даже хорошо, что он не пошел туда в подобной темноте.

Перед ним была еще одна дверь, но она, скорее всего, вела на все ту же лестницу, на смежной с которой он уже был, и где ему было делать нечего. Пройдя в центр зала, кафельный пол которого уже давно покрыл слой притоптанной и грязной в некоторых местах земли и мелкой травы, ему на левое плечо с характерным звоном будто с самых небес (из выходящей над потолком дырявой трубы) упала капля теплой сточной воды. Дождей в Ренбуре не было уже давно, так что это, скорее всего, был всего лишь конденсат, судя по температуре, пробежавший по трубам теплой канализации немалое расстояние, прежде чем упасть на плечо нашему герою. По мнению же Френтоса, было той каплей конденсата нечто нехорошее, состоящее из сразу нескольких странно скомпонованных грубых слов, которые я, как всегда без вашего позволения, уже в сотый раз за одну только эту часть книги, пропущу

мимо текста. Именно на трубу выше Френтос и посмотрел, получив тот пугающий удар безобидной водички, тем не менее немало его перепугавший, и, с нехорошими мыслями уже об этом, отошел в сторону. В сторону насосных станций.

Металлические полукруглые бачки с множеством шестерней с одной стороны, и выходящими из них трубами с другой стороны, гудящие словно «моя голова после праздника», как выразился Френтос, и так же судорожно трясущиеся. Не все они работали, и поломки некоторых из них даже Френтосу, с его смазанным усталостью осознанием окружения, были понятны. У этих станций был довольно странный механизм работы, основанный на гидравлическом ударе, заставляющим автономно гонять воду от одной станции к другой, перегоняя ее через трубы побольше, отсеивая так нечистоты в сточной воде через решетки и задвижки, так же открывающиеся и закрывающиеся автономно при изменениях давления внутри самих труб. Плюсом такой системы, конечно, была ее невероятная долговечность без обслуживания. Минусы — сложность самой системы в плане обязательной расстановки станций строго на определенных расстояниях друг от друга, и, разумеется, их надежность. Стоило лишь одной станции очистки выйти из строя, как вся система, в которой она участвовала, мгновенно прекращала работу. Если сбой происходил где-то в подключенной к станции цепи труб, и та прекратила работу от него — найти причины, и даже место неисправности, было очень проблематично. И, разумеется, станции, стоящие в помещении перед Френтосом, не были подключены в сеть между собой — они все принадлежали к разным системам, занимающимся очисткой разных стоков по всей канализации. Френтос слышал о подобных системах еще полгода назад в Манне-Доте, где такие механизмы боролись с постоянными дождями в городе, и где с целью прочистки одного такого стока и были вызваны славные, благородные, но охочие до денег любимыми средствами, Братья Кацеры. Механизм работы подобной системы ему объяснял Таргот как раз перед тем, как на них троих напал «канализационный монстр» в виде жутковатого бездомного мужика. И нет, вовсе не Таргот был плохим оратором, просто Френтос был слишком плохим слушателем. Он совершенно ничего из рассказа брата не запомнил.

Комната с очистными станциями (и было их всего шесть) была тупиковой, и не имела никаких выходов по бокам или спереди. Позади Френтоса был еще один завал, как и в коридоре правее, рядом с которым он вышел недавно. С другой стороны, перед тем, как спускаться по лестнице в темноте за дверью выше, он обратил внимание на то, что лестница тогда была лишь справа от него, но слева была стена. Даже Френтосу казалось нелогичным расставлять вокруг одного коридора сразу две лестницы, если обе они вели в одно место. Возможно, что дверь перед той, через которую он вышел на первый этаж, вела уже в совершенно новое место, откуда он сможет спуститься ниже, как и собирался с самого начала. Не забывайте — он искал подземный город, спрятанный где-то глубоко под самой канализацией. И нет, ни о каком отсутствии лестницы и, тем более, логике, он тогда, на самом деле, не думал. Это были уже мои преукрасы. Просто, дверь левее завала на первом этаже, куда он хотел пойти с самого начала, была теперь единственной, которую Френтос не трогал, и идти ему было больше просто некуда.

Стандартная процедура открывания старых, но еще, каким-то чудом, работающих дверей, и встретил Френтоса впереди совершенно новый коридор, но до боли в глазах от темноты похожий на старый, что встречал наш герой совсем недавно парой этажей выше, но который явно вел в другую сторону. Терпеть подобное было невозможно, и идти наугад, чтобы случайно где-нибудь упасть с лестницы, или, тем более, упасть в сточные воды,

Френтос не собирался, и потому взял с собой туда с пола неподалеку еще ярко светящийся небольшой кристалл Зоота с кусочками его бывшего держателя. Так оно было безопаснее, и, по крайней мере, не могло закончиться чем-нибудь опасным, или хотя бы неприятным. Привычка лазать по грязи у него прошла еще в шестнадцать лет, когда родители запугали его «монстром, приходящим за грязными детьми», в которого Френтос пусть сразу и не поверил, от воспоминаний о его внезапном появлении за его спиной со словами «я тебя научу уму-разуму» все еще никак не мог отделаться. Так же родители запугивали его и на многие другие темы, и, почему-то, всеми их выдуманнными монстрами в итоге оказывался Таргот. Способ этот был проверенный и надежный, но, все-таки, немного жестокий.

Со светом Зоота в руке ему было уже куда лучше видно то, что его окружало. Было это довольно интересно — это были серые стены. Коридор множился в длину с каждым шагом Френтоса, и пусть тот шел довольно быстро, уже не спотыкаясь по пути ни о какие серьезные препятствия вроде гор грязи, еще растущих кое-где по бокам из стен коридора, в окружающей темноте совсем не видел повороты справа и слева, которые, на самом деле, там были. Так, на самом деле, было даже лучше. Все окружение слишком сливалось красками вокруг него, его глаза слипались, а в голове все еще свистел ветер. Мало того, с каждым шагом он чувствовал себя все более сонным, пусть и было ему уже легче как дышать, так и думать. Упадок сил все больше переходил в сонливость, как в обычное желание сна, без каких-либо выходящих побочных эффектов. Это была уже здоровая сонливость. Пусть она и резала внимательность Френтоса, он все еще хорошо представлял себе свою цель, и соображал меры ее достижения. Он должен был спускаться вниз до тех пор, пока не доберется до некоего города. Этого, пожалуй, было уже достаточно, чтобы от этого можно было отталкиваться.

Но больше никаких путей вниз впереди не было, пусть и был небольшой подъем впереди, откуда, в сам темный коридор с Френтосом, светом Зоота лишь ограничившим себе круг парой метров в диаметре, часто вырывались отчетливые и звенящие в остальной тишине удары капель воды явно о другую воду. Этот звук легко привлек его внимание, и он, несмотря на идею «всегда спускаться вниз», решил подняться по плоскому каменному полу с небольшим уклоном наверх, там же через пустой дверной косяк почти сразу выйдя в слабо освещенное, но весьма обширное новое помещение.

Волнистыми и мутными бликами от света Зоота на каменной площадке, где стоял теперь Френтос, по всему Y-образному помещению, в частности по его стенам и потолку, мелькали светло-зеленые блики воды. Широкое помещение с высокими потолками, уходящее от площадки Френтоса влево, а оттуда еще влево и вправо, было минимум на метр в глубину затоплено мутной, правда зеленовато-коричневой, сточной водой. Стены выглядели облезлыми, слизкими, а под водой у некоторых стен еще виднелись выходящие в помещение медные (или ржаво-железные), засоренные комками неизвестных субстанций, трубы. Под трубами были крупные решетки, а от них по всему помещению впереди направо и налево, к другим трубам, шли неглубокие, но широкие борозды. Очевидно, что все решетки под трубами были засорены, и вода не смогла через них пройти, со временем затопив помещение вокруг. На подобные случаи и были созданы борозды с еще несколькими решетками внизу, и, очевидно, они тоже, в какой-то момент, были засорены, что только подтверждало теорию о том, что работников для прочистки стоков, по определенным причинам, в канализацию уже давно не отправляли. В таком состоянии зала путь налево для Френтоса, очевидно, был закрыт.

Но уставшую от раздумий, вспотевшую и уже грязную голову Френтоса вообще редко посещали очевидные и логичные идеи, и он всегда находил им альтернативы, пусть и не всегда плохие, но явно недоступные для восприятия человека адекватного. Громко и протяжно вздохнув, подумал лишь раз о «да ладно, и не в таком говне бывали», закрыв нос рукой от уже давивших на его самочувствие неприятных запахов застоявшихся в воде нечистот, он с полной уверенностью и спокойствием шагнул по скользкой от воды и чего-то слизкого лестнице правее в самую воду, теперь уйдя в нее по самый пояс, тем не менее, не заметив в этом ничего неприятного и, тем более, отвратительного. Сточная вода, грязная и страшная, зловонная до рези в глазах...но Френтосу она показалась на ощупь даже приятной, согревающей тело, и не слишком густой, что было бы логично для таких нечистот. О спектре болезней, которые мог подхватить обычный человек, лишь коснувшись такой воды, даже потом помыв руки и тело целиком, он даже и не думал. Мыть руки ему все равно потом будет негде, да и обычным человеком он точно не был. В его состоянии ему уже все было ни по чем. У него была цель, и он к ней шел — остальное было не важно.

Один раз едва не провалившись ногой в невидимую под слоем грязной воды борозду, в последний момент перепрыгнув ее вправо, так и закидав уже свое лицо и волосы брызгами той ужасной воды, он, медленно но верно гоня своим телом все последнее время стоячую воду, добрался до правого угла зала, по пути несколько раз едва не выпустив из второй, не занятой зажатым носом, руки кристалл Зоота. Он светил куда ярче под водой, что было неудивительно, учитывая его особенность преобразования давления материи в поток частиц света. Давление воздуха куда ниже, чем таковое воды, и потому сдавленным водой он светит ярче, чем на свету. Его свет отлично помогал Френтосу в ориентировании под водой, освещая путь под его ногами, куда он начал активно смотреть только после недавней встречи тех его ног нижу с опасной во избежание «ныряния» бороздой. Диагонально правее-вперед того угла, до куда как раз добрался Френтос, была еще одна каменная площадка с небольшим кристаллом Зоота на подставке, имитирующей фонарь, и именно туда, все еще проверяя под своими ногами каждый сантиметр пути, наш герой и продолжил путь.

«Все обосрали.» — вдруг изрек в своей голове неприятную мысль он. «Вот видишь, Соккон? Я за тобой тут по дерьму иду, а никто другой бы не пошел. Я один такой герой. А ты мне еще припоминаешь историю с лужей перед домом, которую подорвал Лык, а вас с Лиλικой грязью закидало. Ха! Да грязь это моя стихия!»

Падение очередной капли воды с потолка ему на голову и выбило из нее мысли о том, что было тогда очевидно, но описания чего я так старался избежать. Ведь все мы знаем, что обычно смывается в канализацию, и почему теперь нечистоты ее имеют подобный коричневатый цвет. Пожалуйста — немедленно прекратите читать эту главу, если вы сейчас едите. Или я уже опоздал?..

Все равно, не только отходы человеческой жизнедеятельности наполняли конкретно эту канализация, и я еще вернусь к этой теме совсем скоро, когда придет время описывать уже флору и фауну конкретно самой канализации, куда не без причины Серпионом отправлялись на задания по обслуживанию стоков только хорошо подготовленные воины, уже знакомые с пугающими и загадочными условиями этого места. Странно было тогда то, что вода вокруг Френтоса не светилась, как это было во многих других частях канализации. И, все же, это было достаточно очевидно — в том помещении собирались трубы из помещений ближе к поверхности, куда местные обитатели редко заходили. Пускай «редко» и не значит «совсем» не заходили.

Крайне не вовремя Френтоса поглотила зевота, и он остановился уже перед самым подъемом на заветную площадку правого пути, где побоялся случайно поскользнуться, и еще открытым в зевке ртом захлебнуть немного местной панацеи — коктейля «Канализация», лекарства от болезни под названием «жизнь». Так, в конце зевка покачивая головой, поднимая при этом в руке уже над водой свой кристалл Зоота, он прошел по бетонному подъему на площадку выше, и, уже оставив все мысли о своем состоянии, о капающей с него ручьем на пол воде, прошел в дверной проем правой стены, где и самой двери уже не было, если она там вообще когда-либо была, пусть и оставила от себя пару черных от коррозии щепок у нижнего правого края дверного косяка. Восприятие Френтоса все ухудшалось, и теперь он едва ли обращал внимание даже на зловонный запах, который несла вода помещения уже позади него, и которую он нес, особенно на промокших от нее штанах, теперь на себе. От той же воды немного щипала права рука Френтоса, все еще не восстановившаяся после боя с Серпионом, и тем более не желавшая пускать в свои разорванные ткани настолько токсичную воду, а сам Френтос даже не подумал, что пускать подобное в открытую рану было как минимум опасно. Он не думал о запахе, о боли, и, да что там, он не думал уже вообще почти ни о чем. Его мысли становилось тяжелее, и не только сонливость в нем мешала раздумьям. Пускай он, все еще, всеми оставшимися силами старался не обращать на это внимания.

Очередной коридор, но куда уже чернее, с шершавыми и будто обугленными стенами, с обсыпавшейся от времени и наверняка чужого окто сухой бетонной пылью. Помимо собственного дыхания, звуков падения капель воды с его тела, как и с потолка в помещении позади него, Френтос не слышал уже ничего вокруг, и даже в свете его Зоота, кристалл которого он специально на секунду направил вперед для освещения своего пути, коридор тот казался темнее и мрачнее, чем прочие, и будто сам поглощал излишний свет. Здесь в стоячем воздухе витал запах гари, но при этом и было в нем куда холоднее, чем в помещении за его спиной. Недобрые мысли посетили теперь голову серьезно, насколько это было возможно, задумавшегося, наострившего уши Френтоса. Он уже встречал подобные места в прошлом, и знал, сколь дурно они влияли на своих случайных посетителей, если когда-то в них свершались злые дела. Темнота впереди была слишком аномальной. Она поглощала свет, и распространяла от самых стен в коридор уже древний, но уже не способный никуда уйти в мертвом стоячем воздухе запах смерти.

Френтос шел по тому коридору быстрым шагом, сначала свернув по очередному невысокому подъему налево, потом так же направо, в общем потратив на дорогу всего около минуты, тем не менее показавшейся ему куда дольше и даже страшнее. Вокруг ничего не происходило, а впереди холод медленно пропадал, воздух становился легче, а от прежнего зловонья затопленного зала сзади под конец пути не осталось и следа. Стены были обуглены везде, везде на них виднелись трещины и маленькие дыры, а где-то под чернотой бетона и вовсе еще выделялась едва заметная, совсем уже коричневая и блеклая кровь. Коридор смерти, залитый пламенем — это напоминало ему одну недобрую историю, которую он слышал еще от Соляры из Налоговой, носившей, в свое время, культовый характер, пусть и подробности которой так и не были до конца раскрыты. Около двадцати шести лет назад горняки Волшеквии, тогда еще державшей мир с Ирмией, сгорели заживо в одном из гротов близ северной границы королевства без каких-либо причин. Подрядчиком их выступал человек известный, богатый, и очень влиятельный — он бы не потерпел прекращения работ в прибыльном месте без веской причины, и, для расследования произошедшего, наверняка

бы отправил в грот целый отряд наемников и экспертов. Но он и сам в тот же день пропал без следа. Не было следов и на месте произошедшего. Все работники лежали на животе с инструментами в руках, а каменная земля под ними была выжжена так, будто их зажарил огненным рыком самый настоящий дракон. Туннель, который они прокопали, был тупиковым, и в нем совершенно точно не жило никаких ардов, а по мере расследования того дела количество фактов только росло, и с тем росло недоумение ученых — они никак не могли связать факты происходящего между собой. Это была просто какая-то бессмыслица.

Уже приоткрытая дверь в конце того коридора, о сути произошедшего в котором когда-то Френтос теперь старался даже не думать, встретила его веселым танцем огненных змеев в каменном костре на площадке за ней, хорошо освещающими вокруг уже воистину огромный полукруглый туннель, похожий на гигантскую трубу в разрезе. Едва Френтос подошел к той заранее приоткрытой двери, толкнул ее, и уже шагнул вперед, как легкий ветерок коснулся его спины, а от того впереди затрепетал и огонек. Но лишь на мгновение. Вдруг ветерок дунул еще раз, но сильнее, едва не затушив окруженный крупными камнями впереди огонек, а у Френтоса дернула рука, и по телу резко побежали мурашки. Он перескочил дверной проем с такой скоростью, что его не догнали даже транслируемые им в голове мысли на тему посылы происходящего у него за спиной куда подальше, с чем он, резко махнув дверью за собой, едва не треснул последней дверной косяк. Хлопок двери был настолько громким и резким, что поток ветра от него снова ударил по горящему меж камней костру, и с тем на мгновение перебил остальной шум, которым уже был полон прямой туннель левее площадки, где остановился Френтос, и куда тот, даже слыша тот шум, пока не смотрел. Он смотрел в сторону только что закрытой им двери, еще немного дрожа и тяжело дыша, перебивая окружающий шум в своей голове только тем дыханием и собственным сильным сердцебиением. Руки его все еще немного тряслись.

«Д-да что тут за хрень в этой вашей канализации...» — сглотнул он. На самом деле, даже мне сложно сказать, было ли то виной его воображения, или в том коридоре правда было что-то жуткое — Френтос сам себя запугал байками Соляры, и теперь был только более уязвим к различным неприятным происшествиям, заранее подготовив к ним свой уставший мозг. Хотя и не сказать, что внезапно холодный и влажный ветер, что подул ему тогда в спину, был частью его воображения. Да и почему же кристалл Зоота в его руке вдруг на мгновение стал светить ярче, а я забыл об этом упомянуть?

И шум, доносившийся по туннелю справа от еще смотрящего на дверь Френтоса, тоже не был частью его воображения. Теперь он бросил взгляд туда, четко разобрав правым ухом чью-то речь, от расстояния еще неразборчивую и бессвязную, но наверняка похожую на человеческую. Туннель уходил недалеко вперед, и дабы его получше разглядеть, Френтос спустился с невысокого порога площадки, соединявшего собой развилку двух путей чуть ниже. Левого, идущего диагонально спереди под углом в 90°, и правого, идущего от левого симметрично под тем же углом. Всего в десятках метров слева была стена с дверьми, в некоторых местах усеянная заграждениями из острых шипов, даже еще с кровью и остатками неизвестных Френтосу форм жизни, скорее всего каких-нибудь канализационных ардов, что было для таких мест вполне частым явлением. По пути к тем заграждениям были и меньшие баррикады, а кое-где на прямом каменном полу еще лежали, также сложенные из камней, импровизированные мирно горящие костерки. Туннель выглядел поврежденным в некоторых местах по стенам и полу, откуда частенько выглядывали растущие тут и там травы и мерцающие разными цветами растения, даже грибы, а сами стены частенько

скрывались под немалыми слоями мха и слизи. Разрушения туннеля наверняка были уже старыми, также вызванными неизвестными боевыми действиями, как и в недавнем коридоре, чего Френтос пока просто не понимал, ибо никогда не интересовался историей этого места раньше, и уже не думал об этом теперь. Похожие на голоса людей звуки доносились издалека, скорее всего с нескольких метров уже после заграждений, и Френтос, ориентируясь по словам недавно встреченного им у входа в канализацию старика, быстро понял, кому те голоса могли принадлежать. Местные жители, недружелюбные к не званным гостям. Блуждания в одиночестве и темноте ему, конечно, нравились меньше, чем присутствие в округе кого-либо враждебного, ведь то, в любом случае, были разумные живые существа, и, в отличие от каких-либо потусторонних сил, включая силу гравитации ям в полной темноте, были для него не столь опасны, и даже немного его успокаивали своим присутствием. В случае чего — с ними, по крайней мере, можно будет поговорить, и это спасет его от смерти в подобном состоянии, в котором из него боец уже точно был никакой. По крайней мере, он на это надеялся.

Но идти туда, налево, он все равно не собирался, ведь был еще слишком слаб, чтобы так рисковать своим здоровьем, и подвергать себя опасности быть зажаренным на костре местными жителями, если бы оказались те не так уж разумны, но, что было уже очевидно, очень любили жечь костры. Правее, но уже чуть дальше, в свете множества расставленных тут и там на всепротяжение коридора костров, отчетливо выражался крупный и широкий мост, наверняка проходящий через немалую пропасть, куда все последнее время и стремился попасть Френтос. Он повернул в ту сторону, и шел очень быстрым шагом, чтобы, во избежание лишнего риска, не попасть на глаза обитателям местного подземного убежища неизвестных существ, которых там, судя по звукам, точно было немало. Он был так измотан, а глаза его уже так слипались, что он даже не заметил, что с самого того момента, как он хлопнул дверью коридора позади себя полминуты назад, за ним со стороны тех же укреплений начали следить две пары звериных, скорее всего мышиных, блестящий в огне костров глаз. Его восприятие окружающего мира гасло, а сам мир перед его глазами начинал медленно таять. Даже давления света, особенно хорошо ощущаемого октолима, он уже не разбирал.

Хоть и быстро, но все же он ковылял вперед довольно неуклюже, почти не разбирая перед собой дороги. Он вышел на мост меньше, чем за минуту, но его даже не удивила его величина, от самого моста уходящая в невидимый от темноты потолок намного выше, и бескрайнюю бездну под ним, также ширящуюся на многие десятки, а то и сотни метров во все стороны. У моста не было перил, а от его начала слева, по стене, в сторону смотровой площадки с несколькими этажами и еще парой неизвестных помещений, хорошо видимых с моста от яркости своих костров, уходила навесная металлическая и решетчатая лестница. С двух сторон, из стен справа и слева от моста, в сторону пропасти большие круглые трубы гнали тогда совсем небольшие, и не слишком бурные потоки грязной воды. Своеобразный шум и гул внизу были почти неощутимы от расстояния, и это только радовало Френтоса, говоря ему о немалой высоте сих водных горок, по которым он уже как раз собирался спуститься на самое дно. И, в ту же очередь, кое-что его не радовало совсем. Подняв руку у себя перед лицом, стараясь разглядеть ее хотя бы в свете собственного кристалла Зоота, он с ужасом для себя осознал, что почти совсем ничего не видит даже вплотную, или, по крайней мере, образ этого совсем не откладывается в его голове, и совсем не видимы им были изменения в самом ранении руки, уже принявшим по-настоящему нездоровый вид. Даже

шум труб, откуда бежала вниз вода, был его ушами почти неощутим от собственного протяжного свиста. Его состояние резко ухудшилось. В таком виде спуск стандартным для него путем был невозможен, поскольку невозможно было после него его выживание. Он просто не успел бы вовремя отреагировать на появление опоры внизу при прыжке, и не смог бы правильно использовать окто, чтобы спастись от судьбы «разбиться в лепешку», с такой высоты возможной даже при ударе об воду. Он больше не мог продолжать путь как собирался, и должен был поскорее отдохнуть, причем весьма серьезно. По крайней мере, ему обязательно было нужно что-то поесть — иначе он просто мог уснуть, и уже не проснуться, ведь его силы продолжали его покидать, а организму уже не из чего было их восстанавливать. Его жизненные силы тоже уходили безвозвратно.

Чертыхнувшись и качнувшись на месте от осознания собственного бессилия, он шагом, быстро насколько мог, побежал вперед, сам уже немного спотыкаясь, уже замечая, как тело его само тянется к земле. Звуки его сердцебиения, отдавшиеся по всему телу шумом в ушах, как и его двоящееся в голове дыхание, все нарастали, с чем окружающий мир для него становился все темнее, а в дрожащих конечностях все сильнее коренился болезненный холод. Особенно холодно было его руке, все еще ужасно выглядящей после ранения, что ей нанес в бою Серпион, но ставший за последние несколько минут еще страшнее, облезая и облупливая кожу, и принимая совершенно бледный и жуткий синюшный вид. Кровопотеря, трата внутренней силы, недостаток ресурсов тела для регенерации, и еще одна особенно важная причина, которую я уже упоминал ранее, но забыл указать степень ее важности — состояние Френтоса было уже критическим, и он должен был понять это сразу, и вовсе не соглашаться так отправляться в путь, тем более в столь заранее недружелюбное к нему место. Даже теперь, на новой развилке за мостом в одно сильное движение обеих ног сразу перескочив с пола туннеля на уступ площадки выше, он продолжал игнорировать жгучую, но почему-то такую холодную ноющую боль по всему телу, продолжая использовать возможности своего сильного тела так, как будто было все с ним еще хорошо, и в обратное он верить просто отказывался. Он потянул за ручку двери той площадки с мыслью, что сможет вырвать ее вместе с замком, и сразу пройдет внутрь, но его сил, разумеется, не хватило на это варварство, и рука его от рывка бессильно скользнула по ручке, а сам он, отшатнувшись назад, чуть наклонился, упираясь левой рукой в стену рядом с дверью, а правой в еще поврежденный Серпионом живот, болезненно и хрипло кашлянув, затем еще пару секунд наблюдая в глазах черными и синими волнами заволакивающие их «облачка». Его тело уже почти его не слушалось, но в его сознании еще оставались лучики света, и с ними же еще горело где-то глубоко внутри него пламя жизни, которое он никак не желал оставлять.

Он мысленно, обрывочными фразами, уговаривал себя, что с ним все еще хорошо, а когда-то «бывало и хуже». Снова, но уже без прежней спешки, чуть отдышавшись, он все-таки отворил дверь перед собой, и, уже чуть наклонившись торсом к земле от бессилия, пошел, в прямом смысле, куда глаза глядят, вдоль правой влажной и чуть склизкой стены, опираясь на нее рукой. То был спуск вниз, достаточно освещенный Зоотом еще на его изначальных держателях, теперь еще лучше освещаемый кристаллом в левой руке Френтоса, который тот, для контроля тела в рабочем состоянии, с каждой секундой старался сжимать все крепче и крепче, силой вынуждая свой организм «не отключаться». Несколько прямых спусков, но вроде лестниц, привели его во внезапно приятно выглядящее, не облупленное тут и там по серым стенам, ухоженное и относительно чистое помещение — наверняка

комнату, ранее предназначенную для работников самой канализации. Была эта комната небольшой, не слишком просторной, не слишком высокой, но для Френтоса в самый раз подходящей на роль временного убежища. Бешено бегал он глазами вокруг интерьера комнаты, где и были то всего пара кроватей, один кривой и грязный синий диван, да стол со странным аппаратом из металлических трубок, уходящих в большую стеклянную бутылку, и... едой?

Не раздумывая, грузными и уверенными движениями ног, передвигая их словно немощный, но очень тяжелый старик, он подошел к тому столу, и, не волнуясь за состояние своих грязных рук перед едой ввиду отсутствия волнения теперь вообще о чем-либо из-за бессилия, принялся закидывать в рот, как бревна в топку, все съедобное, что выглядело таковым на том столе. Он буквально лег на тот стол всем телом, настолько склонившись над ним грудью, что едва его ей не касался. Он не чувствовал особого голода, поскольку ощущение подобного у октолимов было постоянным, и со временем после обретения окто они теряли способность его выделять из массы прочих чувств. Странное и жутковатое жареное мясо, нарезанное большими ломтиками будто под пасть арда, а то и целыми кусками, было разложено здесь так, будто кто-то совсем недавно, в этой самой комнате, готовился как следует перекусить, и появления там увядающего от голода октолима просто не ожидал. Или, может быть, кто-то специально оставил эту еду в том месте, чтобы ее нашел Френтос? Все последнее время он шел наугад, не разбирая дороги, и мог просто не заметить, что кто-то его опережал, все время идя впереди, но не подавая виду. Это было, конечно, неправдой, и почти никто в той канализации, на самом деле, еще не знал о появлении там Френтоса. Я всего лишь предполагаю, чтобы немного растянуть время — трапеза Френтоса длилась слишком долго, возможно с несколько минут, и не слишком интересных.

Его состояние перестало ухудшаться теперь, хотя и еще не начало значительно улучшаться. Мясо было сочным и вкусным, и вряд ли только в понимании изголодавшего и почти бессознательного Френтоса. Он утолил свой голод сполна, несколько раз в процессе давившись, едва уговаривая свою челюсть теперь работать как следует для поедания всего того объема пищи, который был необходим, на самом деле, и ей. Мясо на столе закончилось, и он уже восполнил запас необходимых ему ресурсов организма с его помощью. Он было вздохнул даже, думая, что теперь спасен от голодной смерти, а пара часиков сна после этого точно окончательно вернут его в «мир живых», чтобы он продолжил свой путь вниз как ни в чем не бывало. Он посмотрел на стол перед собой, и его краски уже правда не сливались перед его глазами. Но что-то все еще было не так. В глазах Френтоса теперь вообще не было стола. Вокруг стало слишком темно.

Свист в ушах, заглушенное сердцебиение, и тяжелейшее дыхание в миг поглотили мир вокруг него. Его с головой поглотила тьма, а ноги подкосились, словно превратившись в вату, так же мгновенно залив все его тело смертельным холодом. С грохотом и сдавленным вздохом все звуки вокруг него пропали, а подбородок, в последний момент ударившийся о стол, заболел лишь на секунду, с чем его и покинули остатки сознания и чувств. Теперь он лежал на полу, совершенно безжизненно, распластавшись словно труп, пусть и явно был еще жив, более не издавая никаких звуков. Его дыхание почти пропало, совсем ослабло сердцебиение, а мозг впал в подобие летаргии. Он успел спастись, то было правдой, но его состояние было уже слишком тяжелым, и все последнее время он двигал свое тело к тому спасительному свету комнаты с едой неизвестного происхождения одной лишь силой воли, у которой тоже были установленные телом лимиты. Затопленное помещение, в котором был

он недавно, сделало своего дело, и отравило ослабший до уровня обычного человека, даже более слабый теперь, организм Френтоса, и тот никак не мог бороться с его ядами, тем более впитавшимися с водой в его кровь через рану на руке. Водой, что переносила по канализации отходы жизнедеятельности и населяющих ее ардов, и без того содержащие множество смертельных токсинов. Его тело буквально пало под тяжестью той интоксикации, и он был еще счастливчиком, раз прожил с таким их количеством столь долгое время.

Час, два, шесть часов — Френтос больше не осознавал себя самого в мире живых, и не замечал течения времени. Он будто пропал, испарился, и более ничего не чувствовал, и ни о чем сам не думал. Возможно, это состояние можно было назвать смертью, и пусть он предпринял попытки спастись, он опоздал, и тело его уже умирало, пусть и мозг его частично еще продолжал работу даже после полного отключения функций остального организма. Мимолетные вспышки возникающих в его подсознании образов становились все отчетливее, и в одной из них, уже частично осознавая свое положение, он даже почувствовал, что слышал голос Соккона, за кем и рисковал своей жизнью в этом оставленном Богами и Демонами месте, для кого и всеми силами игнорировал свою боль, и игнорировал даже саму смерть. Его окружала тьма, и в ней он снова слышал шепот, но вовсе не Соккона, и не Синего Пламени. Он не понимал его, но и не хотел его отрицать. Он не казался ему злым, и даже не навевал на него тот мертвый холод, что он чувствовал каждый раз, вспоминая о Черном Пламени человека, который, все же, оказался ему отцом, и о чем он много раз думал, постоянно затыкая собственные мысли, уверяя себя в одном — этот человек должен умереть за то, что он сделал.

Где-то за тем голосом был и другой голос, но уже куда более отчетливый. Он звал его, просил очнуться, подняться, и жить. Когда-то давно он уже слышал этот голос, но никак не мог вспомнить, кому он принадлежал. Он был таким же, как тогда, теплый и добрым, родным сердцу, согревающим будто саму его душу. Будто этот голос возвращал его из небытия, вырывал мягкими и нежными руками, и даже сейчас, невольно, Френтос тянул к нему свою руку, пускай еще не видя его впереди, лишь ощущая его приближение с каждой секундой каждой своей клеткой, сопровождая его движение все усиливающимся биением собственного сердца. Даже если он был мертв, он чувствовал себя живее всех живых, всю его душу заливала приятная и счастливая дрожь, а в ушах все рос веселый гомон будто из его прошлого, откуда и пришел за ним, во спасение, тот до слез родной и близкий голос. Он был уже рядом. Он был... снова рядом.

«Спаси меня. Пожалуйста.» — в мольбе счастливой дрожью заикался голос будто самой его души. — «Я должен... найти брата.»

Его рука остановилась, а по ладони ее разлилось тепло прикосновения другой родной руки.

— Ты его нашел... братец.

Часть 3: Френтос. Глава 8: "Догонялки"

Организм Френтоса уже давно восстановил силы, нейтрализовал яды, исцелил внешние повреждения, и последние минуты, а может быть и часы, находился в спячке уже без особо веских причин, собирая в себе последние крупницы утерянной силы, которых и без того у него теперь было больше, чем когда-либо раньше. Его пробуждение оказалось весьма бурным — он махнул рукой, сжатой впереди кем-то, кого он еще не успел разглядеть, и резко перевернулся на левый бок всем телом, ранее прижатым уже к стене, куда его явно приложил разбудивший его гость. Окончательно возвращаясь к реальности, он очень глубоко и болезненно, полными легкими вдохнул едва заметно прелый воздух, после чего возвращенные к работе не слишком вовремя его неподготовленные легкие, не справившись со столь резким своим наполнением, со страшным кашлем затрепетали всю его грудную клетку, залив все помещение вокруг сим неприятным звуком. Френтоса снова трясло, но уже вовсе не от бессилия, как раньше, и он больше не чувствовал в своем теле даже малейших признаков былого холода и боли. Наоборот — он чувствовал жар, и, особенно от напряжения тела после кашля теперь, будто раскаленными углями, горел его лоб. Краски в глазах едва разбивались по палитре от недавней своей смеси, и взгляд их теперь, почти мгновенно после осознания уже вновь живым мозгом личности источника того голоса, что и вырвал его из сна, с дрожью и трепетом устремился направо, откуда тот голос и исходил. Даже расплывчато, глаза Френтоса узнавали перед собой тот образ, что и сам он представил в своей голове сразу, как только услышал его голос, и в появление которого так вовремя перед собой, с доброй и счастливой улыбкой чуть разгибающего спину над его телом, просто не мог теперь поверить. Френтос сам резко оттолкнулся руками от пола, на который его свалил кашель, и тут же неуклюже и пошатываясь чуть поднялся на месте, еще прижатый спиной к стене. Он просто не верил своим глазам, как не верил и так внезапно учатившему биению на несколько порядков сердцу. Он был так близко, совсем рядышком. И будто того было мало — в его серебристых глазах горело то же пламя радости, что будто отражалось от самих глаз Френтоса, но которое они оба, на самом деле, безоговорочно разделяли.

— С-соккон! Брат! — с широко выпученными глазами и улыбкой до ушей, трясясь от собственной резкой и чрезмерной активности после пробуждения от столь сложного сна, всеми силами, и опираясь на стену локтем правой руки, старался подняться на ноги Френтос.

— Сложно сказать по виду, конечно... — все тем же родным Френтосу высоким и благородным голосом, с той же улыбкой поднимаясь на ноги перед братом, во весь рост вставал Соккон. — Но это и вправду я.

Пускай Френтос, за время сна, фактически исцелился от самой смерти, и должен был еще долго быть недееспособен после подобного, его разум и тело заметно конфликтовали между собой в вопросе лимитов его сил, и он вставал на ноги теперь за счет одной только силы воли, и вовсе подтягивая себя выше, вставая на ноги, тянясь одной только рукой за стену выше. Поднявшись, от еще давящего на тело духа сна, он мгновенно сторбился и прижался спиной к стене, теперь, и уже в немалой отдышке, судорожно осматривая сразу бросившееся ему в глаза жутковатое состояние брата, совсем больше не обращая внимания на прочее свое окружение. Пусть Френтос многократно теперь протирает глаза предплечьем, а сами глаза немного слезились, он уже хорошо все видел, и даже со временем по мере

пробуждения во внешности Соккона для него так ничего существенным образом и не менялось. Его некогда красивое и благородное лицо было грязным и усталым, а украшавшие его сверху белоснежные волосы вовсе стали серыми, мокрыми, кое-где слипшимися, открывая взору Френтоса даже небольшую красноватую рану, будто нанесенную тому недавно тупым предметом, но с большой силой, оставившим весьма уродливый след. Его рубаха, в которой он и видел брата всего пару дней назад, теперь была частично разодрана, и выглядела максимально неподходящей гордой личности своего хозяина, всегда уделявшего немало внимания внешнему виду как себя самого, так и своей одежды, а в частности ее чистоте. Изорванная в нескольких местах, со странными, явно обычными для канализации, подтеками и пятнами, она выглядела, все же, лучше, чем таковая Френтоса, от которой вообще остались лишь клочки на поясе чуть выше штанов. И, разумеется, на теле Соккона, даже кое-где на его одежде, частенько встречалась кровь, хоть и сложно сказать, ему ли она принадлежала. То же было и с его лицом — даже на его чуть потрескавшихся маленьких губах, небольшими подтеками от уголков рта к легкой сероватой от грязи щетине, выступала уже порядком подсохшая и едва заметная кровь.

— Отлично выглядишь. И одежда как у алкоголика из кабака под Манне-Дотом. — наконец отдышался Френтос, уже с облегченной улыбкой вздохнув в последний раз, отталкиваясь правым локтем от стены позади себя и устойчиво вставая на ноги без лишней опоры, пусть и так же стоя сгорбившись в три погибели.

— По крайней мере, на мне одежда есть. Что случилось с твоим...бахалибом? — изучающим взглядом оценил обрывки одежды брата на поясе Соккон, все так же улыбаясь.

— А я, знаешь, пока тебя не было, тренировался в быстром спуске в канализацию, и вот, случайно сюда попал. — про себя тихо, подкашливая, засмеялся Френтос.

— Смыв был настолько сильным, что разорвал одежду по поясу, а тебя самого вырубил?

— А...ну да. — уже чуть грустнее, но не переставая улыбаться, принялся осматривать помещение вокруг Френтос. — Долго я тут пролежал?

— Не знаю, но Гедыру сообщили о тебе около шести часов назад. Тогда он только пришел в убежище, так что, вполне вероятно, что ты и перед этим тут сколько-то пролежал. Но вряд ли долго — тебя могли найти мои злые подружки.

— Как всегда. Даже в канализации нашел себе подружек. Про Гедыра я что-то слышал про пути. Это он тебя ко мне отправил? — не найдя в своем окружении совсем никаких изменений с последнего раза, когда он, из-за своего состояния, и вовсе едва ли мог что-то там как следует разглядеть и запомнить, вернул взгляд обратно на Соккона Френтос.

— Да, но не сразу. В местном убежище живут Хемиры, которых когда-то скрещивал здесь с обитателями канализации Хемирнир. Так он хотел оставить между Синокином и Ренбиром своих соглядатаев, хотя они на эту роль плохо подошли. Их взял под свою опеку Кенн, и как раз шесть часов назад одна из них сообщила своему опекуну, что видела тебя около правого моста. Ты привлек внимание их сторожей тем, что хлопнул дверью коридора перед убежищем в той стороне.

— Что-то такое припоминаю. Меня оттуда какая-то неведомая хрень гнала. — кивнул Френтос.

— Я слышал, что местные Хемиры не ходят тем путем, и потому сам всегда его обходил. Вижу, не без причины.

— Ага. Так эти твои Хемиры шли за мной от той самой двери, и я ничего не заметил?

— Они сказали, что ты очень странно себя вел. Еле двигался, шатался, и вообще не

оборачивался, хотя несколько раз они весьма явно шумели.

Френтос промолчал, лишь в печальных мыслях опустив голову, хоть на секунду стараясь собрать для себя в той голове картину недавних событий, которые там совсем, как оказалось, не отложились. Единственное, что он помнил отчетливо, и что все еще будто телесной памятью потрясывало все его тело и сам разум — это страх. Он не хотел вспоминать его, в котором правда, впервые в жизни, понял, что умирает, и ничего не мог с этим сделать. Пускай он нередко получал повреждения в боях, получал травмы и увечья, а иногда и вовсе едва не истекал кровью после особенно тяжелых сражений, спровоцированных в первую очередь его собственной дурной натурой, он никогда не чувствовал приближение смерти настолько отчетливо, и, в то же время, так притупленно. Это было страшно. Просто чудовищно страшно.

— Они видели, куда ты ушел, и сказали об этом Кенну. Тот нашел тебя...но, почему-то, не помог, а только закрыл на ключ дверь, через которую ты вошел. Может быть, не хотел, чтобы до тебя добрались мои преследователи. Или на то была другая причина, связанная с его приказами от Дорана.

— Уже знаешь? — резко поднял голову Френтос. — Про этого Дорана и его Черное Пламя.

— Отчасти. Когда Кенн уходил, он пришел ко мне, и передал мне ключ от комнаты с тобой. Сказал, что не должен лезть в какое-то... «это» дело, но не мог оставить в беде старых друзей. Наверняка, это было дело именно Дорана, тем более зная самоуправство нашего старого друга, вообще любящего делать все наперекор чужим планам. Он не слишком хорош в роле прислуги, сам знаешь. Но спорить с Дораном даже он бы не стал.

— Да уж.

— Так что? Твой путь сюда тоже не прошел без приключений?

— Нееееет, ничего особенного. — заранее решил опустить тему планов Бездны Френтос, тем более раз уже выполнил свою миссию, и нашел брата, как собирался с самого начала. Теперь ему было важно только это, а про остальное он уже и думать не хотел. — Я вообще сюда на драконе прилетел.

— Прямо в канализацию?

Улыбка на лице Френтоса мелькала очень странно. Сначала он улыбался от собственного кочевряжества, но отсутствие особого удивления со стороны Соккона быстро сбило с его лица ту улыбку. И именно осознание вложенной в его слова мысли, уже через секунду, вернуло ее же обратно.

— А разве ты не знал, что даже в канализациях водятся драконы? Они потому такие редкие, потому что живут в таких местах, куда никто не лазит. — продолжил смеяться Френтос.

— Раньше не знал, пока не попал сюда. — вполне серьезно покачал головой Соккон.

Улыбка с лица Френтоса пропала окончательно.

— Чего?.. — не понял он.

— Видишь ли, наши предки... то есть предки людей, с самого начала сотворения мира жили под землей. — задумался Соккон. — Синокин был их столицей, а выше него стоял один из городов имтердов, которые захватывали земли на поверхности и единолично ими правили. Арды, которыми управляли имтерды, часто забирались с ними под землю, чтобы изучать людей, но не все возвращались назад. Пока люди не создали в своих племенах централизованную власть, здесь, под землей, умерли тысячи и десятки тысяч имтердов и

ардов. Ты даже не представляешь, какие кости я находил в нижних стоках, и которые до сих пор там не разложились. Таких монстров сейчас в мире, наверное, уже столетия просто не существует.

— Люди... вышли из-под земли? — икнул Френтос.

— Они жили там, пока имтерды не предложили им выйти на поверхность. Почти все люди последовали за ними, и те разделили с ними верхний мир.

— Ой нет. Нееееет. Только не говори, что это одна из тех историй про предательство, из-за которой получается, что люди козлы, а имтерды молодцы. — удивленно качал головой Френтос.

— Кенн говорил, что многие посвященные люди до сих пор думают, что имтерды вывели их на поверхность только потому, что сражаться с ними под землей было слишком тяжело. Это все равно, что сражаться в туннеле видом прямой кишки с огромным червяком. Но лично Кенн говорил, что имтерды тогда относились к ним весьма дружелюбно, а их Верховная Властительница вообще была без ума влюблена в человеческую расу. Помнишь, как мы говорили с тобой пару дней назад перед домом Лилики? Потом Лилика рассказала мне, что Первую Войну начал Верховный Властитель людей, попытавшись атаковать имтердов в Храме Вордилиона через своего монстра. Но Кенн говорит, что Нис не использовал монстра сам, а тот с самого начала был слишком миролюбив для подобного. То есть, их обоих подставили, и в роли разжигателя войны выступила третья сила.

— Ооооо, я знаю, что это за сила! — вдруг уже злее про себя чертыхнулся Френтос.

— Не обязательно, что это Доран.

— Разве?

— Тогда Доран еще не был Правителем Бездны.

— ? — удивленно скрестил руки на груди Френтос. Даже удивительно, как быстро к нему возвращалось сознание — раньше бы он уже перестал понимать, о чем говорит его брат, и начал бы активно пропускать его рассказы с, тем более, сложным языком, мимо ушей.

— Как раз после происшествия в Храме Вордилиона Доран спустился Бездну и остался там навеки. Но поскольку крайними в этой истории получились люди, в тот же день у имтердов сменился Верховный Властитель, и они пошли на них войной. Подробностей остального я пока и сам не знаю. — вдруг, и явно настороженно, он повернул голову вправо, в сторону ведущей вверх лестницы, и еще какое-то время продолжал смотреть туда, будто параллельно со своим рассказом за чем-то следя. — Если все пойдет по плану, мы сможем узнать подробности внизу.

Он резко поднял руку вверх, прервав речь, будто теперь окончательно убедившись в том, из-за чего уже и без того начал говорить тише, а взгляд его буквально заострился до уровня наконечника копья, с чем заметно выше даже над его волосами поднялись наостренные до предела уши. Теперь он выглядел куда более взволнованным и серьезным, а с истинно мужского благородного лица совсем стерлась улыбка.

— Тихо... — на пару секунд замолчал он, теперь уже сосредоточенно только на ушах прислушиваясь к чему-то Френтосом еще не слышимому, но ему, мастеру иллюзий, наверняка заметному даже в потоке собственной речи и нарастающего шума сердцебиения. — Вся троица проходит мимо. Бегут довольно быстро в сторону...

Поняв самое страшное, он осекся, в удивлении теперь широко раскрыв большие белые глаза, тут же не сильно прикусив язык едва острыми клыками под тонкими губами, уже всем

телом немного напрягаясь. Он знал, что это лишь вопрос времени, и однажды его преследователи, с которыми он играл в «кошки-мышки» уже второй день по всей канализации, рано или поздно найдут этот способ привлечь к себе его внимание, так вынудив его самого сдаться на их милость, или вовсе вступить с ними в бой. Они собирались атаковать тех, кто дал ему ночлег и пищу, и кого он, благородный и отважный Соккон Кацера, просто не мог дать теперь в обиду. Даже если это шло наперекор договору, которую он заключил совсем недавно с тем, кто этими Хемирами командовал, и кто до сих пор специально это от них скрывал.

— Эти три Хемиры? — серьезнее насупившись, вспомнил недавние (по крайней мере для него) слова старика с поверхности Френтос. Его сердце уже забилось быстрее, а крепко сжимаемые в кулаки руки все быстрее наливались кровью. Он чувствовал себя куда лучше, чем раньше, если не лучше, чем вообще когда-либо в жизни. Теперь сдержать его пыл даже ему самому было почти невозможно. И он совершенно точно делать этого не собирался.

— Знаешь? Они бегут в убежище, чтобы перебить тех, кто мне помог. Я пытался умять этот вопрос, но, похоже мои слова не слишком помогли. Этого не должно было...

— И не будет! — резко ударил кулаком в ладонь перед собой Френтос, тем самым поразив еще теряющегося в выборе «что делать» Соккона весьма резкими и ощутимыми потоками воздуха от удара. — Если бы они тебе не помогли, и я бы сейчас, наверное, до самой смерти обнимался с полом. Пока я их не отблагодарю, никто их и пальцем не тронет!

— ... - хотел что-то сказать Соккон, но вместо того лишь, сжав в кулак правой руки подбородок, ушел в довольно быстрые и неочевидные мысли, судорожными монологами из слов «так» и «подумаем» в собственном сознании стараясь как можно скорее найти для себя решение так внезапно и не вовремя образовавшейся из-за него проблемы, совсем забыв при этом о Френтосе, и особенно о том, насколько важные элементы своего плана, связанные с теми Хемирами, он брату рассказать забыл.

Но уже извергающий глазами боевой настрой Френтос не собирался терять время даром, и уже рывком обскочил задумчивого Соккона справа, потоками ветра даже колыхнув волосы брата и воротник его рубахи, рванул на лестницу, и начал по ней быстро и толчками рук от стен подниматься вверх. Соккон совсем забыл рассказать брату, что тот не мог трогать преследовавших их Хемир, поскольку того не позволяли их договоренности, и продолжал острым умом придумывать для себя быстрые планы без этой опоры, уже слишком поздно ее под теми планами нащупав с мыслью «стоп, он же не знает!». Френтос уже успел выскочить с лестницы наверху к самой двери, и мысли об этом слишком замедлили действия обычно быстрого и сообразительного Соккона, редко мешкающего даже в самых экстремальных условиях, теперь просто вставшего на пару секунд в ступор.

— погоди, ты не должен их трогать! — резко сорвался с места уже он, лицом изображая злую на глупость и горячность брата гримасу, за ним со свистом сам проскочив по лестнице наверх, да с завидной даже звуку скоростью, ногами под собой кое-где еще поднимая в воздух сухую черную грязь.

Дверь была еще приоткрыта, и Френтос буквально снес ее плечом с уже старых и едва доживающих свой век петель, грохотом наверняка привлекая к себе немало внимания. В один прыжок он соскочил оттуда, с площадки, на пол туннеля, и без промедления оттуда рванул на полной скорости, усиленной уже весьма серьезным окто, в сторону моста, где и сам уже, даже издали, видел силуэты быстро бегущих от него вперед существ. Его скорость увеличивалась в геометрической прогрессии, и с тем росла его злоба, лишь подпитываемая

мыслью о его недавней борьбе со смертью, ее целью, и о том, что теперь, так вероломно и нагло, все еще пытались встать между ними, и сорвало его торжественную встречу с братом. Соккон едва успел выскочить вслед за братом из той же двери, и уже издали лицезрел происходящее на мосту теперь. Собрав побольше сил в кулак правой руки, уже здоровой, как и до боя с Серпионом, Френтос летел к ним, собственным телом рассекая воздух как тот же дракон, что принес его к этой злосчастной канализации. Злобно сжимая зубы, сам от напряжения всего тела тяжело дыша, он собирался буквально размазать врага по мосту, или, по крайней мере, отправить их с него в неконтролируемый полет. Ему было плевать, кем они были — он собирался просто убить их, и вся недолга.

Белокурая девушка с белыми лисьими ушами и хвостом, явно Хемира, звериным глазом и острым слухом уловила приближение Френтоса к себе и Сестрам еще прежде чем враг выскочил из двери, и она же первой отреагировала на удар той двери о стену, на лету придумав план, пока Френтосу неизвестный, но и о вероятности существования которого он не стал лишним раз думать. Другая Сестра, прозванная неспроста Каменной Девой загорелая блондинка без каких-либо четко выраженных признаков Хемиры, кроме каменной чешуи на руках и ногах, встала на пути разящего кулака Френтоса, и встретила его лобовой атакой своего, не менее крепкого, обьятого в каменную перчатку кулака. Всего мгновение, и с хрустом и грохотом их руки столкнулись, залив весь окружающий их зал особенно неприятным треском от поврежденного в тот же миг ударной волной старого моста, и от того же залив его ярким взрывом пыли в свете еще светившего на мост со стороны смотровой площадки огня.

— Ого!.. — с серьезным лицом от удара отлетела чуть назад сама Дева.

Френтос не останавливался, и также не остановил рывка. Одним сильным движением обеих ног он подпрыгнул повыше, взлетая так над небольшим облаком пыли разрушенной последним ударом перчатки противника, и уже оттуда, занеся еще больше напряженную руку с огромной силой окто, новым прыжком от воздуха рванул уже вдогонку временно ослабленному противнику, всем видом своего озлобленного грязного лица, да с Синим Пламенем в глазах, говоря тем, что вот-вот готовится разорвать их в клочья без малейшей жалости. В тот же миг что-то изменилось на поле боя, и Френтос тоже это почувствовал, но его движений было уже не остановить. Всего один удар, и еще более мощный грохот, треск и хруст старого моста достигли своего апогея, разойдясь теперь не только по тому месту, куда ударил Френтос, подняв в воздух даже целые составляющие мост уничтоженные плиты, но и в целом по всему мосту на его протяжении в десятки метров в две стороны от места удара. Девы не было там, куда он ударил, как не было там и второй девушки, с алыми глазами и волосами, что стояла рядом с ней, и кого Френтос тоже пытался задеть ударом. В один миг опора с гулом начала уходить из-под его ног, а враги впереди буквально растворились в воздухе. Лишь одна из них, Лисица, не успела уйти достаточно далеко, оглушенная ударной волной последнего удара, и так же в миг потеряла равновесие на уже рушащемся под ее ногами мосту. Даже осадив окружающую его пыль, Френтос не понимал, что произошло с его врагами, и удивление с долей испуга в миг перебили его злость, вернув его затуманенный ими разум в привычное состояние, то есть в состояние «я ничего в этом мире не понимаю». Его противник обхитрил его, хотя и не было похоже, что его это сильно расстроило. Они все равно не могли уйти с этого моста далеко.

— Иллюзионистка! — кричал в его голове голос телепатии Соккона, уже добравшего до самого моста, но теперь побоявшегося на него ступить, лишь наблюдавшего, как тот, ходя

ходуном и качаясь волнами, на его глазах рушится. — Среди них есть иллюзионистка!

И вправду, именно исчезновением внутренней ауры Девы и Имперы было то изменение поля боя, которое Френтос заметил, но на которое не обратил внимания. Иллюзия Лисицы прикрыла их, обманув восприятие даже столь сильного октолима, как Френтос? Этого бы наверняка не произошло, если бы он был чуть внимательней и думал не только кулаками. Он смотрел на Лисицу, еще неуклюже и испуганно шатающуюся на с грохотом и треском ломающихся под ее ногами плитах моста, и, пусть сам уже не мог нормально двигаться, с ходу воспринял ее, как опасного противника, который еще наверняка бы им помешал в будущем, и от которого лучше избавиться поскорее, пока...

— Соккон! — крикнул он брату, когда мост под ним, все-таки, сломался окончательно, а сам он без промедления отправился в свободный полет с его кусками на самое дно, скорее всего, всей этой канализации. — Этой мандой я сам займусь. Догони оставшихся, и вынеси их!

— Придурок, хоть раз бы ты меня послушал прежде, чем лезть в драку! — от злости на глупость брата крепко сжимал кулаки и зубы присевший на одно колено перед уже окончательно сорвавшимся с несущих колонн мостом Соккон.

Лисица летела вниз чуть поодаль от Френтоса, еще испуганно держась руками за постоянно крутящийся перед ней в полете кусок бетона, и с ужасом смотрела на своего нового противника, с которым, что было очевидно всем, кроме него самого, сражаться с самого начала никто не собирался. Но даже она понимала, что другого выхода у нее теперь может не быть, и уже со слишком страшным треском разрываемого металла внизу под огромными обломками моста прогнулись трубы, отделяющие канализацию от земель ранее обычными людьми неизведанных, и откуда им обоим, Френтосу и Лисице, возможно самим было уже не выбраться. Она не была воином, и единственной целью ее жизни была защита любимых Сестер, за кем она и последовала в подчинение Западного Генерала имтердов Бриза, и потому теперь следовала его приказам. Тогда в ее звериных глазах, все еще смотрящих в лицо врага, мелькнул едва заметный свет вспышки недавнего прошлого. Она вспомнила слова самого Бриза, что те оставил лично ей перед тем, как все три Сестры спустились в это неприветливое даже к ним место, и это в миг избавило ее от страха, тут же заменив его тихой злобой.

— «...на пути воли Геллара может встать лишь одно существо — монстр с глазами, горящими Синим Пламенем.» — вспоминала девушка слова старика, теперь уже совершенно уверенно и изучающе следя за движением того Пламени в глазах Френтоса, что так и оставляло на воздухе, по которому он неумолимо летел вниз, светящийся клубящийся след. — «Ты не должна допустить, чтобы оно помешало нам.»

— Встретимся внизу, и найдем этого Геллара вместе! — в своей голове, для телепатии Соккона, весело и взволнованно кричал Френтос.

— Не дерись с этой Хемирой! — продолжал вещать Соккон. — Мы не должны причинять им вред. Об этом я договаривался с Гелларом. Нужно встретиться с ним в Синокине!

Но внутренняя сила Френтоса, как и он сам, уже совсем пропали внизу, будто в самой бездне, хоть и уже, внезапно, совсем не темной. Гул воды из труб стал отчетливее, и поток воды оттуда резко усилился, что говорило Соккону лишь об одном — его брат, вместе с Лисицей и все еще изредка спадающими с обсыпающихся колонн кусками моста, упали куда-то в воду, которую и гнала по трубам канализация выше на самом деле. Тяжело

вздыхнув, все еще сам взволнованный и напуганный, он посмотрел вперед, на другую сторону моста, где еще так же смотрели вниз напуганные судьбой Сестры Дева и Импера, с самого начала не ощущая рядом присутствия Соккона от дальности, и с подобного расстояния не способные разглядеть его вдалеке и без света на той стороне моста.

— Это что еще было?! — скорее зло, чем напуганного, поднялась на ноги Дева, смотря в горящие рубиновыми отблесками в свете окружающих костров глаза уже по-настоящему напуганной Имперы.

— Не знаю. Но это был точно не Соккон. — хотя бы с чем-то согласилась Импера, еще глядя вниз, и не понимая теперь, откуда там вдруг появилось столько света, проблесками освещавшего даже разорванный оранжеватый металл над пропастью, где и были сорваны булыжниками открытые трубы, и через которые, очевидно, куда-то ниже, в воду, пролетели с обломками моста сами Френтос и Лисица.

— Ну... Все-равно она не хотела участвовать в том, зачем мы идем. — вздохнула Дева.

— Как и я. Но я знаю, что Лисица справится. Это же она держалась в гонке за Сокконом одна столько времени? И он ее даже не ранил, несмотря на свою силу и хитрость.

«В прошлый раз я отговорил ее от выполнения миссии мечом у горла.» — на обратной стороне пропасти думал про себя Соккон. — «С остальными договориться уже не получится, даже если я успею их догнать. Только если с Имперой...»

Теперь он смотрел на смотровые площадки в стене зала справа, куда, сбоку от него шли решетчатые металлические лестницы и прочие прямые площадки.

— «Нужно поскорее решить проблему с убежищем. С той стороны есть другой мост, по которому мы ходили с Кали. Перед мостом завал, но я знаю, как его обойти. Будет лучше, если я пойду на тот мост сейчас же, и оттуда войду в убежище. Нужно уговорить Деву и Имперу, и уже спускаться вниз за Френтосом. Время встречи, о которой мы договаривались с Гелларом, вот-вот наступит. Он просил не опаздывать, чтобы опередить появление в Синокине не званых гостей. Лишь бы успеть...»

Громкий глухой шлепок, булькающий гул в ушах, и Френтос одним резким движением, разбрасывая всем телом брызги, выскакивает из холодной и на удивление чистой воды, теперь в полуприсяде останавливаясь на ее глади своим окто, быстро начиная после приземления легкую отдышку. Он вовремя заметил воду под собой в полете и успел задержать дыхание, решив не тратить внутреннюю силу на приземление хотя бы так, уже понимая, что дна у этого «озера», может быть, он все равно не нащупает, пусть на деле и слегка коснулся его спиной. Гул в его ушах под самой водой говорил и о том, что водный источник вокруг него наполнялся не только водами подземными, но и, теперь, водами из труб сверху, потоки которых с шумом разбивались о воду повсюду вокруг, теперь пробиваясь через разрушенные мостом выше выгнутые вниз трубы как раз в нескольких метрах над бывшим сводом этой пещеры. Вокруг было уже слишком ярко, а в глаза Френтосу попала вода. Он быстро протер глаза руками, скинул прядь прилипших ко лбу волос с лица, и быстро начал оглядываться по сторонам, чтобы хотя бы не упустить противника из виду. Что он видел еще перед приземлением, девушка не упала в воду вместе с ним, и ее точно не раздавило кусками еще осыпающегося с моста бетона. Лисица была еще где-то рядом, и, если следовать текущей реакции Френтоса на свое окружение, наверняка и сама теперь оставалась недееспособной от небольшого шока.

Именно дивное, диковинное и яркое место, куда они попали, и вызвало в них на секунду своеобразный шок и изумление. Подземное озеро с почти (от примеси сточной воды)

кристально чистой холодной водой, до сих пор слабо бившей из щелей глубоко на дне, залило собой вовсе не пещеры и гроты, а целое небольшое, наверняка древнее, человеческое поселение. Полуразрушенные временем невысокие дома и стены множились от центра той пропасти во все стороны прямоугольного туннеля, пускай вторые и третьи их этажи едва не соприкасались с бывшим сводом самого подземелья, теперь полностью разрушенного обломками моста. Не было похоже, что серьезная часть тех домов уходила под воду, и они, скорее всего, изначально были не слишком высокими, пусть те же обломки сверху и успели уже сломать некоторым из них крыши. Синевато-белый свет, что их освещал, бил из не попавших под недавний камнепад углов свода пещеры и ее стен, разливаясь по самой воде, играя волнами ее бликов по вечно влажным круглым камням зданий вокруг, едва ли не ослепляя своим светом уже привыкшего к темноте канализации Френтоса, и теперь едва восстанавливающего зрения от такого зрелища. Как давно и говорили ученые Ренбирской Академии Окто, истинный свет Зоота был именно голубым, а не чисто-белым. Именно в соединении с элементами своей изначальной среды образования, Зоот приобретал подобный свет, не нуждающийся во внутренней силе для своего поддержания. Об этом слышал даже Френтос. Но даже он, за свою, полную приключений, жизнь повидавший немало разных диковинных мест, никогда не видел ничего похожего на то, что окружало его в этой пещере теперь, и от чего у него самого буквально отвисла челюсть. Хотя и вряд ли от того же стучали зубы, а изо рта шел легкий пар.

Оттолкнувшись ногами от воды с помощью окто, он перескочил на частично разрушенную стену здания повыше, решив как следует осмотреться теперь оттуда, так стараясь найти и своего врага, и, заодно, найти возможные проходы, что могли бы привести его из этой пещеры в Синокин. Мысли о том, что он уже находится там, в его голове даже не мелькали, и то было верно. По словам Серпиона и Заэля, Синокин был огромен, и, по крайней мере, должен был походить внешне на Ренбир, коли также был некогда столицей человеческой расы, которую они и потом перестраивали под себя. Поселение же, в котором Френтос находился теперь, даже на город похоже не было. Три ряда домов, размером увеличивающихся от дальней стены с кристаллами к самому Френтосу, и всего по десять штук в каждом ряду. Даже Кацера после первого пожара выглядела больше, и даже так не была похожа на развалины с границы двух воюющих государств, что Френтос уже точно раньше видел между Ирмией и Волшеквией, и с чем теперь вполне мог провести параллель.

— Пропала шалашовка. — теперь с каждым дыханием выдыхая пар и чуть подергиваясь от холода, продолжал осматриваться вокруг Френтос, уже не находя нигде вокруг признаков присутствия врага, но оттого только больше сосредотачиваясь. — Пускай она иллюзионистка, я с такими уже дрался. Спасибо Соккону, да и он, наверняка, посильнее будет.

Про себя вздохнув, он расширил свою внутреннюю ауру, так пытаясь уловить присутствие внутренней ауры врага в той же пещере, ссылаясь при этом на то, что если пока выхода оттуда не нашел он сам, то и враг этого пока тоже наверняка не сделал. Если таковой выход в пещере, конечно, вообще был.

— Опа. — резко перевел взгляд в сторону прямой подмерзшей стены слева он, почувствовав там присутствие врага, хоть с такого расстояния и не разглядев едва заметного на фоне ледяной стены редкого белого пара его дыхания. — Что, драться как мужик не умеешь? Даже Соккон при своей рассудительности никогда не отсиживается в стороне, когда становится жарко.

«Я не хотела драться, кто бы ни был.» — похожим манером зазвучал в голове Френтоса мягкий голос все еще невидимой его глазами Лисицы. — «Мы лишь должны найти Соккона, и отвести его к нашему Военачальнику. Не больше.»

— Ага, так вот тебе новость — я собираюсь сделать то же самое. Только я туда пойду вместе с ним. — самоуверенно насупившись скрестил руки на груди Френтос.

«Нет, ты туда не пойдешь.»

Прищуренный взгляд Френтоса стал еще злее. С другой стороны, он только этого и ждал, а противники с «хитростями» его вовсе всегда нервировали. Ему нужно было поскорее с этим разобраться, и тратить время на игры с фокусами он совершенно не желал. Было бы намного лучше, если бы враг атаковал его сам, и сам же так открылся для его контратаки.

«Теперь я понимаю, почему дедушка сказал мне остановить чудовище с Синим Пламенем в глазах. Я видела твою силу на мосту — тебя нельзя подпускать к Геллару.»

— Уууу, наконец-то я слышу боевой настрой. — все так же кочевряжился Френтос, теперь разводя руками. — Только вот я не из тех, кто щадит женщин и детей. Особенно если они не умеют драться как подобает. Меня это бесит, и я вбиваю их в землю.

Лисица не шевелилась. Как бы не хвастался противник, и как ни старался ее раздражить, шестым чувством она чувствовала, что его слова не пусты, и не зря от них, от его вида и ощущения давящей внутренней силы, у нее уже дыбом встала шерсть на теле под некогда связанным для нее лично Бризом белым свитером, и так же затряслась шерсть на ушах и хвосте. Свитер был одет на голое тело по просьбе Сестер, и она не снимала его с того самого момента, как те собрались вместе на Юге после захвата их земель Бризом и победы их всех над одной из марионеток Бога Смерти. Он был достаточно теплым для согревания ее не покрытых шерстью частей тела даже после соприкосновения с ледяной водой и остановки на не менее холодном воздухе. Она выросла в условиях, вполне свойственных для Хемир, но и непринятых среди людей — никто в ее родных землях не носил одежду, и без того защищенные от внешних факторов плотной шерстью или чешуей. Лишь те, кто подражали истинным имтердам или людям, надевали одежду, и Лисица всегда отвергала свою принадлежность к существам, похожим на тех, кто некогда, без ее воли, через ужасные страдания превратил ее в зверя. И именно зверем она себя считала, ибо на него, как думала, была похожа больше.

— Не волнуйся. Я постараюсь быть нежным. — гадко улыбаясь, хихикал Френтос, все же еще воодушевленный находждением брата, тем более целого и почти невредимого.

«Но за охоту на Соккона я тебя все равно как следует отделаю.» — мысленно, а потому уже не притворно для привлечения противника, продолжал думать он.

Лисица не теряла времени даром. За самым высоким домом как раз позади Френтоса, в стене снизу, был наполовину затопленный узкий и едва заметный проход. К сожалению, нижние этажи дома развалились от постоянного давления воды, и потому остальная его часть съехала к стене, закрыв собой проход ниже. Только Лисица, со своего ракурса, видела край того прохода, и знала, что через него сможет попасть в новое помещение, пусть и пока неизвестно, куда ведущее. Впрочем, главное, чтобы это не оказался тупик. У нее был план, и она могла теперь придерживаться только его. Права на ошибку не было — всего одного удара будет достаточно, чтобы Френтос ее убил. Это было совершенно очевидно.

«Пусть будет по-твоему.» — крепко сжала клыки она, сильнее напрягая сильные белые от шерсти руки и ноги, как настоящий зверь впившись когтями в хрупкую от тонкого слоя льда стену, теперь собираясь от нее резко отскочить.

С тихим треском она сорвалась с места, мгновенно сорвав со стены маленькие камешки и подтекающий хрупкий лед, рывком за секунду перескочив оттуда на чуть кривую наклоненную к стене пещеры стену дома позади Френтоса, там так же вцепившись в нее когтями на обеих конечностях. Френтос услышал хруст, с которым когти девушки вцепились в стену, и резко развернулся на месте, самого себя толкнув окто в спину, да так, что камни под ним разом разлетелись в стороны, быстро и с бульканьем упав в воду. Перед тем, как рвануть в сторону врага самому, она направил туда часть своей внутренней силы, ей прижав к стене все, что ее касалось, но не слишком сильно из-за нехватки времени на маневр, но, по его мнению, достаточно для удержания врага хотя бы для одного смертоносного удара. Лисица была там, хоть и была еще невидима, и Френтос, мелькая Синим Пламенем своих глаз, уже летел в ее сторону, готовясь буквально разбить в пыль все, что стояло на его пути, и от чего Лисица едва ли смогла бы уклониться, и даже от ударной волны наверняка получила бы немалый урон.

Удар тот был страшен настолько, что некоторые кристаллы со стен и углов потолка от тряски треснули или вовсе упали в воду, а сама стена дома, как и стена пещеры позади него, правда тут же разлетелись на мелкие кусочки и пыль. Часть пыли исчезла сразу, коснувшись случайно выпущенного Френтосом из руки потока Синего Пламени, и он же задел левое плечо по начало груди Лисицы, все-таки как-то успевшей уклониться от атаки противника, все равно контуженной ударной волной, от чего едва не потеряла контроль над собственным окто и не стала видимой. Проход ниже был теперь не просто свободен — он был на порядок расширен. На какое-то время Френтос завис в воздухе после удара, понимая, что его кулак не встретил нужного сопротивления плоти перед собой, и противник точно от него ускользнул. Внутренняя аура Лисицы трепыхнулась, и с тем изменилось ее движение, она начала резко отдаляться. Френтос, крепко сжав зубы от злости, рванул за ней, уже понимая, что собственным ударом сам пробил врагу путь к отступлению через стену пещеры. Того, что это изначально и было частью ее плана, он не подумал, и это тоже было логично — уж слишком маневр Лисицы напоминал стандартную для противника ее типа атаку рывком в спину, которые и сам Френтос не раз видел раньше.

Раздув вокруг себя закрывшую глаза пыль, игнорируя уже громко падающие в воду позади него со стен камни, он немедленно принялся осматриваться уже в новом месте, правда больше похожем на обычную круглую пещеру с кучей больших кристаллов по бокам. Не все эти кристаллы светились, а некоторые вовсе росли странным образом как из пола, так и из потолка. Что такое сталактиты и сталагмиты он, разумеется, не знал, и вовсе не о ледяных самородках пришел в ту пещеру рассуждать. Внутренняя аура противника удалялась слишком быстро, и он никак не мог упустить ее из поля зрения или зоны чувства. Если это произойдет — он может просто заблудиться в этих пещерах, а его враг, будучи иллюзионистом, наверняка успеет подготовить ему впереди сразу немало неприятных ловушек, как это часто делал Соккон, маскируя дыры в полу даже собственного дома.

Небольшое помещение высотой в четыре метра, наполовину затопленное у пробитого Френтосом прохода, уходило далеко вперед, по небольшому круглому туннелю, и немало петляло впереди. Френтосу приходилось бежать в ту сторону уже почти по воздуху — по земле здесь он слишком скользил, и была она, правда, влажной и подмерзшей, чего нельзя было сказать о самом Френтосе. После недавнего пробуждения его организм слишком активно вырабатывал тепло, и даже его голый торс медленно, но весьма эффектно, еще испарял покрывающую его ледяную воду, что самого Френтоса хоть немного и

подмораживала, но по-прежнему от важных дел не отвлекала. Глухое эхо его шагов окончательно скрыло за собой шум воды позади, как и удары капель местного конденсата с потолка пещеры на ледяной пол. Следы противника были весьма отчетливы — разрывы и трещины на небольшом слое того льда пещеры, появившиеся при ее движении. Она не бежала, а прыгала, цепляясь когтями за пол, с рывками отталкиваясь от него и прыгая далеко вперед. Все равно, даже так она не слишком опережала Френтоса, что тоже было странно, но что он просто счел своим преимуществом в физических способностях над таковыми способностями врага, а никак не его намеренными действиями.

И не только следы Лисицы выдавали ее путь Френтосу. Чем тот был только довольнее, иногда в свете промелькивающих из стен замороженных кристаллов Зоота, на серовато-белом льду изредка встречались довольно крупные капли обыкновенной для человекоподобного существа крови. Лисица продолжала двигаться вперед, сбавляя темпы лишь под внутреннюю ауру противника, чтобы тот специально не упускал ее из виду, и весь путь, с каждым своим рывком, тихо стонала и крепко сжимала белоснежные клыки от боли. Левая грудь у самой ключицы была разорвана Синим Пламенем, что совершенно случайно ее задело, и от чего она, даже стараясь, никак не смогла защититься. Во время удара Френтоса по стене она изо всех сил рванула налево и вниз, но в прыжке окто противника ее немного развернуло, а поток Пламени, прожигающего будто самую внутреннюю силу, очень некстати ударил в ее сторону. Тогда она замешкалась и испугалась, но все равно успела проскочить под Френтосом в сторону открытого его ударом за стеной пыли прохода, при этом даже опередив его самого на пару секунд. Она не могла двигаться иначе, чтобы опережать его теперь, и каждый рывок отнимал слишком много сил у ее левой руки, часть мышц которой у самого плеча были теперь разорваны, и с чем саму ее руку постоянно пронзала ноющая и острая боль.

«Терпи, Лиси, терпи.» — в собственном сознании дергающимся от боли голосом шептала она. — «Мне всего лишь нужно продержаться до прихода Сестер!»

— Что, кончилась уверенность? — кричал ей вдогонку все не останавливающийся в преследовании Френтос.

Лисица не отвечала. У нее было точно меньше внутренней силы, чем у врага, и без толку тратить ее на телепатию смысла не было. Ей просто не о чем было говорить с таким монстром, как Френтос, да и ее внутренней силе для материализации телепатией было слишком тяжело пробиваться через его внутреннюю ауру. В этом просто не было смысла.

Через минуту подобного петляющего бега туннель впереди немного изменился, и встретила Френтоса там уже явная развилка, где еще виднелись высеченные на стене четкие слова «Neerbin» слева, и «Degen» справа, перед которыми сам Френтос, резко остановившись на полном ходе, на льду едва не поскользнулся. Он не понимал этих, выбитых за слоем льда стен, слов, и был совершенно уверен, что не на человеческом языке они были написаны, пускай его еще и окружали земли людей. Внутренняя аура Лисицы почти остановилась, и это произошло справа. Туда, недолго думая, побежал и Френтос. Кто еще, кроме Хемиры, изучавшей культуру имтердов, мог знать, что до выхода людей на поверхность они и сами использовали язык имтердов между собой, и что именно на нем слово «Neerbin», написанное с другой стороны, означало «Столица». Тогда задача Лисицы была только яснее — она на самом деле осознанно водила Френтоса кругами, и подальше от Синокина. Она просто не могла позволить, что он там встретился с Гелларом, и потому пыталась отвести его если не в ловушку, так хотя бы в тупик подальше.

Еще минуту, две, и скорость движения обоих участников этих жестоких «догонялок» уменьшилась, с чем только окрепли их внимание и осторожность. Френтос уже понял, что Лисица водит его по кругу, но еще не понимал, какая польза от этого могла получить она сама. Он был уверен, что Соккон разберется с врагами наверху уже довольно скоро, и сразу придет к нему на помощь, тогда без проблем прикончив уже и того, кого столько времени пытался догнать Френтос. В похожей помощи, но уже с участием Девы и Имперы, была уверена и Лисица. Ее регенерация была не столь сильна, как у многих других Хемир, но она, помимо того, была и сильным октолимом, из-за чего раны на ней затягивались правда быстрее даже чем на Френтосе за первые минуты «летаргии», из которой он сам еще не знал, как вышел. Но рана, оставленная девушке Синим Пламенем Френтоса, затягивалась куда дольше, будто на ней все время оставался крохотный его слой, и продолжал одним своим существованием растворять материю вокруг себя, препятствуя ее восстановлению. Все же, все виды Первородного Пламени лишь копировали свой уровень поглощения друг друга в Мире Душ и Бездне, и Синее Пламя вовсе не было так сильно в поглощении Красного Пламени, составлявшего любую материю, чтобы поглотить столь большой его объем за столь короткое время. Внутренняя сила помогла Лисице избавиться от остатков Пламени на своем теле, и ее рана довольно быстро затянулась после этого. Обидно было лишь то, что она никак не могла теперь восстановить разорванный в том месте свитер, что был для нее символом заботы дедушки Бриза, буквально приютившего ее однажды как сироту, брошенную всем миром на произвол судьбы, лишь с ним нашедшую для себя новую семью и цель в жизни. Белая шелковистая и мягкая короткая шерсть на руках по плечи и на ногах по щиколотки спасали ее от переохлаждения, но не давали ей достаточной защиты в бою, в собственных владениях на Юге чаще служа для нее скорее средством составления приятного внешнего вида, чем реальной защитой.

Не без причины она была правда красива, и ее тело имело идеальные, по последним меркам людей, пропорции. Невысокая, с милым лицом под лисьими ушами и послушными волосами средней длины, с пушистым хвостом, выходящим прямо из-под самого свитера. Создатель Хемир, Хемирнир, ничем не уступал в хитрости своему брату Совенрару, и достаточно хорошо знал людей, чтобы с годами находить все новые и новые способы контроля их чувств и эмоций, так легче их контролируя, и тем пользуясь для свершения своих не самых добрых дел с ними. Создаваемые им монстроподобные арды выглядели вполне жутко и устрашающе, чтобы переломить волю воинов людей, вселить страх в их сердца, так упрощая своим детям охоту. Хемиры, создаваемые им на основе людей, выглядели наоборот максимально привлекательно, чтобы завлекать восхищенных ими людей в свои сети, стимулируя их размножение, или просто красотой сбивая агрессию людей к ним. У него всегда были долгоиграющие планы, и повышение популяции так или иначе ментально связанных с ними созданий было ему очень на руку. Жаль только, что Френтосу на внешность Лисицы все равно было плевать — он уже привык к тому, что его отвергают даже проклятые Богами каракатицы, и уже давно перестал обращать внимание на внешность людей вокруг хотя бы принятия различных решений в ответственную минуту. Пусть враг перед ним будет хоть трижды заоблачно красив — для него враг был только врагом, и никак иначе.

— Ты просто отсрочиваешь неизбежное. — вздохнул Френтос, так же, но уже спокойнее, продолжая свой путь по следам девушки через те же светящиеся пещеры вперед в неизвестном направлении.

«Может быть ты и прав.» — грустно подумала про себя Лисица, даже своими звериными ушами едва уловив голос врага из пещеры, откуда она уже вышла в пещеру покрупнее, и уже ждала его на крыше ее единственного здания. — «Но неизбежно это не только для меня.»

Она смотрела вниз, на сам проход, из которого она только что вышла. Медленным и спокойным шагом оттуда вышел Френтос, почти с ходу разглядев высоко впереди, на верхушке, пожалуй, единственного здания всей пещеры, своего противника. Она больше не скрывалась от его взора, и на то тоже были свои причины. Ей было просто некуда теперь бежать.

Понимая, что единственный путь отступления девушки теперь остается у него за спиной, Френтос даже подумал обрушить тот ход, тем более что потом все равно смог бы его разобрать и уйти туда, откуда он пришел. Но в случае, если враг окажется сильнее его, Соккон не сможет до него добраться и вовремя помочь, что противоречило его первостепенному плану. Как и противоречило ему то, что кто-либо теперь вообще сможет его обуздать в бою. Теперь он думал не только о себе, и не мог действовать опрометчиво. Он должен был учитывать любые вероятности.

— «Мне больше некуда бежать, как видишь. Сама загнала себя в ловушку. Как обычно.» — грустной телепатией вздохнула она, от расстояния все еще не способная говорить устами так, чтобы Френтос ее услышал. Уста те, как и само ее лицо в целом, выглядели грустно, и ее слова вовсе не были похожи на сарказм. Это Френтоса уже немного успокаивало.

— Можешь не переживать. Больше это не повторится. — с серьезным видом уже чуть быстрее пошел в сторону того здания Френтос.

Назначение этой пещеры было ему еще не понятно, как, в целом, оно осталось таковым и для меня. Широкий дом с полукруглой верхушкой по центру крыши, со шпилем, похожий в целом на церковь, но точно не являющийся ей ввиду специфики времени, в которое он был возведен. Свод пещеры по самому центру, уходящему конусом чуть ввысь, закрывал огромный слой мелких кристаллов Зоота, будто налипших друг на друга, и так же усеявших собой некоторые части потолка поодаль, делая саму пещеру вокруг страшно яркой и белоснежной. Покрытые кристаллами стены, кое-где пол, и даже само здание здесь будто заросло в некоторых местах теми же голубоватыми кристаллами. Да, именно кристалльным гротом были родные земли людей, которые они покинули уже столетия назад, но вид которых все еще восторгал их дальних потомков вроде Френтоса, на что он еще старался не обращать внимания, пытаясь сосредоточиться на противнике выше. Наверняка, где-то в этих местах и был рожден на свет его почти 500-летний отец, Дума. И в этих же землях он еще был героем людей, их предводителем и величайшим воином, по стопам которого, в каком-то смысле, шел теперь и его сын.

— Ты оставил мне путь к отступлению. Я могу в любой момент сбежать. — заметила Лисица, но говоря уже устами. Френтос подошел достаточно близко, и стоял уже как раз перед зданием под ней. Ничто не перебивало их речи, и всю пещеру вокруг них с головой поглотила болезненная звенящая тишина.

— Хочешь бежать — милости просим. Но я все равно тебя догоню. — уверенным прищуром смотрел в глаза Хемиры снизу Френтос.

— Не в этот раз. Хорошо, что я ничего не успела пообещать Сестрам. Я смогу умереть со спокойной душой, но и тебя заберу с собой в могилу.

Ракурс снизу для Френтоса был не слишком удобен, и он на мгновение, все-таки,

покраснел, поняв, что свитер был вообще единственной одеждой Хемиры. Его реакция была довольно заметна ей самой, но она заранее неправильно ее расценила. Ей показалось, что ее последние слова как-то его задели, и, возможно, у нее даже получится этим воспользоваться, немного сломив так волю к сопротивлению противника. Это, конечно, было ошибкой, но она уже слишком отчаялась сама по себе, и ее мозг сам додумывал за нее некоторые вещи, хотя бы так стараясь спасти ее от волнения и страха. Как бы она не убеждала себя в обратном, она не могла не бояться смерти. И вовсе не от холода вокруг, все же ее подмораживающего, у нее так дрожали руки.

— Все, хватит болтать. — все еще смотря в пол, уверенно махнул рукой Френтос. — Из-за вас, уважаемых сучек, Соккон стал похож не на благородного пижона как обычно, а на оборванца с улицы. Хоть так ему идет больше, так быть не должно, и в этом виноваты вы. Иными словами... — с головой поднял кулаки Френтос, и тут же начал их разнимать перед грудью, уже злым огнем своих глаз сверкнув на Лисицу. — ...вам за это не жить.

Свод пещеры был слаб, что было очевидно для острого глаза Лисицы. Всего немного усилий, и он обрушится, а с тем похоронит под собой и ее, и ее противника. Она была пессимистична все время, сколько себя помнила, и немного изменилась только после встречи с Бризом и Сестрами несколько лет назад. Все равно, пессимисты, как и люди от природы депрессивные, часто глушат свои печали и переживания в себе самих, не пуская их наружу, при близких людях совсем о них забывая, тут же начиная сверкать счастьем даже ярче, чем вечные оптимисты. Можно ли это отнести к правилу «Чем ярче свет, тем гуще тень»? Пожалуй. И то же можно было сказать о Лисице. Ее жизнь была слишком ужасна до появления в ней существ, которые и теперь, ввиду существования подобного Френтосу монстра, находились в опасности, и которых она сама когда-то клялась защищать хоть ценой собственной жизни. Она не могла допустить, чтобы, после нее, он добрался и до них, и вполне была готова пожертвовать ради этого собой. Именно об этом она говорила Френтосу недавно — она загнала себя в ловушку не в тупиковой пещере, и не тем была тогда опечалена, ведь все равно еще могла от него улизнуть. Она просто не оставила себе иного выбора, как сыграть в «дурака» с самой смертью, и сама выбросила из колоды все свои козыри, и только неизбежным проигрышем была теперь напугана.

Но и Френтос все еще метался в выборе. Тот же принцип, описанный мною ранее, лишь отчасти действовал на него, уже слишком хорошо знакомого с Хемирами в принципе, но оттого заранее только снисходительнее к ним относившегося. Характер девушки выдавали ее слова, и она правда не могла быть так уж для него опасна. Он думал, что, возможно, из встреченных им трех Хемир конкретно она и не причиняла его брату вреда, и она сама говорила, что не хотела ни с кем сражаться, да и у нее никогда бы не хватило сил, что причинить Соккону вред в открытом бою. Все равно, ее глаза горели слишком ярким светом решимости, и это вряд ли были блики света Зоота на зверином зрачке ее белых глаз. Что-то во взгляде всех животных выдавало их настроение и мысли, и Френтос не раз замечал это раньше даже у обычных дворняг. Лисица правда собиралась его убить, и Френтос, коли умирать не собирался, должен был убить ее первой, или же хотя бы обездвигить в успокоение, что вполне позволяло его окто. Нужно было лишь разрушить внутреннюю ауру противника, и он как раз думал, может ли сделать так, и не убивать противника на месте, решиться на что даже ему, на самом деле, было все еще весьма тяжело.

— Все-таки, расскажи ты мне напоследок, чего хочет от Соккона Геллар? Про Душу кого-то там я уже слышал, как и про то, что Геллар решил ничего Дорану не приносить.

Если это так — чего еще он может от нас хотеть?

— Это...их планы. Мы лишь следуем их указаниям, не больше. — покачала головой Лисица.

— Так вам ничего не рассказывают, а вы слепо за ними идете?

— Я следую за теми, кто мне дорог. За своей семьей.

Френтос промолчал, только едва заметно прикусив губу.

— Дедушка просил нас привести Соккона к Геллару в Синокин. Мы пытались довольно долго, но он постоянно уходил от нас. Мы думали, что он трус, и просто боится нас, пока не разделились. Он поймал меня как ребенка, и сразу прижал меч к горлу. Но...не стал убивать. Я говорила с ним, и поняла, что нам не за чем враждовать... — задумалась Лисица.

— О чем вы говорили? — задумался уже Френтос. Даже ему было очевидно, что у Соккона были свои планы на эту ситуацию, и он даже пытался что-то об этом рассказать брату. Если бы только Френтос не был таким своевольным и вспыльчивым, может быть, ему бы и не пришлось теперь гоняться не весть где за изначально не слишком враждебной Лисицей, тем более если бы оказалось, что они изначально с Сокконом не были врагами. И, зная альфонса Соккона с хорошей стороны, они и вовсе могли успеть при одной подобной встрече, и с мечом у горла, потом немало сблизиться. Теория обычная, но, увы, после возвращения Лилики, не слишком правдоподобная.

— Он просил держать это в тайне. И теперь я понимаю, почему. — увереннее подняла голову она, крепко сжимая кулаки, каким-то чудом не ранившие ладони когтями, пропустив их будто между пальцев. — Монстр с Синим Пламенем. Я не скажу тебе ни слова!

Она рванула в его сторону так резко и неожиданно, что Френтос едва не поскользнулся на льду под собой, лишь в последний момент сдержав одной левой рукой правую руку девушки у самого своего уха. Его уже коснулись ее когти, но они не могли пробить его внутреннюю силу, обволакивающую тело постоянно, и всегда готовую к материализации. На мгновение она остановилась перед ним, и он легко разглядел выражение ее лица — она была почти в отчаянии, и над крепко сжатыми в злой гримасе клыками почти так же ярко, как и ранее у того же загнанного в угол Серпиона, отчаянной злобой горели влажные и дрожащие глаза. Она не рассчитала сил, погорячилась, и нанесла удар не вовремя. Даже с ней такое случалось очень редко. Теперь она была полностью открыта для удара противника, и, зная его силу, буквально на месте попрощалась с жизнью. Ее тело оцепенело, и его уже железной хваткой обволакивала внутренняя сила противника. Она не могла уклониться, и даже об этом не думала.

Френтос оттолкнул ее назад, но не слишком сильно, пускай девушка и потеряла равновесие, поскользнувшись в последний момент, и со скрежетом когтей ног о лед упав на спину. Она чуть откатилась назад, сделала неловкий кувырок, и резко подпрыгнула, встав на ноги уже чуть дальше и в полуприсяде, теперь крепко вцепившись когтями в лед под собой, будто готовясь к рывку с опорой на землю. Френтос мешкал, сам теперь ожидая реакции врага, правильно ли она поймет его действия, и станет ли атаковать снова. Он уже понял, что хотел сделать, и что на самом деле происходило в канализации все последнее время. Он понимал даже истинную цель Лисицы, которую самой ей так и не объяснили, и что он хотел сделать сам, когда та успокоится — сейчас она точно не была готова его слушать, и эта ситуация только больше напоминала ему его недавний бой с Серпионом на арене цирка Дафара. Отчаяние было слишком страшной силой для него, и он не понаслышке знал, на что способны познавшие его люди и Хемиры. И, к сожалению, способ вернуть девушке разум он

тоже знал только один, и было бы хорошо ему не облажаться в его исполнении — с его силой ошибок противник мог просто не пережить.

Крепко сжав зубы от злости, Лисица только подтвердила истину своих мыслей. Дело было не в том, что Френтос не пытался причинить ей вреда, а в том, что он, чувствуя свое превосходство, игрался с ней, как с жертвой, и потому не пытался теперь бить ее всерьез. Она подумала именно так, и оттого только сильнее пламенем ненависти разгорелось в ее груди звериное сердце, и только большими, более частыми валами изо рта ее меж скрипящих друг об друга клыков валил едва заметный на фоне ее белой кожи пар. Пускай она и понимала, что в открытом бою ей не победить Френтоса, способ более рискованный, даже смертельный для них обоих, был все еще ей доступен, и она уже почти смогла на него решиться. Другого выхода не было, она не могла убежать, не могла победить, и уж точно не собиралась с ним больше говорить. Ради всех, кто был ей дорог, и для кого этот монстр был все еще опасен — она должна была это сделать. Таков был ее выбор. Она должна была пожертвовать собой.

— Будь ты проклят!

Резкая вспышка света пронзила глаза Френтоса, уже и самого забывшего про способности иллюзий Лисицы, и теперь только резко и в удивлении прикрыв глаза перед собой левой рукой, также оглушенный внезапным металлическим лязгом и свистом, теперь надеясь только на зрение и ощущение внутренней силы противника впереди. За вспышкой света Лисица снова рванула к нему, нанеся удар по открытой груди Френтоса, но лицом почему-то выражая спокойствие, которого точно не должно было на нем быть, что Френтос и сам быстро заметил, как всегда в разы повысив свою наблюдательность в бою, будто битва и вправду была у него в крови. Он не остановил ту атаку — внутренняя аура Лисицы перед ним была слишком слаба. Как бы она не старалась покрыть его окружение своей внутренней силой, Френтос все еще слишком превосходил ее по силам, и его внутренняя аура пробивалась через иллюзии, самым краем своего восприятия задевая источник той внутренней силы куда сильнее, наверняка и являвшийся ее настоящим телом. Это было странно — Френтос чувствовал ее передвижение впереди, по расстоянию будто в самом здании около второго этажа, все время продолжающую подъем вверх. Скорее всего, она поднималась прыжками по стенам, и собиралась для чего-то забраться вверх. Он должен был убедиться во всем собственными глазами, но в них было уже слишком темно от недавней вспышки света, а все пространство перед ним до сих пор занимали размножившиеся иллюзорные копии врага.

— Ты что задумала? — тихо, и явно про себя, напряженно накрепк кулак закрывавшей лицо левой руки Френтос, чуть поднимая глаза над ним, смотря вперед и вверх.

Взрыв треска разбиваемого льда эхом залил пещеру вокруг него, когда он, пытаясь так разогнать вокруг себя иллюзии и вражескую внутреннюю силу, ударил по земле ногой, одной только ударной волной от своего окто будто искажая пространство вокруг себя на добрые три метра, вместе с тем искажая под собой пол. Иллюзии правда исчезли, и он мог снова полагаться на глаза, хоть и видел ими уже хуже. Впереди, уже у самой крыши, легко различимая на фоне серых стен белая Лисица продолжала подъем к верхушке здания, и только посмотрев выше, как от одного эха удара Френтоса закачались на своде пещеры огромные кристаллы, понял, чего та хотела, и для чего поднималась повыше.

— Стой, дура! — резко и прикусив язык от страха махнул он рукой, рванув в ее сторону всем телом, одним прыжком с земли пытаясь побыстрее запрыгнуть на самую крышу здания.

Лисица поняла, что противник раскрыл ее план, но даже не дрогнула от этого, уже заняв нужную позицию, и прыгнув напрямую с крыши в сторону кристаллов. Молясь про себя за спасение Сестер, уже окончательно забыв про себя саму, она почти в ужасе осознавала то, что собиралась сделать сама, напуганным мозгом буквально чувствуя, как враг хватается ее за ногу, уже и без того ее преследуя, и мешает ей закончить начатое, после того наверняка возжелав ее жестокой гибели. Она тянулась к тем кристаллам обеими руками как к спасению, светло-голубому свету надежды, ибо только так могла спасти всех от монстра позади нее. Лишь в паре метров у тех кристаллов и остановились ее руки, и ощущения испуганного мозга мгновенно превратились в реальность, на мгновение остановив для девушки время вокруг, сковав ее последним и самым страшным в ее жизни страхом. Горящие Синим Пламенем глаза были уже совсем рядом, а ее левую ногу железной хваткой держала холодная рука его владельца.

В один бросок тело Лисицы отправилось в полет, с ужасным хрустом и криком боли ударившись о лед внизу, пролетев около двадцати метров почти с самого потолка, и так же брошенная оттуда одной рукой с немалой силой. Уголки ее губ едва не треснули от резкого вопля, ее тело задрожало в агонии, и от спины по нему во все стороны, будто расплавленным металлом, сковавшим движения, разлилась жгучая и острая поверхностная боль. Теперь она могла лишь лежать там, бессильно извиваясь на полу, одним сдавленным дыханием от удара спиной будто выпустив из легких весь воздух, теперь никак не способная отдышаться, просовывая руки под собой за спину и крепко ее сжимая. Все же, по какой-то причине даже в таком падении она не повредила никаких глубоких внутренних тканей, и вся сила удара пришлась будто на ее кожу, хоть то и было все так же невероятно больно. Даже ее свитер не смог смягчить того удара — он был именно настолько силен, как того пожелал Френтос, и на пути его воли не смогли встать никакие материальные силы. Как и всегда.

Френтос с грохотом приземлился рядом, так же использовав окто в падении, что сделал и для девушки во время ее приземления, хотя и не сразу на это решился, все же решив так провести ей сеанс «болевого терапии», который должен был ее как следует успокоить. Смотреть на ее страдания теперь, на самом деле, даже для него было неприятно. Как я уже говорил, пусть он и был часто груб с людьми в общении, и с легкостью рвался в драки, он был вовсе не жесток, и причинение кому-либо боли, тем более если тот ее, на самом деле, не заслуживал, давалось ему весьма тяжело. Одно дело бить тех, к кому он не испытывал и капли уважения, даже своих братьев или друзей, что можно было обратить в шутку, а совсем другое...

«Все-таки я переборщил. По крайней мере, теперь она должна меня выслушать. Даже если так я нарушу планы Соккона.» — прикрыв глаза, сглотнул он, поочередно сам вынимая ноги из оставленной им же в земле небольшой трещины.

— Я...не могу... — крепко сжимая зубы от боли, испуганно плача все-таки еще пыталась подняться на ноги девушка.

В ее глазах уже бегали «зайчики», но даже так, с залитыми слезами глазами, она уже видела перед собой образ того монстра с глазами, горящими Синим Пламенем, который наверняка собирался теперь убить ее и ее Сестер, и просто не могла поддаваться боли теперь. Она должна была во что бы то ни стало закончить свой план, и выполнить просьбу дедушки, спасти...

— А этот твой дедушка не сказал тебе, как зовут монстра с Синим Пламенем из глаз? — все-таки спросил Френтос.

Девушка на секунду остановилась, а ее сердце дернулось. Теперь она смотрела на Френтоса в недоумении, от своего состояния уже готовая согласиться с любой правдой, которая избавила бы ее от мучений хотя бы духовных, пускай и уже больше думая о мучениях телесных. Только теперь ее жизнь в ее же глазах нашла для себя ценность, и, как принято, только взглянув в глаза смерти живые существа, что ее никогда не боялись, находят в ней истинный ужас. Ее дыхание участилось при мысли об этом, а от силы биения ее сердца, как и от соприкосновения со льдом, ее тело все больше тряслось. По крайней мере — теперь его уже не так колыхала боль.

— Какое имя он назвал? — спокойнее, но все еще серьезно, спрашивал Френтос.

— Я...он... — тяжело дыша, тихо хныкала бедная Лисица.

— Не бойся. Я не палач. Я тоже использую это Синее Пламя чтобы защитить тех, кто мне дорог. И за одним таким человеком я пошел сюда, даже зная, что могу умереть. — разбрасывая под собой ногами мелкую ледяную пыль, он подошел чуть ближе, и присел рядом с ней на одно колено, глядя теперь в ее напуганные глаза уже добрее, правда проведя параллель между собой и ей, сам стараясь ее хоть немного утешить. — Но мы не должны умирать за это. Они нашей жертвы точно не оценят. Если ты хочешь кого-то спасти — сражайся с ним бок-о-бок пока жив, и никогда не используй смерть для чьего-то там спасения сам. После нее ты уже никого не сможешь спасти. Поверь, я знаю, что происходит с душами тех, кто умирает в нашем прекрасном мире. После этого они для своих близких будут только опаснее.

— Хорошо сказано.

Френтос подскочил на месте от того голоса, сам чуть перепугавшись, встав в настороженную и серьезную боевую позицию, напряженными глазами тут же вцепившись в источник голоса рядом, куда так же резко повернула свою голову и Лисица, по крайней мере сразу его узнавшая.

— Забавно, но я уже видел подобную картину совсем недавно. — хрипло про себя тихо смеялся и качал головой седой старик, уже не раз описанный мной в этой книге раньше, и появлявшийся в ней последний раз, буквально, пару глав назад, и без учета того, что, как принято думать, негласно присутствовал все всех ее главах.

— Какую картину? — чуть испуганно всматривался в лицо старика, которого он уже встречал у поверхности перед входом в канализацию, Френтос.

— Сначала Ксария, потом Дева, теперь Лисица. Остается только одна.

Френтос неуверенно шагнул вперед, не сразу поняв его слов, и только через еще секунду посмотрел чуть налево под себя, на Лисицу. Равнодушным взглядом его встретил только ледяной пол с небольшими трещинками на месте, где раньше лежала девушка.

— Эй, эй! Куда она делась? — еще более настороженным прищуром пронзил старика Френтос.

— Она тебе нужна? Разве, совсем недавно, вы не пытались друг друга убить? — как всегда хитро и неприятно улыбался старик.

— Мы неправильно друг друга поняли. Она должна была... — во внезапном раздумье чуть отвел взгляд Френтос, затем уже серьезнее снова посмотрев на старика. — Погоди-ка. Это ты тот дедушка, про которого она говорила?

Негласный Правитель лишь расширил губы в улыбке.

— Ты имел ввиду не меня, так? Если бы ты хотел моей смерти, ты бы что-нибудь сделал еще на поверхности.

— Я лишь боялся, что вас опередит один мой старый друг, и просил девочку увести его подальше от...места встречи. Он довольно настырный, и не всегда понимает, в какие дела ему вмешиваться можно, а в какие нельзя.

— Доран? — сразу понял Френтос.

Старик легко кивнул.

— Значит, Геллар отказался ему помогать, и он решил все сделать сам? А что сам Геллар? Его слуги все еще ищут Соккона, чтобы привести его в этот город, значит ему от него еще что-то нужно?

— Не только от него. Он должен говорить со всеми вами.

— Со всеми? — не понял Френтос.

— Я тоже буду там. Дорогу ты сам знаешь. — кивнул старик.

Френтос задумался. Лисица увела его от прохода, ведущего, очевидно, ровно под сам Ренбир. Наверняка, именно там и был город Синокин. Он мало что понимал в подобном ориентировании на местности, но что-то в его голове делало выводы само по себе, и пусть он этого еще не понимал, они казались ему весьма логичными. Будто старик передавал ему свои знания напрямую в мозг, но делая это как-то особенно непринужденно.

— Сначала, правда, вам всем нужно поговорить между собой. — тихо ухмыльнулся старик, уже чувствуя приближающиеся к нему, из меньших пещер в стене позади него, звуки шагов наверняка трех разных человек (если их можно было назвать людьми). Тяжелые кожаные сапоги, легкие замшевые сапожки, твердые резиновые ботинки. Они приближались довольно быстро, почти бегом, и наверняка двигались именно по тому пути, который за собой, от собственных тяжелых сапог по легко крошившейся под ними ледяной корке оставлял сам Френтос. — Не опаздывайте.

Излюбленный метод общения старика, в особенности с излюбленным им завершением. Френтос смотрел, как он исчезает, и как за ним, из прохода в стене, медленно выходят они, так же медленно своим видом заводя и его сердце, растягивая по лицу к самым ушам счастливую и будто тихо смеющуюся от чего-то улыбку. Френтос специально оставлял немало следов для Соккона по пути, зная, что тот хороший следопыт, для того же оставил открытым проход в пещеру, откуда он вышел теперь, и даже специально для того оставил след своей внутренней силы на недавнем повороте в стороне «неизвестного слова», куда его заманивала Лисица. Все лицами сначала серьезные и чуть напуганные, теперь все больше на глазах успокаивающиеся, они медленно выходили оттуда, из прохода впереди и уже совсем недалеко от медленно подходящего поближе Френтоса, чуть дрожащими глазами смотря на его улыбающееся как ни в чем не бывало лицо. Лилика и Таргот шли чуть позади Соккона, и Френтосу, уже полностью вернувшему настроение для шуток видом семьи, именно это, в первую очередь, показалось забавным. В последнюю очередь его радовал внешний вид братьев и сестры. Уставшее и грязное лицо Таргота с не менее грязной одеждой, похожее состояние Лилики, но с еще заметными подтеками от явного купания в сточной воде, и уже описанное мной ранее совсем изнеможенное и жуткое состояние Соккона. Это было даже хорошо. Не он один, все-таки, за спасение Соккона ползал по канализации, по пояс в...

— Красота! И правильно, что Таргот шел последним. — весело покачал головой он. — Из-за него впереди вечно нихрена не видно.

— Ты немало здесь наследил. Мы бы все равно тебя нашли. — сам немного улыбаясь, но говоря совершенно серьезно, прошел вперед Соккон, чуть отойдя вправо и так уступая дорогу остальным.

— Сдаешь ты позиции, Соккон. За это время даже убогий инвалид бы меня нашел. — саркастично покачал головой Френтос.

— Знаешь, ты же сейчас обозвал нас всех. — также облегченно, радуясь, что с братом все в порядке, приложила маленькую ручку к груди и вздохнула Лилика.

— Надо было его бросить. — как принято притворно-серьезно скрестил руки на груди Таргот.

— Откуда вы с Лиликой взялись?

— К слову. Самое время рассказать тебе, откуда берутся дети. — с каменным лицом продолжал острить Таргот.

Лилика, все еще до предела счастливая от лицемерия всех своих братьев вместе целых и невредимых, не сдерживаясь посмеялась в кулак. Не об этом ли она мечтала все последние дни с момента исчезновения Соккона? Да, именно об этом, пускай и сама не представляла, насколько будет этому рада.

— Помнишь мост, который ты разрушил? — так же улыбаясь, но стараясь изображать серьезность, вздохнул Соккон.

— Ага. Круто было? — скорчив странную гримасу с улыбкой, кочевряжась поднял большой палец Френтос.

— Так вот, с другой стороны убежища Хемир был другой такой мост. На нем я встретил Лилику.

— Ого...

— Оттуда мы прошли в убежище, и там встретили Таргота.

— Ничего себе...

— А вам не кажется, что...тут стало как-то теплее? — задумалась Лилика, на всякий случай осмотревшись по сторонам, и думая, не могла это, в самом деле, ее согреть искренняя радость.

— В самый раз. Не хочется обсуждать все на морозе, чтобы между словами зубы стучали. — серьезно, хоть и уже спокойнее, подошел поближе к братьям и сестре Таргот, так будто специально собирая их в круг. Или квадрат.

— Тебе тут одному не должно быть холодно. — ухмыльнулся Френтос.

— Оставим шутки на потом. У нас много важных тем для разговора. Включая обсуждения твоего поведения, на которое уже пожаловался Соккон.

Френтос хихикал уже про себя и с закрытыми глазами.

Все они, вчетвером, все-таки собрались в одном месте, как того и хотел Геллар. Теперь они знали, что он им не враг, и Соккон даже сам договорился с ним о встрече здесь, под землей, уже совсем недалеко. От него они должны были узнать правду, что годами от них скрывалась, и от которой буквально могла зависеть судьба мира, или же исход Последней Войны, что ныне для мира было одним и тем же. Как бы они ни были рады видеть друг друга теперь — они еще многого друг о друге не знали, и не понимали, кого на самом деле видел так близко, перед самыми своими глазами. Тот, кого был рад видеть один, мог оказаться совершенно новым существом для другого, и даже для них, родных душ, это многое могло изменить. Улыбки с их лиц сами постепенно исчезали, пока они думали, как они будут рассказывать друг другу правду о себе, что они узнали за Эпоху Тишины, и которая для всех них была правда неприятна, которой они во многом боялись, но которую скрывать больше были не в силах. Их уши убаюкивала лишь звенящая тишина, изредка нарушаемая звуками биения их собственных сердец, сдержанным за еще дрожащими зубами тяжелым

дыханием, даже обрывками шепота, которым они проговаривали про себя самые разные вариации начала рассказов, каждый раз обрываясь на каком-нибудь особенно болезненном для них слове. Сын убийцы их семьи, одержимый духом своего оружия древний монстр, победоносное знамя разжигателя войны против самой своей семьи, и только одна среди них чистая душа, что не зря была названа получателем знания, «Sokkon», или же ученый с языка самих Правителей. Именно на его плечах была роль судьи этих созданий жестокого мира, и только он, вобравший в себя за последние дни самые разные истины, мог и рассудить, и вынести им вердикт, какой был ими заслужен. Но что он сам мог сделать с их сомнениями и страхами? Ради чего на самом деле все они шли в Синокин, и чего в нем искали? Как и предупреждал их Негласный Правитель совсем, казалось бы, недавно — их мысли поглотив внезапный страх.

Все же, я не могу рассказать всего сейчас, и мне будет проще вернуться к этой истории позже, в части, посвященной истории Соккона, что и раскроет вам остатки тайн, связанных с его приключениями, что и связывают между собой истории его братьев и сестры, и которая окончательно раскроет для вас причину его смятения, как и причину его страха перед истинными личностями своих дорогих братьев и сестры. Сейчас я бы хотел заняться другой историей, связанной с новой стороной Бездны, о которой вы наверняка уже слышаны, и которая так же немало повлияет на судьбу Кацер в будущем, и, поверьте, сыграет в ней невероятно важную роль. Историю Кайлы и Тиадрама, переплетенную с историями героев людей, их Археями, и даже самим Графом Думой. Время событий — следующее утро после исчезновения Соккона, день начала операции людей по уничтожению ардов Леса Ренбира, и он же день начала распределения по Западу войск людей. День, когда сами Кайла и Тиадрам, первыми вызвавшиеся стать добровольцами в рядах «охотников на чудовищ» среди Демонов и их новых коллег среди современных героев людей, начали свой собственный путь к Бездне города Эмонсена, а с тем к свету, что его еще мог ту Бездну развеять, с другой стороны города отправились Герои Шеагральминни.

Часть 4: Кайла и Тиадрам. Глава 1: "Большая чистка"

Клинок меча Кайлы со свистом и скрежетом рассек хитиновый слой монстра, залив его черной кровью оказавшегося справа Тиадрама, самого ловко маневрирующего между ударами двух других монстров, в танце своих мечей за доли секунды отправив на пропитанную кровью землю сначала одного, и, всего через миг, второго. Звон и лязги оружия, крики чудовищ и воинов, заливали все поле боя вокруг них, но они были вовсе не в его центре. Кайла первая рванула на поляну, утащив так за собой и взволнованного, но менее решительного, Тиадрама. Она встретила в лоб самое агрессивное чудовище, похожее на краба с острыми длинными лапами, и пока она плясала перед ним то в приседе, то в прыжках, вращаясь с мечом будто волчок, прочие воины, вместе с Тиадрамом, уже обступили ее с разных сторон, оттеснив кучку монстров поляны дальше, так уже за почти минуту боя уйдя вперед на десятки метров от Кайлы. Строй людей был не слишком централизованным, и монстры также взяли их в кольцо, набежав из остального Леса, но там же были встречены вырвавшимися с дороги прочими воинами, мгновенно бросившимися в атаку при виде повышения объема противников вокруг своих товарищей. В боевом трансе звуки битвы были Кайлой почти не слышимы, и она была полностью сосредоточена лишь на своих противниках, которые вовсе редко успевали до нее добраться — их нагоняли мечи воинов уже по пути, и битва шла везде вокруг, позади и спереди, со всех сторон, ни на секунду не останавливаясь, но также с каждой секундой и затихая. Единицы людей падали оземь, но нигде еще живым не было свободного места для маневров от объема мертвых туш чудовищ под собственными ногами. Один за другим раздавались победоносные крики опьяненных битвой Демонов, за столетия заточения под землей, в ожидании, совсем забывших радость битвы, теперь, вкусив ее, вновь радуясь словно дети бегущей по венам, кипящей крови. Один за другим и всего за мгновения они убивали монстров, на убийство которых, в свое время, обычные люди даже делали заказы, неделями не находя для того смельчаков. Страшно представить, сколько этих существ собралось в одном том Лесу Ренбира, что уже почти час штурмовали величайшие герои людей, даже неся незначительные потери, до сих пор не слишком далеко прорвавшиеся даже с жестокими боями.

— Деревья падают! — только зарубив волкоподобного монстра перед собой, вытирая с нижней губы кровь, громко крича товарищам указал в сторону леса один из Демонов. — Приближается что-то большое!

С грохотом и треском, сопровождаемым тяжелым хрипом и визгом, из-за деревьев в нескольких десятках метров впереди от основного поля боя, расталкивая своей тушей и выворачивая деревья, вырвался забросанный землей по всему своему толстому панцирю огромный моллюскоподобный монстр. Почти все чудовища перед ним были уже убиты, а людей с каждой секундой, казалось, становилось все больше. Помимо Демонов и воинов Ирмии, среди них была пара охотников, авантюристы, и прочие люди, никогда прежде сами не бросавшие вызов ардам. Многие из них вызывались добровольцами в операцию по зачистке Леса Ренбира, собранную лично Богами, и были настолько воодушевлены фактом командования ими столь великих людей, что, в окружении прочих воинов, нередко забывали про безопасность. Одного такого не рассудительного юношу выбежавший из глубины Леса

монстр с раздирающими уши визгами буквально разодрал на части, одним злобным взмахом своей мощной, будто паучьей лапы, разрубив тому живот вместе со старым железным нагрудником, сразу затем отбросив его ударом далеко вправо, протянув за собой моток его внутренностей.

Туши самых агрессивных монстров уже коптились на солнце по всей той арене, и монстры поменьше, не настолько злобные и кровожадные, уже начали медленно разбегаться в разные стороны при виде местного «чемпиона», с выпученными кривыми глазами под твердым острым от шипов панцирем, с множеством мелких мохнатых лапок и похожими на хлысты длинными усами, огромного и разъяренного гиперима.

— Мы займемся этим! — скакнула вперед, за тушу только что убитого ей панцирного монстра, Кайла. — Добейте отступающих!

Всего пара Демонов послушали девушку сразу, и то же сделали люди, изначально не являвшиеся воинами, тем более потерявшие волю к битве при виде подобного чудовища. Остальные воины, пускай уже закончили бои со своими врагами, были слишком разгорячены, и не собирались так просто отступать. «Наконец, будет настоящий бой!» — будто единогласно улыбались они, кривя рот на залитом кровью своих врагов лице, и чаще под шлемами. Оружие в их руках дрожало, а с быстрым и тяжелым дыханием бешеным ритмом сотрясали их грудь радостные сердца. Тиадрам уже смахивал с мечей кровь монстров, рассчитывая силы и маневры атаки, как, в то же время уже много раз сражавшаяся с подобными монстрами раньше Кайла, чуть присев, резко скакнула вперед, в самый лоб монстра, под устрашающий рев того растворившись во вспышке Зеленого Пламени почти перед самым его кривым отростком, похожим на нос.

Он ударил в воздух, не успев поймать девушку парализующими усиками, и тут же получил от той удар в самую мягкую спину, не закрытую горбатым панцирем. Урон был не слишком серьезным, и пусть объятый Зеленым Пламенем, острый как бритва, клинок прошел через спину врага словно через масло, все важные внутренние органы его располагались ближе к передней части, под самой импровизированной головой, единым целым с остальным телом. Монстр махнул усиками вокруг своей оси, как плетями, рассекая под собой землю, и ее крошки поднимая в воздух. С ними в воздух взмыла и Кайла, одним прыжком, перемещаясь тем же Зеленым Пламенем, запрыгнув на самый панцирь монстра, посильнее заряжая меч своей внутренней силой, желая тут же пробить его защиту и разрубить монстра целиком на пополам одним ударом. Она не знала, что усики его собирались под панцирем, и из его отверстий же выходили. Резкая жгучая боль пронзила ее ногу, хрустнув костью, даже сбив подготовку к атаке девушки. С визгом, но сам так и не двигаясь, одним только толстым усиком гиперим швырнул Кайлу вперед за крепко сжатую ногу, только чудом не прорвав ее толстые сапоги, и не парализовав все ее тело своим мощнейшим нейротоксином. Монстр больше не смотрел на девушку, уже успевшую неловко перекатиться назад, резко встав на ноги, желая продолжить атаку, но уже вряд ли бы успевшую вовремя что-то сделать.

Лапы монстра замерзли, и он начал судорожно, с большими рывками, пытаться вырваться из ледяной корки, покрывшей уже всю окровавленную землю под ним на целые два метра. Белой вспышкой под монстром сбоку выскочил один из Демонов, одним ударом разрубив, будто разбив как стекло, промерзшие насквозь конечности чудовища. Его новый вой не долго разрывал уши воинов — еще два Демона подскочили к самой морде монстра, один с разбега, сверкнув молниями на землю под собой, проткнув тому левый глаз копьем, а

другой двуручным мечом, заряженным красноватым лучом, буквально в один прыжок отсек монстру все усики, что тот уже тянул к его товарищам слева и спереди. Воин с копьём вдруг отскочил назад, перекатившись, дабы уйти подальше, и за его спиной, в бою быстро смекнув что к чему, в сторону монстра рванул Тиадрам. Все время боя рядом с ним держались Демоны с копьём и молотом, и когда последний пал, первый находился далеко, и наверняка гибели товарища под лапой нэлла просто не заметил. Чудовище было обездвижено, обезоружено. Заранее бросив свои мечи на землю, сверкнув Красным Пламенем в глазах, он с полной уверенностью на бегу выхватил из руки мертвого Демона с рассеченными когтями монстра лицом его молот, занеся его над собой еще в рывке, затем с отчаянным криком, зарядив набалдашник оружия своим Красным Пламенем, со всего размаху ударил им по навершию копья, так вгоняя копьё целиком в глаз монстра по самое начало древка. С грохотом взрыва внутри самого монстра, разбросав его содержимое с целым кровавым облаком по округе, копьё прошло врага насквозь, затем с новым грохотом повалив за собой пару деревьев, которые пробил мощно брошенный взрывом вперед его наконечник. Все остальное, до самого того наконечника, сторело в Красном Пламени еще при ударе, или щепками разлетелось перед самым Тиадрамом.

Но даже после такого взрыва чудовище еще оставалось живо. Пусть его панцирь мелкими осколками прикрывал на земле мозг чудовища с исходящим из него мотком усиков, его глаза еще бешено бегали в орбитах отдельно друг от друга, а сами усики продолжали шевелиться. Тиадрам чуть отскочил назад, понимая, что собственным Красным Пламенем уничтожил и собственное оружие по ручку. Уже готовая прыгнуть другу на выручку Кайла быстро воткнула собственный меч в землю, подобрав рядом, с трупа бывшего «Демона с молотом», большие и толстые мечи Тиадрама, окликнув того, уже готовясь их ему подбросить. Юноша тут же развернулся на месте, бросив на землю остатки молота, готовясь принять от девушки свое оружие, чтобы уже им добить монстра впереди. Но он действовал слишком медленно, и слишком медленно готовил свое ледяное окто Демон рядом с ними. Никто бы не успел вовремя отреагировать, и спасти Тиадрама, по крайней мере, от будущего паралича.

Усики монстра резко рванули в его сторону, и тот, повернутый к ним спиной, тогда совсем их не заметил, и даже не попытался от них уклониться, пускай и все равно бы не успел. Но они тоже не успели достичь своей цели. Вспышка красноватых молний со скрежетом перерубила сразу все усики монстра, что оно направило в сторону беззащитного юноши, и тут же за его спиной, с длинным изогнутым мечом, появился новый воин, облаченный в черный стеганный дублет, и с крайне неприятным, даже безумным бандитским лицом. Тиадрам, от неожиданности пошатнувшись, отскочил назад, все-таки приняв на лету брошенные ему Кайлой мечи. Надобности в этом уже не было. В прямой стойке занеся над собой меч, неизвестный воин вертикально рубанул монстра перед собой, так ослепив окружавших его людей алой вспышкой своего окто, треском взорвавшихся от удара молний перед собой едва их не оглушив, будто раскатом грома.

— Принимаю за помощь только дорогое вино, малявка! — уже разгибаясь над подгорелой и дымящейся кучей мяса перед собой после удара, махнув мечом вправо, смеялся мужчина.

Тиадрам только неуверенно, и еще чуть напугано, кивнул.

— Продолжаем! — крикнул кто-то из Демонов с поляны, махая остальным рукой, призывая их продолжать путь в глубь Леса.

Как по команде, все оставшиеся вокруг люди сорвались с места, бросив как убитых монстров, так и собственных поверженных товарищей, лишь изредка чертыхаясь от мысли о их гибели. Перед началом операции Кайла слышала, что люди соберут тела павших в Лесу людей по завершению боев на его территории, и всех вместе их похоронят в каких-то «родных местах», пусть и звучало это странно, учитывая, что все они были родом из разных краев, а некоторые Демоны и вовсе пришли на Запад столетия назад с других Сторон Света, теперь Западу недоступных из-за Бездны Марконнор.

— Не считаем ворон! Все веселье профукаете! — также сорвался с места загадочный воин, точно наемник, изливаясь красноватыми искрами своего окто, с ним невероятно быстро догоняя уже уходящих дальше прочих воинов.

Тиадрам посмотрел на Кайлу, ожидая уже лично ее команд, но та даже не посмотрела в сторону друга, сама уже привыкшая к подобным сражениям за время своих путешествий по миру. Останавливаться было нельзя, и многие Демоны покинули поляну уже когда увидели, что гиперимом занялись их товарищи, и в их помощи тем больше нужды не было. Конечно, они были совершенно уверены в силах друг друга, и тем более не имели желания вдесятером бросаться на одного-единственного монстра, если тот не был, по крайней мере, размером со взрослого дракона. Помимо гиперима на том изорванном окто, лапами монстров и сапогами воинов поле боя не было других крупных монстров, и все они, по большей части, представляли собой что-то среднее, между дикими зверьми и человеком, чаще походя на человекоподобных волков — осатов.

Рейд продолжался уже час, но для Кайлы и Тиадрама начался лишь с десятков минут назад, поскольку присоединились они к нему даже не по желанию, а по необходимости, вызванной достаточно неприятным для них обоим стечением обстоятельств. Солнце светило уже высоко над деревьями, и немало грело закованных в старые, поеденные временем и коррозией, доспехи Демонов. Огромное их количество, возможно тысячи солдат, вырвались на улицы Ренбира из ее Пирамиды в прошлую ночь, и как раз перед этим пропал друг Кайлы и Тиадрама Соккон Кацера. Бог Людей объявил начало приготовлений всех людей мира к Последней Войне с имтердами и ардами, а Серпион, наставник и друг Тиадрама, оказавшийся на самом деле Богом Природы, рассказал ему и его новой подруге Кайле, где они могут найти Графа Думу — убийцу родителей девушки, которого та уже много лет пыталась выследить и убить сама. К сожалению для нее, Дума находился не слишком близко к Ренбиру, в городе Эмонсен, что вовсе возвышался над бедными землями за Манне-Дотом, и даже за самым Лесом Кортя, ближе к юго-восточной границе между Волшеквией и Ирмией. Она очень надеялась добраться в город за два дня, одну ночь проведя по пути в Манне-Доте, а вторую встретив уже перед самым Эмонсеном. Кайла слышала страшные слухи о том городе еще с самого момента становления ее на путь путешественника, но только недавно, лично от Бога Смерти Чеистума, собиравшего воинов перед Лесом для начала операции Большой Чистки, узнала подробности о его жизни. Город был поглощен загадочной эпидемией, подчинившей себе волю его жителей, теперь окончательно вставших против остальных людей, за что они и были, мягко говоря, приговорены лично Богом Людей к смерти. Войска, уничтожающие ардов в Лесу Ренбира, должны были разойтись по разным фронтам как раз по завершению Большой Чистки, и с одной их частью Кайла и Тиадрам собирались добраться до самого Эмонсена, дабы во всю силу помочь тем в осаде и штурме города. Они уже договорились с командованием тех войск о том, что командира восставших жителей, Графа Думу, они возьмут на себя, и проведут этот бой с ним только вдвоем. Об

этом с Чеистумом договорилась лично Кайла, и Тиадрам с самого начала лишь следовал за девушкой, как, извиняюсь за выражением, собачонка. На то, конечно, у него были вполне веские причины. Как и у Бога Смерти были причины согласиться на просьбу девушки без лишних раздумий, лишь, когда те отошли достаточно далеко, про себя посмеявшись «И твой отец когда-то был таким. Хотя...можно ли Богу Смерти говорить «был»? Тем более про него.», даже несмотря на то, что они почти никогда между собой не общались, по крайней мере до момента его гибели. Кажется, некроманты называют это «кладбищенским» юмором?

Вопреки старым историям деревенских мужиков и баб, Демоны были не идеальными воинами, и на них до сих пор пагубно влияло непростое пробуждение после многовекового сна. Девушка в старом доспехе, также являвшаяся Демоном, еще по пути группы Кайлы к недрам Леса, возмущаясь своим состоянием, обмолвилась, что именно в спячке, или даже в заморозке, глубоко под землей, все последние столетия и провели старые воины людей, призванные вернуться в мир своими Археями для продолжения войны с имтердами. Лишь горстка Богов, оставшихся с Демонами под землей в Синокине, следили за их состоянием, и докладывали на поверхность через агентов других Богов сверху о обо всем с ними происходящем. Некоторые из них не вовремя просыпались, и их нужно было усыплять заново, а сами Боги всегда нуждались в еде и питье, даже досуге. Среди Демонов, да и Богов там, было немало девушек, и их организм на удивление стойко выдерживал заморозку, тем более вызванную окто одного из их Богов, прозванного Богом Льда. Мужчины, ввиду строения организма и повышенных природных сопротивлений организма, заморозке подвергались уже сложнее. Богиня Жизни контролировала состояние товарищей и поддерживала его, но за столетия очень ослабла сама, частично даже износив свое тело и душу, немало постарев, ранее поддерживавшая вовсе образ юной девочки. Все Боги, что остались следить за миром выше, и не остались с Демонами в Синокине, разделили между собой кровь своего создателя, Верховного Властителя людей Ниса, и стали бессмертными, или же «не стареющими». Их память и восприятие мира притуплялись, и сознание не слишком поддавалось забвению с годами, что позволяло им столетия спокойно нести свою службу Археям, продолжая от их лица наблюдать за людьми Запада. Пускай и для некоторых груз прошлого уже успел стать ядом, и частично разложил их личность.

Несмотря на то, что Демоны еще не до конца пришли в себя после пробуждения, они не останавливали бои, бросаясь вместе даже на самых жутких и опасных монстров, так будто пытаясь растрясти свои промерзшие тела, разогнать по жилам кровь, болью выгнать из мускулов бессилие и сонливость. От поляны к поляне, через сам Лес и его тропки, между давно уже опустевшими селениями, они победоносной поступью приходили на помощь своим товарищам в новых и новых сражениях, постоянно пробираясь дальше, вглубь, иногда теряя товарищей в боях, но иногда и встречая их уже живыми в других боях. С ними по Лесу шел Бог Смерти, иногда возвращающий своих подопечных к жизни, как он делал это в Первой Войне, и что те даже помнили, будто было то совсем недавно, и это только больше их воодушевляло. В разных частях Леса были горны, где-то стучали боевые барабаны, и даже над деревьями возвышались все время скачущие при конном ходе гигантские знамена Демонов. Они уже вернули своему войску дух единства, что некогда был для них так ценен, и даже сторонние храбрецы, присоединившиеся к ним в тот день для этой славной битвы на весь Лес Ренбира, уже как следует этот дух прочувствовали, и сами от него с каждой секундой становились все сильнее и храбрее.

Кайла и Тиадрам двигались по Лесу в безымянном отряде, в который то и дело откуда-нибудь из соседних путей вливались новые воины, некоторые из которых и на воинов не слишком были похожи, но сражались ничуть не хуже товарищей, также являясь Демонами, и, потому, опытными бойцами. У них не было четко выраженной формы одежды или отличительных знаков войска, и одежда на них всегда различалась, как различалось и вооружение. Им не нужно было выглядеть похоже для узнаваемости, ведь столетия назад все люди мира все равно составляли лишь одну армию — армию людей. Если они видели других людей рядом, они всегда были уверены, что те были их союзниками. Как и теперь, перед лицом опасности для всей человеческой расы, ряды Демонов столетия назад пополняли и изначально далекие от войны люди, пусть и все равно мужественно рискнувшие жизнью для защиты родных земель и близких людей, за то признанные героями всей своей расой. В ходе постоянных боев даже изначально неуверенный в своих силах при реальном бою Тиадрам, вечно плохо о себе думавший по результатам каждого первого учебного боя с Серпионом в подземельях под Ренбиром, теперь тоже подхватил общий настрой окружающих его воинов, даже своей спутницы Кайлы, и уже крепко держал в руках свои мечи, тут и там ими разрывая в клочья монстров, сжигая их своим Красным Пламенем и даже ведя редкими командами товарищей на новые небольшие битвы. Храброго юношу уже уважали прочие воины, и с радостью шли за ним в бой, ведь он был силен телом и духом, что для воинов старой закалки уже давно стало обязательными качествами лидера, из того вечно и выбираемого.

Тиадрам и Кайла были примерно на одном уровне подготовки, и так же быстро оба уставали. Через два часа постоянных сражений, все время находясь в движении, весь их отряд заметно ослаб, и уже не мог открыто бросаться на врага в таком состоянии, даже при поддержке товарищей с территорий по соседству. Все вместе вздыхая и внимательно осматриваясь, они решили сделать привал на очередной полянке впереди, где тела монстров уже остывали, и рядом с которой еще наверняка сражались их недавно прошедшие мимо товарищи. Им было не на чем отдыхать, и только у одного из Демонов была в специальном мешке еда. Убедившись, что живых монстров в округе уже нет, они только устало упали на землю, для удобства найдя для себя места с травой, утоптанной помягче, а то и вовсе садясь на мертвые туши монстров с мягкой шерстью, что была, конечно, не такой уж мягкой по крайней мере после боев, но все же мягче голой изрытой земли.

— Фууууух. — буквально свалился на землю перед уже медленно сающейся на траву Кайлой Тиадрам. — Давненько я так не развлекался.

— Нога не болит? — обратила внимание на разодранные на икре штаны друга Кайла, теперь окончательно устраиваясь на траве поудобнее.

— За меня не переживай. Что с твоей ногой? Тебя же гиперим за нее швырял.

— Какое-то время плохо работала. Сам видел, как я сторонилась боев.

— Да, я как раз об этом переживал.

— Я заметила. Только в бою с монстрами нужно следить не за товарищами, а за собой. — покачала головой и пальцем она.

— Я пошел сюда только за тобой, знаешь ли.

Кайла вздохнула, пусть и уже веселее, явно улыбкой еще пытаясь немного скрыть собственное смущение, все время общения с другом напоминая себе, что он ей именно друг, и пока им рано думать о чем-то большем. По крайней мере до посещения Эмонсена.

— Знаешь, кем был тот наемник, который спас меня от гиперима? — вдруг сам

постарался сменить тему от природы нерешительный Тиадрам.

— Мицерн то? Я слышала о нем. — кивнула Кайла. — Главное, никогда не вспоминай перед ним, что он тебя спас. Девочки с запада говорят, что он ооочень дорого берет за чужие спасения. И не деньгами.

— А с меня то он чего может требовать?

— Он бы что-нибудь придумал. — уже начала протирать лоб рукавом своей черной толстой тканной формы она.

Небольшими группами по той поляне разбились и отдыхали воины. Они болтали тут и там о самых разных вещах, но чаще всего связанных с битвой, довольно громко и радостно обсуждая убийства тех или иных монстров, или обсуждая даже новые виды таковых, которых они встретили в этом Лесу впервые, и которых, столетия назад, на Западе просто еще не было. Квартирмейстер одного из отрядов, с которыми слился отряд Кайлы, ходил между собраниями товарищей с большим мешком в руках, там присаживаясь перед ними на одно колено, каждый раз заглядывая в мешок с таким лицом, как будто видел его содержимое впервые. Он выкладывал товарищам еду, спрашивал о их состоянии, некоторым даже выдавая из того же мешка бинты, наиболее полезные для воинов-октолимов ввиду от природы высокой регенерации внутренних тканей. Именно октолимами была большая часть Демонов, и то не было случайностью. В отличие от текущих носителей окто, люди прошлого получали свои способности напрямую от своих командиров. Мало кто сейчас хотя бы знал об этом, и уже не было в живых никого, кто знал, как это происходило. Секреты наделения окто людей были утеряны те же столетия назад вместе с трагичной гибелью Верховного Властителя людей Ниса от руки монстра Вильфеоренамы. После него к подобным методам никто не прибегал, да и не обладал для того подходящей силой.

— Запасы не велики, но перекусить есть чем. — вдруг объявился уже рядом с Кайлой и Тиадрамом тот же квартирмейстер со старым и усталым лицом под рогатым жутким шлемом.

— Ах, да. — чуть перепугавшись от внезапного появления товарища уже на одном колене перед собой справа, принялась разглядывать содержимое мешка Кайла.

Тиадрам, по-видимому, предпочел полностью довериться выбору подруги.

— Это...мясо? — неуверенно указала вглубь огромного мешка Кайла.

— Это мерния. — уверенно кивнул квартирмейстер.

— Кто?

— Мясо это, мясо.

— Такого куска нам хватит пока, спасибо. — легко улыбаясь, вытащила нечто вроде зеленоватого окорока из мешка Кайла.

— Приятного аппетита. — резко подхватил мешок за завязки мужчина, так же, с шелестом травы, без промедления поднимаясь на ноги и уходя к другому собранию воинов совсем рядом, буквально в пяти метрах от Кайлы и Тиадрама.

Перекус длился не слишком долго, и почти никто из воинов еще не успел как следует проголодаться за последние часы — все они уже успели как следует наесться перед выходом из Синокина, где им, за четыре часа перед выходом на улицы Ренбира, их старые товарищи с поверхности устроили немалый пир в честь возвращения героев в привычный строй. Алкоголь, столы с едой, с алкоголем, множество интересных историй из нового времени, в купе с употреблением алкоголя, быстро поставили их на ноги, пусть и едва не свалили с них сразу под действием...алкоголя. Пир Демонь всегда отличался несомым собой немалым

шумом и насыщенностью самыми разными активностями. В древние времена на пирах одинаково лились пиво и кровь, и бои часто устраивали даже пьяные Боги, наиболее частыми зачинщиками среди которых были Бог Тьмы Гедыр, Бог Света Альберт, и Архей людей Корть. Если бои начинал Корть — в полет отправлялись не только люди, но и столы, стулья, а иногда и оружие. Сам же Корть отправлялся в полет лишь тогда, когда к его веселью присоединялся не менее веселый брат, Архей людей Мерсер, и их не приходил успокаивать другой брат, Архей людей Дума. То, что происходило в Синокине совсем недавно, не было похоже на те старые пиры, ибо после долгой заморозки Демоны едва доносили до ртов кубки, и разум их был все еще слаб после пробуждения. Все равно, мысли о том, что их все-таки вернули в строй после стольких лет, что враг снова стоял у их порога, и что для последней войны с ними люди всего мира снова объединялись, как когда-то, собирая одну огромную и могущественную армию, сами подогревали в них кровь и жажду битву. Они были рады тогда, и продолжали радоваться сейчас. Чего еще могли желать старые воины, как ни доброй драки?

— Назад! — резко вскочил с ног и отскочил назад с виду молодой и серьезный Демон у самого края поляны, около стены деревьев.

С двоящимся в голове криком, похожим на плачь, впереди показались несколько едва различимых в солнечном свете за густыми елками силуэта неизвестных, но весьма крупных монстров. Отдых был уже окончен, и все воины также резко вскочили со своих мест, заливая поляну лязгами доставаемых из ножен мечей, скрипом натягиваемых тетив луков. Квартирмейстер был недалеко от того места, и резко побежал прочь, слишком занятый завязыванием мешка потуже, чтобы в пути или бою его содержимое не вывалилось с его спины. Все воины сорвались с места, образовав полукруг позади Кайлы и Тиадрама, куда те и сами мгновенно перескочили, готовясь лоб в лоб встречать любого противника, которого им все-таки принес из, как они думали, безопасной зоны, Лес.

Оружие в их руках чуть задрожало, когда монстры, все еще достаточно тихо пробираясь к постою своих жертв, вышли из-за деревьев, в количестве примерно пяти особей поочередно ступая на поляну, одним своим видом нагоняя на уже знакомых с ними людей легкую дрожь. Прямоходящие карлики, обьятые толстым хитиновым панцирем, с мерцающим белым рогом на лбу, внешними чертами напоминающие людей, но с огромными монстроподобными лапами. Сики, известные своими способностями контроля сознания людей, из специальных желез которых и делались людьми приспособления, названные винхорью. Они стояли там, всего четыре сика, по бокам от стоящего по центру, явно контролировавшего «братьев своих меньших», также прямоходящего и еще больше похожего на человека Малыша. Те монстры, что завлекали путников в свои логова детским плачем, сами принимая облик ребенка, в сущности своей были кровожадными воинами ардов, затерявшихся в мире по личному приказу Хемирнира с завершением Первой Войны. Разумные монстры, и, пожалуй, самые опасные среди ардов всего мира, они были настолько сильны, что могли в одиночку меряться силами с Гротвалами и драконами. Теперь они стояли перед самым собранием уже готовых если не атаковать чудовищ, то хотя бы защищаться от их атак Демонов. Даже Кайле, за время ее путешествий, не приходилось лично сталкиваться с сиками и Малышами, тем более учитывая, насколько редки они были. Это должен был быть тяжелый бой, что все воины, как и сами монстры, прекрасно понимали. Но никто из них даже не думал отступать — они считали это позором, и именно от похожих мыслей тряслись руки Демонов. Они не были напуганы, и лишь с азартом и

волнением предвкушали битву, так кстати прервавшую их слишком затянувшийся привал.

— Никакой пощады! — резко крикнул Тиадрам, крестом занеся над собой мечи, стараясь сам воодушевить воинов для начала наступления, тут же воодушевив тем и себя, резким движением оружия ударив в сторону монстров волной Красного Пламени.

Со взрывом металлического треска легкая дрожь покинула тела воинов, и яркая красная вспышка залила всю поляну впереди них, едва не залив собой и монстров, успевших только в последний момент сорваться с места, и уклониться от смертоносной силы, что даже они для себя посчитали опасной. С чем-то вроде смеха, смешанного с рыком, тяжелые и грузные сики обступили атаку Тиадрама сбоку, ударив уже также сорвавшихся с места Демонов по диагонали в лоб. Взрывом самого разного окто, вспышками самых разных цветом, с криками и лязгами оружия по твердым панцирям и лапам монстров они вступили в новую схватку, которых было встречено Демонами уже немало, но каждая из которых снова и снова зажигала их глаза, заставляла дрожать и ликовать их сердца. Все-таки выполнив свой план, и произведя впечатление, главным образом, на Кайлу, Тиадрам сам бросился на Мальша впереди, что, очевидно, по жесту и крику юноши, расценил его командиром сил неприятеля, и потому сам решил, в первую очередь, заняться именно его уничтожением.

Пусть Тиадрам использовал окто для усиления своих мечей, они все еще были для него немного тяжелы, и он не слишком ловко и быстро ими махал, хоть даже так почти не давал врагу возможности для контратаки. Мальш отскакивал назад от атак тех мечей, затем выстреливая чем-то вроде острых металлических шариков из своих рук с множеством жутких отверстий, что Тиадраму было крайне тяжело блокировать, и он все время старался принимать эти атаки на защищавшее его слоем по всему телу Красное Пламя. Но его силы уходили слишком быстро, и он не мог затягивать схватку с этим монстром надолго. Понимая состояние друга, уже успев лично срубить одному из сиков рядом голову своим Зеленым Пламенем, Кайла подскочила к Мальшу сзади, ударив его в самую спину, но случайно так до нее и не достав из-за внезапного маневра уклонения противника. Он резко развернулся на месте, длинными когтями из камня Сколы, составлявшего его скелет, попытавшись достать еще не закончившую атаку девушку, чего та избежала только с помощью окто, сама, резко переместившись чуть назад, давая время для атаки Тиадраму. Тот, к сожалению, маневра подруги не понял, и не успел вовремя ударить Мальша в уже отрывшуюся перед ним точно для атаки спину монстра. Кайла успела отреагировать на эту задержку друга, и сама контратаковала монстра, заряженным Зеленым Пламенем мечом в рывке ударив того в самую грудь, на что, правда не вовремя, отреагировал и Тиадрам. Оба они наскочили на монстра почти одновременно, и тот не видел противника за спиной, заранее решив, что тот струсил, и решил оставить его убийство на товарища впереди. Он одним ловким, но тяжелым и грузным, прыжком отскочил от Кайлы назад, случайно толкнув спиной уже готового атаковать Тиадрама, так сбив его атаку, и, заодно, уклонившись от удара девушки. Ситуация была патовая — Тиадрам был временно ошеломлен, прижатый животом к спине монстра, а Кайла открылась для удара, не рассчитав силы, заранее надеясь оттеснить монстра под удар друга, который маневра не только не понял, но и полностью его сорвал.

Гибким движением всего тела ударив ногой Тиадрама сзади в живот, вытянувшись всем телом вперед с вытянутой назад ногой, монстр ткнул когтями Кайлу в самое лицо. Девушка успела уйти от когтей полуприседом, но Тиадраму повезло меньше, и от удара он вполне серьезно отлетел назад, даже с тяжелым и болезненным хрипом почувствовав теперь хруст своих собственных ребер под не слишком плотной курткой. Кайла понимала, что не успеет

атаковать чудовище снизу, ибо у того была слишком удобная стойка для нанесения рубящего удара когтями вниз, и он почти мгновенно ей для того воспользовался. Кувырком она заскочила под левый бок Малыша, но ее меч лязгнул о его когти, которыми он продолжал активно, будто судорожно, махать, нанося более чем точные удары, и идеально защищаясь от атак опытной воительницы Кайлы. Еще несколько уже его ударов девушка отразила мечом всего за две секунды, едва не теряя равновесия от его силы, постоянно пятясь назад и отскакивая на небольшие расстояния. Если бы она пропустила хоть один удар, все последующие атаки за мгновение превратили бы ее в фарш, и это она прекрасно понимала. Зеленое Пламя на мече почти не повреждало когтей из Сколы монстра, и у нее не было возможности отступить с его помощью подальше — у нее просто не было возможности думать о чем-то кроме блока этих атак. Тем более, рано или поздно монстр должен был оттеснить ее к прочим воинам, еще продолжающим бой с сиками. Вряд ли они, в тот момент, имели возможность ей помочь, не подставив ее, да и себя самих, под атаку карликов. Решение проблемы пришло к девушке по небу само по себе и довольно внезапно, приземлившись за самой спиной противника, одним своим появлением на поле боя вынудив монстра остановить бой с Кайлой, дабы не попасть так под атаку нового противника сзади, что и внутренней аурой был явно сильнее, и веяло от которого особенно неприятной для ардов энергией их более совершенных и опасных собратьев — Хемир.

Но его разворот на месте был слишком медленным для нее, уже сделавшей в его спину рывок девушки. Разрывая крыльями ветер, она проскочила вперед, колющей атакой своего широкого и длинного меча пронзив уже самый живот Малыша, забрызгав его кровью тут же отскочившую назад Кайлу, вогнав оружие в монстра по самую гарду. Ловким и мощным движением ноги ударив противника левее новой раны, она оттолкнулась от него, оторвавшись от земли сделав сальто назад перед ним, еще воткнув в него и удерживаемым обеими руками мечом резко разорвав монстра от живота к самой голове, залив фонтаном его крови всю округу, включая саму себя, одним движением разбросав все его внутренности по округе. Сотрясающим пропахший кровью воздух, поднимая с земли под собой пыль, взмахом золотистых крыльев она еще в прыжке подскочила выше, за мгновение острым взглядом разобрав прочих противников впереди — двух сиков, с которыми еще активно сражались Демоны — и, занеся окровавленный меч в стойке над своим правым плечом острием вперед, рванула уже в их сторону.

Кайла была поражена виду той грации, с которой эта крылатая воительница, не поведя и кошачьим глазом, разорвала в клочья ее противника, но также понимала, что не может долго стоять на месте как вкопанная от изумления, разглядывая развалившийся перед ней на алой от крови земле труп Малыша. Она подбежала к уже поднявшемуся на ноги, но еще шатающемуся Тиадраму, сразу посмотрев ему в глаза, и зачем-то кивнув головой. Тот, расценив кивок как «с тобой все в порядке?», кивнул ей в ответ, в недоумение теперь наблюдая, как девушка просто рванула влево, бросаясь в бой с еще ранее недобитым ей сиком, уже почти прижатым прочими Демонами к закрывающей поляну от остального леса кучке трупов прочих монстров. Добежать она до него, правда, все равно не успела — Демоны просто не понимали, что монстр мертв, потому как частично попали под действие его гипноза, продолжившего свое действие даже после обезглавливания самого иллюзиониста. А голову ему вспышка окто одного из Демонов разорвала уже довольно давно, причем в дребезги.

На выручку товарищам из соседних частей леса подоспели и другие воины, слышавшие

звуки битвы неподалеку, и сами, по-видимому, тогда решившие немного передохнуть, от чего были спешно оторваны призывом к бою своего командира. Один из воинов бежал с небольшим, но явно складным, знаменем, теперь думая, нужно ли ему это знамя поднимать, или в этом уже нет надобности. При виде знамени над деревьями Демоны и срывались с места, бросаясь на помощь товарищам, будто то был сигнал о помощи, а вовсе не обычный знак присутствия рядом сил союзников. Последний сик пал под молотом одного из особенно сильных Демонов с громким воем и треском разрушенного в тот же момент на ослабленной спине монстра его панциря, так громко объявляя всем собравшимся вокруг воинам о окончании внезапной битвы, в которой, не менее внезапно, очень кстати на помощь уже потерявшему командира небольшому отряду, пришел отряд с настоящим командиром. Сопровождалась эта победа, как принято, еще более громким и воодушевленным криком всех собравшихся теперь на поляне воинов, ввиду своего количества одним только криком едва не оглушив друг друга.

— Последний? — громко и серьезно спросила крылатая девушка, быстро вытирая с лица кровь рукавом бело-золотой, теперь уже бело-алой от крови, красивой и благородной формы.

— Так точно! — с хором остальных воинов поднял руку квартирмейстер, сам уже успевший поучаствовать в бою, но отступивший от ранения предплечья, едва не сломавшего ему руку.

— Ваш отряд потерял командира?

— Да, около часа назад. Теперь нами командуют вот они. — указал пальцем вдруг на Кайлу и Тиадрама он.

Кайла вздрогнула, не понимая, когда она успела стать командиром, и когда она вообще кем-то в этом отряде командовала. Тиадрам только неуверенно-хвастливо сложил руки на груди, с улыбкой на лице прикрыв глаза, в попытке выкобениваться перед Кайлой и также прибывшей на поле боя его старой подругой, даже забыв для этого о боли в ребрах.

— Привет тебе, Тиадрам. — добро улыбнулась девушка, сверкнув прекрасными голубыми кошачьими глазами. — Не знала, что ты хороший командир.

— А он и не хороший. — в недоумении пожалла плечами Кайла.

— Ха-ха. Демоны идут за теми, кого они уважают. И больше всего они уважают смелых воинов. — посмеялась в кулак девушка.

— Знаешь...не всегда смелость признак хорошего воина. Нужно и немного рассудительности. — как-то особенно разочарованно посмотрела на сразу расцепившего руки и обиженно опустившего голову друга. Пускай и тот, конечно, сам понимал, в чем был виноват. Дважды он пытался помочь Кайле в бою, и дважды кому-то со стороны, из-за этого, пришлось их обоих спасти.

— Пожалуй. — так же мило улыбаясь, с прикрытыми глазками покачала головой девушка.

Демоны уже осматривали свои раны, осматривали тела все-таки павших в бою товарищей, а квартирмейстер передавал им бинты, воду для обеззараживания, и изредка переглядывался со своим коллегой по припасам из другого отряда, теперь собравшегося вокруг группы Кайлы и Тиадрама, думая, могут ли они им чем-то помочь, но больше жалея сами, что не присоединились к такому побоищу с легендарными монстрами раньше. Конечно, легендарны эти арды были только благодаря своей немногочисленности и успехам в боях с людьми уже после исчезновения Демонов, с чем значительно упала в мире общая

сила людей, а новые воины и в подметки не годились старым. Даже так, монстры, способные в равном бою убить Демонов, а сики и Малыши точно были на то способны, были тем особенно интересны, и от боев с ними они испытывали удовольствие не меньшее, чем таковое у охотников, годами выслеживавших одну крупную дичь, наконец поймав ее в капкан или сеть, фактически победив своего злейшего врага, что временно становилось целью всей их жизни. Временного промежутка жизни «от» и «до».

Крылатая девушка ходила меж воинов с вполне серьезным, пускай и добрым, лицом, убеждаясь, что те смогут продолжить выполнение операции и двигаться по Лесу уже в составе ее отряда, тем более убеждаясь, что они будут согласны с таковой сменой лидера. Все они видели, как она сражалась с монстрами недавно, и вполне были готовы идти за ней, по крайней мере, как за могучим воином. Но не только это вынуждало их соглашаться с ее командованием. Она была весьма известным командиром людей, о котором ранее Демонам уже рассказывали их товарищи с поверхности в Синокине, пусть и была она Хемирой, для них почти точь-в-точь подобием их злейших врагов имтердов. Ее звали Вали, и некогда она была Верховным Кроузом Ирмии, вместе с Даллаханом, и была его единственным на свете дорогим живым существом. Прекрасная внешне, с золотистыми короткими волосами, с несколькими косичками под кошачьими ушами, с едва заметными кошачьими усиками, голубоглазая добрая и милая девушка, благородная и умная, больше себя самой любящая людей, вставшая на защиту мира во всем мире для них, и для того готовая жертвовать всем, что имела. То же произошло с Даллаханом, разочаровавшимся в людях, вставшим против них, и за то поплатившись жизнью в бою с Вали. Все те чувства, что их объединяли, память событий далекого прошлого, все их общие идеалы и идеи — все разрушилось в миг, когда ее меч коснулся его шеи, разорвав ее, и весь мир на годы забыл о его существовании. Даллахан был величайшим творением Хемирнира, его самым сильным Хемиром, собственной нестигаемой волей подчинившим себе ардов-паразитов, что отец Хемир вселил в его тело, сохранив осколки разума, но все равно частично став монстром. Именно предки Вали помогли отряду некоего Золина, еще сотни лет назад, добраться до лабораторий Хемирнира, где отряд и был уничтожен, а сам Золин стал Даллаханом. Следуя старым историям, находчивая Вали нашла старый дом тех своих предков, лес рядом с ним, и сами заброшенные лаборатории Хемирнира, откуда и вытащила еще живого, находившегося в коме Даллахана. Сейчас, конечно, не время мне рассказывать их историю, и слишком много в ней остается людям недосказанным и по сей день. Никто, кроме ученика Даллахана, Генерала Арнэля, не знал, что Вали специально отрубила своему возлюбленному голову, зная, что тот, будучи бессмертным, сможет вернуть ее на место и выжить, так попытавшись вынудить весь мир считать его мертвым. Возможно, только она, во всем мире, еще была способна видеть в его злобных белых глазах свет? Но даже она теперь понимала, что не сможет больше его спасти. Он стал Военачальником имтердов, а Вали стала командиром одной из армий людей. От судьбы сбежать невозможно — они стали предначертанными друг другу врагами, и должны были уничтожить друг друга ради мира, в который верили сами, и гибели которого оба не могли допустить.

— Какая-то ты хмурая. — внимательно посмотрел в лицо Кайлы Тиадрам, уже также устраивая отдых на окровавленной земле, пока Демоны решали, что им делать дальше, в недоумении разглядывая старые карты Леса.

— Много у тебя таких подружек? — пускай и с виду беззаботно, но наверняка с долей неприятной ревности, спросила Кайла.

— Ревнуешь? — удивленно ухмыльнулся юноша.

— Нет, конечно. — качала головой она. — Такая девушка бы на тебя не клюнула.

— Мне хватает девушки по имени Кайла.

— Ладно, хватит. Ты не ответил на мой вопрос. — также весело ухмыльнулась Кайла.

— Мало с ней общался, если ты об этом. А последний ее возлюбленный лишился головы. То есть...

— Так это Вали, значит? — перебила размышления друга о том, в каком смысле от девушки «потерял голову» ее возлюбленный, Кайла. — Солнышко из Совета Октолимов.

— Здесь много членов Совета. — огляделся Тиадрам, пускай больше никого из тех советников рядом и не видел. — Вспомнить того же Мицерна, который нам помог.

— В отличии от Солнышка, которую все любят, Мицерн даже в Совете считается паршивой овцой.

— Я с ним раньше не сталкивался. Обычно он все время в пути. Он представил моего друга Кози остальным членам Совета, и из-за этого они сразу на него косо посмотрели. — задумался Тиадрам.

— Кози, да? Это тот умник в коричневом плаще? — вспомнила Кайла.

— В березовом камзоле. — скрестив руки на груди, улыбаясь уточнил Тиадрам.

— В коричневом плаще.

Теперь Тиадрам молчал, лишь с каменным лицом смотря на еще следящую за товарищами вокруг Кайлу.

— Тоже верно.

Оба отряда уже нашли общий язык между собой, и вполне были готовы продолжать выполнение операции вместе, сражаясь с монстрами теперь бок о бок. Мужчины обоих отрядов обсуждали назначение своим общим лидером прекрасной воительницы, обсуждения которой у особенно закоренелых воинов из «превосходного бойца» перерастало в какую-то тихую похабщину, а у людей не слишком близких с битвами переходили из «хорошего командира» в «лишь бы это все поскорее закончилось, и мы это пережили». В обоих отрядах были и девушки, особенно восхищенные грацией своего нового командира в бою, одни рассказывая о том, что они в ней уже видели в боях раньше, а другие товарищей из другого отряда только с изумлением слушая. Помимо тем абстрактных или не касающихся выполнения операции Большой Чистки, пара девушек обсуждала и предыдущего командира их соседнего отряда, к которому они только что пришли на выручку, и от квартирмейстера которых о нем слышали. Коротко стриженный черноволосый и черноглазый мальчуган лет восемнадцати, в черной куртке с рисунками вроде волн и высоким воротником, да с двумя большими мечами за спиной. Взгляд их на него перебивала только его спутница, с которой они правда ни на секунду не расставались, постоянно посмеиваясь и что-то веселое бурно осуждая. В тканной черной форме с красными уголками, с одним небольшим искусным мечом за спиной, она была недурна собой, имела отличную осанку и фигуру, красивое простенькое лицо, глубокие изумрудные глаза, и похожую на таковую у Вали прическу, разве что с большим количеством более светлых косичек. Она носила на голове капюшон с самого начала Большой Чистки, и Тиадрам даже, в шутку, несколько раз пытался его с нее стянуть, за что каждый раз не сильно получал локтем в бок. Не снимала капюшона она и все последние дни, если не всю свою жизнь, делая исключение только на время сна или перекуса. На то не было особых причин, и это было больше похоже на привычку, появившуюся в результате трагичных, травмировавших ее разум, событий. Она редко

говорила об этом даже с Тиадрамом, который точно ей нравился, ее к нему манило, но признаться в чем она ему все равно не могла. То же было совсем недавно между ней и ее другом Сокконом, с той лишь разницей, что ее влечение не было теперь столь сильно и страстно, и ощущалось заметно иначе. Она будто чувствовала, что должна быть выше его, но ни в коем случае ему не поддаваться. Он чувствовал то же самое, но наоборот, что сами они подсознательно уже успели связать со спецификой своих способностей и разных видов окружающего их Пламени. Пусть они не до конца это понимала — все же, они были вполне правы.

Уже давно позади осталась речка, прозванная местными жителями Мертвянкой, и даже деревня Лукимм, в которой совсем недавно останавливалась с Братьями Кацеры Кайла, была уже далеко. Лес уже не становился гуще, пусть и все реже на его протяжении встречались истоптанные людьми тропы и обжитые монстрами луга и поляны. Чаше на пути воинов вставали покинутые подобия жилищ, окруженные где-то болотистыми трясинами, а где-то и вовсе проходящие меж деревьев мелкие речушки, заросшие озерца, и жуткие пруды. Особенно страшную картину группа Вали встретила у большого пруда, испещренного едва поднимающимися над мутной водой и тиной гнилыми кронами по верхушку затонувших деревьев, куда с еще мокрого и скользкого края едва не упал один из Демонов, и где еще наблюдали за стоячей водой воины пары других отрядов. Из середины пруда к одному из краев вытянулась огромная и окровавленная туша отвратительного монстра с кучей щупальцев и большим зубастым ртом. Скорее всего, бой с этим монстром закончился совсем недавно, и потому по пруду все еще в некоторых местах плавали мертвые тела не слишком удачливых воинов, возможно даже не заметивших опасности в воде сразу, решивших искупаться ниже, дабы «тряхнуть стариной» после долгого сна. Их еще полчаса вылавливали их товарищи, и около шести воинов все это время стояли по бокам монстра, продолжая увлеченного и злобно кромсать мечами и топорами его пасть, проклиная его за смерть товарищей.

На одном из ответвлений главной дороги, по которой теперь вообще редко ходили Демоны, предпочитая передвигаться сразу по глуши, с пригорка под небольшим бревенчатым заборцем, на уровне деревьев еще дымили трубы давно протопленных печей пары неприметных хат, где воинов, уже довольно часто, равнодушным усталым взглядом встречали всего пара местных стариков и бабок. Дымя трубки, сидели они на скамейках перед самыми хатами, с виду радостно наблюдая за шествием своих старо-новых защитников, в то же время ничего им не говоря, будто все равно сами уже последние годы доживали безразлично, ничему не удивляясь и ничего даже не желая. Отважные воины не редко спрашивали их, как им живется в сием Лесу, наполненном монстрами, где и дичь, даже грибы и ягоды, найти было так сложно. Один старик отвечал, что по дороге ближайшей, что до самого Лафена петляла между деревьями левее деревни, часто ходили путешественники, и всех чудовищ, что могли встречаться им по пути, убивали, так освобождая путь в город и для стариков. Но сами они никогда не ходили туда, ибо правда были уже слишком стары. Бабка того старика говорила, что путники сами нередко останавливаются у них, и именно их о помощи так часто просили они. «Для них, молодых, что там значила пара километров. А нам? Нам помочь они всегда были рады. Да и...хе-хе, денежку поиметь с сего занятия никто не против был.» — весело качал головой один из стариков, отвечая на вопросы все последние часы занимающих двор своей хаты, и саму хату внутри, часто проходящих мимо в поисках чудовищ воинов. В их хатах они находили и

разделанные заранее тушки монстров, частями которых платили путешественникам за помощь. Никто не расценивал их как мусор — все они, так или иначе, были ценны в алхимии, и старые хитрецы хорошо об этом знали, медленно собирая с округи частые плоды борьбы за территорию вечно сторонящихся истоптанных дорог монстров, ни разу так сами не попадая под опасность от помощи путешественников и не редких странствующих рыцарей.

Здесь пролежала дорога и на Манне-Дот. Путь в Лафен шел диагонально слева от тех хат, часто заворачивая за поляны и луга, представляя проходящим по нему путникам и нынешним воинам другие поселения чуть поодаль, но уже чаще заброшенные и оставленные, даже полностью уничтоженные монстрами. Спокойная жизнь вдали от больших дорог, налогов Ирмии и городской суеты, многим была по душе, но не многие задумывались об опасностях, что хранил в себе Лес, и что так часто забирали жизни тех любителей мира и покоя в нем уже сотни лет. Вечный лесоренбирский туман, создаваемый Богом Смерти Чеистумом, как выяснилось совсем недавно, действовавший для сдерживания ардов внутри Леса от выхода за его пределы, умерял их жажду крови и в самом Лесу, и монстры редко нападали на людей, или, тем более, людские поселения там сами в поисках пропитания или для контроля территории. Исключения и редкие происшествия, тем не менее, все равно несли за собой безвозвратную смерть, и даже одного несчастного случая с участием ардов было достаточно, чтобы поспособствовать опустению даже целых лесных деревень. В зависимости от размеров селения, Чеистум иногда сам возвращал жителей к жизни, затем уничтожая окружающих их чудовищ своими силами, вспоминая былые времена, сам еще любящий сражения в любом их виде. Поэтому, возможно, многие из местных жителей и были так спокойны. Они не боялись умирать, потому что итак уже были мертвы, пусть и не все это понимали.

Уже довольно крупный отряд Вали был на полпути к выходу из Леса со стороны Манне-Дота, очень кстати краем своих небольших земель прилегающего к опушке самого Леса. У этого города была весьма дурная репутация, и Кайла была одной из немногих посвященных в его историю душ, из-за того нередко вспоминая рассказы своего дяди Корима Манне, некогда наследника всего города Манне, захваченного коррупцией и бандитами его злейшего врага герцога Дота, буквально сжившего со свету всю его семью. За последний час пути ее сосредоточенность целиком перешла в усталость, она стала более рассеянной, а вызванный волнением перед операцией недосып уже изрядно ослаблял ее в бою, даря ее телу все новые и новые, но чаще безобидные, раны. Тиадрам пытался подбадривать ее, и у него это даже хорошо получалось, но он сам был еще слишком взволнован, из битвы в битву переходя с дрожью в руках, каждый раз пугаясь новым монстрам, что встречал их отряд, пускай и продолжая отважно бросаться к ним в бой. Он провел ночь довольно спокойно, ведь, в отличии от Кайлы, мало знал пропавшего накануне Соккона, и пусть уже называл того своим другом, был полностью уверен, что тот, ввиду своего невероятного ума, находился вне опасности, даже если попал на территорию врага. Никто тогда не знал, куда пропал Соккон, пускай и многие еще об этом думали. Даже Вали слышала об этом благородном человеке, не раз слушая доклады прочих членов Совета Октолимов о всем последнем составе семьи Кацер в ходе своих собраний на предпоследнем этаже Ренбирской Пирамиды. Она знала, что Тиадрам подружился с этими людьми, если людьми они были, и сама немного переживала за товарища, думая, что он чувствовал после сего происшествия. Никогда не считавшая себя суровым командиром, она была очень рассудительна и тактична,

из указанных когда-то ее возлюбленным Даллаханом путей управления войском предпочитая именно уважение, никогда не касаясь страха. Всему миру, знакомому с ней хотя бы по слухам, это казалось удивительным. Она не была человеком, а Хемир и вовсе часто презирали за их вечные интриги и злодеяния, подпитанные вечной жаждой новых сильных ощущений и похоти. И все же, Вали была человечнее всех своих предшественников, разве что кроме Аквина Тибфера, дедушки Кайлы, который еще 60 лет назад сменил ее на посту Верховного Кроуза Ирмии, показав себя не менее сильным лидером, но и не менее великим человеком, которого добрым словом поминали и до сих пор, и за него же в корчмах часто поднимали кубки воины как Ирмии, так и враждебной ему Волшеквии.

— О чем думаешь? — прервал размышления Кайлы о Манне-Доте Тиадрам, со всем отрядом так и продолжая идти по кое-где заваленной тушами монстров дороге уже напрямую в сторону города.

Кайла неуверенно посмотрела на него, оторвав пальцы от подбородка, думая, не пропустила ли она чего-нибудь важного в командах Вали недавно, что та давала по пути вовсе будто описания местности, стараясь так держать свой отряд всегда бодрым и веселым. У нее это, разумеется, вполне неплохо получалось, да и с окружающими воинами было совсем не сложно найти общий язык.

— Слушай. — задумался Тиадрам. — Ты говорила, что тебе нравятся такие леса и деревни, потому что они напоминают тебе о доме. Но, ведь, твой отец убил дракона вместе с Коримом, и наверняка забрал немало драгоценностей из грота, где он жил.

— Забрал. — кивнула Кайла.

— Так почему вы жили в деревне? — не понимал Тиадрам.

— Обычно у драконов не принято собирать сокровища в своих жилищах. Это всего лишь сказки. Но дракону, который жил в Гроте Ломо, свои сбережения приносили лично местные жители. Не поверишь, но они просили его помогать им... в разных делах.

— Сжигать бандитов?

— Вроде того. Но дракон был очень жадным и злым. Он сказал жителям, что не будет им помогать, но если они прекратят приносить ему драгоценности, то он покинет свой грот, и сожжет их деревни и города. На самом деле, тот дракон не дышал огнем. У него были другие способности. Он был телепатом. Подчинял себе волю своих посетителей, и вынуждал их безукоснительно выполнять его команды. Местным жителям это надоело, у них уже совсем не оставалось денег, чтобы задобрить монстра. Как раз тогда путешествия привели моего отца в те края, и по пути он встретил Корима, которому были очень нужны деньги для свершения мести над людьми, которые захватил его город. Потом он, конечно, передумал, и нашел сокровищам дракона лучшее применение. Они собрали дружину из воинов в ближайшей корчме, и вместе с ними одолели дракона. Они забрали только небольшую часть сокровищ — остальные были прокляты. Отец все равно пытался вернуть все прежним владельцам, и ничего себе не взял. Все-таки... он был слишком благородным. — с какой-то не то иронией, не то радостью за честь отца, вздохнула Кайла.

— Он был великим человеком. — подвел итог Тиадрам, стараясь подбодрить подругу.

— Был. — улыбалась она.

Все время пути по Лесу, где теперь уже редко что-то важное происходило, Кайла вспоминала о том дне, когда потеряла отца и мать. Именно за виновником того происшествия, множества ее кошмаров, она и шла в Эмонсен, желая убить убийцу ее родителей, отомстить за тех, кто был для нее всем в той и без того полной трагедий жизни,

что она уже давно оставила позади, и единственным призраком которой оставался этот монстра, Граф Дума. Позади она оставила мещан, что были с ней так жестоки, и оставила позади бывших друзей, что не могли на нее даже смотреть после того, что те звери заставили ее пережить, и вместо поддержки только оставили ее наедине с собственными переживаниями, а то и вовсе с манией самоубийства от позора. Позади остались защищавшие ее родители, добрая пастушка мать и ушедший с головой в кузнечество отец. Пожар, лужи крови, мертвые тела ее родных и близких, и те самые черные доспехи с горящими Синим Пламенем глазами рогатого шлема, тоже остались позади, и уже давно перестали являться ей в кошмарах, переродившись из страха леденящей злобой, для всех будущих путешествий Кайлы ограничив одну цель и идею. Идею стать сильнее, чтобы подготовиться к битве с ним, кого боялся весь мир, и кто столько уже судеб погубил и помимо ее. Идею отомстить за них всех, сойдясь в смертельной битве с самим Графом Думой.

Тиадрам понимал чувства и переживания своей спутницы, и потому еще вчера, в тот же день, что и стал днем их встречи, поклялся помочь ей в свершении мести, и защитить ее от страха, который наверняка охватит ее сразу, как она снова увидит перед собой того монстра. Не только связь их Первородного Пламени или обычная симпатия подтолкнули его на такое решение — он буквально не мог найти себе место в жизни, и активно продолжал его искать даже теперь, уже найдя цель в тренировках с Серпионом, в его идеях, и в его стремлении помочь людям в борьбе с имтердами, все еще думая, как он может поспособствовать достижению этой цели всем человечеством сам. Кайла часто спрашивала его о прошлом, которого юноша никак не мог вспомнить, и раз за разом задавала вопросы, на которые тот сам себе никогда не мог ответить. Он не знал, кем был, как и не знал, кем были его собственные родители. Каждый раз, когда он пытался вспомнить что-то из прошлого, перед его глазами плотной стеной вставало Красное Пламя, которое использовал и он сам, и которое горело будто внутри него самого, в себе содержа его душу. Никто не мог объяснить ему этого, и даже его наставник, явно знавшим о нем больше, чем он сам знал о себе, на все его вопросы отвечал одним загадочным «Ты Тиадрам, и больше никто». Даже часто навещавший учеников Серпиона фактический правитель всей человеческой расы Мерсер, часто невзначай болтавший с Тиадрамом, будто нарочно избегал разговоров с ним на темы его прошлого, смешиваясь и меняя темы, что правда казалось тому подозрительным, и на чем основывал даже самые невероятные, с виду, теории. Серпион говорил, что в глубине души Мерсер переживает за подопечных своего старого друга, потому что единственный на всем белом свете понимает, через что тем однажды придется пройти для достижения его великой цели «возвести людей на трон правителей всего мира». И, разумеется, он все равно не мог поведать им о своих планах сам, как и не мог выдать им свои прочие скрытые и вполне человеческие мотивы.

Но, как и Кайла, одной щепетильной и неприятной темы в разговорах со всеми Богами, Демонами, и, тем более, с самим Мерсером, избегал и Тиадрам. Даже среди членов их текущего отряда в Лесу было немало Демонов, столетия назад служивших человечеству под началом одного из своих самых фееричных командиров, их Архея и главнокомандующего всех Демонов, Думы Чеисома. Почти никого из них еще не посвятили в будущее их героя после Великого Спуска, в котором те вовсе считали Думу погибшим, на последнем дыхании своей невероятной силой спустившим все принадлежавшие имтердам Земли Марконнор в самую Бездну, с тем закончив Первую Войну и саму Эпоху Раскола. Они бесконечно уважали

этого человека, но и сами не раз задавались вопросом «почему мужичье, что присоединилось к нам на этой операции, говорит, что Дума стал нашим врагом?». Именно в Манне-Доте Бог Смерти обещал рассказать отважным воинам, что стало с их командиром, и почему теперь он был им врагом, которого они собирались лично уничтожить в Эмонсене. До того момента он заранее попросил всех без исключения людей не гадать об этом, поручив прочим командирам, что вели другие войска поодаль от Манне-Дота, пересказать своим воинам события последних столетий уже лично и на указанных фронтах, так, чтобы не подорвать их боевой дух, но и чтобы не настраивать их против предателя раньше времени. Часть истории человечества, связанная с договоренностями между ними и Черным Пламенем, должна была оставаться тайной для обычных воинов до самого конца, и ни в коем случае не упоминаться единицами прочих живых душ, что были в эти тайны уже посвящены. На вопрос «почему люди столетиями сражались друг с другом» им уже ответили, и плоды сих битв они видели в Лесу сами — люди сохраняли форму для будущих битв, и в битвах нередко рождались герои, что и теперь доказывали старым воинам свое мужество, будучи их новыми лидерами, признанными теми лично.

Еще через пару часов все учащающихся остановок и привалов, уже все более и более простых битв в местах, по которым недавно и без того проходились другие воины, немного поредевшая группа Вали вышла к опушке Леса под Манне-Дотом, чаще встречая теперь более многочисленные и, будто только что собранные из разрозненных остатков прочих, отряды Демонов. По их словам, город заняли хоругвь старого Бога Страха, войско Бога Смерти, и подразделение стражи самого города, пересобранное в крупную боевую роту. Город принимает воинов со всей округи, и на его площади собирается выступить лично Бог Смерти, дабы распределить войска между фронтами, и найти войско, наиболее подходящее для штурма Эмонсена. Сами разрозненные отряды Демонов в Лесу останавливались у границы города, чтобы оттуда более прямыми дорогами между Манне-Дотом и Дельсбергом зачистить остатки Леса с востока, сами продумывая свой маршрут в соответствии с заранее установленными для них будущими местами боевых действий, чаще лежащими на северной границе Запада, правее и выше Ренбира, Дафара и Глайна.

— Вам нужно в город? — после переключки и осмотра состояния отряда в целом, тихо окликнула Кайлу и Тиадрама, подходя к ним наверняка уже с прощанием, Вали.

— Да. Мы присоединимся к штурму Эмонсена. — мило улыбаясь своему командиру, кивнула Кайла.

— Спасибо, что проводили нас. Навалайте этим чудищам от нашего лица! — весело и воодушевленно махая руками, обратился ко всему отряду Тиадрам.

Отряд, как по команде, разразился негромким смехом и овациями, также взмахами рук провожая доблестно сражавшихся с ними бок-о-бок товарищей на новую, и наверняка тяжелую, битву.

— Береги себя и свои лапки. — хихикнула Кайла Вали.

— Спасибо. И вам приятного пути, и удачи в бою. — прикрыв глазки, улыбаясь кивнула Вали. Да, на ее руках была едва заметная мягкая шерстка, и на пальцах были мелкие когти, но внешне они все равно были больше похожи на руки человека, нежели настоящие кошачьи лапы.

Кайла и Тиадрам покинули уже родной отряд прежде, чем те отправились в дальнейший путь сами, все еще продолжая продумывать дальнейшие планы по зачистке Леса, ни на секунду не отрываясь от чуть изодранной и заляпанной кровью карты, постоянные хватаясь

за голову, тыкая в нее пальцами. Не удивительно, что они мало что в этом теперь понимали — они вели почти партизанскую войну с имтердами из этого Леса еще очень давно, и просто не могли принять всех изменений, что произошли с ним за последние столетия застоя. Многие, правда, в этом Лесу были вообще впервые, и даже лезть к карте, потому, не пытались. Деревья в этой части Леса были уже выше, пускай и было их куда меньше, дорога была заметно грязнее и жиже, а солнце куда чаще островками закрывали медленно плывущие по небосводу темно-серые тучи. Во всех окрестностях Манне-Дота дни напролет как из ведра лил дождь, и только со вчерашнего дня, усилиями местных октолимом, специально вызванных для того из разных уголков Запада, и сразу завербованных в армию, дождь не покидал своих облаков, а сами они медленно отплывали от города в разные стороны, проливаясь уже где-то вдалеке, может в десятках километров от своей вечной стоянки.

Отовсюду до ушей бодрых и взволнованных Кайлы и Тиадрама доносилась речь воинов, хрусты вбиваемых в хоть где-то еще твердую землю кольев, треск натягиваемых военных палаток, и даже лязги мечей от тренировок Демонов спаррингами между собой. В сторону города шли не только наши герои — даже от Леса с ними по одной дороге быстро шествовали где-то уже раненные, грязные от крови монстров, но ни капли не уставшие после боев, еще веселые и воодушевленные Демоны. Один воин, из числа добровольцев с соседней деревушки, едва не лишившийся руки за время рейда, активно жестикулируя перед новыми друзьями, рассказывал истории своего прошлого из деревенской жизни. Другой, шедший совсем рядом, случайно начал с Тиадрамом разговор о сути недавнего рейда, из чего тот и сам для себя открыл немало интересных фактов. Например, теперь он знал имена некоторых командиров, возглавивших операцию Большой Чистки, и даже сам весело поведал товарищу истории из своего прошлого, с теми командирами связанного. Воины Арнэля, с которым тот пару раз пересекался в Ренбире, прошли по Лесу в сторону Кацеры первыми, напрямую, но своей целью уничтожение монстров не ставили, и потому очистили лишь ту дорогу, по которой шли. Бог Смерти снял с Леса туман лишь когда сам добрался до Манне-Дота, и там уже весь день занимался сбором сил, переквалификацией города и турбазы в военный лагерь, пускай и сам уже давно никем не командовал, и даже почти ни с кем серьезно не сражался. Город был уже впереди, словно муравьями усеянный воинами, увешанный военным снаряжением и ящиками с провизией, серый как обычно, но уже краснеющий с каждой секундой от обилия знамен и Зоота, особенно приятного для глаз Демонов после жизни в Синокине. Поток воинов, с постоянным громким шагом и шлепками грязи под их ногами, с воодушевленными боями с чудовищами криками наконец разогнавших по жилам кровь Демонов, Кайла и Тиадрам быстро приближались к городским воротам, некогда высоким и жутким в окружении вечного дождя и серых стен, теперь открытых нараспашку под солнцем, пропускающим в сам обновленный воинами город стягивающихся к ним со всех сторон людей. Пусть город был и не большой, его ближайшая к Лесу стена с воротами была самой большой из всей его трапеции, лишь углом касалась деревьев, и самым правым углом вовсе уступала висящим над ней кронам деревьев. Часть чаши справа и слева была уже прорублена и притоптана людьми, желавшими провести оттуда направо, к Лафену, себе будущую дорогу после пополнения провизии в городе. Но часть чаши даже воины решили не трогать, заранее обустроив ее под себя на короткие привалы.

Со стороны Леса города окружило немало лагерей, состоящих из особенно разумных воинов, самих не участвующих в штурме Эмонсена, и потому заранее решивших не мешать

участниках штурма в городе, так не занимая их место и не устраивая «толкучку». Город был не слишком объемён, жутковат сам по себе и без дождя, и, даже учитывая устроенную Демонами в нём перестройку, со стороны огромными городскими стенами напоминал, скорее, неприступную крепость, нежели, как когда-то, центр туризма почти всей Ирмии, привлекающий путешественников необычной и невероятной архитектурой, множеством систем стоков города, не сравнимой даже с таковой в Ренбуре или столице. То был город Манне, потерявший свое имя после гибели старого градоначальника, отца немало известного Рыцаря Корима. Город накрыли дожди, и в них то и дело от ушей жителей скрывались крики путешественников, умирающих от бандитских кинжалов на его улочках. Город захлестнул тихий разбой, и именно тогда он приобрел свою жуткую репутацию, приобретая и имя Манне-Дот. Путешественники и торговцы старались прокладывать свои маршруты подальше от этого города, но редко находили для того альтернативы — услуги борцов с ардами на дорогах восточнее, или, тем более, дорогах через Лес Ренбура, были слишком невыгодны, и этим владельцы Манне-Дота даже активно пользовались. Что случилось с этими владельцами по учреждению новой власти Запада, конечно, для многих осталось загадкой. Как и загадкой остается история о старом градоначальнике Доте, который, в последние дни, вдруг уверовал в Богиню Света, и тщетно пытался замять свои грехи перед ней, или же, вернее, перед одним ее особенно благородным слугой, больше всего в жизни ненавидящим разбой и произвол. Теперь в городе правил единолично Бог Смерти, а старого Дота в городе уже давно не было, по крайней мере живым.

Перебивая шум толпы и друг друга, Кайла и Тиадрам входили в этот город веселыми, по пути поддерживая разговор сразу с несколькими воинами вокруг, даже парой купцов, забесплатно готовых отдать в распоряжение командиров Демонов свои самые дорогие, но точно полезные, безделушки. Сама возможность помочь Богам, привлечь их внимание к себе, говорить с ними, для многих была невероятной, и они очень рвались к ней, все же не осознавая, от каких дел тех постоянно отрывают своим чрезмерным уважением. Чаще всего, таких «фанатов» останавливали еще на подступах к своим командирам подручные их интендантов, собирающих все возможные запасы на складах города, и не брезгающие благородно конфисковать их у восторженных гостей. В по правде интересное теперь место шли, по уже сухой, разбросанной с дороги в стороны табунами воинов, грязи, наши герои. Им предстояло, правда, не любоваться местными достопримечательностями, а всего лишь отдохнуть, послушать вводный инструктаж Бога Смерти на главной площади, и уже следующим утром отправиться на штурм самого Эмонсена. И все равно, обстановка в городе будоражила их воображение, позволяя уже батальными сценами перед глазами в своем сознании представить будущий штурм логова их неприятеля, уже чувствуя неизбежную гибель последнего, тем более в сражении со столькими опытными и сплоченными воинами.

Думаю, события пребывания Кайлы и Тиадрама в самом Манне-Доте будет проще описать отдельной главой, чтобы не слишком нагружать вас не особенно важной информацией сразу. Да, их дела в городе вполне можно было бы описать и парой слов, а то и вовсе пропустить. Все же, вы еще не познакомились со многими важными для мира персонажами, что расскажут новым друзьям свои истории совсем скоро, и мне будет только приятнее описать их здесь, когда они будут теми встречены. Вы сможете немного отдохнуть, читая следующую главу. И, возможно, даже почувствовать на себе радости затишья перед битвой настоящих закаленных в боях воинов. Пускай и не только для битв они своим Верховным Властителем с самого начала создавались, что только подтвердят их дела в

городе.

Часть 4: Кайла и Тиадрам. Глава 2: Где стекаются истории

С шумом будто настоящей бурной реки, поток людей ни на секунду не замолкал, даже изредка выходя оттоками на городские улочки справа, все же чаще придерживаясь того же пути, по которому теперь в старую городскую ратушу шли Кайла и Тиадрам, ни на секунду не сбавляя темпа и не замолкая. Отовсюду раздавались крики еще работающих над перестройкой города людей, громко общались, перекрикивая друг друга в окружающем шуме, старые Демоны. Будучи все впервые посещающими сей, по крайней мере некогда, славный город, поголовно они удивлялись его удивительной архитектуре, волнистым черепицам как в крышах, так и в стенах серых домов. Город все еще выглядел мрачно, каким и был с самого момента захвата его новым градоначальником Дотом, но уже медленно восстанавливал былую атмосферу света благодаря усилиям его новых жителей. От крупного входа там, где вошли в город Кайла и Тиадрам, справа до самых дальних стен города, как и до других крупных ворот сбоку, ведущих на большак, росли широкие ряды трехэтажных домов, а слева, занимая небольшую площадь у самой левой стены, над всем остальным городом возвышалось шестиэтажное широкое, от одного угла города до другого, здание старой ратуши. Органы нового самоуправления Манне-Дота располагались именно там, но, ввиду слишком уж большого потока посетителей города за последние часы, само здание теперь принадлежало не только им — все этажи ниже шестого занимали импровизированные казармы, лазареты и кухни. Перед зданием ратуши пока относительно пустой оставалась большая городская площадь, где, ввиду того же большого потока людей, кроме старого и переоборудованного под трибуну эшафота, все прочее было разобрано и отправлено на военные нужды, с чем сама площадь превратилась в обширный и пустой плац. Особенно широко известный «сад каменных истуканов» также был уже разобран, а камни статуй горгулий и драконов отправились на укрепление городских стен. Еще немного впереди была небольшая стена из четырехэтажных зданий, раньше служивших городу сетью мелких магазинов, цирюльней, лавкой старьевщика, даже таверной, и многими прочими небольшими заведениями по этажу на каждое таковое. Они пользовались не слишком большим спросом в городе, ибо в нем всегда было не много жителей, а те, что жили в нем на постоянной основе, вовсе редко выходили на улицы, тем более зная свой город и его опасности «с хорошей стороны». За стеной того здания шла еще одна горизонтальная мелкая дорога, а за ней, уже до самой дальней стены, волнами от своих полукруглых крыш шли все те же, что справа и слева от центральных боковых дорог, трехэтажные дома. Дороги на большак выходили только с двух сторон города, потому как слева стены уже карябали густые кустарники и высокие деревья, с которыми даже местные городские власти, за самим городом в принципе мало следящие, ничего поделать не могли, да и не слишком хотели. Всего четыре дороги, по две с каждой стороны, контролировать своими разбойниками было, все же, проще, чем четыре. С дальней стороны дороги уходили по большаку в сторону Дельсберга и столицы, города Нерлина. Все дороги большака дальше сходились в одну из ответвлений, и люди редко использовали ту, что проходила возле Манне-Дота. Правее ее был печально известный Грот Ломо, а в лесах слишком часто на путников нападали разбойники. Такие стычки редко заканчивались чьей-то смертью, ибо «дотийские» бандиты, все до единого, находились во власти Алых Песков, запрещавших разбой с убийства, все же

обычному разбою, как и воровству или мародерству, только покровительствуя.

Кайла слышала немало хорошего о городе от своего дяди, Рыцаря Корима, и сама не раз представляла себе тот город, что он описывал историями из своего, очевидно, раннего детства. Город значительно потерял в красках с тех пор, а его необычная архитектура совсем испортилась, ведь со сменой власти ее поддержание совсем было пущено на самотек. Все равно, город еще мог удивить даже ее, саму едва не потерявшую челюсть раньше при виде блистательного и великого Ренбира. Со всеми своими гостями как на дороге, так и на площади или в домах, Манне-Дот выглядел уже совсем не так мрачно, как в последние годы запустения, и атмосфера его уже не была столь жуткой. Хотя на то не было приказов или какой-то особенной необходимости, остановившиеся временно в домах воины с радостью разукрашивали стены своих комнат, выходящих балконами с окнами на дорогу, самыми разными знаками и словами. Забавно было то, что значение их слов было Кайле не понятно, а Тиадраму они лишь отдаленно напоминали нечто, что он уже видел в подземельях под Ренбиром раньше, когда тренировался там с друзьями в боях против Серпиона. Люди не без причины сменили свой язык после начала войны с имтердами, но он по-прежнему оставался для них родным, и они, сами о том редко думая, продолжали повсеместно пользоваться им, даже обсуждая что-то между собой. Использовать язык своего злейшего врага для обсуждения победы над ним? Пожалуй, в этом и правда была какая-то злобная и гадкая ирония. Тем более учитывая, насколько старые обычаи вернули в мир эти воины теперь, с тем вернувшись в него и сами.

Наконец оторвавшись от своей компании Демонов, обсуждавших все время в пути честь и доблесть, а иногда и судьбу своих потомков после заточения в Синокине, Кайла и Тиадрам вышли на главную городскую площадь, направляясь в до сих пор красивое и ухоженное, явно непохожее на прочие здания города, здание ратуши. Оно было широким, с большим куполом по центру крыши своего шестого этажа, золотистым, и активно блестело на уже вполне ярком за никак не расходящимися до конца облаками выше солнцем. Тиадрам, не слишком занятый беседой с попутчиками недавно, краем уха слышал слова одного из воинов текущей армии Ирмии, адресованные слишком интересовавшемуся историей города своему коллеге Демону. Он говорил, что «градоначальник был настолько жадным, что весь город специально омрачил, а свою ратушу позолотил, чтобы она выглядела красивее на фоне остальной черноты». Здание было огорожено небольшим жутковатым решетчатым забором, и уже во дворе, под дверями ратуши, воины активно занимали небольшие площадки, совсем растоптав когда-то наводимую там работниками красоту и чистоту небольшого зеленого сада. Где-то впереди, но уже у дальних ворот, воины снаряжали коней боевой сбруей, так или иначе самих скакунов собирая в огромные стойла уже за стенами города, из-за чего внутри людей на конях почти не было. Кто-то, стоя у ратуши с записной книжкой перед большими грязными ящиками, командовал помощникам набивать несессеры для воинов медикаментами и необходимыми в полевых условиях приспособлениями. Кто-то, с немалой отдышкой после каждого подхода, таскал туда-обратно, между такими писарями, сами ящики. И немало при этом, чаще про себя, ругался.

— Да что вы грузите в эти ящики!?! — резко бросил груз перед собой в грязь, хоть и в нужное место, один совсем уставший работник.

— Будешь так швыряться — сам в него сыграешь. — серьезно поднял глаза над своими каракулями писарь.

Снаряжение готовилось не только для старых воинов, потерявших все, кроме оружия и

доспехов, за время заточения в Синокине. Как выяснилось только за неделю перед началом подготовки воинов к Последней Войне, даже современные образцы снаряжения воинов Запада отставали от такового многовековой давности. Не поймите сего неправильно — со временем командование войск людей придумало немало полезных приспособлений и упрощенных, даже более эффективных, вариантов прежнего снаряжения. Проблема была именно в том, что, как бы не старались держать в форме своих людей Боги и Мерсер, их все равно медленно поедала лень, и они все меньше помнили с годами значение слов «делать что-то на совесть», а не ради заработка на выживание. Все же, баланс уровня жизни на Западе поддерживался достаточно компетентно только первые столетия после Великого Спуска. Боги начали чувствовать на себе действие Проклятья Забвения и старения личности, так или иначе становясь все равнодушнее к командам свыше Мерсера и Унзара, больше занимаясь своими делами, пусть и немаловажными, но, все же, мало способствующими подготовке людей к уже predeterminedенной будущей войне.

К счастью для Кайлы и Тиадрама, ящики со снаряжением местные работники, чаще не из числа воинов Демонов, или просто воинов, несли из ратуши не через главный вход, и ничего не помешало нашим героям попасть внутрь здания оттуда. Не учитывая грязи на полу, в остальном внутренний антураж помещений здесь был все еще на высоком уровне, не слишком потрепанный или запыленный, даже достаточно ухоженный, часто выделяющийся тут и там будто льющейся по стенам позолотой. Разные люди, не все даже похожие на воинов, стояли здесь, в основном, в углах, небольшими компаниями бурно что-нибудь обсуждая, с чем во всем здании явно и бурлила жизнь. О том же говорило ощущение ими обоими внутренних аур населивших здание в огромных количествах октолимов. Впереди был небольшой зал с высоким потолком и ведущей под него спереди, расходящейся направо и налево, мраморной лестницей. По красно-серым от грязи дорогим коврам в коридоры направо и налево проходили люди, часто что-то с собойнося, а иногда и вовсе тяжело дыша, явно чем-то озабоченно, пробегая мимо, едва не сталкиваясь друг с другом лбами.

— Не стойте в проходе, пожалуйста. — недовольно бурчал за спиной наших героев тут же резко, толкнув их плечом, прорвавшийся вперед слева от Тиадрама запыхавшийся работник.

— А, да. Прошу прощения. — неуверенно смотрел тому в след Тиадрам.

Здесь было уже далеко не так шумно, как на улице, но все же раздумья Кайлы и Тиадрама часто перебивали не только стычки с мимоходом задевающими их людьми, но и глухие голоса прочих гостей из помещений за стенами вокруг. Уверенным шагом они прошли вперед, к лестнице, и, обходя стороной как раз отдыхающих справа за доброй беседой троих Демонов, начали подъем повыше, куда их и направил еще до Большой Чистки лично Чеистум. С легкими стуками твердых подошв о каменный пол, приглушенными коврами, они поднялись сначала на широкую площадку между первым и вторым этажом, и оттуда, недолго осматриваясь, свернули по правой лестнице уже на второй этаж. Как ни странно, лестницы справа и слева вели не на одну площадку выше, а в два совершенно разных коридора, уже там, прямыми деревянными лестницами поменьше, уходящими на этажи выше. Здесь народу было уже поменьше, но они казалось ничуть не менее активными. Даже нашим героям было забавно наблюдать за картиной погони женщины в годах с половником в руке по коридору впереди за одним из работников, который явно ей чем-то, по виду красного злого лица, немало насолил. Или «недосолил», если учитывать поварскую одежду обоих. Воины и работники получали еду на третьем этаже, в специальном столовом

зале, но готовили ее все равно на втором этаже. Учитывая значительно возросший теперь, вместе с возрастанием количества голодающих, объем работы, наверняка повара работали в поте лица уже не первый час, тем более часто выходя в столовую и без еды, лишь с просьбами к Демонам «вести себя нормально». И, конечно, туда нередко для успокоения своих подопечных отправляли и без того занятых своими делами снаружи их командиров. Совсем скоро вы узнаете, почему.

Пройдя вперед по коридору, пропустив мимо себя на лестницу зала еще пару не слишком торопливых работников, про себя тихо что-то недоброе обсуждая с недовольными лицами, Кайла и Тиадрам свернули уже направо, в нараспашку открытую дверь из лакированного дуба, и там уже напрямую по узкой лесенке поднялись на третий этаж, откуда даже на весь второй этаж (если не из кухни второго этажа) разносился теплый запах самой разной пищи, смешивающий в гремучий коктейль «Зелья повышения аппетита». Здесь слева стоял задумчивый юноша с весьма заметно растрепанной прической и фингалом под глазом, а чуть дальше слева за стеной очень активно шумела будто целая сотня веселых буянов, как это часто бывало в тавернах, но вовсе не в военных столовых.

— Ну вас *куда подальше*. — резко вылетела из больших дверей у перил той самой лестницы слева, по виду, молодая и неопытная путешественница.

Она уверенным и злым шагом прошла мимо сразу отступивших к стене Кайлы и Тиадрама, так даже привлекая к себе внимание задумчивого юноши около той же стены ближе к началу спуска лестницы. Скорее всего, он покинул помещение по той же причине, что и она, и даже задумался, на мгновение, не пойти ли ему, одинокому воину-самоучке, за ней. Чем это закончилось, правда, Кайла и Тиадрам так и не узнали. Шум из-за дверей слишком привлекал их внимание, и они не могли удержаться сами от просмотра погрома, что там творился. Оба они подошли к дверям по стене, затем с разных сторон просовывая в помещение за ними головы, наблюдая за происходящим лишь так выглядывая. То было, возможно, не самой плохой идеей. Так их, по крайней мере, никто бы не окликнул с предложением «если мужик, то выпьешь с нами», от которого Тиадрам просто не смог бы отказаться, пускай и очень редко пил даже в компании, а Кайле бы пришлось пойти туда за ним.

— Да быть не может! Тот самый!?! — едва уместаясь на стуле, вытаращив глаза на товарища, сам кружкой с брагой чуть не расколов перед собой стол, едва перебивая шум остальной столовой, кричал ближайший к дверям толстый Демон.

— Тот самый! — весело поднял меч перед собой, продолжая полировать его тряпочкой уже на столе, другой Демон явно поменьше. — Вот час назад принесли мне его потомки, мужичок с женой-красавицей. Говорили, что хранили его все столетия, как я и завещал. Я только попросил товарища с южного фронта его немного перековать, а так он ни капли не изменился!

Слева была стена, и троица воинов сидели за своим столом совсем рядом с ней. Эта компания была еще не слишком пьяной и шумной, чего нельзя было сказать о их товарищах за столом правее, откуда то и дело на пол расплескивался эль, а неоднократно названный своим товарищем «пивной мордой» мужик в военной форме Ирмии из синего габмезона с латным панцирем, судорожно и опасно для окружающих, активно махал руками.

— Да это чтоооо! — на широко расставленных по столу руках вещал перед товарищами буйный воин. — У меня дед в одном отряде с Пофиссом был!

— Это еще что за хрен? — прищурился уже изрядно заливший рыжую бороду Демон-

старик за столом перед ним.

— Ээээээ. — насупившись, качал пальцем тому перед лицом современный воин. — Ты наших героев хренами не называй.

— Да что там этот Пофисс. — махнул рукой другой пьяный вояка, к слову из отряда предыдущего, уже расслабленно развалившийся на красивом бархатном стуле с завитушками сверху. Да, стулья в столовую спешно переносили из всего остального здания, и на их вид или качество всем уже давно было плевать. — Каждый теперь будет героем. Может и мы прославимся.

— Да ты, скорее, обет воздержания примешь, чем героем станешь! — начала смеяться его товарищ слева, сама выпившая не меньше других, но еще не выглядящая и капли пьяной в молодом на вид лице.

Вояка только прищурился, с какой-то легкой неприязнью глядя на ту девушку.

Тут о стену совсем рядом с выглядывающей за дверью головой Тиадрама ударились и разбирались старая пивная кружка, остатками своего содержимого буквально в миг перекрасив место удара на несколько тонов из белого в серый. Юноша убрал голову лишь на секунду, в то время как его спутница Кайла убрала ее оттуда окончательно, уже поняв, что путь их к верхнему этажу проходит теперь через что угодно кроме столовой, особенно учитывая то, что происходило в помещении теперь, когда разбились та кружка.

Вслед за разбитой кружкой один пьяный Демон уже разбил своему товарищу лицо, а рядом, в предвкушении интересного зрелища, активно начали сдвигать столы для мордобоя их веселые товарищи. Нечеловеческий шум и гомон, состоящие из криков и грохота столовой мебели с посудой, заливали зал настолько плотно, что в нем даже воины не слышали криков своих командиров, уже приведенных внутрь недовольными работниками, и все равно остающихся теми временно незаметными от собственных кружков перед глазами. Не все современные солдаты и офицеры понимали методов общения между собой их товарищей из глубокой древности, и, с тем, не всегда понимали их бесед, ведомых на непонятных им языках. По большей части, Демоны переходили на свой старый диалект имтердова языка только будучи уже в стельку пьяными, пускай и получили заранее приказы от командования города о «не употреблении вражеской речи» и «отказе от алкоголя». Никому не было дела до дел столь скучных в столь интересные дни. До момента выступления Чеистума на главной площади, как и до момента выступления войск из города на разные фронты, у всех них было время немного развлечься, тем более, возможно, последний раз в жизни. И даже среди их командиров мало кто серьезно пытался это веселье остановить — они давали команды уже нехотя, некоторые даже сами скрывая от работников ратуши свое истинное состояние после веселого воссоединения своих отрядов.

— Пошли отсюда. Мы все равно здесь не пройдем. — подергала Тиадрама за плечо Кайла, также тем указывая тому отойти в сторонку, и не стоять на пути уже собиравшейся войти в столовую новой компании Демонов.

Здание правда имело довольно странное строение. Привычные лестницы многоэтажных зданий не были расположены неразрывно одна над другой, а размещались в комнатах на некотором расстоянии друг от друга. Кайла и Тиадрам вышли из текущей комнаты со входом в столовый зал через дверь сразу за лестницей, что их туда привела. Оттуда налево по коридору они дошли уже до следующей лестницы наверх, ведущей к четвертому этажу. Еще по пути оба они, пусть и отдельно друг от друга, думали о вопросе «почему столовая располагалась выше кухни», ведь было совершенно очевидно, что прислуге было бы куда

проще не поднимать полную еды тару на этаж выше, а, наоборот, спускать ее вниз, затем поднимая уже только пустую посуду. Спешное переоборудование здания под военные цели явно продумывалось людьми не самыми логичными, тем более учитывая, что командиры Демонов все последние часы думали вовсе не об этом — на носу уже был штурм Эмонсена, да и помимо этого у них еще хватало забот с решением собственных проблем после долгожданных встреч со старыми товарищами. Даже Боги Смерти и Страх уже тихо обсуждали между собой события прошлого на последнем этаже здания за парой бутылок старого вина отличной выдержки. Дело было даже не в этом. Правильный вопрос теперь озвучил лично Тиадрам, уже, вместе с Кайлой, вставший на первые ступеньки лестницы перед собой, начиная подъем на четвертый этаж, где располагались уже казармы.

— Зачем было располагать казармы так высоко? — чуть устало вздохнул он.

— Устав в пути, солдат больше хочет спать, и меньше хочет буяннить. — не оглядываясь, быстрым и уверенным шагом, подпрыгивая на ступеньках, поднимался рядом с ними туда же, видимо, один из капитанов Демонов.

— Да уж. Ваши воины — те еще буяны. — иронично ухмыльнулась Кайла.

Шум становился все более плотным, и, с тем, повсюду на четвертом этаже тут и там становилось намного больше людей. Как и на этажах ниже, они активно обсуждали что-то между собой, кто-то чистил и полировал оружие, обрабатывал доспехи или даже раны, ел или просто отдыхал. Перед лестницей не было той стены, что, на этажах ниже, служила перегородкой между комнатами разных размеров, и весь тот этаж, отделенный от лестниц в трех разных местах уже левее той, по которой поднялись наши герои, состоял лишь из одного большого и широкого зала, вмещавшего тогда на своем протяжении около двухсот человек. Но то был вовсе не предел — люди продолжали спускаться вниз или подниматься в казармы снизу, отчего их количество постоянно варьировалось на плюс-минус десятки человек. Лежаки были расположены на деревянном полу довольно хаотически, а прочей мебели в зале почти не было. Рядом с лежаками лежали вещи воинов, стояли оселки и импровизированные верстаки, а на самих лежаках иногда уже лежали сами воины. Даже в подобном невыносимом окружающем шуме им наверняка спать было легче и приятнее, чем в заморозке под землей на каменной земле. Они до сих пор чувствовали общий упадок сил и сонливость, и, пусть многие уже предприняли в Лесу попытки разогнать ту сонливость по мышцам боем, некоторые были не такими дуболомами, и фанатично сопротивляться потребностям организма в отдыхе не пытались. Даже внутренняя сила этих Демонов, обволакивающая собой уже все здание целиком, мало способствовала восстановлению их сил после столь долгой, по сути, комы.

Лязги и скрежет металла о оселки тоже сливались уже в монотонный шум, скрывающий за собой речь и частый смех людей. Как было принято считать у всех воинов и помимо Демонов — главным союзником солдата были вовсе не товарищи рядом, а его собственные крепкие доспехи и, в особенности, острый меч. Так было принято, скорее, именно у современных воинов. Демоны еще не имели такой страсти к мечам из всего спектра своего вооружения, да и всегда предпочитали командную работу в бою, нежели одиночно-героические сражения один на один с более вероятным летальным исходом таких одиночек. Некоторые Демоны использовали в бою даже боевые хлысты, что, может быть, были не слишком эффективны для убийства имтердов или ардов, но имели вполне серьезный спектр возможностей обездвиживания врага для помощи в его уничтожении своим союзникам. Будучи воинами древних времен, Демоны правда чувствовали в глубине души себя куда

более одинокими, нежели современные воины. Именно поэтому они всегда так тянулись к дружбе, и так рьяно сражались именно в кругу друзей и товарищей. Даже в губернии они находились одной дружной семьей, под присмотром самых уважаемых своих товарищей и командиров, и теперь, снова собравшись вместе, ни на секунду не оставались без компании. Если, конечно, не спали. Хотя...

— Эван! — кричал рядом с уже проходящими мимо Кайлой и Тиадрамом один из Демонов постарше, довольно жестоко пиная латным сапогом своего товарища в спину, пока тот мирно спал. — Вставай, рохля.

— Не буди ты лихо, пока оно тихо. — хлопая товарища рукой по наплечнику качал головой его товарищ рядом.

— Да оно не тихо! Послушай сам!

То и дело расталкивая людей вокруг плечами, Кайла и Тиадрам ушли уже слишком далеко в сторону центра зала, и, разумеется, в шуме чужих голосов и прочих звуков, никакого храпа спящего Демона не слышали. Тем более, что в зале и помимо него многие спящие воины сопели, будто дремлющие драконы. Возможно, они слегка простыли на солнце после заморозки? Тогда было не мудрено, что они так легко, и, главное, в такое время, засыпали. Был уже почти вечер, но точно не поздний, а энергии у воинов старой закалки наверняка раньше было достаточно, чтобы не спать по несколько суток, даже продолжая при этом серьезно сражаться.

Всего одна лестница вела из тех казарм в...еще одни казармы выше. Здесь было уже просторнее, зал выглядел куда больше сам по себе, и по бокам его везде открытых комнатах располагались изредка что-то говорящие мыслями вслух, висящие всем телом над столами с картами, командиры воинов. Скорее всего, когда-то этот зал служил местом проведения каких-то театральных спектаклей и представлений, ибо даже невысокие подмости сохранились оттого впереди, на протяжении всей дальней стены зала. Над подмостками все еще висели красные занавесы. И, как и на этаже ниже, тут и там здесь отдыхали воины, кто-то из людей «будущего» делился новыми знаниями со своими многовековыми коллегами, но большинство просто болтали ни о чем, параллельно занимаясь ремонтом своего поеденного временем снаряжения. Некоторые воины были даже ранены монстрами во время Большой Чистки, и теперь, часто также не отвлекаясь от веселых бесед, зашивали раны или перевязывались, даже не упуская возможности оценить при этом «алкоголя нового времени», что использовали явно не в медицинских целях. Один из капитанов современной армии Ирмии даже попросил компанию Демонов у дверей своего штаба прекратить употребление алкоголя ввиду близости скорой мобилизации их отряда в войске Северного фронта. Ответ компании, разумеется, не заставил себя долго ждать.

— Мы притупляем боль и обезззззззараживаемся! — на пару секунд завис над буквой «з» последнего слова один из Демонов, подняв над импровизированным обеденным столом из чужого лежака оторванную осатом в Лесу по локоть уже перевязанную бинтами руку.

Страсть к алкоголю была весьма частым явлением у Демонов. Постоянный стресс, скорбь потери родных и близких под гнетом имтердов, тем более вечно веселые компании, братским духом пытающиеся побороть в себе робость — все это только способствовало употреблению сей, фактически, отравы, особенно опасной для воинов в бою. Но она правда им помогала. И дело было не только в заглушении боли душевной, но и в повышении порога боли, с коим сражения проходили куда спокойнее, и они не теряли боевого настроения даже потеряв в бою какую-либо часть тела. В их войске было немало целителей, с помощью окто

способных вернуть воинам потерянные части тела, если те не были им жизненно важны, и воины забрали их на лечение с собой с поля боя. Потерянные головы, как и внутренние органы, обычно восстановлению не подлежали, и потому все Демоны предпочитали для сражений использовать именно тяжелые доспехи, укрепляя нагрудники и шлемы, так или иначе облегчаясь за счет не слишком толстых наручей и поножей. Злоупотреблять помощью своих целителей они все равно не могли, особенно учитывая, что армия их врага изначально была, фактически, бессмертна, и возрождалась Синим Пламенем Совенрара без каких-либо усилий.

Справа и слева от центральной лестницы были еще две таковые, ведущие уже на шестой, самый последний этаж здания. Кайла и Тиадрам должны были подняться туда, чтобы поговорить лично с Чеистумом о своей роли в штурме Эмонсена, как и договаривались еще в начале Большой Чистки. К сожалению, справа наверху, у самых дверей, их остановил громоздкий страж из числа все тех же Демонов, но особенно крупный и тяжело бронированный, удерживающий в той тесноте от одной стены до другой вставшую диагонально немалую алебарду.

— Бог Смерти назначил нам встречу наверху. — неуверенно кивнула стражу Кайла.

— Кайла и Тиадрам? — голосом как из бочки серьезно, не моргнув и глазом под забралом шлема, спросил страж.

— Они самые. — уже без доли улыбки от вида собеседника ответил Тиадрам.

— Пожалуйста, подождите в зале. — мгновенно спокойнее и проще кивнул им страж. Сам он, внезапно, также перестал казаться нашим героям таким жутким и безжизненным, словно статуя. — Человек, который решит ваш вопрос, поговорит с вами внизу.

— То есть — как внизу? На первом этаже? — не понял Тиадрам, уже успев заранее оттого расстроиться.

— Ему будет проще, если вы, сначала, отдохнете в зале на этом этаже.

Тиадрам вздохнул уже легче.

— А этот человек... Кто он? — с каким-то неожиданным даже для себя подозрением спросила Кайла.

— Мы не знаем. Говорят, что он герой вашего времени. Прибыл чуть раньше вас. — качал головой страж.

— Он не называл имени?

— Корим, кажется. — задумчиво отвел взгляд страж.

С тихим трепетом в сердце на лицо девушки набежала улыбка.

— Поняла. Спасибо, мы пойдем вниз. Он нас точно не потеряет. — весело кивнула она тому стражу, тем не менее самому в лице так и не поменявшемуся.

Девушка первая сорвалась с места, и быстрым, летящим шагом начала спускаться вниз, уже заранее, издали, разглядывая зал, и стараясь найти там место поудобнее для себя и друга. Сам же друг Тиадрам, не совсем понимая ситуации, хоть зная Корима лично, зная и его взаимоотношения с Кайлой, не прощаясь со стражем, спуск вниз начал уже чуть позже, едва не потеряв девушку из виду за силуэтами стоящих как раз на углу лестницы местных сплетников.

— погоди, Кайла! — уже быстрее он подскочил к ней, продолжая путь уже на той же скорости, что и она, рядом. — Разве это звучит хорошо?

— Ты о чем? — неуверенно посмотрела на друга Кайла, скинув с головы капюшон, чтобы дядя Корим наверняка потом легко заметил среди серых как один Демонов ее

золотистые волосы.

— Корим рассказывал мне свою историю. Теперь он пришел сюда, значит, может быть, он тоже хочет отомстить Думе? — сам уже осматриваясь по залу, стараясь найти свободное место среди то и дело ходящих без дела мимо Демонов, жал плечами юноша.

— Будь даже так, я бы не стала вставать на пути его мести. — весело ухмыльнулась девушка. — Тем более, ты же слышал его песнь? Симфонию Слез.

— Конечно.

— «Теряясь во тьме, сражаясь с Бездной, не дай себе поддаться мести». — тихо и красиво, медленно качая головой, напела слова той песни Кайла.

— Но зачем тогда он сюда пришел? — все еще не понимал Тиадрам.

— Это же его город, дурачок! — весело посмеялась про себя Кайла.

— Я знаю, просто... — продолжал чесать затылок он. — Он же говорил, что не хочет больше сюда возвращаться.

— Это шутка, конечно. Только Корим и его Богиня Лорея будут сражаться на северном фронте, и поэтому дядя пришел сюда, как и остальные воины того фронта.

Время ожидания реакции со стороны Тиадрама превысило таковую у обычного человека, и едва не переступила отметку «тугодум», за которую он тут же переставил себя сам с громким шлепком ладони по лбу.

— Давай искать место для отдыха. Тем более, у тебя тоже есть раны, которые надо бы перевязать. — добродушно улыбаясь, вздохнула Кайла.

— Да, давай. — вздыхая уже тяжелее, с позором признал себя самого дураком Тиадрам. Кайла, разумеется, не думала так о нем даже подсознательно. Юноша был, просто, слишком критичен в оценке себя самого и своих действий.

В большинстве своем, воины ближе к центру зала сидели на полу, и пусть здесь их было куда меньше, чем на этаже ниже, их собрания все равно оставались слишком плотными, чтобы за ними совсем не было видно на том полу свободного места. На сцене ситуация была попроще, и Кайла даже присмотрела себе и Тиадраму там хорошее место еще с самой лестницы. Примерно в то же время задремавший мужчина, скорее всего являвшийся не Демоном, а вовсе бывшим стражником города, неуклюже перевернувшись на бок, упал со своего лежака, краем лежавшего ровно на границе подмостка. Не сказать, что его это слишком отвлекло ото сна, тем более зная, как тяжелы были приготовления последних дней для современных солдат по переходу в новую армию, и в каких экстремальных условиях уже приходилось спать тем стражникам на постах раньше. В той стороне, чуть позади его лежака, на сцене еще было хорошо заметное издали свободное место, и обоим нашим героям оно было по вкусу.

— Пойдем. — скомандовал Тиадрам, сам для себя решив, что спать они с Кайлой все равно не будут, и для отдыха им подойдет любое место, лишь бы не на самом краю сцены.

Кайла пошла вслед за другом уже чуть подождав, пытаясь понять, какое место он для них выбрал. Как оказалось — то же самое, на которое уже минуту в раздумьях смотрела она сама.

Пройти мимо всех тех компаний, развалившихся на полу, будто нежащиеся под солнцем морские котики, чаще всего так же животом кверху, было достаточно проблематично ввиду недостатка свободного места даже между ними. Не наступишь на человека, так наступишь на его вещи или еду, разбросанные в почти хаотическом порядке вокруг. Очевидно, что многие Демоны, после шумного застолья на пару этажей внизу, решили захватить часть

пищи с собой в казармы, и даже не брезговали раскладывать ее вокруг себя в количестве и качестве не хуже, чем у современных богачей, уже не думая о причиняемых ими остальным людям неприятностях. Конечно, политика тех лет не предусматривала обмен между людьми различными предметами «не просто так» ввиду слишком разросшейся системы взаимного доверия и единства расы. До самой трагедии Храма Вордилиона, людей угощали самыми разными плодами мира лично имтерды, наиболее щедрыми среди которых были их Верховная Властительница Ширавы и южный Военачальник (тогда еще Ученый) имтердов Алиакиф. Виноград, который активно поедал гроздьями Демон у самой лесенки справа от сцены, и которого случайно коленом подтолкнул в спину Тиадрам в попытке протиснуться мимо между ним и прочими людьми, выращивался лично Алиакифом на Юге, и уже намного позже перешел на Север и Запад, прижившись и уродившись там, став началом особенно любимого имтердами напитка, названного вином. Сами имтерды, правда, лично очень отличались от людей даже будучи под командованием Ширавы. Помимо внешних различий и строения организма с ростом органической Сколы для изменения, в первую очередь, скелета, имтерды отличались и куда меньшим спектром эмоций, что, пусть не делало их совсем безжизненными, все же позволяло людям видеть их для себя «скучными». Забавно, что люди не стали называть их «интересными» в Эпоху Раскола, когда их командование перешло к Совенрару, а его имтерды стали намного более активными, фанатичными и жестокими. Не скажу, что они получили, чего хотели. Это было бы слишком жестоко, учитывая, сколько людей потеряли из-за этого жизни, пускай и не были почти ни в чем виноваты сами. Против них сыграла ненависть самого Совенрара к людям в целом, как и его предубеждения против них для защиты собственной расы. Он бы начал эту войну так или иначе — ему лишь нужен был повод, и он ждал любой осечки со стороны людей, которой и стала трагедия Храма Вордилиона.

Кайла и Тиадрам не смогли подняться на сцену по лесенке справа, но без особого усилия поднялись туда напрямую с пола, ибо выступ был не слишком высоко, да и им с самого начала было проще взять пример с людей левее, просто прыгающих со сцены вниз, или запрыгивающий на нее в одно движение снизу. Почти никто не обращал на них внимания, по большей части продолжая заливать зал либо гомоном своих криков, перекрикивая друг друга будто в какой-то игре, либо сотрясая пол зала под своим лежаком звериным храпом, частым среди Демонов, только недавно вышедших из заморозки, еще страдающих слабыми нарушениями в работе дыхательной системы. Собранные квадратом на одном месте пола четыре лежака, к которым шли Кайла и Тиадрам, были уже обустроены заранее кем-то их использовавшим, скорее всего, около получаса назад. В центре лежали некоторые фрукты, которые Демоны только охотнее собирали в столовой по причине «никогда такого не видел — надо попробовать», охватившей все последние приготовления их армии к переводу в современное русло неиссякаемым интересом и любопытством.

— Кажется, это место не совсем свободно. — прошел к левому лежаку Тиадрам, глядя на то, как Кайла, ни о чем лишнем не думая, прошла мимо к лежаку спереди, быстро принимаясь раскладывать его и отчищать от грязи, оставленной доспехами прежнего владельца.

— Надо будет — найдут себе другое. Или на полу поспят, им полезно. — явно продолжая думать только о своем, еще улыбалась девушка.

Тиадрам только неуверенно вздохнул, сам без лишних слов упав на лежак под собой, о чистоте и порядке его даже не подумав.

Тут же девушка, уже сверкая заплетенными в косу, но с еще множеством косичек под ушами, золотистыми волосами, принялась поправлять прическу, сбросив с уже почти пустого блюда впереди остатки фруктов, используя его как зеркало, начиная приводить в порядок сначала свое лицо, а потом и одежду. На них было слишком много крови и грязи, и она, пусть уже давно привыкла к такому бардаку за время путешествий, как подобает следящей за своей внешностью девушке, предпочитала поддерживать свои вещи и лицо по крайней мере в чистоте, тем более перед другими людьми. Тиадрама все еще грызла некоторые мелкие раны, чаще всего рваные и резаные, особенно неприятные, будучи нанесенными монстрами, похожими на собак, немало оттого чешущиеся. Для себя и Кайлы он даже осмелился попросить у товарищей в паре метров позади себя, уже серьезнее, чем прочие, занимавшихся перевязкой особенно пострадавшего за время рейда товарища, немного медикаментов. Две девушки-Демона и обычный авантюрист, почти не отвлекаясь от помощи товарищу, не моргнув и глазом передали ему нити, жгуты и бинты, да с небольшой бутылкой спирта. Скорее всего, у командования людей не хватало октовых зелий на всех воинов, и те даже сами это понимали, ничего у тех не прося для помощи себе и товарищам, используя те же подручные средства первой помощи, что и столетия назад в боях с имтердами. Конечно, Тиадраму и Кайле никакие зелья были не нужны, ибо они почти совсем не пострадали за время Большой Чистки, особенно если сравнивать их раны с таковыми у некоторых других Демонов, еще вытягивающих руки или ноги перед товарищами рядом, зубами сжимая рукояти собственных мечей, терпя болезненные и спешные операции на уже внутренних тканях конечностей с обеззараживанием и перевязкой.

Полчаса уже сидели девушка и юноша на том месте, довольно громко переговариваясь между собой на самые разные темы, пропуская рядом к товарищам проходящих мимо людей, говоря громко только ввиду окружающего звенящего в ушах шума, обсуждая вполне добрые и веселые темы, изначально такого тона не требующие. Они даже успели уже немного перекусить тем, что им недавно принесли добродушные соседи по лежакам с края сцены, вообще всех вокруг угощая, пытаясь у каждого обязательно что-то вызнать взамен. Корим все еще не появлялся, пусть вид на сцену даже с лестницы на последний этаж, откуда наши герои Рыцаря и ждали, был более чем открыт, и оттуда прекрасно было видно их обоих. Что странно, даже за полчаса никто, кроме вышеупомянутой троицы с едой, из окружающих Демонов, парой компаний между собой даже успевших несерьезно, по крайней мере по их меркам (с выбиванием зубов), подраться, не обмолвился с Кайлой и Тиадрамом и словом. Никто и за исключением тех, кто просил наших героев чуть посторониться, чтобы они смогли пройти дальше, возвращаясь к товарищам либо из уборной, либо из столовой. Некоторые люди приходили в зал заметно распаренными и чуть мокрыми, что подтверждало витавшие вокруг, слышимые тут и там Кайлой и Тиадрамом от других компаний, слухи о наличии где-то под первым этажом горячих источников или бань, куда некоторые воины до сих пор активно и с радостью ходили.

— А ты не пойдешь? — уже спокойно, прижав колени к груди на лежаке, сверкая изумрудными глазами, хихикала Кайла.

— Не. Я, когда-то, уже ходил в баню, и мне это не очень понравилось. Щипало нос, и мне казалось, что из-за него вот-вот от жары кровь пойдет. Со мной были Кози и еще какие-то мужики. И знаешь, чем это закончилось? — притворяясь серьезным, чтобы потом эффективнее пошутить, посмотрел на девушку Тиадрам.

— Чем? — уже чуть опустила улыбку Кайла, особенно раньше наслышанная о вещах,

сопровождавших отдых в бане мужиков постарше.

— Алкоголизмом в исполнении Кози, и больше ничем. — сам чуть улыбнувшись, понимая, что почти вынудил подругу волноваться, вздохнул юноша.

— Он еще и алкоголик? — старалась не показывать волнения Кайла.

— Не то, чтобы совсем. Но один из самых пьющих в Совете Октолимов.

Он уже смотрел куда-то вперед, на лестницу, что вела на этаж ниже. Кайла посмотрела туда же, и улыбка с ее лица начала пропадать еще быстрее. Они с Тиадрамом уже почти час ждали величественного Корима, любимого дядю Кайлы. Но его все не было, хотя другая беда, как говорят, пришла, откуда ее не ждали, и весьма самоуверенным шагом, уже поднимаясь по лестнице в зал, и направляясь через людей точно в их сторону.

— Больше пьет только он? — про себя чуть зло вздохнула Кайла.

— Именно. — покачал головой Тиадрам.

Пафосной походкой, разбрасывая под собой ногами бутылки с водой, оселки, одежду, и авоськи с фруктами, Мицерн, расталкивая так же вокруг себя людей, прямой дорогой от самой лестницы прошел к сцене, ловко затем ее перескочив с упором лишь одной руки на край подмостка, подходя уже совсем близко к стоянке Кайлы и Тиадрама. Так же бесцеремонно, одним ловким движением присев, упираясь согнутой рукой в пол, он с немалым шумом завалился на бок перед ними, раздавив на лежаке под собой пару апельсинов, от ощущения их под собой даже не шевельнувшись. Теперь он лежал прямо перед Кайлой, вытянув ноги в сторону Тиадрама, и едва ими того не касаясь. Последний, конечно, был этим недоволен, но не счел нужным это исправить — пока он не слишком много знал о человеке, что, совсем недавно, спас ему жизнь от гиперима. Еще не за что ему было окрестить того человека списком оскорбительных имен, которые тот, вполне заслуженно, успел получить даже за последние минуты от сразу нескольких обитателей местного военного лагеря, до сих пор смотрящих на него после устроенной им толкучки, даже думая, не нужно ли им преподать ему урок «как толкаются настоящие воины». Растолкал сторожей на входе плечами, у одного забрал выпивку, кому-то наступил на руки, кому-то на ноги, а кому-то на спину во сне. И все это время, разумеется, не спускал с загорелого лица гадкой улыбки.

— Ты? — с подозрением прищурилась Кайла, взглядываясь в изорванное едва заметными, но частыми, шрамами хитрое и явно похотливое лицо наемника, немало закрытое черными буйными волосами на лице, и такими же завязанными в конский хвост на голове. Хотя на лице они, конечно, были куда короче. — Разве тебе не нужно спешить на южный фронт?

— Там не интересно. — не менял скользкой улыбки Мицерн. — Да и, знаешь, я тут слышал, что всем нам все равно суждено умереть. Так... почему бы перед этим не развлечься, как никогда в жизни?

— Спасибо, но мы уже развлеклись вчера на празднике.

— Мне говорили, что ты не любишь оставлять долги не оплаченными. А я тебя спас, значит у тебя и передо мной должок. — про себя ухмыльнулся тот.

— Это кто меня так хорошо знает, что распускает слухи? — будто угрожающе, чуть насупилась Кайла.

— Слухи — эпидемия, от которой нет спасения. — прикрыв глаза и гадко кривя улыбку, качал головой Мицерн. — Идешь вернуть должок Думе, уже вернула должок мещанам у дерева, и мне, наверное...

— Думай, что говоришь, или мотать головой будешь уже с петлей на шее. — едва сдерживаясь, уже крепко сжимая кулак левой руки, а правой пальцем тыкая почти в самое лицо наемника, зло заскрипела зубами Кайла.

Мицерн только ухмыльнулся, пускай и с уже явным удовольствием от собственной наглости, распалив девушки до приятного ему уровня.

— С такими коготками, да на старого медведя? Это будет интересная борьба. — продолжал тихо смеяться он.

— Зря ты протянул сюда эти копыта. — уже недовольно насупившись, тыкнул пальцем наемника в голень справа Тиадрам. — Такими темпами ты их совсем скоро откинешь.

Мицерн чуть приподнял голову, явно с еще большим удовольствием смотря в лицо теперь достаточно серьезно настроенного на драку за оскорбление чувств своей спутницы Тиадрама. Часть улыбки с его лица упало лишь через секунду, когда за спиной юноши остановился совершенно новый силуэт, и так же вдруг прервал их ссору одним ловким стуком железного посоха о пол справа от Кайлы.

— Сначала начнется драка, потом побоище. — даже заставил чуть вздрогнуть Тиадрама от стука наверхия своего металлического посоха о старый деревянный пол тот человек. — Я вел этих обалдуев в боях с имтердами еще сотни лет назад. Они всегда предпочитали сначала набить друг другу морды, прежде чем бить настоящего врага. Не давайте им повода.

Его голос был чуть хриплым, низким, как у старика, но у весьма умного и утонченного, даже благородного. Таков был и он сам. Фрак под вуалью и плащом, грязные, изодранные, но ранее наверняка красивые и дорогие, что, в отличии от времен многовековой давности, теперь о многом говорило путешественникам, чаще тут и там по дороге сталкивавшимся только с монстрами, или же с бандитами, от недостатка ума не способными даже грамотно попросить у прохожих деньги. К сожалению, и лицо этого человека время не пощадило, и оно не многим отличалось от таковых лиц тех же разбойников, которые нормально говорить часто не могли и по причине отсутствия во рту десятка зубов, что было справедливо и для этого человека. Его губа была рассечена у правого уголка рта, и там явно, вместе с частью самого лица, меч имтерда столетия назад вырвал изо рта сего Демона несколько зубов, тем не менее не слишком так испортив его лица. Оно и без того было слишком жутким само по себе, и человек этот сим качеством своей внешности даже активно пользовался.

— Можно присесть? — сверкнул он маленькими белыми глазами над совсем страшной и неприятной улыбкой маленьких и потрескавшихся бледных губ.

— Сначала принеси хорошей выпивки, чтобы сидеть с героями. — посмеялся Мицерн.

— Какая жалость, что я умею приносить лишь смерть и раздор. — особенно неприятно улыбаясь, упираясь правой рукой на тонкий металлический посох без каких-либо особенной, кроме зазубрин, присел на пол левее Кайлы этот не то старый, не то просто страшный, человек. — Да и если сидеть с героями...я лишь добавлю такого в эту бесславную пока компанию.

— Пока? — чуть пришел в себя уже косо смотрящий в сторону Мицерна Тиадрам.

— Скоро мы все покроем себя славой, во имя наших предков, и так далее.

— Звучит не слишком уверенно. Ты не разделяешь боевой дух остальных Демонов? — заметила Кайла.

— Я всегда сражаюсь один. Наш Властитель назначил меня их командиром, а я...как я буду командовать теми, кто меня боится? — весело, и как будто с иронией, качал головой Демон.

— Властитель назначил? — даже все уже понял, не прекращал улыбаться Мицерн.

— Точно, точно. Обычно я представляюсь только врагам, чтобы они понимали, что так неприятно вдруг запахло в их штанах. Даже у имтердов с обменов веществ. Невежей нужно быть, чтобы прийти в расположение войска, не спросив, кто им командует. — качая головой вздохнул старик.

— Я невежа. Так жить веселее. — позвякивая кольчугой под стеганым дублетом перекатился всем телом на спину Мицерн, смотря теперь уже в красивый мраморный потолок.

— Разве имтерды могут валить в штаны? — не понял шутки Тиадрам.

— Ууууу. Ты просто не видел, что происходит на поле боя, когда туда приходит Бог Страх Гоклон. — будто запугивая юношу даже не словами, а собственным жутким лицом, чуть наклонился в его сторону, проводя дряхлой рукой по воздуху, старик.

— Бог-хвастун, похожий на что-то среднее между вашими Чеистумом и Гедыром? — чуть распрямилась Кайла, пытаясь так отдалиться от слишком приблизившегося к ней, особенно жуткого вблизи, Гоклона.

— Гедыр, Гедыр. Когда я выходил из Синокина, он пришел нас встретить. И сказал «валить куда подальше». — все время меняя тон на более шутливый, качал головой тот. — Жаль, что в их семье манеры не передавали по наследству, и, в отличии от его сестры, Кенна Альберт в ученики не взял, и ничему его не научил.

— Так вы будете командовать штурмом вместе с Чеистумом? — спросил Тиадрам.

— Рыцарь Корим тоже будет участвовать? — перебивая друга желанием наконец увидеть дядю, или, хотя бы, узнать, где он, спросила Кайла.

— Ах, точно-точно. — вдруг правой рукой забрался под свою вуаль Гоклон, быстро что-то там с шорохом разыскивая, буквально через пять секунд доставая оттуда два небольших письма, протягивая их девушке. — Его задержали, и он не пришел. Но просил передать тебе эти письма.

Кайла неуверенно, но с немалым трепетом в сердце, протянула руки к письмам в руке Бога Страх. Пусть она не понимала почему, ей каждую секунду казалось, что этот человек может сделать что-то, что ее напугает, и то будет не обычной доброй шуткой, как у шутливого Тиадрама, часто пытавшегося ее пугать даже в Ренбире в куче людей внезапными касаниями. Чаще всего — легкими тычками в бока. Она взяла письма, даже протянула их к себе, но неприятное чувство от присутствия Гоклона рядом все не проходило, пускай и не было похоже, что он собирается делать что-то страшное, тем более что у нее совсем не было для этого повода. Это было похоже на дурное влияние «ярлыка», что часто вешали на октолимов из-за их способностей, и которые часто, со временем, начинали менять их самих. Бог Страх всегда был страшен, Бог Смерти всегда источал холод смерти, а Кайла, так никогда не понимавшая, в чем заключалось ее окто, которым она наверняка владела и помимо Зеленого Пламени, будто привлекала к себе хороших людей, и отталкивала плохих. Она уже говорила об этом с Сокконом пару дней назад, и тот предположил, что ее окто пассивно, и именно так работает, будто механизм самозащиты. Забавно, что за всю ее жизнь это заметил лишь он один, сам полной переживаний душой скрытый глубоко внутри, за красивой и элегантной маской дружелюбия и невероятного ума будучи весьма задумчивым и даже слегка одержимым. Мастер иллюзий, не без причины получивший в распоряжение именно те способности, которые даже сам не считал лучшими в мире, как другие октолимы, но подстраивался под них, как под суть своей натуры.

— Прочитай красное письмо. — продолжая подозрительно смотреть на девушку, уточнил Гоклон.

— А второе? — подняв голову на мужчину, не поняла Кайла.

— Корим просил передать тебе, чтобы ты открыла второе письмо после встречи с Думой в Эмонсене. Сказал... что это очень важно.

Немного грустно подумав про себя, Кайла легко вздохнула, переведя взгляд обратно на письмо. Она стала немного печальнее от осознания мысли, что не встретит дядю в городе, с шелестом бумаги аккуратно открывая конверт письма, доставая из него листок бумаги с текстом.

— Почему в вашей войске так мало девочек? И почему они все такие страшные? — продолжал игнорировать атмосферу переживаний своих товарищей Мицерн, так же смотря в потолок.

— Женщин-воительниц и сейчас меньше, чем отважных и глупых мужчин, не правда ли? Тем более, красота мало способствует победе над имтердами. А запугать их и того сложнее. Я-то знаю. — жутко улыбаясь, качал головой Гоклон.

— Уж что, а наши деревенские бабы своими небритыми ногами даже...

Этот диалог никак не касался Кайлы и Тиадрама, совсем на минуту пропавших в своих размышлениях и переживаниях, так или иначе связанных с Рыцарем Коримом. Тиадраму тоже было интересно, какие слова передавал девушке его друг, и почему он не пришел в город сам. На самом деле, он мог понять причину, если бы читал то письмо сам. Кайла читала очень вдумчиво, иногда меняя на лице радость и печаль, чего-то даже боясь, а что-то стараясь вовсе игнорировать.

«Кайла, девочка моя. Надеюсь, что Бог Страху передал тебе мое письмо вовремя, и ты не станешь открывать второе письмо прежде, чем встретишься с Думой. Прости, что не пришел попрощаться с тобой лично — долг зовет меня на северный фронт, где скоро я буду должен столкнуться с началом своего пути, и, коли мне не повезет в бою, встретить его конец. Не волнуйся за меня, ибо нас поведет в бой моя Богиня, и я наверняка буду в безопасности рядом со столь фееричным командиром. Прискорбно то, что стало с ее наставником, но даже пускай груз скорби поставил на колени сего великого человека, я выдержу любую боль, и не прогнусь под ней. Таков мой путь, и я с него не соступлю.»

Девушка улыбалась, чувствуя в тех словах великую силу воли, которой всегда восторгалась, и в которую однозначно верила. Она перевернула листок.

«Но если я паду...»

Улыбка с ее лица пропала.

«Если первый Бог Света уничтожит нас, следуй за лучиком света, что мы с Богиней оставим вам с Тиадрамом. Я знаю, он следует за тобой, как за своим собственным светом. Не удивляйся этому. Возможно, ты найдешь спасение от ненависти и мести так же внезапно, как это сделал я. Уверен, ты понимаешь, что это значит. И я верю в вас, как в нашу последнюю надежду. Пройди путь, что ведет тебя в Эмонсен, и сделай то, что должно. Тогда мы сможем увидеться снова. Я буду держать за тебя кулачки. Люблю тебя, но не прощаюсь. Твой дядя Корим.»

Она довольно шумно оторвалась от этого письма, прервав своим жестом обсуждения не весть чего Мицерна и Гоклона, с прикрытыми влажными глазами и дрожащей улыбкой уже совсем не шевелясь.

— Похоже, что мои полномочия здесь иссякают. Что ж, нам с Чеистумом еще есть, что

обсудить наверху. — сразу после того поднялся на ноги, упираясь руками в посох, Гоклон. — Я свою работу выполнил, могу возвращаться наверх сразу, как доделаю еще одно дело. — теперь учтиво поклонился он.

— Пойду в баню, пожалуй. — смеясь, резко вскочил со своего места Мицерн, тут же рванув со сцены вниз, поднятым ветром колыхнув всех, кто его окружал, но движениями едва не причинив вред тем, на которого едва не наступил впереди.

— Ага. Много не пей там. — думая уже о чувствах подруги, вскользь кинул в сторону наемника Тиадрам.

— И выпью, и девочек позову. — уже издали смеялся он.

— Какая жалость. — разочарованно и подозрительно сверкая глазами, смотрел наемнику вслед Гоклон. — Тогда последнее дело отменяется. Пора идти наверх.

Гоклон медленно и аккуратно, спустившись со сцены уже по лесенке слева как все культурные люди, отправился в ту же сторону, но чуть левее, на лестницу шестого этажа. Воины вокруг него расходились сами, скорее всего, из уважения. Или просто оценив по достоинству вид его лица.

— Все хорошо, я надеюсь? — наблюдал за лицом подруги Тиадрам.

Кайла еще несколько секунд сидела в подобном состоянии, как окаменевшая, и лишь когда кто-то позади нее пробежал в сторону, колыхнув ее волосы переносимым собой ветром, чуть опустила голову, открыла глаза, и начала тихо, но с улыбкой, упаковывать письмо обратно в конверт.

— Да. Все хорошо. — кивала она.

— Ты же расскажешь мне, что он тебе написал? — неуверенно улыбаясь, почесал затылок Тиадрам.

— Знаю, что ты хочешь услышать. — убирая оба письма во внутренний карман формы, в улыбке хитро прикрыла глазки она. — Он говорит, что ты должен за мной приглядывать.

— А я говорил, что он мудрый человек. Хотя, я бы все равно так и сделал. — сам с некоторой дрожью в голосе посмеялся юноша.

Кайла еще несколько секунд смотрела на него, пока он сам не осмелился посмотреть на нее. Раньше он не чувствовал такой робости даже в бою, и только взгляд Кайлы сотрясал всю его душу чувством доселе ему неизвестным, тем более с его амнезией. Что-то похожее он хотел чувствовать в присутствии и людей, которых все равно любил сам, но которых совсем не помнил. Которых мог назвать своими родителями. Но в глазах Кайлы отражение его выглядело иначе, и вызывало не только трепет в сердце влюбленного юноши. Он чувствовал своеобразное желание, с которым был просто не в силах бороться, не мог ему сопротивляться, и сам таких чувств немного боялся. Кайла сама, не смыкая глаз глядя в его глаза, медленно приблизилась к нему, остановившись справа, медленно и уверенно положив на его плечи руки, зажигая только больший огонь в глазах взволнованного юноши, все же лишь прижимаясь к его груди, будто для нее он значит нечто другое, чем то, что в ней видел он. Он не понимал этого, как и не знал еще, что должно было произойти дальше, тем более будучи окруженным со всех сторон столь шумными людьми. Но она не отпускала его, только крепче сжимая всю его спину и грудь своими объятиями, думая о вещах куда более возвышенных и необходимых каждому человеку, которые подсознательно понимал и он, но никак не мог отделить от любви. Или же, возможно, то и была любовь? Абстрактное чувство, испытываемое всеми живыми существами. Не отношения между людьми, поцелуи и слова, а нечто куда более глубокое и чистое, особенно много значащее для нее, пережившей

ужасные трагедии, всю жизнь блуждающей во тьме скорби, так тянущейся к свету в глазах человека, что сможет спасти ее от ненависти. Она чувствовала себя куда спокойнее, и даже его дрожь уже проходила, исцеляемая ее теплом. Шум вокруг совсем для них пропал, и даже те люди, кто видели их в таком положении теперь, только улыбались, радуясь, что даже спустя столетия чувства, что объединяли людей всего мира между собой тогда, оставались живы. И именно за эти чувства они были готовы сражаться до последней капли крови теперь.

— Ты же обещаешь, что защитишь меня? — сама еще чуть дрожа, шептала она.

— Обещаю. — ласково глядя ее мягкие волосы кивал он.

В ее голове промелькнули слова песни, что она когда-то сочинила для себя, и которую всегда пела в своей голове, когда боялась. Этому ее научил дядя Корим, пусть и не являвшийся ее настоящим дядей, лишь лучшим другом отца, Амира. Петь песню своего сердца, что сожжет все страхи. Совсем скоро она должна была столкнуться с тем, чего боялась больше всего в жизни, и при встрече с чем страх наверняка мог ее убить, сопровождаясь шепотом Черного Пламени и ледяным взглядом горящих Синим Пламенем безжалостных глаз. Она думала, что пройдет этот путь одна, и никто не сможет ее защитить перед этим страхом. Даже ее отец не смог его победить. Но теперь она была сильнее, и больше не была одна. Ей уже не было так страшно.

— Проснись, открой глаза, взрывайся. Пусть эту тьму развеет Пламя. — засыпая, тихо напевала она. — Вспомнить бы, как оно пелось дальше.

Солнце уже заходило над городом, и с тем все меньше шума в казармах создавали тихо засыпающие даже во время бурных бесед воины. Работники, таскавшие ящики, уже отдыхали, сидя на них перед самым зданием ратуши вместе с курящим трубку писарем, наблюдая за еще шумными сборами воинов впереди, за забором. В домах некоторые Демоны уже свисали с перил балконов, наблюдая за остальным городом, в процессе своего активного отдыха опустошив все запасы алкоголя, оставленные в их новых жилищах бывшими жителями, что, чаще всего, покидали город заранее сами в поисках убежища на время войны где-нибудь на западе. Город медленно затихал, хоть и оставался куда более шумным и активным, нежели своей версии под началом бывшего градоначальника.

На последнем этаже ратуши продолжали пить вино три героя людей, включая Гоклона и Чеистума. За одним столом с ними сидел рыцарь в сияющих доспехах, черноволосый с сединой и крупный, с благородным грубым, но красивым, лицом. Он был в городе все последнее время, заранее придя туда по душу своего старого врага, градоначальника Дота, затем оставшись на его месте для наблюдения за мобилизацией войск особенно уважаемых им Демонов. На мгновение, стоившее старому Доту жизни, он поддался мести, но не желал такого для своей племянницы Кайлы, и потому не стал встречаться с ней лично, для себя самого расценив это наказанием, оставив той лишь два письма. Одно письмо он написал сам, а второе его просил передать девушке старый друг. Он не зря не сообщил ей об этом, но надеялся, что девушка послушает его, и не станет открывать второго письма до того момента, пока не сразится с Думой. Тем более, у него в городе были и другие дела, и именно для их обсуждения он назначил встречу Богам Страх и Смерти, что своими идеалами особенно были далеки от Богини, которой он присягнул на вечную службу, но которых даже она весьма уважала. Все последнее время их «винопития» он пропускал мимо ушей их черный юмор, основанный на понятии человеческой смерти, и лишь последней новостью сумел серьезно пошатнуть их желание шутить, наконец вернув их старым страшным лицам

былую серьезность. Атмосфера в комнате, которую они занимали, стала еще более мрачной и темной в тот момент, а Бог Смерти и вовсе на мгновение замер, будто окаменев, едва успев донести до губ бокал с вином и немного его оттуда отпить.

— Мог бы я поперхнуться... — с усилием проглотив вино, чуть отодвинувшись в бержере, вздохнул, и с тихим звоном поставил на стол почти пустой бокал, Чеистум.

— Думаешь, что это сорвет наш штурм? — наблюдая за изменением дряхлого и мертвого лица товарища, долил вина из бутылки в тот бокал сидящий рядом за столом на роскошном кресле Гоклон.

— Черное Пламя — очень опасная сила. В ночной тьме его будет почти невозможно разглядеть, и нас вполне могут застать врасплох. — задумался Чеистум.

— Моя Богиня и я выступаем в город вместе с вами. — тяжелым баритоном перебил мысли Бога Смерти сидящий на другом кресле рядом с тем столом Корим, даже в той слабоосвещенной комнате отражая от своих доспехов большой свет, нежели окружающий, добавляя к нему свет будто внутренний, и куда более яркий.

— Если вы поможете нашей армии развеять тьму на подступах к городу, возможно ночь не станет для нас большой проблемой. — уверенно покачав головой, улыбаясь согласился Чеистум.

— И все же, храбрый юноша. — смотрел в глаза теперь повернувшегося в его сторону Корима Бог Страха. — Гимилл передал Лорее, что отмененная самим Уиллекроми завтрашняя ночь все равно случится. Он не объяснил, каковы на то причины?

— Госпожа обмолвилась, что говорила об этом с Гимиллом, ибо он — Бог Ночи. Но знал ли об этом раньше сам Гимилл... — задумался Корим.

— Велика вероятность того, что Лорея получила эту информацию со стороны?

— Именно Лорея, чаще всего, отправляется на тет-а-тет с Надзирателем. — прикрыв глаза, отпил вина из своего бокала Чеистум, пусть все равно был мертв, и не чувствовал потребности в питье и еде. Он делал это за компанию. — Но говорит ли он ей такие важные вещи?

— Зная ее, предполагаю, что она просила Гимилла не вмешиваться? — понял Гоклон. Корим неуверенно поднял голову.

— У них обоих с детства зуб на имтердов, а у Гимилла, если верить историям о войне на Севере, зуб и на Черное Пламя. Не сомневаюсь, что он хотел бы ворваться в город сам, и уничтожить всех слуг своего врага. Он всегда был горячей головой. Героем-одиночкой, ведущим бесконечную и безмолвную войну с имтердами.

— Госпожа Лорея часто вспоминала его раньше. Она говорила, что он был самым отверженным воином в борьбе с имтердами среди всех людей. — с явным интересом кивнул Корим.

— Похоже, даже по прошествии столетий не многое в нем изменилось. По крайней мере, не похоже, что он победил свою болезнь, коли так и передвигается по миру лишь ночью.

— Так это болезнь? — удивился Корим.

— Определенно. Так устроен его организм, что печально. Ночью он сражается, а днем спит. Поэтому ли у него никогда не было собственных войск, или же потому, что он через всю жизнь протянул тихую злобу, и до сих пор предпочитает сражаться вдали от союзников? Виной тому его благородство и страх. О да, я чувствовал этот страх каждый раз, как встречал его. Он боялся увидеть смерть своих товарищей, переживших то же, что и он. Он слишком

дорожил своим долгом перед людьми, и не хотел создавать для них лишней угрозы.

— Вы говорите, что он пережил нечто страшное в молодости?

— Он пережил лишения, сроду тем, что пережили все мы. Он потерял всех, кем дорожил, но товарищи помогли ему найти новую семью. Так было и у меня, и у Чеистума. Так было у Лореи и Гедыра. Нас всех сплотила...месть.

Они уже почти не пили вина, все глубже забираясь в свои воспоминания, являя перед глазами картины прошлого, для Гоклона еще яркие, но для старого Чеистума уже блеклые и едва различимые. Бог Смерти спасся от Проклятья Забвения, как и от забвения собственного разума, смертью, умертвив свое тело, но с помощью окто, содержавшего всю его волю, мгновенно вернув телу жизненные силы. Пусть то сложно было назвать жизнью, его телом управляло собственное окто, и он мог делить то окто между разными телами, даже создав несколько своих копий, разослав их в разные Стороны Света, поддерживая так между ними связь для своего Верховного Властителя и друга Ниса. Десятки лет назад одно из его тел вернулось на Запад с Юга, и рассказало ему пугающие истории о Сестрах-Хемирах, что там обитали, и Негласном Правители, что те земли захватил и подчинил имтердам. Он потерял свое тело на Севере еще до начала Великого Спуска, а тело на Востоке пропало немного позже, сожженное Красным Пламенем Геллара, почти 400 лет назад. Они были друзьями и с Гоклоном, что также прекрасно разбирался в человеческих эмоциях, что Богу Смерти было особенно интересно, и потому всегда находил с Чеистумом общий язык. Бог Смерти всегда уважал смерть, ведь именно она была самым большим страхом любой жизни, даже если те его таковым старательно не признавали. И потому он уважал Чеистума — человека, который изведal и познал все аспекты смерти, сам не боялся ее для себя, но лучше других понимал, насколько она ужасна для еще процветающей жизни.

Тихое застолье героев подходило к концу, и с тем, уже совсем забыв о делах насущных, каждый из них с головой ушел в размышления на самые разные, часто даже философские, темы. Корим вспоминал прошлое свое и, вместе с тем, вспоминал прошлое своей наставницы, Богини Света Лореи. Она не раз рассказывала ему историю своего становления октолимом, как и будущего становления Богиней, уважаемым командиром Демонов. Она жила на Западе, на месте текущего Манне-Дота, по иронии судьбы, через столетия, выбрав своим учеником наследника некогда родных земель. Тогда на месте города была лишь небольшая деревушка, в первые же годы Эпохи Раскола оккупированная имтердами. В попытке сопротивления законам угнетателей, отец и мать Лореи Гедыр погибли, а сама девушка, впав в отчаянную ярость, уничтожила часть отряда имтердов-пожирателей, поглощавших внутреннюю силу людей для транспортировки ее в Земли Марконнор, и те, почуяв в ней так резко растущую силу, схватили ее, отведя в дом с мертвыми родителями для изъятия сил. Злобу девушки было тяжело обуздать, но специально подготовленные для того воины имтердов почти справились со своей задачей, как вдруг свет в их глазах потух, и в полной темноте даже для Лореи на пол посыпались их уже мертвые тела. На помощь девушке пришел уже текущий Бог Тьмы, ее брат Кенн. Пусть то и не было им никогда упомянуто, именно по той причине родителей девушки убили имтерды — то был допрос, и гордые родители никак не выдавали им информации о своем сыне, уже год являвшимся командиром Демонов. Не оглядываясь на тела родителей, с дрожью и слезами отважный юноша вынес уже обессиленную сопротивлением сестру из хаты, и, подобно тени, умчался с ней в Лес Ренбира, где и собирался передать ее товарищам, отвести ее через тайные ходы в самый Синокин, направить ее силу в нужное русло и найти ей новую семью.

Увы, по пути они слишком часто сталкивались с преследовавшими их имтердами, и в один момент совсем выбились из сил, тем более так не кстати столкнувшись с вражеским Военачальником, Гелларом. Но не только имтерды преследовали молодых людей — атаку Геллара остановил лично Дума, пришедший с небольшим отрядом Демонов на помощь молодым людям со стороны ближайшего подземного хода, откуда на поверхность совсем недавно, сердцем чувствуя неладное, вышел и сам Кенн. Геллар отступил, понимая разницу в силах Думы и своего отряда, а девушку удалось без происшествий донести, пусть уже без сознания, до подземной столицы людей. Брат помогал товарищам ее выходить, и даже порекомендовал ее на роль ученицы своему другу Альберту, тогда еще не являвшемуся Богом, через некоторое время правда взявшему ее, за результаты в тренировках и покладистость в обучении, под свою опеку.

Лорея весьма уважала командира Думу, и не раз потому просила своего ученика Корима «забыть о ненависти», пускай и сама понимала, что у него на то были более чем веские причины. Сокровища из Грота Ломо, полученные Коримом и отцом Кайлы, Амиром, после победы над драконом, он использовал вовсе не для свершения мести над людьми, погубившими его родителей, и захватившими его город Манне. Уйдя в разбой после изгнания, в один день он похитил, с целью получения выкупа, молодую наследницу одного богатого рода, тем не менее, так и не сумев заставить себя причинить девушке вред, впервые в жизни, и так внезапно, встретив в ее глазах отражение себя не как бандита, а как благородного юноши. В ходе передачи девушки родителям с выкупом на условленном месте, Корим еще по пути заметил слежку за собой, вступил в бой с профессиональными наемниками, присланными родителями девушки на встречу дабы «отбить» ее у негодяя. Он был серьезно ранен, и пусть девушка успела угостить его исцеляющим зельем, что вечно носила с собой по наставлению тех же родителей, теряя сознание Корим просил ее бежать к родным, и никогда о нем не забывать, что также было сказано не без причины.

Наконец оклемавшись спустя пару дней, Корим нашел себя одержимым новой идеей — его манило к этой девушке, и он желал быть с ней, ибо все равно ненавидел жизнь разбойника, и душа его до сих пор рвалась к благородию. Поскольку он уже потерял свое имя дворянина, пускай в нем еще и текла их кровь со свойственными ей благородной внешностью и манерами, его средств было слишком мало, чтобы произвести правильное впечатление на родителей девушки, тем более учитывая то, что она, к счастью, факт его существования и личность так и оставила для них в секрете. Он недолго блуждал в округе с поисками — в одной таверне он услышал о заказе самого градоначальника на дракона, что жил в Гроте Ломо, и собирал у себя, по слухам, несметные сокровища.

— Кто готов выступить со мной на дракона!? — резко поднялся тогда из-за стола он, сразу встретив на себе немало удивленных взглядов местных жителей.

Тогда его лишь засмеяли, и он не получил никакой компании для столь важного, но, очевидно, чрезвычайно опасного, похода. Помощь он нашел уже позже и совершенно случайно. Выполняя заказ на других чудовищ в лесу неподалеку, он столкнулся в бою с очень кстати пришедшим ему на помощь молодым странствующим рыцарем по имени Амир. Мужчина был поражен боевому мастерству юноши, и, в ходе недолгой беседы, наполненной взаимной похвалой, наконец затронул тему, что была для Корима по-настоящему важна.

— Как понимаю я, нужны тебе немалые деньги? — серьезно кивнул головой Амир.

— Немалые. Но у меня есть одна идея. Ты же слышал о Гроте Ломо? — уверенно и с трепетом улыбнулся Корим.

Катализатором невероятной реакции в душе доблестного воина Амира стали те слова. Прямой дорогой они отправились в таверну, знакомую лишь старым воинам, и, с шумом пройдя внутрь, быстро сбросили с ближайшего стола недоеденную пищу, опрокидывая ногой стул, привлекая внимание всех людей вокруг к себе, начиная свою вдохновляющую на бой речь. Амир с трепетом взывал к их доблести, назвав себя сыном самого легендарного Аквина Тибфера, чем уже немало разжег интерес людей. Понимая, с каким человеком так внезапно столкнулся недавно, Корим также не стоял в стороне, и назвал свое настоящее имя — имя наследника города Манне, желавшего вырвать бразды правления города из рук захвативших его бандитов. Уже этого было тем людям достаточно. Они воодушевленно кричали, опуская кубки, и поднимая вместо них в воздух свое изношенное временем и множеством битв оружие. С огнем в глазах, что разгорался в них когда-то в сражениях, они буквально на руках вынесли из таверны своих новых лидеров, и, все оседлав коней, в миг домчались до самого Грота Ломо, готовясь дать дракону бой, которого он просто не должен был пережить.

К сожалению, не все воины вернулись из той битвы, пускай и почти половина их выжила. Сокровищ дракона было правда невероятно много, и куда больше, чем требовалось выжившим воинам. Они получили то, чего желали больше всего, покрыв себя славой победителя дракона, и с тем, лишь малую долю сокровищ забрав, шумно и весело покинули Грот, унеся с собой тела павших товарищей, готовя им достойное погребение. Часть сокровищ оказались прокляты, и именно они удерживали дракона рядом с собой, заставляя его собирать их все больше, сторожить, убивая каждого, кто на них покусится. Проклятье не пускало Корима дальше, и Амир вдруг посоветовал ему забыть о мести, для которой тот собирал сокровища, и вспомнить о любви. Добрый помысел и благая цель для использования сокровищ развеяли проклятье, и Корим смог к ним прикоснуться, собрав для себя множество разных драгоценностей, затем желая принести их в подарок семье своей возлюбленной. Он не успел поблагодарить Амира — мужчина уже покинул Грот, и, ничего не взяв себе, отправился дальше путешествовать по миру. Они встретились снова уже намного позже, когда Амир завел собственную семью и отошел от боевых дел. Но речь сейчас, разумеется, уже совсем не о нем.

Благодаря связям уже в преступном мире лесных разбойников, Корим узнал, что одна из их шаяк поймала и убила за сопротивление человека, назвавшегося учителем, нанятым семьей девушки для ее обучения геральдике. Поскольку эта информация попала к Кориму из первых уст, уже через день он, богатый и благородный учитель геральдики из самой столицы Ирмии, стоял перед воротами имения своей возлюбленной, тем более правда многое понимающий в сей науке. Родители не знали внешности бывшего похитителя их дочери, и с радостью приняли у себя этого умного и воспитанного мужчину, предложив ему, также, немалую оплату за обучение дочери не только геральдике, но и некоторым прочим наукам, достойных учителей по которым не нашли, и знаниями в которых Корим также обладал. Веселый спектакль Корима и девушка, узнавшей своего, на самом деле, спасителя, провел ее родителей, и, в тайне от них, они часто встречались и совершенно искренне и счастливо флиртовали. Да, родители часто забывали о обязанностях перед девушкой из-за своей работы, и она не раз пыталась привлечь их внимание к себе, все еще требуя заботы как ребенок. Именно от этого ее спасло похищение Коримом раньше — после того случая они куда больше переживали за дочь, и больше ей дорожили.

Шли дни, даже недели, и любовь пары стала заметна некоторой прислуге родителей девочки, что они передали и им самим. Пока Корим учил возлюбленную игре на рояле, что

та считала своим хобби, ее родители навели справки, в вещах Корима найдя его перстень рода Манне, по нему узнав от текущего градоначальника Манне-Дота истинную личность их таинственного «учителя всего на свете». Пускай они не были против его связей с их дочерью, ибо Корим производил на них исключительно положительное впечатление, они не сообщили ему о том, что общались с человеком, официально забравшим город после смерти отца Корима, на самом деле самым ставшим причиной его гибели, о чем и знал только сам юноша. В Манне-Доте, у самого герцога Дота, гостил очень опасный человек, и он просил эту информацию у мужчины в собственное пользование, мелькнув Синим Пламенем в глазах, отправляясь к имению, где и находился тогда Корим. Юношу вызвал на встречу его учитель, что и помог тому когда-то бежать из оккупированного бандитами Манне-Дота, и при встрече с ним узнал, что о его местоположении стало известно старому Доту, и он отправил по его следу убийцу. Сердце Корима уже чуяло неладное, и он, не прощаясь, сорвался с места, и на коне быстро вернулся к имению, куда и должен был, скорее всего, отправиться этот убийца. По пути он успел заглянуть в свое старое убежище, забрав оттуда старые доспехи, щит и меч, с которыми сражался против дракона. Возможно поэтому он случайно пропустил убийцу мимо. Да, тот действительно отправился за Коримом в самое имение. Но встретить его Корим не успел — здание, как и вся его округа, уже горели зловещим пламенем.

Часть прислуги пробежала мимо него, уже со слезами от гари на глазах прорвавшегося в самый эпицентр пожара, в главный холл здания, где раньше и училась играть на рояле его возлюбленная. Он не мог позволить ей пострадать по его вине, от рук людей, желавших его смерти, и которых он сам привел в это имение одним своим существованием, выбрав однажды по совету Амира не месть, а любовь.

Но трагичные истории Последнего из Первых Миров часто заканчивались одной трагедией. Он уже бессильно от боли в сердце прошел по тому залу к месту, где, уже не дыша, вся в крови, лежала его возлюбленная. Его глаза застилала слезы, все тело дрожало, а дыхание сбилось настолько, что юноша едва не задохнулся, даже забыв о окружающем его дыме. Он держал ее мертвую голову в своих руках, прижимая к груди, чувствуя холод ее окровавленных губ. Он уже не понимал, что происходило вокруг, и не заметил, как в зал, из коридора справа, под треск клавиш догорающего в углу рояля, проходит убийца его любви. Его уши залил собственный душераздирающий крик отчаяния.

Заметив впереди огромного воина в черных доспехах с рогатым шлемом, разглядев тьму в самом взоре его хладнокровных глаз, горящих Синим Пламенем, он понял, что именно этот человек был тем убийцей, о котором ему говорил старый наставник Чеисом, скрывавший от него настоящее имя Мерсер. Его в миг поглотил гнев, и он отпустил тело девушки, шагнув вперед навстречу убийце, в оскале крепко сжимая зубы, и так же крепко сжимая в руках меч и щит.

Теряясь во тьме, сражаясь с Бездной
Не дай себе поддаться мести.

Но его глаза уже не видели ничего, кроме его предначертанного судьбой врага. Он слышал истории об этом человеке раньше, но ничего уже не мог о нем вспомнить, просто больше не способный думать ни о чем, кроме смерти. С воплем, схожим с таковым дикого зверя, он бросился в бой, и ни на секунду не прекращал атаку.

Сражайся и плачь над мертвой землей
Здесь никто не услышит, как плачет герой.

И ради нее ты готов забыться.

Без смеха ее с Клинком Бездны сразиться.

Дума отразил последний удар меча уже ослабшего Корима после парирования тяжелым щитом, тяжело ударил его в грудь ногой, и с разворота снизу-вверх рубанул его мечом. Удар был чудовищно силен, и, даже попав по толстому щиту, выбил юношу из равновесия, оттолкнув назад, даже частично задев его плечо, оросив пол его кровью. Его ярость не иссякала, и он лишь с треском ударил щитом по полу, снова поднимаясь на ноги, уже с немалой отдышкой, буквально горя изнутри от напряжения и злобы.

И снова, и снова, ты будешь биться

Лишь так бы света снова добиться.

Он снова рвался в бой, атаковал, парировал, но никак не мог даже оттеснить этого монстра, в один момент ударившего его мечом с использованием Черного Пламени, едва не рассекшего его щит вместе с доспехом за ним, все же тяжело ранив правое плечо и голову самого Корима. Он открылся лишь на секунду после того, но следующий удар заряженного Черным Пламенем клинка Думы буквально сбил его с ног, ударив его грудь собственным щитом, сломав даже несколько его ребер. Корим отлетел дальше, почти на самое тело своей возлюбленной, уже из последних сил пытаясь подняться.

— «Вставай, вставай!» — мысленно уговаривал он себя, со скрежетом окровавленных зубов от боли в груди поднимаясь на колени, наблюдая, как его враг медленно подходит ближе, занося над головой полный Черного Пламени меч, сверкая Синим Пламенем зловещих глаз под самым черным шлемом.

Черным Пламенем сгорают мечты,

И во тьме своей скорби блуждаешь ты.

Разрушитель Судьбы нашел тебя,

Удар.

Но сражаться с ним не твоя судьба.

Резкой вспышкой света перед ним меч звякнул о копьё представшей перед ним фигуры. Дума отскочил назад, рассматривая нового противника. Корим в изумлении, с дрожью глаз, поднял голову, и посмотрел на нее, ослепленный источаемым ей светом.

Она ждет тебя рядом с той, кто спасет тебя,

И кто светом своим развеет любую печаль.

Корим еще не знал, кем была та таинственная девушка в столь ярком, ярче солнечного света, белом одеянии с кольчугой. Ее белоснежные волосы развивались на поднимающемся ветре, пронизывающим здание внутри уже через сгоревшие над лестницей холла впереди окна. В глазах Корима больше не было ничего, кроме ее образа, и он даже не заметил, как ее появление вынудило его врага бежать, и как девушка растворила в воздухе свои глефу и короткое копьё, поворачиваясь к самому уже стоящего на коленях перед ней человеку, лучезарно ему улыбаясь, протягивая свою прекрасную руку.

Приклони же колено перед Матерью Света

И пусть уже не коснется тебя печаль эта.

(в повествовании использован реальный текст «Симфонии Слез», написанной лично Богиней Света Лореей о своем ученике, Рыцаре Кориме, песенно рассказывая его историю до самого момента их встречи).

Такова была история трагедии Корима, не многим отличающаяся от таковых его друзей Информаторов и Героев Шеагральминни. Под опекой Лореи он нашел в своей жизни новый

свет, став ее рыцарем и защитником, распространяя по всему миру ее учение о свете. Он уже покидал Манне-Дот теперь, уходя на северный фронт к своей Богине, дабы там помочь ей в будущем сражении с тем, кто это самое учение света и создал — со старым Богом Света, предавшим людей по окончании 400-летней войны, Альбертом. Издали его удаляющуюся фигуру видел Тиадрам, посланный в столовую Кайлой за едой, ибо оба не смогли уснуть из-за голода, и продолжали еще пару часов без умолку болтать, забыв о сонливости и усталости, на привычном месте в зале пятого этажа. Город тихо засыпал, и с тем, все же, уснули и наши герои. Они должны были восстановить как можно больше сил к следующему дню, когда и собирались столкнуться в бою с Думой, дабы отомстить ему за все судьбы, что он разрушил. Конечно, у того, кто давал Думе команды, даже на эту ночь были свои планы, и он старательно их придерживался. Эмонсен, прозванный «Городом, который ждет», весь шептал на неизвестном языке приказы Дорана своим жителям, упоминая и имена тех, кто должен был посетить его совсем скоро, но появления кого не ожидал никто из нынешних участников готовящегося на следующий день штурма. Он и сам ждал событий, которые уже знал, и которые когда-то увидел в прошлом другого мира, собирая остатки сил в сгоревшем дотла хранилище развалин тюрьмы Шеагральминни. Его время вернуться в мир почти пришло. Оставался лишь последний день.

Часть 4: Кайла и Тиадрам. Глава 3: Новое будущее

Воины занимали свои позиции в плотном строю на импровизированном городском плацу, часто толкаясь и споря, не совсем понимая, как и где должны стоять. Командир стражи города, новыми обязанностями слишком выбитый из колеи сонных дней по приказу бывшего градоначальника Манне-Дота с командой «на все закрывать глаза», взял на себя обязанность собрать всех остановившихся в городе воинов на том самом плацу, и выстроить их там в соответствии со статьями текущего строевого устава. Недоумение в нем вызывал тот хаос, что создавали Демоны своим присутствием в строю среди прочих воинов. Невзначай он даже попросил совета у своего товарища из числа тех же Демонов, одного из их капитанов, с которым они на пару прошлой ночью допивали последние запасы стражников из тайников самых городских казарм. Капитан только неуверенно качал головой, сам не понимая, зачем его товарищ строит людей перед сценой, тем более с таким неудобным обзором на нее из-за спин товарищей. У них так столетия назад, мягко говоря, было не принято.

Командиры собравшегося на плацу немалого войска на конях обходили строй, давая воинам вечно противоречивые команды, одни требуя спокойствия и покорности, другие указывая им «особо не напрягаться». Даже с хорошим обзором, все это было довольно плохо видно Кайле, стоящей на плацу, все еще протирающей мутные от недосыпа глаза рукавами формы. Тиадрам, стоящий рядом, постоянно прислоняющийся к несущим балкам бывшей крыши эшафота, не протирал глаза, как казалось со стороны, а лишь закрывал их рукой от солнца. Золотистыми лучами небеса заливали весь город, сияющие после полировки ночью доспехи воинов, уже совсем засохшую под их сапогами грязь, и даже вечно закрытые капюшонами головы готовящих свою речь перед большой настенной картой Чеистума и Гоклона, также стоящих на сцене совсем рядом с Кайлой и Тиадрамом. Ранним утром солнце окончательно разогнало облака над городом, с тем заметно перемешав его серые краски с собственным золотом, одним своим видом теперь поднимая настроение, как и боевой настрой, всех людей, собравшихся вокруг, будто освещая для каждого конкретно его светлую голову. Воины прочих фронтов, не участвующие в будущем штурме Эмонсена, уже спешно покидали город, выступая отрядами через дальние правые от эшафота ворота, чаще всего направляясь в сторону Лафена. Северный фронт должен был разделиться между сушей со стороны Кацеры, на песчаной косе, между сушей за Лафеном и Лесом Корта, а также между самым разделяющим их Морем Орги. Боевые галеоны и фрегаты стояли в порту города уже не первый день, и активно принимали на борт свой экипаж и вооружение. У этого фронта не было главнокомандующего, но за каждую часть его отвечали разные люди. Вернее — люди отвечали только за сушу. По морю войска людей должна была повести лично бывшая Генерал южных имтердов, Муссон. Не без причины корабли, созданные Орденом, занимали тогда именно их собственные воины. Демоны помнили о морских баталиях на Западе и Юге, которые вели с пиратами под командованием Муссон, и вряд ли позволили бы ей теперь собой командовать, даже учитывая, как та изменилась за столетия своего заточения в Храме Актониса, и что своих врагов, что были отважными воинами, они сами немало уважали. Я, ведь, уже рассказывал вам, что пиратами с самого начала назывались именно морские воины имтердов? И все пираты нового времени, разумеется, еще пару недель назад начали пополнять ряды таковых воинов уже людей, к текущему дню

окончательно перейдя под командование Муссон, переоборудовав корабли для масштабных сражений.

— Господин Чеистум, разрешите обратиться! — резко выскочил под самой сценой командир стражи города, желая передать Богу Смерти наверняка заранее не интересную ему информацию.

— Только в полнолуние, друг мой блохастый. — не отворачиваясь от карты, с улыбкой тихо отвечал ему Чеистум.

— Я...хотел доложить... — растерялся командир.

— У нас всего хватает, спасибо. — продолжал острить Чеистум, сам так забавляя толпу уже недовольных построением того командира воинов. По всему строю пробежался легкий смешок, а сам командир, чуть опустив голову, все никак не понимал, о чем ему говорил Бог. Он делал что-то не так?

— Когда они уже начнут... — довольно громко зевала искрящаяся золотом расправленных волос на солнце Кайла.

Тиадрам наблюдал за той картиной молча, как и почти все время с самого момента пробуждения. Ночь была правда беспокойной для Кайлы, а постоянный шум никак не замолкающих в зале пятого этажа буянов окончательно не давал ей как следует проспать. Она засыпала на минуты, иногда даже часы, но все равно просыпалась либо от стороннего шума и выкриков пьяных воинов, либо от собственных невеселых мыслей и снов. Тиадрам всю ночь спал совершенно спокойным, даже мертвым сном, не обращая внимания на иногда шумно проходящих мимо него воинов, не опуская руки с плеча прижимавшейся к нему, голову державшей на груди юноши, Кайлы. Его сны были слишком разрозненными, беспорядочными, даже бредовыми. Он едва ли мог запомнить даже единую долю тех снов по пробуждению, подскочивший над лежаком вместе с Кайлой сразу, как услышал с площади громкий вой военных рогов шофаров. Вой разбудил не только его, но и всех воинов в зале, по всему зданию, да и в принципе во всем едва уснувшим городе. Бурным потоком с немалой толкучкой все они вылились из домов на улицы, кто-то сразу собираясь перед воротами со своими командирами, а кто-то собираясь в одну большую кучу на плацу. В таком количестве людей, тем более октолимов, от ощущения всей той плотной внутренней силы собственной аурой, Кайле и Тиадраму немало поплохело, и в город они вышли уже слегка бледными. Свежий воздух быстро вернул им силы, окончательно разбудив, а солнце пригрело их думы и растопило лед сонливости. Пускай и не целиком. Весь город с самых небес уже обдувал слабый прохладный ветерок, но и солнце прогревало поднебесную еще не слишком активно. Подмерзающие воины тем более были не рады стоять столбом на плацу, и оттого еще больше возмущались действиям современных капитанов армии людей, тем более не советовавшихся с командирами еще выше о таких построениях. Чеистум понимал эту систему, но даже не пытался объяснять ее своим товарищам и даже Гоклону, до сих пор не видящему в ней смысла. Они только теперь оторвались от карты окрестностей Эмонсена, перевернув ее, оставив на всеобщее обозрение уже карту всего Запада, с ссылками на которую и собирались начинать речь.

— Ну-с. Пора начинать. — не спуская с лица уверенной улыбки, воодушевленно быстро отошел от карты к плацу Чеистум, останавливаясь у края сцены.

Все воины ниже замолчали, чуть разойдясь по строю в ту же старую добрую кучу, пусть уже более прямоугольную, лишь бы хорошо видеть впереди своих Богов и закрываемую теперь Чеистумом позади него карту. Гоклон подошел к тому же месту, встав левее

товарища, с такого ракурса новым воинам даже напоминая его брата-близнеца. Их лица были слишком закрыты капюшонами, пусть и не без причины, и внешне они правда были очень похожи. То было не удивительно, учитывая, что они были самыми частыми собеседниками друг друга за всю свою жизнь. Да, это был именно их любимый «кладбищенский юмор», ибо жизнь Чеистума завершилась еще до Великого Спуска, а после него Гоклон просто ни с кем уже не разговаривал во льду Синокина.

— Не думаю, что среди вас есть те, кто никогда не слышал обо мне, или о моем товарище Гоклоне. — особыми командами своему телу через окто многократно усилил громкость своей речи Чеистум, с той же веселой улыбкой поднимая руки как настоящий оратор. — Сотни лет прошли с момента нашей последней встречи в Синокине, и я крайне рад приветствовать вас всех здесь сегодня! Мои дорогие товарищи из далекого прошлого, и отважные воины нового времени — сегодня вы все часть единого целого, объединенной армии людей, что совсем скоро встанет на защиту мира от угрозы имтердов, и покроет себя вечной славой, как сделали это мы столетия назад.

Долго стоять на месте, разумеется, он и сам не собирался. С легким скрипом досок под собой, он начал медленно двигаться по краю сцены от одного угла к другому, заведя левую руку за спину, а правой все так же упираясь в металлический посох, прозванный Завядшей Розой. Как и у чуть отступившего назад, открывая дорогу другу, Гоклона, посох Чеистума был оружием, но куда более изощренным, чем заостренная и зазубренная металлическая палка товарища. Завядшая Роза состояла из множества звеньев, соединенных внутри острой шипастой лозой, тем более пропитанной ужасным нейротоксином. Даже вид сего оружия в руках старого командира воодушевлял лично сражавшихся с ним бок-о-бок Демонов, и от этого, как и от слов речи Бога Смерти, они возбужденным и радостным хором кричали, ликовали, и активно жестикулировали руками.

— Все же, дабы воздать уважение этикету... — на секунду остановился Чеистум, указывая воинам левой рукой на своего товарища, до сих пор соблюдающего тишину, лишь с неприятной, свойственной его страшному лицу, улыбкой наблюдая за плацом. — Сей муж зовется Богом Страха, и имя ему Гоклон. Я же являюсь Богом Смерти, и имя мне Чеистум.

Еще в процессе речи товарища, Гоклон учтиво поклонился, положив левую руку на грудь, улыбаясь теперь еще сильнее, и, оттого, только неприятнее. Демоны, правда, не находили его улыбку неприятной — они и сами часто выглядели не лучше, также потерявшие в Первой Войне то плоть лица, то части конечностей, то вовсе некоторые внутренние органы. Что, конечно, в отличии от уродств Гоклона, отлично закрывали доспехи, и не подчеркивали жуткие белые глаза.

— Как вы все и сами знаете, собрались мы здесь сегодня еще не для битвы с имтердами и ардами, а для сражения с силой куда более страшной и коварной. И об этом вы тоже, наверняка, уже слышаны. Пусть еще перед Большой Чисткой я просил вас не распространять эту информацию, на ее тему многие из вас уже успели немало повздорить. — уже серьезнее остановился рядом с самыми Кайлой и Тиадрамом, но все еще смотря на строй, Чеистум. Улыбка с его лица пропала, будто ее и не было.

Наши герои также как следует настраивали уши под его речь. Особенно сосредоточена была Кайла, уже потерявшая за началом обсуждения сей темы сонливость, заранее имея к ней великий интерес, теперь подавляющий даже ее зевоту, замещая легкую тряску от холода дрожью возбуждения сим интересом.

— Чеисом Дума. — тяжелым ударом отдались в сердце Кайлы слова Чеистума. — На

момент начала вашей гибернации наш главнокомандующий считался погибшим в Бездне Марконнор. Спустя десятилетия, или даже столетия, он, все же, вновь вернулся на Запад, но отказался с нами сотрудничать. Для спасения из Бездны, он заключил союз с коварным Дораном, Правителем Бездны, с которым тот не мог принимать чью-либо сторону в еще продолжавшемся конфликте людей и имтердов, но и сам Доран обещал ему не мешать людям в подготовке к будущей войне.

Чеистум снова, в раздумьях немного опустив голову, тщательно подбирая слова перед бывшими воинами войска самого Думы, продолжил ходить от одного края сцены к другому.

— В каком-то смысле, Дума принял это решение во благо людям, и, став орудием воли самого Дорана, участвовал в его программе создания сильных героев для нас. Разрушение судеб людей, дабы болью распалить их Зеленое Пламя, создать могущественных октолимов, что однажды встанут на защиту нашей расы, как и мы когда-то.

Кайла чуть опустила голову, с особой неприязнью и болью в сердце принимая те слова, лишь чудом удерживая язык за зубами, открыто не называя Думу монстров, коли пошел на такие меры, тем более так безжалостно и хладнокровно. Она уже знала об этой системе, созданной Дораном, от своего дяди Корима, и это уже не удивляло ее. Пускай и все еще заметно ее злило.

— Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Дума уже дважды пожертвовал собой ради нас, как это когда-то сделали Нис и Кортъ, пускай от старого Думы теперь и остались лишь одни злобные доспехи. И коли судьба распорядилась так, и наш герой окончательно потерял личность за Черным Пламенем, мы должны оказать ему последнюю услугу. Мы атакуем его вотчину, и подарим ему достойную смерть в бою. Из уважения к его подвигам. — снова остановился, серьезно кивнув воинам, Чеистум. — Из уважения к его жертве.

С лиц всех Демонов уже давно пропали улыбки, но свет доблести и чести в их глазах светил даже ярче висевшего над их головами солнца, а руки крепко сжимались уверенностью и мужеством. Как по команде они крикнули «Да!», уже совершенно серьезно, громко, и невероятно энергично. Даже Чеистум был опечален тем, что, совсем скоро, им всем придется сделать, и с тем сам от волнения крепко сжимал кулак левой руки, а правой рукой сжимал посох. Только Гоклон продолжал молча улыбаться, глядя на людей впереди, как и на самого Чеистума. Он чувствовал будоражащее их разум волнение, но совсем не чувствовал страха. Под командованием Бога даже новые воины в том строю впереди не чувствовали страха перед именем Думы, которым уже столетия люди по всему миру пугали своих детей. Это воодушевляло и радовало Бога Страх. Пускай он еще изредка поглядывал в сторону двух героев, с которыми, также молчаливыми, они с Чеистумом делили сцену. Волнение девушки переплетал почти подсознательный страх, пускай сама она по-прежнему старалась не выдавать волнения перед куда более спокойным юношей рядом. Но и в нем Гоклон чувствовал страх, и был то страх неизведанного перед собственным прошлым, которого он никак не мог, а иногда и боялся вспомнить.

— Мы выступаем немедленно через правые ворота города, на тропу, что ведет к Лесу Кортя. — уже оживленнее, пусть и так же серьезно, поднимая посох, отправился к огромной карте на двух тонких балках позади Чеистум.

Воины замолчали и начали вглядываться в карту, пытаясь понять, куда там теперь вдруг вышедшим из бутона Завядшей Розы острием указывал сам их командир.

— По этой дороге мы пройдем до этой развилки, и повернем налево, в сторону деревни

Кирпичники. Это ближайший к городу населенный пункт, и там мы сможем закончить последние приготовления к штурму. Это родные земли Гоклона, и мы можем использовать часть его информации о них себе во благо. На основе этой информации мы разработали план не штурма, а осады, и для того же я заранее распорядился спрятать под деревней составные части крупных осадных механизмов.

Воины с большим интересом начали перешептываться между собой, чаще всего спрашивая, что это вообще за механизмы, и как они работают. Простые катапульты уже использовались некоторыми Демонами в древние времена, но совсем редко. Всегда было проще ломать стены имтердовых укреплений собственными лбами, чтобы лишний раз не думать о тактиках и стратегиях, все равно не позволяющих людям вести долгие осады на оккупированных врагом землях. Принцип работы баллист был им, наверняка, и без того понятен, сравниваемый с обычным луком, бьющий по баллистической траектории. С требушетами было уже сложнее.

— Среди вас уже присутствуют специально приглашенные мной осадные мастера. Кому из вас будет интересно, что такое требушет, ибо не застал их появления столетия назад, и чем они отличаются от катапульт — спросите у товарищей. — поддев уголок карты снизу острием посоха, с шелестом бумаги перевернул карту Чеистум. — Это карта Эмонсена. Но нас интересует не сам город, а его подступы. В первую очередь, обратите внимание на эти ворота.

На карте город напоминал строением нечто очень похожее на Ренбир, с той лишь разницей, что холм был не в центре города, а ближе к его дальним стенам, совсем не такой большой, и возвышалась там над городом не Пирамида, а огромных размеров хотя бы в высоту собор. Большая дорога шла напрямую от ворот к тому собору, и именно на эти ворота указывал теперь посохом Чеистум.

— Здесь довольно густая лесополоса. — обводил кругом зеленый простор перед воротами слева и справа Бог. — Мы возведем механизмы за деревьями на заранее подготовленных пустырях, и подготовимся к осаде уже там. Снаряды накроют улицы, выходящие из главной дороги, а мы сами отправимся на штурм центральных и боковых ворот, чтобы привлечь все внимание врага к себе. Наша задача — вести не прорыв вглубь города, а показательный штурм без продвижения.

Воины в недоумении начали чесать затылки и бороды.

— Видите ли, дорогие друзья... — решил подать голос и все последнее время молчавший Гоклон, чуть обходя Чеистума сбоку, подходя к карте с другой стороны. — Сражаться с Думой столь обширными силами будет невозможно, и центральная армия имтердов в Первую Войну это отлично показала. Но наша задача заключается именно в победе над Думой, а не в захвате города. Эмонсен — мой родной город, старательно возведенный имтердами, затем захваченный нами. В свое время враг строил под городом дренажную систему, еще сохранившуюся у правых ворот города. Вход в нее можно откопать вот здесь.

Строй смотрел на указанное Гоклоном место уже с большим интересом, предвкушая сбор диверсионной группы, уже заранее желая в нее попасть. Диверсия в тылу врага — для закаленного в боях воина это было даже лучше, чем атака в лоб, ибо сопровождалась большим риском.

— Именно для поддержки диверсионного отряда, который войдет в город этим путем, мы с вами и будем отвлекать внимание врага на штурм городских ворот.

— Задача диверсантов также проста, пусть и не так проста в исполнении. — продолжил уже Чеистум, наконец отходя от карты, подходя уже ближе к краю сцены, глядя на солдат. — Они установят местоположение Думы, и уничтожат его. Так просто звучит, не правда ли? С тем осада города будет завершена, ибо без Думы пораженные Черным Пламенем жители сражаться не будут, и так нами будет достигнута победа.

Кайла и Тиадрам оттолкнулись спиной от опор, на которые опирались, и встали ровнее, даже с некоторым волнением перед подобной публикой ожидая дальнейших слов Богов, которые уже точно будут связаны с ними.

— Это Кайла и Тиадрам. — уверенно указал рукой в сторону наших героев Чеистум, мгновенно переведя так изучающие и заинтересованные взгляды публики к ним. — Они возглавят диверсионный отряд, и лично вдвоем сразятся с Думой.

«Вдвоем?», «Почему они?» — пошел по строю неуверенный шепот.

— Вижу, вы в замешательстве. — перебил шепот толпы Чеистум, так же мгновенно его почти упредив. — Я понимаю. Но уверяю вас, что эти люди единственные среди здесь присутствующих имеют шансы одолеть Думу в равной схватке. Девушка совсем недавно сражалась с Самумом, и, как видите, стоит на этой сцене живая и здоровая. Не многие среди нас могут похвастаться, что, хотя бы, видели сего монстра сами. И лишь единицы пережили с ним бой.

Все поняв, в изумлении многие воины уважительно закачали головой и тихим монотонных «Ооооо» между собой выразили почтение сей храброй и могучей, даже прекрасной в глазах вечно страшноватых Демонов, девушки. Кайла, разумеется, лишь неуверенно кивнула им головой, отвечая на дарованное ими ей внимание. Она понимала, о чем они думали, услышав слова Чеистума о ее бое с Самумом. Лучше было не уточнять, что произошло тогда в Храме Актониса на самом деле, и чем на самом деле кончилась та схватка.

— Юноша многие годы обучался боевому ремеслу лично у нашего старого товарища, Бога Природы Серпиона. Он входит в число воинов, специально подготавливаемых нами для уничтожения сильнейших имтердов, их Генералов и Военачальников. Помимо того, он унаследовал и Красное Пламя, что принадлежало самому нашему герою Кортю.

С примерно той же реакцией, что и на слова о Кайле, уважительным взглядом, уже с немалой радостью и улыбками, воины смотрели на Тиадрама, для вида даже зажегшего в руке небольшой сгусток Красного Пламени, сам воодушевленно улыбаясь, чувствуя себя тогда не иначе, чем вторым солнцем.

— Это первоклассные воины, и мы полностью можем им довериться. — теперь упираясь обеими руками в Завядшую Розу перед собой, кивал Чеистум, пока Гоклон сзади возвращался на свое старое место чуть поодаль. — Им в помощь для нахождения Думы мы хотели отправить еще одного героя, но...

— Он ушел вчера ночью на северный фронт. — не прекращая неприятно улыбаться, договорил Гоклон.

— Для сопровождения наших героев нужны еще четыре человека, которые помогут им найти Думу и добраться до него. Кто из вас желает...

Не дождавшись последних слов своего оратора, воины подняли руки. Не четыре, конечно. Около четырех человек из всей толпы руки, скорее, как раз не подняли.

— Нам нужны воины, способные передвигаться бесшумно и незаметно.

Еще четыре воина опустили руки. Осталась еще сотня.

— Хорошо, хорошо. — с ухмылкой качая головой чуть отошел обратно к карте Чеистум. — Решим все на месте с помощью жеребьевки.

Воины недовольно опустили руки. Кайла и Тиадрам были даже смущены подобным вниманием, и тем более подобным желанием стольких людей составить им компанию, и пойти с ними в бой. Они даже не думали о том, что воины хотели только поучаствовать в диверсии, ибо то наверняка было опаснее, а оттого и интереснее, чем лобовой штурм. Об этом думали только Демоны. Современные воины, поднимавшие руки, скорее, просто желали получить признание то ли Богов, то ли своих товарищей из прошлого или самих, описанных великими воинами, Кайлы и Тиадрама. Тем более учитывая, что кто-то из толпы уже знал наших героев по Большой Чистке, и активно уверял товарищей вокруг в их доблести. Те, кто рук не поднимали изначально, о славе и радости битвы не думали вовсе. Они думали о выживании.

— Это будет долгая дорога. — обращаясь к Чеистуму, задумался Гоклон.

— Да. Я рассчитывал привести войско в город за восемь часов. — продолжая неподвижно осматривать карту, думая, не забыл ли он чего-нибудь, кивал Чеистум. — Но у нас правда не было времени, чтобы научить Демонов обращаться с конями.

— В наше время никто не разводил этих животных, как ты помнишь.

— Пеший ход затянется. Пускай было бы лучше начать атаку при свете дня, но, если мы прибудем на место к вечеру или ночи, ждать утра мы все равно не сможем. Помни, что у нас еще есть, чем заняться после штурма. Нас ждут на южном фронте.

Гоклон лишь, грустно качая головой, ухмыльнулся.

Солнце над городом еще лишь только поднималось, и воины уже заканчивали свои сборы, готовясь отправляться в путь. Дорога могла быть не столь долгой, как об этом думали Чеистум и Гоклон, и все же, их небольшое войско могло посетить Эмонсен лишь ночью, и на то причины были уже у самого мира. Поскольку речь Богов была уже закончена, а большинство вопросов воины задавали уже из интереса друг другу, сбор сил у нужных дальних ворот города также не заставлял себя ждать, и, уже через всего десяток минут, все они собрались вместе, подготовив к бою свое снаряжение, тело и дух, тем более еще до конца не оклемавшись после сна. Часто люди переговаривались между собой о словах Чеистума о Думе, не до конца веря, что их величайший воин сошел с верного пути, и стал им врагом. Собираясь в не слишком длинный, но весьма широкий, строй перед самыми городскими воротами, они часто обсуждали между собой тех диверсантов, назначенных на бой с Думой Чеистумом, теперь стоящих впереди на конях, вместе с самими Чеистумом и Гоклоном. Гоклон и сам был не слишком искусен в обращении с лошадьми, как и не был достаточно хорош в общении с любыми животными из-за своей вечной жутковатой ауры. Разумеется, Чеистум специально подобрал товарищу непростую лошадь, с октовыми шорами, закрывающими почти всю ее морду. Кайла и Тиадрам также получили отличных вороных коней, пусть юноша также не был хорошим наездником, но изо всех сил старался не показывать этого перед подругой и всем войском, взгляды которого постоянно чувствовал на своей спине.

Все еще с легким шумом собираясь в централизованный строй, до сих пор не до конца понимая, как и зачем это делать, воины думали, правда ли в современном мире среди людей есть воины достаточно могучие, что смогли бы победить Думу в равной схватке. Что там — в этом не были уверены даже сами Кайла и Тиадрам, как бы они не старались мысленно уверять себя в обратном. Единственным человеком, что был способен сражаться с

главнокомандующим Демонов на равных, был сильнейший среди людей, от природы могущественный октолим и воин Кортъ. Тиадрам слышал много легенд об этом великом человеке, неспроста прозванным Фениксом, способным сгорать в Красном Пламени и перерождаться из пепла, как это делала та самая мифическая птица. Даже без поэтических приукрас история этого человека звучала достаточно эпично, пускай и самому Тиадраму не казалась достаточно правдоподобной. Юноша правда владел тем же Пламенем, которым, когда-то, владел и сам Кортъ. Но он не нашел в нем подобной силы, описываемой легендами о Человеке-Фениксе. Возможно, все это была лишь выдумка? Но какова же на самом деле была история величайшего героя людей? Этим вопросом задавался не только Тиадрам, но и, во время бунта в тюрьме Шеагральминни, сам Кортъ. Та история уже была описана учеником Чеистума в книге «Падение Преисподней Шеагральминни», и вы уже наверняка с ней знакомы. Все же, даже она не давала ответов на все вопросы о судьбе величайшего героя людей. Пожалуй, сегодня вам повезло, и вы сможете узнать о нем еще больше, чем из той книги. Нам временно придется покинуть Манне-Дот, чтобы спросить обо всем самом Кортя. Не волнуйтесь — мы совсем скоро вернемся.

С момента бунта в тюрьме Шеагральминни, спланированного заранее силами командования всей человеческой расы, включая Мерсера и самого Кортя, прошло уже более двух лет. На самом деле, не многое за это время успело произойти, и никто не приближался лично к горящим изнутри Красным Пламенем мрачным руинам. Снаружи здание патрулировали живые доспехи, контролируемые издали окто Лиисеркима Одержимого, в отличии от своего наставника получившего силы контролировать не только мертвые тела, но и вообще любую неживую материю. В целом, их присутствие было не обязательно. Красное Пламя вырывалось в холлы и помещения тюрьмы, даже камеры на верхних этажах, прогрызая себе путь через пол от самого хранилища, там собираясь в эпицентре вокруг одного-единственного воина. В ходе бунта Шеагральминни, с поддержкой своих товарищей, он должен был вернуть себе память, некогда утерянную благодаря Проклятью Забвения Красного Пламени, и, сделав это, вспомнил нечто такое, о чем почти никто в мире даже не подозревал, и потому на два года по своей воле заточил себя в хранилище той тюрьмы, Красным Пламенем собирая по всему зданию новые силы. Растворенная его Пламенем материя являлась гармоничной формой того же Пламени, и он мог спокойно растворять ее в нем, забирая ее в личное пользование. Но с материей он получал и часть ее памяти. Для того, на самом деле, он и провел столько времени в том месте. Мир вокруг него помнил совершенно необычные вещи, о которых мало кто знал, и знание о которых могло на самом деле подтолкнуть весь мир к победе над Проклятьем Забвения, что и было его главным злом. Он узнал уже достаточно, и в этот самый день должен был вернуться в строй своего войска, как и договаривался с братом Мерсером еще перед началом бунта в Шеагральминни. Время наконец пришло, и он не скрывал улыбки.

В слабо освещенном небольшими сгустками Красного Пламени зале он мирно сидел на полу, скрестив перед собой ноги, спиной облокотившись на воткнутый в пол сзади драконий меч, прижав золотистые крылья к центру спины, так все равно упираясь ими уже в алый плащ своих сияющих золотом доспехов. Его уверенная улыбка мелькнула под шлемом, в форме головы благородной птицы, с таким же клювом на лбу, вместе со светом собственного Красного Пламени в прежде черных глазах. По-прежнему величественный человек, в красивом доспехе, с не менее красивым грубым бандитским лицом, покрытым легкой щетиной, но, в остальном, совершенно чистым. Собирая в себе мощь Красного

Пламени, он укреплял им материю своего тела, своего доспеха, оттого становясь сам крепок словно алмаз, воистину непобедимый и могучий воин. Он был очень высок и коренаст словно гротвалл, но был не обделен и острым умом, а его слуху и зрению позавидовали бы даже дикие звери. В окружающей его звенящей тишине огромного, облизанного Пламенем, а оттого волнистого, зала, он отчетливо и издалека слышал звуки ударов о пол толстых сапожных каблуков, которых сам ждал в тот же день, и для того еще несколько часов назад погасил во всем здании свое Пламя, позволяя предначертанному судьбой гостю его, наконец, найти. Он смотрел направо, к пробитой еще давно возле двери хранилища стены, откуда он и сам два года назад, вместе с товарищами из числа будущих Героев Шеагральминни, ворвался в само хранилище, приняв участие в последнем крупном сражении за время всего бунта. Теперь стены на десятки метров были съедены Красным Пламенем, частично покусан им был пол, а потолки, оттесненные от пола им еще дальше, уже почти касались пола первого этажа выше, пускай окончательно Пламя до туда так и не дотянулось, а оттого внутрь не попадал солнечный свет. Иногда острые языки Пламени частично прорывались на поверхность, но делали это под углом, так и не открывая света самому хранилищу. Вокруг все еще было очень темно, и не удивительно, что первый гость этого места за столь долгое время ступал теперь по окружающему волнистому полу с немалой осторожностью, освещая себе дорогу светом горящего факела, изредка звеня колчаном со стрелами и луком на спине. В этом свете достаточно заметно блестели глаза Кортя, и гость отлично видел их блеск в той темноте. Но до самого его ему, или же ей, еще нужно было добраться.

— Я уже начал скучать. — спокойно, пусть и так же улыбаясь, привычным своим басом проговорил Кортя.

— Прошло два года, знаешь ли. — по голосу явно счастливо, пусть и так же спокойно, не останавливаясь вздохнула Филони.

— Знаю. Очень хорошо знаю.

Она подошла чуть ближе, но Кортя еще не спешил вставать. Только когда девушка, едва различимая от угольных волос на фоне окружающей тьмы, все же выделяющаяся прекрасными и глубокими аметистовыми глазами, подошла к нему достаточно близко, остановившись всего в паре шагов перед самым его улыбающимся лицом, одним ловким движением всего тела он поднялся на ноги, поднимаясь над девушкой во весь свой немалый рост, прикрыв глаза от удовольствия наконец снова разгонять по жилам кровь, даже потягиваясь, широко и с хрустом на два метра в стороны расправляя свои огромные крылья. С тем вокруг него, по всему хранилищу, забегали огненные зайчики, с каждой секундой увеличиваясь, все больше освещая девушке лик своего возлюбленного, величайшего героя человечества Кортя. Он ничуть не изменился за те годы, что они не виделись, но лишь внешне. Едва он открыл глаза, посмотрев на нее, она с радостным трепетом в сердце, едва не пустив слезу из прекрасных глаз, поняла, насколько преисполнился уверенности и мощи его взгляд, насколько выгорела в нем тень отчаяния, с которой она столкнулась в нем два года назад. Он полностью исцелился от своего Проклятья, и вновь стал тем человеком, о котором ей так усердно рассказывали прочие Герои Шеагральминни, даже Боги. Он вновь стал собой.

— Пожалуй, было больше некуда тебе хорошеть. — любящим взглядом смотрел в уже влажные глаза девушки Кортя, ласково проводя рукой по ее волнистым смольным волосам. — Но ты все равно с этим справились.

— Я очень... — тут же, скрипнув крепким нагрудником героя, крепко уткнулась в его могучую грудь девушка, все равно, даже подняв голову, едва ее достигая. — Очень по тебе

скучала.

Из ее прикрытых большими ресницами глаз уже текли слезы, но она даже не думала их останавливать, как делала это раньше, скрывая ото всех вокруг свои глубокие чувства. Перед ним ей нечего было скрывать. Тем более, что он уже итак все о ней знал.

— Я тоже. — так же улыбаясь и прикрыв глаза, сильными руками прижимал ее к своей груди Кортъ.

Какое-то время их уши заливал треск окружающего, пляшущего по углам, Пламени. Но даже тот металлический треск не заглушал их собственного дыхания.

— Ты уже знаешь... — грустнее шептала девушка.

— Знаю. — также грустно кивнул Кортъ.

— Я...Я пыталась...

— Тише. Я все знаю. Ты не виновата в ее гибели. — все-таки чуть отходя назад, отпустил девушку он.

— Не понимаю, почему он на нас напал. Мне говорили, что вы о чем-то договорились, и он нарушил договор. — также отойдя чуть назад, вспоминая страшный пожар имени Кацер два года назад, с тем вспоминая и лишивший ее сестру Термисорру жизни клинок Думы, с болью в глазах опустила голову девушка.

— В неведении сила Бездны. Никто не должен знать ее планов, и Доран пользуется этим.

Филони не шевелилась, вспоминая тот страшный день. Она помнила, сколько бед причинил Дума только ей и ее сестре, и никак не понимала, чего он пытается добиться, так и не получив даже от Мерсера ответа на вопрос, о чем же ее возлюбленный договаривался с этим монстром.

— Но Доран тоже не знает планов Бездны. — уверенно поднял голову Кортъ, так переводя на себя и удивленный взгляд девушки. — Эти два года я пытался сжечь завесу тайны, приоткрытую мне Думой в наш последний разговор. О том, что случилось со мной 400 лет назад в Храме Актониса, и что я вспомнил два года назад, едва не потеряв жизнь.

Его голос заметно изменился. В нем одновременно смешались нотки сомнения и уверенности, а взгляд выдавал в нем немалое волнение. Он положил руки на плечи девушки, теперь только с большим изумлением наблюдая за оживлением глаз своего возлюбленного, уверенная, что герой постиг невероятную тайну, и вот-вот раскроет ее ей, как сделал бы это уже давно, если бы его не мучало Проклятье Забвения.

— Послушай меня, Филони. Я нашел эту связь. Два года назад я переродился, когда услышал твой голос, назвавший мое имя. То же было 400 лет назад, когда его прошептала умирающая у меня на руках Джефф. Но два года назад я вспомнил не то, что произошло тогда. И два года назад, и 400 лет назад, я вспомнил одно и то же. Чего просто никогда не было.

Он отпустил ее плечи, и отошел в сторону, взволнованный и серьезный, продолжая метаться от стороны в сторону, рассуждая о том, чего девушка совсем еще не понимала, но чем уже была до огня в глазах заинтригована.

— Я испытал боль, сродную той, что уже чувствовал когда-то, но не понимал, когда. Теперь я понял. Это были чувства не из этого мира, а из другого. Я вспомнил их, как и то, что произошло тогда, и мир вокруг меня дрогнул. Тот, кто погиб тогда от руки чудовища, в миг исчез, а с его исчезновением Земли Марконнор вернулись...

Он вдруг осекся, с тяжелым и аритмичным дыханием глядя в пустоту перед собой. Его

губы дрожали, и он не мог проговорить и слова, вернувшись к раздумьям, дававшим ему точный и очевидный ответ.

— Лорд Винторис исчез? — вспомнила Филони причину Великого Спуска, спустившего Земли Марконнор в Бездну, рассказанную ей когда-то Серпионом.

— Да. Да, он исчез, потому что так было в прошлом мире. Потому же запечатался Храм Актониса, а Земли Марконнор ушли в Бездну. Тогда все было так же.

Теперь он, чуть напуганный истиной, которую частично раскрыл уже раньше, но обдумывал только теперь, повернулся обратно к девушке.

— Тогда весь мир должен был спуститься в Бездну, но его удерживала граница из Синего Пламени, разделяющая...миры...

— Миры? Так Бездна... — вздрогнула сама Филони.

— Все прошлые миры, сгоревшие и потерявшие краски, и ставшие Черным Пламенем. — уверенно кивнул Кортъ. — У Земель Марконнор не было границы, отделяющей его от Бездны, и потому они вернулись туда, откуда пришли. Поскольку Синее Пламя продолжало поддерживать связь между новыми и старыми мирами, часть их памяти она проецирует на нас. Это и называется Проклятием Забвения. Именно эту память из другого мира я получил 400 лет назад и два года назад. Через меня мир вспомнил то, что происходило с его предшественником, и изменил себя, стерев того, кто должен был умереть. Два года я сидел здесь, собирая из материи тюрьмы осколки памяти самого мира, собирая фрагменты прошлого, что уже произошло когда-то в тех мирах, и которое еще ждет нас впереди.

Незаметно за проходом на поверхность из хранилища мелькнул темный силуэт. Слишком заговорившийся и взволнованный Кортъ его не заметил, а девушка и вовсе изумленным взглядом следила лишь за движениями уст героя.

— Что же нас ждет? — уже с дрожью губ не меньшей, чем у Кортъ, спросила Филони.

— Я расскажу позже. Сейчас мы должны идти в Синокин. Там...

По залу со стороны входа раздался шаг и хруст босой, костяной ноги.

— Кацеры погибнут.

Чуть отскочив назад, Кортъ одним движением мощной руки вынул из земли свой большой меч, рубящим движением махнув в сторону внезапно пронзившего сам его могучий дух хриплого и хитрого голоса, со звуком шагов медленно приближающегося к ним. Филони перепугалась настолько, что сама чуть не отскочила назад, тут же скованная по рукам и ногам испугом, все же кое-как доставшая из-за спины лук, и даже левой рукой уже думая зарядить его стрелой из колчана.

— Ч-что это? — чувствуя легким морозом бегающий по коленям страх, сама перескочила за самые крылья Кортъ она.

— В чем дело, человек? Впервые видишь брата своей сестры? — развел совсем закрытыми под рукавами драной вуали, но наверняка ужасными и костлявыми, руками стоящий лишь в десятке метров впереди монстр.

— Хемирнир. У меня нет времени на распри. Но твое убийство вряд ли займет много времени. — зло прищурился Кортъ, не опуская меча.

— Даже для вас, глупцов, тем более глупо думать, что со смертью Верховного Властителя с его расой ничего не произойдет. — под капюшоном насупил страшную морду Верховный Властитель ардов. — Что ничего не поменяется в гармонии мира, и не изменятся те, кто с ней связан. В вашу ложь столетия назад поверили такие же глупцы, но мы...знали.

Кортъ оцепенел, услышав те слова, пускай и не сразу понял их суть. Лишь единицы знали эту истину, и даже они с трудом могли в нее поверить. На то надеялись Мерсер и прочие владыки людей. И, тем более, они до последнего надеялись, что иллюзия, которую так старательно они поддерживали уже столетиями, в первую очередь обманет не их союзников, а их врагов.

— Впрочем, эта ложь бы никогда вас не спасла. Как и ты не спасешь Кацер. — заметно растянул в улыбке горящий в уголках Пурпурным Пламенем рот Хемирнир, ныне один из Военачальников имтердов.

— Боюсь ты не тот, кто сможет встать у меня на пути, подделка. — цыкнул Кортъ, крепче сжимая меч уже обеими руками в стойке у себя над правым плечом.

— Мы оба знаем, что ты бахвалишься. Секунда промедления, и Дума в Эмонсене убьет Джефф.

Даже могучее сердце Кортя на мгновение встало, когда он услышал те имена. Джефф, или же Термисорра. Сестра Филони, и частица его собственной души.

— Она преследует его уже два года в поисках мести за то, что тот сделал с тобой перед Шеагральминни. И чему мы способствовали. — продолжал ард.

— Что!?! — широко выпучив глаза и нервно дыша, резко выскочила из-за спины возлюбленного шокированная Филони.

— Но я видел... — сам будучи в шоке, дрожа, медленно опускал голову и меч Кортъ. — Видел в прошлом, как он убил ее.

— То был обман, на который вы все ведетесь уже столетия. Вы все еще не понимаете, в какую игру с вами играет Доран? И моя сестра никогда не умирала от руки Думы. Ему просто незачем ее убивать.

Кортъ крепко сжал зубы, теперь разбито и зло смотря в черный, едва заметный от темноты даже в свете чуть уже погасшего Красного Пламени пол под собой. Как бы там ни было, он как никто другой понимал, что Доран не был личностью Черного Пламени. Даже поглощенный Бездной, он сохранял собственную личность Клинка Власти Дорана, пусть и будто не себя самого, а такового из другого мира. Одного существа из всех прошлых миров, именованного Дораном.

— Кацеры, или Дума с Джефф. Теперь ты понимаешь, что слаб, если не можешь спасти их всех. В этом мире есть силы куда могущественнее...

— Заткнись, чудовище. — злобно махнул рукой Кортъ. — Не тому меня учить, кто создал собственное Пламя, чтобы подражать сильнейшим мира, но так слабым и остался.

— Вы такие дерзкие, носители чужих даров. — с явным хрустом напрягся под рукавом вуали костяной кулак монстра. — Вымещаете свою боль на слабых, но лишь потому, что внутри слабы сами. Ты тратишь свое время понапрасну. В сию секунду есть лишь две вещи, которые ты можешь попытаться изменить. И мое восприятие отбросов сего мира в них не входит.

Кортъ не шевелился, злобным раскаленным взглядом смотря в пустые прорези глаз объятого драной кожей черепа Хемирнира, на угольки догорающих в них огоньков, на его злобную и хитрую, как и всегда, гримасу. Он понимал, что в словах монстра был смысл, и, как бы он не пытался уговорить себя в обратном, даже его сил могло не хватить, чтобы изменить хотя бы одно из уготованных ему испытаний, что говорить сразу о двух. Геллар или Дума — не важно, с кем бы ему пришлось сойтись в бою, он чувствовал, что даже его сил теперь может быть недостаточно для победы над ними. Ему может не хватить

решимости убить брата, но и может не хватить сил убить такого могущественного Актониса, как Геллар, собиравший силы для войны с людьми уже несколько столетий.

— Что произойдет в Синокине? — решила, на всякий случай, убедиться Филони.

— В прошлых мирах Кацеры сражались там с Гелларом. Соккон погиб, а имтерд забрал его Душу Россе. С его помощью потом он убил моего брата Мерсера. — продолжал следить за своим врагом впереди Кортъ.

— Этот мир отличается от прошлых, не так ли? — чуть наклонил голову вбок Хемирнир.

— И что с того?

— Геллар отказался помогать Дорану в добыче Души Россе. Он не станет ни с кем сражаться.

— И я должен тебе поверить? — зло ухмыльнулся Кортъ. Даже учитывая, что Джефф в облике Термисорры вернулась к нему в мир именно благодаря Хемирниру, он наверняка сделал это не из братских чувств. Все это был холодный расчет, пускай пока и не ясно, какой.

— Мы все равно победим. Мерсер все равно умрет, даже если его убьет не Геллар. И Вильфеоренама все равно уничтожит мир.

— Или в твоих интересах посещение мной Эмонсена. — понял герой.

Хемирнир промолчал. Так казалось.

— Не думай, что что-то обо мне знаешь, человек. — через несколько секунд все-таки злобно зашипел он, хрустя металлическими позвонками, что в бою он нередко вырывал из тела через рот, преобразуя его в меч.

— Что нам делать? — из-за спины возлюбленного смотрела на его лицо Филони.

Кортъ и сам был растерян, и не понимал, что будет правильнее и важнее. Он помнил, сколькими бедами вылилась прошлому миру гибель Соккона и получение Гелларом новых сил. Пускай даже в этом мире все могло пойти иначе. Но на какой исход в прошлых мирах повлияла гибель Термисорры? Ответ был вопрос — в прошлых мирах девушки просто не существовало. Джефф переродилась в другого человека, который и без того теперь стоял у Кортя за спиной. Тогда у нее не было сестры, а ее брат, теперь стоящий впереди со злобной гримасой, до последнего не признавал своих родственных связей с предательницей, а забравшего ее под свое крыло Кортя до сих пор называл вором.

— Похвально, что ты научился думать дважды, прежде чем сжигать жизни своим Красным Пламенем. — хитро улыбнулся Хемирнир, наконец выждав нужный момент для наведения смуты. — Но в Эмонсене может погибнуть не только Термисорра. Тот, кто некогда участвовал в последней битве прошлого мира, также может погибнуть там.

— Тиадрам? — вспомнил Кортъ.

— Искусственные Клинки Власти, Кайла и Тиадрам. Если Дума не обуздает их мощь, то и сам может погибнуть. И тогда некому будет биться с Совенраром. Вы проиграете.

— Не думал, что ты тоже раскроешь память прошлого мира. — скрипнул зубами Кортъ.

— Я пытался. Но то, что я говорю, не мои слова. Об этом нам поведал Доран.

Угольные глаза Кортя вновь полыхнули решимостью.

— Чтoб тебя! — напряженно от злости крикнул он. — Филони, мы должны сейчас же лететь в Эмонсен!

— Ле...лететь? — чуть испуганно от столь резкого крика, одной ногой отступила назад девушка.

— Мы должны успеть, если будем двигаться по небу. Ну же!

Он резко сорвался с места, махнув золотыми крыльями и плащом, закидывая меч на плечо, бегом отправляясь в сторону выхода как раз за спиной стоящего теперь неподвижно Хемирнира.

— Конечно! — так же за ним сорвалась с места Филони. — Ты же расскажешь мне, что все это значит?

— Ты же слышала, что раньше Доран был другим? — стрелой пролетев мимо врага, лишь колыхнув ветром его изодранную бесконечными боями на Севере и временем вуаль, мчал уже только наверх, к поверхности, Кортъ.

Огни Красного Пламени за его спиной в хранилище уже медленно догорали, оставляя помещение в полной темноте и тишине, также оставляя наедине с самим собой уже последнего его посетителя, даже не смотрящего в сторону убегающих наверх двух людей, больше всего на свете им ненавидимых.

— Моя память полностью восстановилась, и теперь работает лучше, чем когда-либо. Я помню, что встречал Дорана в первые дни своего появления в мире. Он надолго пропал, и появился вновь уже совершенно другим, куда более гадким и хитрым, какой он сейчас. — ведя за собой Филони, Кортъ бежал по уже пустым коридорам, где его Пламя давно съело тела всех заполонивших его некогда мертвых стражей и заключенных, с чем сам он получил часть их памяти. — Я был прав, думая, что его изменила Бездна. Но я так и не мог понять, принял ли он личность, которой обладал в прошлых мирах, и которую запомнила Бездна, или же он сам стал личностью Бездны. Хемирнир частично подтвердил мои догадки. Если он рассказал ему о том, что происходило в прошлом мире, значит он получил из Бездны какие-то знания о нем, и может теперь ими пользоваться.

— Это очень плохо! — и сама понимая суть проблемы, продолжая бежать вслед за Кортъем, волновалась Филони.

— Если это так, то мы должны всеми силами помешать ему исполнить свой план, каким бы он ни был. Два года назад Доран приказал Думе создать событие, при котором он сможет отвлечь всех нас от Кацер, на которых хотел напасть. Тогда я не понял его плана, и он обманул меня. Теперь мы сведем счеты, и я спрошу его, чего Доран хочет на самом деле. Если он ответит — мы решим эту проблему раз и навсегда.

Пусть Красное Пламя освещало им дорогу, даже оно рассеивалось впереди, в уже последнем коридоре, куда из дыры наверху, ведущей в холл самой тюрьмы, веселыми и беззаботными лучами било золотистое солнце. Позади них расстилалась тьма, и была она уже непроглядна. Только Хемирнир, пусть и ни на что конкретное не смотрел, свойственным монстру высшей формы жизни всевидящим зрением пробивался через тьму, все же направляя взор больше не в то, что видели глаза, а в картины, что рисовал перед ними мозг. Невозможно нашим языком точно описать его чувства, для человека просто не свойственные, но, все же, имеющие связь с таковыми у нас. Волнение, грусть, злость — эти чувства лишь немного отличались от наших. Он и сам терялся в них теперь, вспоминая слова Дорана о том, что на самом деле должно было произойти в Эмонсене, и почему на самом деле он просил Хемирнира увести Кортъа подальше от Синокина, чтобы тот ни в коем случае не успел туда вернуться, когда узнает уже от Думы истинные планы Бездны. Ведь Дума прибыл в Эмонсен по своей воле, а не по воле Дорана. Правитель Бездны ему лишь помогал пусть и пытался извлечь из планов своего подопечного максимальную выгоду.

— «Сколь же ты глуп, вор. — опустив голову, одновременно хитро и грустно кривил в

улыбке лоскуты губ он. — Моей сестре незачем убивать Думу, и ловушка Эмонсена возведена вовсе не на такую мелкую дичь. Даже не на этих Кайлу и Тиадрама. Он ждет в городе тебя, и никого другого. Или, вернее сказать, «они ждут вас»?»

От тюрьмы уже почти ничего не осталось за два года, и Красное Пламя Корта было тому не единственной причиной. Вернее сказать — оно рушило тюрьму не всегда напрямую, но лишь подыедало фундамент, стены, несущие конструкции, и оттого потолки и прочие стены рушились, а завалы ниже доедало уже само Пламя. Корт очень ловко перескакивал через завалы, двигаясь по замусоренному холлу налево, желая выйти из здания через уже свободные от трупов, не как раньше, заваленные лишь камнями и собственными обломками, южные ворота. Потолка над прежним третьим этажом тюрьмы уже совсем не было, и солнце активно разгоняло застоявшийся во всей тюрьме холод, с тем развеивая и ее вечную тьму.

— Солнце уже поднялось. Мы точно успеем? — взволнованно следуя за Кортем, не менее ловко пробиралась вперед через обломки бывшего потолка и стен Филони.

— К ночи до Эмонсена мы точно доберемся. — не отвлекаясь Корт.

— Кайла и Тиадрам должны были переночевать в Манне-Доте, и оттуда утром выступить в город. От нас до города почти два дня пути.

— Тогда поднажмем.

Войско Чеистума и Гоклона уже и вправду выдвинулось из города, и активно, с немалым шумом старых строевых песен, двигалось по лесу вперед, к развилке возле Леса Корта на деревню Кирпичники. Воины двигались довольно быстро, ведомые хорошо заметными даже из-за спин товарищей своими командирами верхом на конях. Только сами командующие штурмом Чеистум и Гоклон, как и командиры еще не собранного диверсионного отряда, Кайла и Тиадрам, получили коней. У Корта и Филони были все шансы догнать не слишком быстрый строй на подступах к городу. Никто не ждал их появления, как и никто не ждал ловушки в самом городе. Слишком сильное давление Черного Пламени на мир в эту Эпоху давало о себе знать, и планы всех сторон немного смещались во времени. Это было не заметно глазу обычных существ Гармонии, сколь бы велика не была их власть над Первородным Пламенем. Как никто из тех людей не ждал вмешательства со стороны, так никто тем более не ждал, как в планы их вмешается сам мир. Не зря солнце над их головами так быстро уходило с небосвода. Со всем миром вокруг них происходило нечто злое.

Часть 4: Кайла и Тиадрам. Глава 4: Подготовка к штурму

Как ни в чем ни бывало солнышко пригревало шумный строй, своим пением перебивающий пение птиц и шелест леса вокруг, сопровождая его все дальше по еще влажной и грязной дороге вперед. Было не слишком жарко, и не слишком шел на пользу воинам холодный ветер с севера, даже из-за деревьев дующий им почти в лицо. Лес вокруг них был уже далеко не так густ, как перед самым городом, и выглядел уже далеко не так мрачно, тем более закрывая собой теперь вставшее в зенит солнце. Все равно, деревья вокруг, как и сама лесная чаща, тем более как сама дорога под сапогами воинов, были еще влажными и холодными, отчего казались мрачнее, и отчего на солнце блестели только ярче. Это радовало глаз Чеистума, не перестававшего в пути при легком галопе своей лошади, ибо строй от него все равно ни на шаг не отставал, вслушиваться в песни Демонов, сам с приятной ностальгией вспоминая их мотивы спустя сотни лет. Командиры их, включая и капитанов современной армии, шли впереди остального строя, кто-то присоединяясь к хору, а кто-то еще думая, не является ли это нарушением субординации. Оба Бога молчали, лишь весело качая головами от качки лошади, но добавляя движений и явно в темп песням, так что, скорее всего, совсем не были против подобной деятельности подчиненных, что командиров немного успокаивало. Тем более учитывая их волнение в предвкушении самого штурма.

Новый рассвет сменит ночь,
И враг-оккупант слиняет прочь.
Солнца луч играя объявит день,
Но для них его закончит смерть.

Для штурма Эмонсена были выбраны только опытные воины, включая и ветеранов современных войн, кого-то из войны с Бруси, кого-то из старого войска Аквина Тибфера, и даже кого-то из войска Даллахана и Вали. Кого-то, конечно, из нескольких сменивших друг друга войск подряд. Ни для кого шесть, восемь, или двенадцать часов в пути, как предполагали сами Чеистум и Гоклон, отталкиваясь от положения солнца на небосводе, не были серьезным путешествием. Даже в полном доспехе под не слишком пекущим солнцем, тем более обдуваемые холодным ветерком, гуляющим и изредка завывающим между деревьями и дорогой, столько времени пути не были для этих людей проблемой. Горстка авантюристов и путешественников из строя, за годы странствий прошедшие не меньше километров, чем бывалые вояки, и теперь шли рядом с ними наравне уверенно, и ни на что не жаловались, пускай и не все были одеты по погоде, но к ее капризам уже давно привыкли.

Позади строя шел обоз из четырех последовательно соединенных мелких повозок, запряженный двумя сильными бурыми кобылами с восседающими на них квартирмейстерами (одним из группы Кайлы и Тиадрама с самого Леса Ренбира). Они везли за строем припасы первой необходимости, включая медикаменты, октовые приспособления, иногда запасное оружие, и, самое главное, еду и питье. Круглые и качественные деревянные колеса из дуба почти не проваливались в лужи и ямки ухабистой и бугристой от постоянных дождей своего региона дороги. Возможно, так только казалось, ибо лошади, как следует отдохнувшие перед дорогой в большом общем стойле перед городом, отоспавшиеся и

откормленные насколько это было возможно, сами били подковами копыт по грязи, разбрасывая ее чаще только под себя, ибо строй начинался чуть поодаль впереди, отбивая ритм песен строя, даже иногда легко гарцуя. Такая атмосфера даже лошадях была по вкусу, они не скрывали радости, как ее не скрывали и сами воины, после каждой своей песни затягивая новую, ни на секунду совсем не замолкая.

— Они всегда такие шумные? — чуть приблизилась к Чеистуму сбоку на лошади Кайла, тем лишь на секунду переведя взгляд Бога на себя, даже не поменяв выражение его лица.

— Когда не спят, конечно. — улыбаясь, тихо про себя посмеялся он.

— Да как сказать. — все стараясь просто держаться в седле и не падать, добавил Тиадрам. — Ночью они вообще не затихали.

Оба Бога, идущие в изголовье строя лишь в паре метров друг от друга, в улыбке качали головой.

— Если вы спрашиваете об этом — да, столетия назад в подобной ситуации они вели бы себя гораздо тише. — уже серьезнее продолжил Чеистум. — Мы ходили по территории врага, как бы не называли ее своей. Тогда не было и строевых песен. Мы просто пели первое, что приходило в голову, чтобы немного расслабиться.

— Никогда не понимала смысла в этих строевых песнях. — смотрела куда-то вперед на дорогу Кайла. — Как будто войско хочет дать знать противнику, куда им бить.

— Песни поднимают мораль и боевой дух солдат. Строевые песни, также, устанавливают особую связь между солдатами, как и строевой шаг. Синхронизация строя приближается к унисону, с чем растет слаженность действий и боевая эффективность.

— В последнее время по-настоящему сильные войска не только не поют, но и вообще редко между собой общаются.

— И это «сильные» войска? — не понял Гоклон.

— Это люди, лишённые собственной воли. — уточнил товарищу Чеистум, явно намекая на современных воинов Ордена. — Они подчинены воле окто своих командиров, а с тем не подвержены боле и страху. Это машины для убийства, лишённые чувств. Идеальные воины.

— Идеальные воины? — еще больше удивился Гоклон, из-под капюшона широко раскрывая маленькие белые глаза, глядя на своего товарища «знатока человеческой сущности».

— Они не многим отличаются от имтердов, подавляющих чувства мутациями организма.

— Пускай так, и мы назовем их идеальными воинами. Я не припоминаю таких идеалов воинов среди Демонов. Можем ли мы назвать таких людей воинами людей, или вообще людьми?

— Хех... — задумчиво ухмыльнулся Чеистум, на мгновение пропустив в голову слова песен Демонов позади, вспоминая родную им связь, что объединяла когда-то всю человеческую расу, делая ее защитников самими Демонами. — Хороший вопрос.

В течении как первого, так и второго часов пути, мало что менялось в окружении веселого строя, и совсем не менялся его настрой. Современные воины уже всей душой прониклись атмосферой единства человечества, которой дышали Демоны, и которой теперь дышал вообще весь строй. Вместе они запевали одни и те же песни, обучая друг друга их пению, а иногда современные воины запевали и свои строевые песенки, чаще всего вызывающие у их командиров искривления лица, но в текущем строе лишь растягивающие улыбки на лицах их товарищей из далекого прошлого. Здесь было немало грубой речи и

черного юмора, шуток на темы, благородных людей недостойные, но даже самим Чеистуму и Гоклона они нравились. Они ценили дух единства, по которому сам Бог Смерти весьма тосковал последние годы, но от которого еще не успел отвыкнуть Бог Страха. Кайла и Тиадрам сами какое-то время подпевали современным песням, которые слышали от своих товарищей позади, и которым те пытались обучить Демонов. Тиадрам иногда запевал и песни Демонов, чаще лишь подавая мотив и первые слова, что сами веселые воины быстро подхватывали, а своего запевалу активно перебивали. Конечно, он редко вспоминал текст тех песен целиком — Серпион напевал их очень редко, и очень старался делать это так, чтобы никто вокруг этого не слышал. Думаете, он, Бог Природы, стеснялся своего пения? Правильно думаете. Не говоря уже про то, что он никогда не мог попасть в ноты, а сам процесс пения вызывал в нем легкое волнение, с чем людей вокруг него то било током, то сдувало ветром.

Иногда, и даже довольно часто, мимо строя, прижимаясь к лесу по дороге насколько это было возможно с учетом собственных грузов и повозок, проходили и проезжали переселенцы и беженцы, уже пытающиеся уйти от будущей войны дальше на запад, в сторону Волшеквии. Конечно, дорога туда проходила либо из самого Манне-Дота к столице, либо совпадала с таковой до Эмонсена. Всего за четыре часа строй добрался до развилки у Леса Кортя, по которой уже куда чаще проходили в сторону самого города от Лафена и мелких деревень вокруг него люди. Иногда по этой дороге на свои фронты уходили воины, иногда туда же, с целью стать воинами, уходили и обычные мужи и юноши. Даже девушки, недавно оторванные от плуга, в деревнях часто не слабее мужчин, активно вступали в армию людей. Те же, кто к войне не был готов до сих пор, и кто продолжал с умным лицом рассказывать друзьям, что война нужна лишь для кормления власти чужими ресурсами, чаще всего были уже далеко от будущих полей сражений, то есть всей Ирмии. Возможно, в их словах был смысл последние столетия, но не теперь, когда враг ступал на их земли без политической подоплеки, плевав на человеческие ресурсы, желая лишь уничтожения, полного истребления человечества как вида. Оправдания теперь искали лишь люди слабые, но никто насильно не заставлял их братья за оружие и надевать доспехи. Людьюми теперь командовали Демоны и их Боги. Что такое «пушечное мясо» сами Демоны не знали, а Боги считали такие вещи для себя позором даже спустя столетия контроля современного мира.

До Кирпичников оставалось еще всего не больше трех часов пути. Строй шел уже меньше, давно исчерпав свой запас знаний в области песен как старых, так и новых, и даже слегка от песен подустав. Все равно, они по-прежнему находили темы для разговоров между собой, с тем даже иногда жалуясь, что строй двигается слишком медленно, хотя все они могут и хотели бы идти быстрее, дабы уже поскорее приступить к веселому штурму Эмонсена. Да, для них все это по-прежнему было лишней забавой, по которым они совсем уже соскучились. Чеистум не мог заставить квартирмейстеров быстрее двигать лошадьми обоз, ибо те, пускай и двигали не самый тяжелый в своей жизни груз, все же немного устали за время пути, и теперь точно не могли сильно разгоняться. Тем более, на пути строя слишком часто вставали повозки беженцев, обойти которые мог строй, но не обоз. Дорога была довольно широка, и на ней было легко разойтись двум транспортам. Но их редко бывало всего два, пускай и в последний час людей на дороге стало заметно меньше.

Все же, строй двигался еще непринужденно и весело, часто махая руками и здороваясь с проходящими мимо людьюми, даже из повозок с радостью разглядывающими величественных старых воинов, ведомых самими Богами. Не многие, конечно, узнавали в фигурах за вуалями

и капюшонами своих идолов, что целые столетия уверенно правили миром людей, так или иначе крайне редко представая воочию перед самими людьми. Кто-то даже считал Богов выдумкой. Самые известные среди них, больше всех обсуждаемые людьми, также не всеми считались Богами. Таковыми точно называли близнецов Руэнре, Богов Времени, вечных командиров Ордена, все же никогда не показывающихся даже собственным подчиненным. Чеистум редко показывался на людях, предпочитая собраниям людей обыкновенную тишину Леса Ренбира, в котором своим присутствием сдерживал ардов по приказу Бога Людей. На самом деле, он был большим ценителем искусства, часто бывал на фестивалях и выступлениях в городах, еще чаще посещая спектакли в театрах по всему Западу. Не удивительно, что его там совсем никто не узнавал, ибо присутствовал он там инкогнито, и почти всегда не лично. Именно его рукам принадлежит создание термина «мертвец искусства», ставшего, впоследствии, метафорой в описании качества произведений. Это довольно интересная история, и я не зря затронул ее теперь.

— Друзья мои, я хочу вам кое-что рассказать. — не прекращая хода, повернулся к своему строю уже соскучившийся по разговорам сам Чеистум, продолжая дорогу уже от развилки в сторону Кирпичников. — О том, чем жил сей новый мир столетия после вашего ухода, и о том, чем я сам любил заниматься те столетия до сего дня.

Воины с большим удовольствием слушали истории своего командира, с не меньшим удовольствием возвращаясь к счастливым временам, переводя в него и всех окружающих его людей, часто даже останавливающихся рядом со строем, какое-то время его сопровождая, сами с удовольствием и изумлением слушая истории Бога Смерти. Кайла и Тиадрам также слушали его с большим интересом, ибо выросли в те самые времена, когда выражение «мертвец искусства» уже имело огромное распространение, и покорило не только Ирмию, но и вообще все страны Запада. Их не слишком удивляла тема повествования Бога Смерти, которому с самого начала и присуждали появление сего феномена. Все равно — детали его истории были внезапно забавны, пускай тематика и оставалась по-своему жуткой. Уж кто-кто, а Бог Смерти любил, и умел шутить о смерти.

Он рассказывал, как приходил на представления в театры всего мира в разных обликах, управляя телами деятелей искусства, политических деятелей, меценатов, и прочих известных людей с хорошим прошлым. Незаметно он пробирался в зрительный зал, когда взгляды зрителей уже были прикованы к сцене, так же исчезая только в антрактах, смотря представление до конца, и лишь потом, когда овации толпы затихали, вставал со своего места, учтиво кланяясь, садился обратно, и тихо развеивал свое окто, управлявшее телом. В начале люди с ужасом узнавали в чертах тех загадочных зрителей черты знакомых им, но уже умерших, людей. Но то были хорошие люди, и вовсе не несло никаких бед их появление на выступлениях актеров. То было довольно редким явлением, но веселая молва уже успела найти ему имя, также уверяя весь мир искусства, что появление такого мертвеца является благословением от самого Бога Смерти, даже во времена Демонов славившегося проказами, тем не менее, всегда несущими лишь добро. Актеры правда начинали играть будущие выступления лучше, чувствуя прилив сил, давая зрителям все лучшее зрелище, встретивши на сцене улыбающийся оживший труп. Никто этого уже не боялся. Театры даже создали специальное время паузы после выступления трупп, когда актеры выходили кланяться зрителям на подмостках, ожидая также появления своего благословенного ценителя искусства. Его было несложно узнать — когда он поднимался, его глаза загорались белым огнем. Некоторые октолимы даже шутили так, сами создавая в глазах белый свет, и

поднимаясь после выступлений будто тот же «мертвец». Это было на руку продюсерам актеров, ведь поднимало им настрой трудиться лучше. Но длились такие шутки недолго — по людям слишком быстро шла молва, что все такие обманщики загадочным образом скоро умирали будто от яда. Яда Завядшей Розы Бога Смерти, не терпевшего подделок.

За историями, что Бог Смерти лил уже живым потоком на свое небольшое войско, время летело куда быстрее, чем того боялись сами воины. Они думали, что им станет скучно по пути, и потому так торопились скорее приняться за дело, все же теперь слово за слово даже не заметив, как солнце начало стремительно уходить за горизонт, лишая их своего тепла. Темнело в этот день рано, как Чеистуму и Гоклону говорил прошлым днем Рыцарь Корим. Людей на дороге становилось совсем мало, а после новой развилки и вовсе не стало. Все они шли вперед, к границе Волшеквии, а наши герои повернули направо, в сторону Кирпичников и Эмонсена. До деревни осталось еще не больше получаса пути, а воины уже немало проголодались, желая поскорее остановиться на привал, поесть, выпить, и уже сразу приступить к штурму города.

— Господин Чеистум? — поднял голову на постоянно темнеющее небо Тиадрам.

Чеистум лишь повернул голову в его сторону, в раздумьях теперь совершенно серьезный, явно сосредоточенный на какой-то определенной мысли.

— Сколько сейчас времени? — на всякий случай решила уточнить Кайла, так спросив то же, что хотел спросить ее друг.

— Заметили? — смотрел вперед Гоклон, также серьезно задумавшись.

— Кажется, время пролетело быстрее, чем мы думали. — смотрел в сторону друга Чеистум. — Я бы сказал — вдвое.

— Не похоже, что мы шли быстрее, чем планировали. — не понимала Кайла. — Сейчас должен быть ранний вечер.

— Время Ардов, установленное в Лесу Ренбира Археем ардов Джефф, в родстве с тем что вечно царит в Лесу Кортя. Этот Лес недалеко, но...его влияние никогда не выходило за его пределы. А мы будто провалились во времени на несколько часов.

— Я не замечала ничего странного. Солнце только двигалось слишком быстро.

— Уиллекроми снова что-то поменял? — подумал Гоклон.

— Или Доран тоже подготовился к штурму Эмонсена. — злее в мыслях кивнул Чеистум.

По пути к Кирпичникам не происходило уже ничего примечательного. Солнце окончательно ушло за горизонт, и на поднебесную легла тьма. Строй уже почти молчал, и Чеистум приказал воинам держать уши остро и как можно внимательнее следить за изменениями окружения. У них не было факелов, поскольку они заранее рассчитывали попасть и в деревню, и в город, до наступления сумерек. Демоны-октолимь, владеющие окто с выделением света, специально начали покидать строй, сопровождая его уже чуть сбоку слева и справа, освещая путь своим светом. Дабы не терять в темноте изголовье строя, Кайла и Тиадрам также зажгли на вытянутой руке слева и справа от себя небольшие сгустки собственного Пламени, становясь для воинов позади своего рода маяками. Вид Красного Пламени успокаивал уже и без того серьезных и тихих воинов, но вид Пламени Зеленого их немного настораживал. Они слышали лишь о двух владельцах сего Пламени со времен Первой Войны — самого Лорда Винториса, или же имтерда Винториса, и восточного Генерала имтердов Самума. Кайла, разумеется, сама не знала, откуда получила свое Пламя, и в каком неприятном родстве по нему находилась. В бою с Самумом она Зеленого Пламени, заключенного в топоре монстра, не заметила — для победы ему даже не пришлось прибегать

к его применению. Разумеется, и Демоны никогда не видели это Пламя раньше сами, и потому многие на задумывались о его свойствах. Строй уже чувствовал на себе аномальное влияние так скоро наступившей ночи, и что-то неспроста вызывало даже в их бравых сердцах легкую дрожь. Они уже не общались между собой, и со временем все доставали из ножен оружие, готовясь встречать врага в такой темноте в любой момент, тем более уже зная, с кем им предстоит сражаться. Ночь была лучшим покровителем и прикрытием их врага. И пришла она так рано точно не просто так.

Потонувшая в темноте и тиши деревня Кирпичники, лишь поскрипывая на почти мертвом шпигле открытыми нараспашку воротами, была уже впереди. Луна медленно поднималась по небу справа, заливая своим, еще тусклым, серебряным светом осторожно проходящий в деревню строй, уже и сам светящийся в разных местах собственным светом, сопровождаемый помимо собственного шага звуками лишь стрекотания цикад и кузнечиков по окружающему лесу, да гуканьем одной бесстрашной совы. Они шли медленно, внимательно осматриваясь, прислушиваясь к каждому шороху окружающего их, будто кладбищенского, покоя. Деревня была совсем небольшой, и вовсе была похожа, скорее, на хутор с отдельным хлевом, кузницей, и парой домиков обслуживания глиняных печей, где и обжигались кирпичи Кирпичников. Справа от дороги с развилкой направо, к Эмонсену, и налево, к столице, стоял скромный постоялый двор, выглядящий вполне ухоженным в меру подобных селений, но явно давно опустевший, как и все остальное в сем селении.

— Нужно осмотреться. Не создавая лишнего шума. — на тихо фыркнувшем коне повернулся боком к строю Чеистум, сам продолжая внимательно осматриваться вокруг.

Воины лишь тихо кивнули своему командиру, каждый уже точно беря в руки оружие, тут и там разбиваясь на небольшие группы по три-четыре человека, с несущими свет октолимами, приступая к изучению местности. Кайла первой соскочила с коня на сухую и холодную грязь, так уведя туда за собой и уставшего от своего положения сидя Тиадрама. В его голове еще гуляли мысли о понижении потенции после таких конных путешествий, но, с ощущением окружающей жутковатой атмосферы ночи, даже эти мысли в его голове уходили на задний план. Все поселение выглядело так, будто покинули его люди в спешке, но уже довольно давно. Следы недавнего присутствия человека угадывались только в глубоких следах тяжелых сапог перед самым постоялым двором спереди. След шел от дороги, выходя с явных отпечатков конских копыт. Несколько воинов уже прошли в сторону постоялого двора, состоящего из единого трехэтажного затхлого здания. Двери внутрь были закрыты, хотя таковые во всех остальных зданиях Кирпичников оставались открытыми нараспашку, как были и настежь распахнуты окна. Тут и там были разбросаны инструменты, были под завязку набиты кирпичами повозки, а в самих печах слева на подносах ровно лежали почерневшие от излишнего обжига еще не похожие на кирпичи куски твердой глины.

Характер следов, уходящих по дороге в сторону Эмонсена, сходился с таковым следов, ведущих в здание постоялого двора. Демоны у дверей даже думали вскрыть дверь отмычкой в виде ноги, но их остановил сопровождавший строй немолодой чубатый авантюрист, прислушавшийся к стене с использованием металлической кружки из своего рюкзака, приложив к ней ухо, через стену уловив внутри какое-то активное движение с нарастающим шумом. С ним нарастал и будто чей-то шепот.

— Назад. — серьезно, почти шепотом скомандовал он своим товарищам перед дверью, тем самым вынудив их мгновенно отскочить от двери, и сам отскакивая назад.

Чеистум заметил это, и резко повернулся в ту сторону, наблюдая, как авантюрист

достаёт из маленьких ножен под кожаной курткой инкрустированный кинжал, а воины отходят от двери чуть назад, принимая боевые стойки.

— Внимание. — так же не громко, но чтобы в окружающей тишине все вокруг его услышали, подняв руку скомандовал он.

Он указал рукой на дверь, и воины вокруг, тут же сорвавшиеся с исследования других мест, сами быстрым и почти бесшумным от лязга собственных доспехов, шагом начали подходить к зданию постоянного двора, собираясь в толпу чуть поодаль перед самой его дверью. Кайла и Тиадрам, всю последнюю минуту разглядывающие будто воздух вокруг себя, также взволнованно достали оружие, пускай и не подходя к самой двери. Им, как и обоим Богам, было очевидно, что Демоны не дадут товарищам место развернуться в той толкучке, которая уже собралась перед дверью здания. Лучше было наблюдать за всем со стороны.

Еще через несколько секунд ожидания, в окне здания мелькнул свет, и, вслед за этим, стоящие перед дверью воины разглядели в самом окне очертания чьего-то перепуганного и грязного лица, смотрящего на них. Шум за дверью был теперь весьма ощутим даже Гоклоном, тем более чующим бьющий изнутри здания человеческий страх. Воины чуть отошли назад, слыша грохот деревянного засова изнутри перед дверью, лязг цепочки, и хруст поворачиваемого в замке ключа. Они уже не были так серьезно настроены на бой, заранее разглядев в свете изнутри через окно очертания явно современных воинов, уже им хорошо знакомые по Манне-Доту. Дверь обыкновенно отворилась на себя, и Чеистум даже с некоторым облегчением выдохнул, наблюдая, как на улицу из здания поочередно медленно выходили нанятые им лично еще два дня назад осадные мастера. Их было ровно десять человек, сколько и должно было быть, хотя и выглядели они не слишком уверенно, даже встречая своего нанимателя и его небольшое войско, все еще с каким-то страхом в глазах вглядываясь в их лица, будто пытаясь что-то разглядеть в самых их глазах. Они думали, нет ли в этих глазах Черного Пламени.

— Т-так это вы, господин Чеистум? — сразу через весь строй собравшихся впереди, уже убирающих оружие, воинов, обратился к медленно подходящему на коне поближе Богу слегка напуганный молодой солдат.

— Осадная группа, я так полагаю? — не меняя серьезного лица, сверкая в темноте белыми глазами, смотрел на перепуганных солдат Чеистум.

— Так точно!

— Я думал, что местные жители помогут вам в подготовке осадных орудий.

— Мы и сами так думали, господин! — прошел чуть вперед другой осадный мастер, скорее всего самый старший, слегка седой и страшный. — Но все жители сбежали отсюда едва мы появились.

— Сбежали в Эмонсен? — понял Чеистум.

— Да, туда! Мы сами-то не видели, но...

— Вы закончили приготовления орудий?

— Д-да, мы возвели требушеты, и уже зарядили их кирпичом, как вы и просили.

— Кирпичом? — не поняла Кайла, уже без оружия стоящая рядом с Чеистумом, глядя на уже с облегчением от вида союзников отдыхающих у стен постоянного двора членов осадной группы.

— Мелкую фракцию можно поджечь, и использовать для обрушения огненного дождя на город. — уточнил Чеистум. — Тем более, кирпич не повредит землю, с чем не обрушится

свод в подземных путях, по которым диверсионная группа вторгнется в город.

— Ну да! — уверял окружающих в правоте командира тот же старый осадный мастер.

— Вы просидели здесь два дня?

— Два? — не понял один из мастеров.

— Я нанимал людей два дня назад. — кивнул Чеистум.

— Но...приказ пришел только вчера. — переглянулись между собой уже все мастера.

— В прочем, оно и к лучшему. Горожане могли заметить орудия, и сломать их. О вашем присутствии они уже точно знают от местных жителей, но вот о орудиях...

— Боюсь, они и об этом знают, господин. — грустно вздохнул один из мастеров, явно самый молодой, с факелом в руке, при этом явно, не без причины, самый усталый.

Чеистум лишь поднял правую бровь. Он смотрел на солдата в ожидании подробностей, но тот не слишком торопился говорить, постоянно с закрытыми глазами качая головой и глядя в землю. Так продолжалось до тех пор, пока один из его товарищей не ткнул его в спину локтем, и юноша едва не подпрыгнул на месте, сначала посмотрев на товарища, затем посмотрев на строй перед собой.

— Они знают, говоришь? — подошла к углу дома слева Кайла, скрещивая руки на груди, упираясь спиной в деревянную балку.

— Рассказывай, друг. — вздохнул Чеистум, уже мысленно находя даже в еще не высказанных юношей словах подтверждение своих самых неприятных теорий.

— Так...С чего бы начать. — замешкал солдат.

— С того момента, как вы прибыли сюда.

— Ну, мы прискакали на конях, вот так, вдесятером. — неуверенно водил руками по воздуху, представляя публике товарищей, он. — Тут уже никого не было, а все двери были раскрыты нараспашку. Время было вечернее, но солнце только заходило. Мы оставили коней в хлеву, привязали, и пошли сюда. Телегу только пригнали к лесу, чтобы там сразу можно было приступить к работе. Немного посидели в здании, поели, и, как стемнело, пошли собирать требушеты.

Очевидно, даже в этой истории имели место быть недосказанности. Ни слова о алкоголе, употребленном перед вылазкой в лес, и ни слова о игре в карты потом в погребке, до чего пускай история юноши не дошла, и то было не слишком важно, но о чем я решил рассказать заранее.

— Собрали часов за пять, и вернулись сюда. Зашли в здание, легли спать. Я остался на страже. Через эту деревушку проезжала пара телег в сторону столицы, и несколько человек проходило. Ничего особенного. И вот...в один момент...

Солдат резко терял речь, вспоминая этот элемент своего ночного дежурства. Теперь за его речью особенно внимательно следил Бог Страх, хотя нотки страха в голосе юноши угадывали уже все собравшиеся.

— Я сидел на страже, и увидел огни на дороге справа. — он говорил уже тише и с явной дрожью в голосе. — Человек десять с факелами. Я хотел забежать наверх и всех разбудить, но...додумался только закрыть им дверь. То есть, они же все равно все спали.

— Ты же понимал, что к вам идет враг? — внимательно слушал Чеистум.

— Да, господин, понимал. Я думал, что они просто пройдут мимо, осмотрятся...Ну, а наверх с закрытой дверью они не полезут, и потому никого не найдут.

— Обычно старые вояки храпят так, что стены трещат. — добавила Кайла.

— Нет, все было тихо. Я закрыл дверь на ключ, а сам побежал в зал и забрался в ящик

стойки. Заперся в нем дверцей, чтобы меня не заметили, а они как раз тогда зашли внутрь. Походили кругами, прошли в мою сторону, и перед стойкой остановились. Я подумал, что ничего страшного не произойдет, тем более что они все время молчали. Тишина стояла около минуты, и я решил одним глазком выглянуть в зал через щелку дверцы.

Он тяжело вздохнул.

— У меня тут же чуть сердце не встало. Они стояли прямо перед стойкой, и смотрели на меня. Не на ящик или стойку, а прямо мне в глаза. — он отвел напуганный от собственной истории взгляд в сторону. — А у самих глаза горели какой-то тьмой, которую даже свет факелов не пробивал. Я все так же не шевелился, и в-в один момент они заговорили. Я подумал, что все...

— Что они сказали? — задумался Чеистум.

— Я... может быть, я не все правильно запомнил. Они одним голосом и почти шепотом говорили что-то вроде... «Дети гармонии... наш город ждет вас». И добавили что-то про какие-то, кажется, клинки, которые должны засиять.

— Клинки или Клинок?

— Не помню...

— Люди с Черным Пламенем в глазах — это Доран. Значит, он передал сообщение через мальчика нам? — уверенно кивнул все еще без причины улыбающийся Гоклон.

— Похоже, он не собирается мешать осаде. Должно быть, надеется, что мы сами войдем в город на встречу с Думой. — говорил Чеистум.

— А что с Клинками? Дума стал искусственным Клинок Власти Черного Пламени пока нас не было? Как Тоги у Россе?

— Нет. У Дорана правда есть свой искусственный Клинок Власти, но это не Дума. Дум называют Клинком Бездны, потому что он главное оружие его воли.

— Что ж. Тогда твои слова подтверждаются.

— Союз людей с Дораном уже окончен, и он знает это не хуже нас. Мы не попадемся на эту уловку, чтобы стать жертвами его «эпидемии». Тем более, мое мертвое тело не может сопротивляться Черному Пламени. Стоит ему меня коснуться, и я в миг потеряю волю.

— Мы воспользуемся старой тактикой. Если, конечно, слуги Дорана не сломали наши орудия. — про себя тихо посмеялся Гоклон.

— Все в целостности и сохранности, господин! — уверенно и поочередно кивнул обоим Богам, поскольку не мог сказать им вместе «господа», старый осадный мастер.

— Тогда не будем терять времени. Квартирмейстеры — выдайте воинам провизию. — повернулся к стоящим чуть поодаль все еще возле повозок с припасами людям Чеистум. — Устроим небольшой привал, и сразу отправимся на штурм. Как и планировали.

Никто не был против, и даже осадные мастера с радостью приняли такое решение своего нового командира, быстро расходясь, кто-то возвращаясь в здание, а кто-то отходя в сторону, чтобы затянуть сигарку. Вслед за мастерами в здание отправились и уже спокойные воины, все равно создавая в дверях немалую толкучку. Прием пищи, как и ожидалось, они решили устроить уже на постоянном дворе, внутри здания, с шумом располагаясь за пока пустыми столами. Пускай все они старались не создавать много шума, в их случае не громки они были только по собственным меркам. Вряд ли их было слышно из самого Эмонсена, но вот на краю выходящего с хутора тракта — вполне вероятно. Со звоном посуды за считанные минуты здание наполнилось приятным запахом еды, которой, самой по себе, там уже почти не было, или она была к еде уже не пригодна. Новую еду с повозки в больших сундуках несли

сами Демоны под тихим присмотром квартирмейстеров, заноса их на небольшую кухню за трактирной стойкой, сами раскладывая ее на той стойке для уже подходящих за своей порцией людей. Порции были немалые, но чрезмерными никому не показались. Сказать больше — они были готовы съесть и вдвое больше. Но даже текущих запасов отряда из десятка сундуков на весь отряд из почти ста человек еды и воды бы точно не хватило.

Перекус шел довольно спокойно и сдержанно, хотя и уплетали воины еду за обе щеки с точно завидной обычному человеку скоростью. Но то был привычный для них ритм, и все они тогда ели так. Первый этаж здания постоянного двора был не слишком велик, по размерам не больше среднестатистической таверны, но с еще меньшим количеством столов и стульев, теперь явно с большим количеством посетителей, чем за все последние недели. Перед самой стойкой за столом сидели уже чуть напряженные и сосредоточенные на будущем штурме Кайла и Тиадрам, а с ними за столом с одной стороны сидели один современный воин, рыжий авантюрист в кожаной куртке, и сам Бог Страха. Чеистум ушел в сторону ворот, что соединяли трактом Кирпичники и сам Эмонсен, дабы там как следует осмотреться, и в одиночку, будучи в ночи самым незаметным из-за своей вуали, проверить состояние осадных механизмов перед штурмом. Люди общались между собой еще достаточно охотно, пускай и не слишком громко. Кто-то из группы осадных мастеров уже успел поведать товарищам Демонам, как и товарищам современным, но без особых знаний в сей стезе, разницу между использующими энергию падающего груза катапультами и использующими энергию натяжения веревки требушетами. Кто-то даже, быстро перекусив, решил использовать время отсутствия командира для пополнения сил отдыхом на втором и третьем этаже. Кто-то уже раскладывал на столах игральные кости и карты. Никто не мешал отдыху солдат, ибо Чеистум был бы заранее не против этого, и все об этом знали. Гоклон просто не любил лишний раз обмениваться информацией с окружающими людьми самым стандартным для того методом. Он был немногословен, но не только потому, что такова была его натура. Столетия назад топор одного имтерда повредил его рот, и ему долгое время было тяжело разговаривать. Со временем он привык вообще говорить как можно меньше, а если и делал это, его голос немного сбивался, и в словах промелькивало нечто похожее на неумелый свист.

— Волнуешься? — заметил Тиадрам легкую дрожь во взгляде Кайлы, что был уже минуту опущен в наполовину полную или пустую кружку.

Девушка оторвалась от мыслей, неуверенно подняв голову, и посмотрев в глаза не менее взволнованного друга. Она смотрела в них лишь пару секунд, но также легко улавливала в его взгляде дрожь. Не нужно быть семью пядями во лбу, чтобы понять, о чем они думали. Кайла преследовала Думу достаточно долго, чтобы понять, что он неспроста вечно путал следы, чтобы девушка его никогда не догнала. Когда она узнала о контракте, что он заключил с Дораном, и когда недавно услышала, что этот контракт завершен, ее поразила жуткая, сковывающая сам разум холодным страхом мысль. Он бежал от нее не по собственной воле, а потому, что того хотел Доран. Теперь Доран был над ним не властен, и Думе больше не нужно было бежать. Он ждал в городе лично ее, потому что сам хотел ее убить, и завершить дело, начатое так давно.

— Страх не порок, мои юные друзья. — неприятно кривя лицо, скорее всего пытаюсь пережевать что-то из глиняной тарелки перед собой своими разодранными губами, про себя посмеивался Гоклон.

Все люди за столом посмотрели на него. Кайла и Тиадрам сразу поняли, что он говорил

с ними, пускай и все еще на них не смотрел. Авантюрист и воин только неуверенно перебросились взглядами.

— Он есть механизм, что помогает нам выжить в самых экстремальных условиях. Нет ничего плохого в страхе смерти. Ее боятся все, ведь для нас нет ничего страшнее, чем потерять самих себя.

— Есть и люди, которые не боятся смерти. — добавил свое слово рыжий и худой авантюрист. Наверняка бывалый, даже по виду хорошо подготовленный к любым путешествиям и передрыгам, да с мечом на боку под черным тканым дублетом.

— Смерть есть потеря жизни. Очевидно? — все-таки с привычной неприятной улыбкой поочередно посмотрел на всех своих слушателей за столом Гоклон. — Как очевидно и то, что человек, который не боится смерти, уже и сам не слишком жив. Либо он глупец, ибо не понимает, что ему предстоит, и не дорожит своей жизнью.

— Философия о смерти? — удивилась Кайла. — Так принято среди Демонов, или ты научился этому у Чеистума?

Своими словами Кайла ставила рамки общения с Богом и для всех своих товарищей рядом. Воин с толстым лицом, что был ближе всего к Гоклону, был поражен простотой общения девушки со столь великим героем, пускай и его товарищ авантюрист правее, что сидел вообще на краю стола, с самого начала был готов говорить так же уверенно, и всем видом это показывал.

— Хе-хе. Простите. Я люблю философию, и немного меняюсь, когда касаюсь ее. — так же весело улыбаясь, пусть и распространяя вокруг себя какое-то едва заметное уныние и грусть, опустил голову Гоклон. — Мы любим наш мир, каким бы он ни был, и рассуждения о нем, так или иначе, составляют всю нашу жизнь.

— Философия бесполезна. — допивая ягодный сок из своей кружки, уверенно и сверкая карими глазами заявил серьезный авантюрист. — Рассуждения о мире, дабы лучше его понимать? Мы узнали о Доране только пару дней назад, и почти никто не представлял, какой вклад в нашу историю он произвел за последние столетия. Нечего здесь обсуждать. Дурак тут не тот, кто не интересуется, а тот, кто думает, что что-то об этом мире знает.

Наступила легкая пауза.

— Хм. Что ж... в твоих словах есть смысл. — согласился Гоклон.

— Да, раз разговор уже сделался. — все-таки решил спросить о чем хотел, из-за чего уже сам минуту судорожно бегал глазами между собеседниками, молодой воин за столом справа от Гоклона. — Вам не кажется странным упорство нашего командира в войне с Дораном? Может быть, между ними есть какая-то связь, о которой мы тоже не знаем?

— Ничего особенного, пожалуй. Это обычная неприязнь и расхождение взглядов. — спокойно качал головой Гоклон.

— Но ведь вы находились в заморозке все последние 400 лет, и можете чего-то не знать.

— Разумеется. Но мне слишком о многом говорят его глаза.

— Глаза? — не поняли одновременно воин и Тиадрам.

— Зеркало души, как говорят. Для Бога Страха это многое значит. — уже грустнее вздохнул Гоклон. — Я смотрел во многие глаза, когда очнулся. Да, меня не взяли в число тех Демонов, что следили за сном прочих в Синокине. Я пробуждался по пришествию проверок лишь раз в пару десятков лет. Но даже по пробуждению я заметил изменения их глаз. Печально, но время никого не пощадило. Что Коллорин, его сестра Лорея, что и даже наш верховный Бог, Унзар... все потеряли прежний свет в глазах. Особенно ужасен был взгляд

Серпиона. Он улыбался, встречая нас, и на мгновение его глаза сверкнули. Но им не от чего было сверкать — они всегда горели неиссякаемым светом. Вспышка буквально осветила бездну в его глазах, и мне самому...хех...стало страшно.

Тиадрам чуть опустил голову. Он и сам замечал постоянные перепады настроения своего наставника, и тем более знал, что, когда тот оставался наедине с собой, во всем Ренбире немало портилась погода. Буря в его душе накрывала бурей все вокруг него, но в тех бурях никогда не шел дождь, будто Бог Природы носил ту бурю где-то глубоко внутри, и не пускал ее наружу. Ученики никогда не понимали, почему Серпион был так несчастен, хотя и часто успокаивали его. Странно, что его коллеги никогда не пытались делать для него того же. А ему это правда было нужно, будто он хотел, чтобы они его за что-то простили, и потушили ту самую бурю его души, что терзала ее столетиями.

— Что ты увидел в глазах Чеистума? — решила уточнить Кайла.

— Свет. — однозначно, и снова улыбаясь, кивнул Гоклон. — Радость, доблесть, гордость. Забавно, что то были глаза мертвеца. Он был живее всех нас вместе взятых, и больше всех на свете радовался нашему возвращению. По нему трудно сказать, ведь он не слишком эмоционален, но...я уверен, что он всей душой желал вернуться к нам. Его верность обещанию, что он дал всей человеческой расе, когда стал Богом, осталась непоколебимой. Наверное, отчасти и поэтому он ненавидит то единство, которое сулит миру Доран.

Воистину, никто на свете так не ценил жизнь как Бог Смерти. Даже Богиня Жизни, или же сам Верховный Властитель людей Нис, не понимали ее ценности так же ясно, как он. Впереди на дороге, что была уже частью Эмонсена, со стороны леса около которой стоял он теперь, он видел местных жителей, глаза которых заливало Черное Пламя, и по старой привычке едва не скрипел зубами, провожая их глазами подальше в город. Он уже осмотрел осадные орудия, и убедился в их сохранности и боеготовности. Аккуратно покидать место не было смысла, если враг все равно знал, где находились трубушеты, и тем более знали, что, как, и когда планировали делать с их помощью люди Чеистума. Ему это уже не мешало. В бою он был готов жертвовать своими телами, даже копиями собственного тела, для уничтожения тех, кого ненавидел. Да, и он не был обделен этим чувством. Обратное ему чувство, любовь, было в нем сильно лишь когда он думал о дорогих ему людях. Обо всех людях мира. Он презирал единство Дорана за то, что оно обделяло своих «жертв» индивидуальностью, которую в людях больше всего и ценил сам Бог Смерти, ради настоящих людских историй, всегда уникальных, даже часто приходящий на кладбища, общаясь там с покойниками. Ему были важны человеческие чувства, и то, к чему они приводили.

— Посмотрите вокруг, друзья мои. — тихо смеялся Гоклон. — Разве вы не чувствуете единства?

Пускай на носу всего небольшого войска был непростой штурм, и они все понимали, с какой страшной силой им всем совсем скоро придется столкнуться, ни на одном лице не было и тени сомнения.

— Посмотрите на их лица.

Ни на одном лице не было и тени страха. Даже те, кто по какой-то причине не улыбался с остальными, мерцали тем же взглядом уверенности и предвкушения битвы в кругу товарищей, о котором и говорил раньше Гоклон. Осадных мастеров уже успокоили их новые товарищи, вселяя в их сердца надежду на успешное проведение операции одним своим

видом, что уж говорить о их пламенных речах в условиях относительной тишины ради скрытности. Нескольких авантюристов и с десятков современных воинов Демоны успокоили еще по дороге на хутор. Некоторые воины сидели снаружи, на лавочках, и без конца общались между собой, лишь изредка перебрасывая взгляд друг от друга на ворота тракта в сторону Эмонсена, ожидая возвращения своего фееричного командира. Конечно, все они боялись смерти, как и боялись будущей битвы. Но желание защиты мира настоящего единства людей, что спустился, или же поднялся, на их земли совсем недавно, было куда сильнее страха. Их руки не дрожали даже от холода.

— Главное не смотреть на твое лицо. — перебила воодушевляющую речь Гоклона Кайла.

Бог застыл в положении «посмотрите» с немного разведенными руками на несколько секунд после тех слов, все время, опуская руки обратно на стол, горбясь как раньше, с той же чуть разочарованной улыбкой следя за Кайлой, которая и сама улыбалась, уже увереннее попивая из кружки что-то вроде браги, изредка по неизвестной причине зажимая или чеша нос. Возможно, речь Бога Страх прогнала часть страха из нее самой? Или же ее успокаивал этот слегка забродивший морс? Это было уже не важно. Гоклон возвращался к пище с уже более приятной улыбкой на лице — он свое дело сделал. По крайней мере попытался.

Отдых солдат продолжался еще какое-то время, и даже компания за столом Гоклона успела обсудить немало новых тем за это время. Современный воин, по лицу совсем еще молодой и на службе слегка перебедающий, мало разговаривал, часто все же не решаясь вставить слово между достаточно уже активными обсуждениями всего на свете своих более уверенных товарищей. Авантюрист не бросал слова на ветер, говоря только по делу, уверенный в себе, если не самоуверенный, пару раз перебивая Гоклона, чему тот, конечно, и не слишком противился. Они с удивлением слушали истории чуть опьяненного брагой рядом, слишком переволновавшегося за последний день, молодого осадного мастера про то, что их кони без следа пропали из стойла прошлой ночью, а со стороны Эмонсена потом целый час доносилось жуткое лошадиное ржание. К тому добавились и другие жутковатые истории, закончившиеся лишь с добавлением одной таковой лично от Бога Страх, после которой у всех собравшихся воинов буквально пропало желание друг друга пугать, и они еще долго старались не оборачиваться.

Тиадрам немного переживал за свою спутницу, в один момент с коликками в переносице заметившую, как из ее носа медленной струйкой потекла кровь. Похожие вещи происходили с ней редко, пускай она всегда была метеозависима. Так или иначе, по собственным наблюдениям Гоклон сделал вывод, что не одной ей местное изменение привычного хода времени с ранней ночью ударило по самочувствию. Только у Демонов организм не реагировал на подобные вещи, а у Кайлы и вовсе свербение в носу вызывало своего рода чувство дежавю. Что-то похожее она чувствовала в Лесу Ренбира, пускай и там это чувство было намного слабее.

Прошло уже около двадцати минут — даже Кайла и Тиадрам считали это излишним сроком. Они немного волновались за Чеистума, особенно принимая во внимание слова о Черном Пламени Гоклона, которые ему и передал раньше сам Бог Смерти. Телами Бога Смерти управляло окто, то есть забравшаяся в каждую его клетку внутренняя сила. Черное Пламя очень сильно поглощало Зеленое Пламя, а потому и внутренняя сила была для него, своего рода, кормом. Одного касания мертвого тела Чеистума Черным Пламенем было достаточно, чтобы разорвать контроль окто над отдельными его частями, и лишить его воли.

Конечно, сам Чеистум, будучи густой внутренней силой с собственной волей, не много бы потерял, лишившись всего одного тела. Проблема была в том, что с потерей даже этого тела Чеистума штурмом будет просто некому командовать — истинная форма Бога Смерти была слишком далеко, пускай большую его часть он и оставил в текущем теле, чтобы оно вызывало большую ностальгию у его постоянного напарника, с которым он уже не раз проходил через лед и пламя имтердов, и с чем Гоклон был куда больше мотивирован сражаться.

С облегченными вздохами уже ходящих кругами перед постоянным двором воинов, он вернулся на хутор еще через десять минут, пускай даже и до Эмонсена от Кирпичников было не больше пяти минут пути, а сам город было отлично видно с дороги благодаря высоким шпилям его собора, возвышающимся над деревьями. Войско уже прекратило как прием пищи, так и отдых, и воины его активно полировали оружие, собирали снаряжение из оставшихся на повозках сундуков, изредка спрашивая у современных воинов, для чего то или иное приспособление служит. Вместо них чаще всего отвечали авантюристы, использующие подобные вещи в путешествиях. Кайла и Тиадрам встретили Чеистума у самых дверей, и были даже немного удивлены выражению его лица. Оно ничем не отличалось от такового со времени, когда он ушел, и по нему сложно было понять, что он узнал за время своего отсутствия. Он все еще был в глубокой задумчивости. По крайней мере, с ним ничего не произошло, и это наших героев уже радовало, как радовало и медленно выходящих «посмотреть на командира» наружу слегка заждавшихся воинов.

— Вы уже здесь? — опустил руку от подбородка Чеистум, как обычно упираясь второй рукой в Завядшую Розу.

— Тебя слишком долго не было. — с небольшим даже облегчением вздохнула Кайла.

— Надеюсь, все успели отдохнуть. Особенно вы двое.

— Вполне.

— Уже подобрали людей себе в отряд? — спокойно прошел мимо внутрь здания Чеистум, пропуская еще выходящих наружу оттуда людей.

— Нет, но... — пошла вслед за ним Кайла.

Внутри было уже куда тише. Кто-то еще пытался научить Демонов игре в карты, а кто-то просто всем телом лежал на столе, поскольку комнаты отдыха наверху были полностью заняты. В прямом смысле. Там некоторые воины пожелали вздремнуть даже на мягких коврах перед кроватями, потому как те были уже заняты кем-то другим. Некоторые воины вовсе ушли из здания поваляться в хлеву словно рогатый скот, и были двое из них даже в рогатых шлемах. Никто не просил их все время оставаться в здании, да и все они понимали, что разместить там сотню человек изначально будет непросто. На появление в здании Чеистума почти никто не обратил внимания, по крайней мере, сразу не слетая со стульев, вырываясь из дремы или игры в «дурака».

— Конечно, это не мое дело, но вы и сами должны понимать, что без товарищей даже добраться до Думы будет совсем непросто. — остановился чуть перед дверьми, осмотрев состояние оставшейся на первом этаже части войска, Чеистум.

Кайла это понимала, но все равно не смогла решить, кого есть стоило взять с собой в город. Того авантюриста? Молодого воина? Все последние годы она пыталась вести себя не слишком дружелюбно с окружающими, быть черствой и жесткой, чтобы никто не мог воспользоваться ее истинной природной доверчивостью, как это было когда-то, и чего она всю жизнь стыдилась. В последнее время эта система слишком часто давала сбои. Она

боялась брать с собой людей на самоубийственную миссию, если сама не была уверена, что сможет обеспечить их безопасность. А тогда она была совершенно в этом не уверена.

В воздухе уже парило дыхание ночи с характерным ему штилем и холодом. Чеистум дал команду сбора громко и четко, после чего стоящие в дверях Кайла и Тиадрам стрелой выскочили на улицу, заранее понимая, что будет происходить там дальше. Вслед за ними вышел сам Чеистум, пройдя чуть вперед по замерзшей грязи, пропуская позади себя наружу и нескольких сразу сорвавшихся со стульев обеденного зала воинов. Карты были без замедления брошены с криком «Говно ваши игры!», и даже с кроватей на этажах выше воины, услышав наконец голос своего командира спустя полчаса вынужденного отдыха, сорвались с завидной даже дикому зверю скоростью, едва сами кровати не развалив столь резким движением тел под тяжелой броней. Где-то перед дверьми их поток сверху и из погреба снизу даже врезался, кто-то упал, но сам Чеистум не торопился торопить воинов, поскольку сам еще не до конца решил, как ему будет лучше начать штурм, и как он будет объяснять его схему этим горячим головам. С шумом вывалившись из здания, так или иначе, воины как один ждали любых указаний, лишь бы не уснуть. Едва они собрались во дворе, наблюдая как Чеистум ходит взад-вперед, рассматривая землю, позади них дверь чуть прикрылась, пропуская выходящего наружу уже последнего воина — Гоклона. Его вид, пожалуй, можно не описывать, ибо он не слишком меняется между действиями. Кайла и Тиадрам были уже на улице справа, подпирая здание своими спинами, и также молча ждали распоряжений командира. Им было проще отправиться на диверсию вдвоем, но решение «отпустить ли их» все еще лежало на плечах Чеистума. От них тут мало что зависело, пускай даже сам Бог Смерти так не думал.

— Как я понимаю, все прошло не слишком гладко? — уже чуть серьезнее, почти не улыбаясь, прошел мимо активно разминающихся воинов справа к товарищу Гоклон.

— Нет, нет. Ничего особенного. — неуверенно качал головой Чеистум, только теперь поворачиваясь лицом к своим людям. — В ходе небольшого исследования территории врага мной было установлено, что горожане, все же, готовятся к осаде, но не так, как мы думали изначально. Они уже собираются у главных ворот, но стараются не выходить из города.

— А что с требушетами? — уточнила Кайла.

— Целы и невредимы, хотя следы вокруг них выдают излишнее внимание врага. Как бы неприятно не было это признавать — Доран хочет, чтобы мы организовали для него представление, и поэтому не мешает нашим приготовлениям. Более того, очевидно и еще кое-что...

— Верно. Нет смысла больше тянуть. Они давно должны были догадаться сами. — грустно вздохнул Гоклон.

— Он хочет, чтобы мы задержались на воротах, пока Кайла и Тиадрам сразятся с Думой. — кивнул Чеистум.

Сами Кайла и Тиадрам немало дрогнули от этой мысли. Все воины посмотрели на них, и были немного удивлены тени сомнения в их глазах. Как бы их не представлял своим людям ранее в Манне-Доте Чеистум, они были такими же людьми, как и все собравшиеся теперь на штурм воины. Все они с самого начала задавались вопросом, как всего два человека, не будучи даже Археями, могут тягаться в бою с таким великим воином, как Дума. Чеистум и сам понимал, насколько было рискованно отправлять туда только их двоих без какой-либо поддержки. Но, если таков был план Дорана, лучше было его не нарушать, и не отправлять в диверсионной группе с этими двумя еще кого-нибудь. Если Доран все знал, он бы наверняка

приказал своим горожанам напасть на отряд, чтобы вырезать тех, кого он в бою с Думой видеть не хочет. Не говоря уже о том, что никто из всего небольшого войска Чеистума, включая его самого, пока не понимал, почему Доран желал столкнуть лбами этих людей лично с Думой, своим самым преданным и дорогим Исполнителем, наверняка продумав для этого все заранее, и найдя тому удобный исход в свою пользу. Конечно — вряд ли связанный со смертью самого Думы.

— Мы справимся. — все-таки кивнула Кайла, уже немного пронизываемая светом белых глаз Чеистума, похожим на лунный свет выше.

Тиадрам не совсем разделял уверенность Кайлы, еще не понимая, правда ли та уверена в своих силах, или же говорила это лишь для того, чтобы люди вокруг перестали на нее смотреть. Он обещал быть с ней до конца, но это не значило, что он планировал скоро умереть. В каком-то смысле, он разделял с Кайлой один и тот же страх — страх смерти Кайлы. Ему не слишком была ценна собственная жизнь, в которой он вообще мало что понимал, и о которой до определенного момента мало что знал. Как и говорил недавно за столом тот злой авантюрист, в мире было слишком много вещей, в которых мы ничего не понимаем, и которые от нас не зря скрыты. Тиадрам даже не помнил, кем был несколько лет назад. И только рядом с Кайлой он вспоминал, что был хорошим человеком, которому есть за что сражаться, пускай он не до конца был готов за это умирать.

— Пойдем вдвоем. — уже увереннее кивнул Тиадрам.

— Коли таково ваше желание — хорошо. Все важные вопросы решены. Мы можем выдвигаться. — махнув краями своей вуали, повернулся направо Чеистум, указывая рукой отряду идти за ним.

Все воины, как по команде, рванули вперед, разбегаясь чуть позади своего командира, собираясь уже на ходу в привычное им теперь подобие строя, что, отчасти, теперь им даже нравилось. Кайла и Тиадрам подбежали к Чеистуму сбоку вместе с Гоклоном, и шли рядом с ним, теперь совсем не отвлекаясь от своих не самых радостных мыслей. Они шли не слишком быстро, тихо, под будто одобряющим и благословляющим их светом луны, уже окончательно уверенные в своей цели и методах ее достижения. Четыре коня тихо посапывали в стойле, уже стоя засыпая, и даже не дернулись, когда вся та гремящая доспехами компания прошла мимо них к правым воротам хутора, покидая его, и уходя уже в сторону самого возвышающегося над деревьями вниз по тракту мрачного Эмонсена. Сами они уже молчали, с куда более серьезными и взволнованными лицами удерживая в руках оружия, все предвкушая его скорое применение на враге. Даже парочка командиров современных воинов, что должны были наводить порядок среди Демонов по законам текущего военного устава, молчали, сами подталкиваемые теми то сзади, то по бокам. Никому уже не было дело до построений. Им в том числе.

Еще в пути войско Чеистума из почти сотни воинов разделилось на две группы, одна из которых должна была отправиться к осадным орудиям в лесу справа, другая слева. Чеистум и Гоклон, дойдя до нужного места, приказали обоим отрядам занять свои места, в то время как сами, оставаясь наедине с Кайлой и Тиадрамом, должны были отправиться на штурм центральных ворот вдвоем, чтобы не навредить союзникам вокруг своим окто. Воины очень нехотя их покидали, даже зная, что, по команде, многие из них через лес должны будут обойти город с разных сторон, и атаковать его уже лично с боковых ворот под командованием назначенных на то заранее младших командиров. Все они хотели увидеть, как будут сражаться их Боги, заранее зная, как всегда красочно проходят такие бои. Но

нежелание попасть им под руку тоже было велико.

— Здесь наши пути разойдутся. — уже будучи до предела серьезным, смотрел в сторону города, что и был уже недалеко впереди, Чеистум.

— Куда нам идти? — все еще не понимала Кайла.

— Гоклон?

— Я проведу их. — кивнул в предвкушении битвы улыбающийся Гоклон, уже снявший капюшон, открывая публике все свое жуткое лицо и короткие редкие черные волосы. — Как только вернусь — атакуем.

— Будьте осторожны. Если планы Дорана отличаются от того, что мы надумали, они могут проследить за вами и напасть. Смотрите в оба.

— И ты, как бы...не дай себя убить. — пожал плечами Тиадрам.

Чеистум тихо ухмыльнулся.

Они уходили, оставляя старого Бога наедине с собой. Умиротворяющая тишина заливала дорогу, как ее безжизненно заливал и свет луны. Повсюду в траве и кустах уже стрекотали кузнечики и цикады, сопровождая темные думы Чеистума, частично напоминая ему тишину смерти. Он был взволнован, но не так, как его воины. Пускай его тело уже было мертво, воссозданная в нем его окто жизнь воспроизводила его чувства достаточно реалистично, чтобы в них он сам без проблем угадал страх. Но его взгляд этого страха не выдавал. Он смотрел на город серьезным прищуром, помимо страха в себе еще лучше осознавая свое положение, просто не позволяющее ему давать воли чувствам. «Разве так было раньше?» — думал он про себя, вспоминая 400-летнее прошлое. «Разве я...когда-нибудь боялся битвы?». Металл Завядшей Розы немного дрожал в его руке. Даже он чувствовал, что в мире вокруг него, именно вокруг Эмонсена, происходит что-то неладное. Пускай и именно он, проведя столетия в Лесу Ренбира, этого «чего-то» единственный должен был не замечать.

С хрустом веток под сапогами, создавая немало лишнего шума, диверсионный отряд, во главе со своим сопровождающим, пробирался через лес в пока неизвестном Кайле и Тиадраму направлении, немного плутая и петляя, однажды даже обойдя стороной правую группу готовящихся к осаде воинов по краю занимаемой ими полянки. В распоряжении всего небольшого войска Чеистума было четыре требушета, и это с самого начала не подразумевало серьезного штурма. С другой стороны, Чеистума и самого не раз называли человеком-армией, с которым эквивалентная численность даже опытных Демонов из сотни воинов росла сразу в несколько сотен, тем более способных к возрождению в состоянии, не отличимом от жизни. Конечно, Кайлу и Тиадрама даже сам Бог Смерти был не способен возродить, поскольку не мог пробиться через их Первородное Пламя своим окто. Они, пожалуй, тоже это понимали, и потому не нашли в этом темы для своего успокоения. С каждой секундой пути их волнение росло, пусть и незаметно, но со временем вырастая в немалый ком сомнения от собственного бессилия и страха смерти. Только Гоклон был относительно спокоен, пусть и был еще взволнован. Он был правда из тех, кто не боялся смерти. Но впереди его ждала битва плечом к плечу с другом, с которым и раньше немало сражался, и по чему уже соскучился. Он дрожал лишь в предвкушении.

Всего через несколько минут пути лунный свет открыл нашим героям тихий и открытый, довольно большой пустырь с пригорком слева. Пригорок опоясывала мелкая волнистая дорога, а за ней, еще чуть выше, почти перед самыми мрачными городскими стенами одиноко чахли поеденные временем, едва различимые в ночи, хаты. Именно туда,

ловко забираясь по возвышенности наверх, и направился Гоклон, ведя за собой и неуверенных Кайлу и Тиадрама. Он сказал, что нашел эти хаты на карте совершенно случайно, и, поскольку сам был родом из старого Эмонсена, вспомнил их еще с тех времен, специально заранее уточнив у местных жителей историю сего места. Чаще всего ему говорили, что дома стояли там «столько, сколько я себя помню», и очень часто перестраивались, пока вокруг города не были возведены стены, а прежние жители сих хат отправились в сам город, по неизвестным причинам оставив свое жилье нетронутым. С тех пор хаты почти разрушились, их древесина сгнила, а потолки тут и там обвалились. Но состояние их самих мало волновало Гоклона. Вопрос был в другом — что стало с ходами, некогда соединявшими под землей весь Эмонсен, и выходящими на поверхность как раз в районе тех хат?

— Так нам нужно лезть в подземелье, которое может в любой момент обрушиться нам на голову? Если оно еще не порушилось само. — недовольно наблюдала за Гоклоном по пути Кайла.

— Если вы не умеете летать или рыть ходы под землей как черви... — ухмыльнулся он.

— Час от часу не легче.

В хаты они тоже входили аккуратно, как следует осматривая состояние потолка и пола под собой (и то, и другое, чаще всего, уже лежало кучами на одних местах). Луна поднялась над городом справа уже довольно высоко, освещая хату внутри через дыры в потолке, и даже без собственного света наши герои отлично могли рассмотреть помещения получше. Все равно, там было слишком темно, чтобы рассматривать что-то кроме искрящейся серебром паутины, и, тем более, как думали Кайла и Тиадрам, раскапывать в гнилых досках пола какой-то подземный путь. Только Гоклон знал, где именно находился тот вход, к которому он пришел, ибо много раз сам, столетия назад, им пользовался. Мало того — он прекрасно видел в темноте, из-за чего совсем не терялся в пространстве, и без труда своими мерцающими белыми глазами обнаружил неприметную под горой мусора довольно хорошо сохранившуюся на фоне остального пола деревянную крышку подвала. Легким усилием двух рук, поддев крышку с краю своим тонким посохом, он рычагом подтолкнул ее со всем мусором наверх, ссыпав его с нее чуть в сторону, уже открывая крышку нараспашку, сам чуть присаживаясь, в темноте разглядывая очертания подвала. Там, как он и думал, обычный погреб переходил в сеть туннелей, так или иначе скрытых за кирпичной стеной, что также немало выделялась на фоне остального кирпича, проседая в полость снаружи. Кайла и Тиадрам зажгли слабый огонек своего Первородного Пламени, и по очереди спустились вниз вместе с Гоклоном, так совсем пропав из поля зрения тех, кто все это время за ними наблюдал из темноты леса неподалеку. Кто следил, как теперь, через всего пару десятков секунд, бодрой походкой выходил из хаты со съехавшей от коррозии крыши Гоклон, уходя в ту же сторону леса мимо них, все же их не замечая, коли не обладали эти люди душой и внутренней аурой. Для октолимов, даже силой уровня Богов, они были незаметны, и весь последний час этим пользовались, наблюдая за небольшим войском Чеистума. За Кайлой и Тиадрамом в первую очередь.

Шепот Черного Пламени в и без того темных кустах становился все отчетливее, и в нем только теперь угадывалась членораздельная речь. Кайла и Тиадрам уже нашли подземный путь под Эмонсеном, и шли по нему в сам город, не подозревая о слежке, аккуратно пролезая через редкие завалы, хорошенько глядя себе под ноги. Так же шел к Чеистуму Гоклон, хоть и понимая, что враг знает о их планах, еще немного рассчитывая на элемент

неожиданности в вопросе времени начала штурма. Все отряды уже возвели осадные орудия, оставив на них лишь осадных мастеров с небольшими отрядами Демонов, всех прочих воинов с командирами направив к боковым воротам города. К битве они были уже готовы. И они, и следящие Черным Пламенем в глазах с городских ворот за всем процессом приготовлений к штурму жители города.

— «Пока все идет согласно плану.» — сверкая Синим Пламенем глаз в самой Бездне, через своих жителей наблюдал за ситуацией в стане врага лично Доран, все же постепенно, от чего-то, будто растворяясь в пространстве. — «Думаю, свою часть уговора я уже выполнил. Не буду больше тратить на это времени. Как и просил Дума, я не буду в это вмешиваться.»

Перед его взором был уже не только Эмонсен, и он не мог достаточно сосредоточиться только на этом городе весь последний час. Его внимание было приковано к другому городу, над которым в другой стороне вставала другая луна, но уже настоящая. Дафар — над тем городом только теперь затихала буря, с чем, казалось, потухли раскаты грома и вспышки битвы, что кипела на арене его цирка. Сознание Дорана быстро покидало Бездну, переходя в новый сосуд, привычную ему телесную оболочку, совсем недавно возвращенную ему другом из рук самого Бога Людей. С тем на лицах всех подконтрольных Черному Пламени живых существ пропадала привычная им под контролем Дорана улыбка, заменяясь чем-то ближе уже к оскалу, намного более злому, но менее коварному и самоуверенному. К чему-то бесконтрольному, будто лишенному всякого разума.

— «Пора отправляться в путь.» — мелькая Черным Пламенем в глазах, но уже куда более густым, улыбался уже чувствующий разливающуюся по ледяным жилам кровь имтерда Ворд, некогда один из Северных Военачальников имтердов, покидая поместье Бога Людей, и быстро отправляясь в сторону Ренбира. — «Я ненадолго тебя покину для важного дела, Дума. Жители уже получили свои распоряжения. Остальное в твоих руках.»

Где-то в городе на секунду мелькнула Синяя Искра, с чем совсем рядом мелькнула и другая Первородная Искра, подражавшая Синей, но так и остававшаяся лишь умелой подделкой. Само пространство и время вокруг этой Искры искажалось, и все, кто в это искажение попадали, теряли ход времени. И по мере того, у людей вокруг все сильнее начинали болеть головы, а из носа все чаще шла кровь.

— Пора, друг мой. — вышел из кустов на дорогу справа от Чеистума Гоклон, еще по пути разминаясь, выводя за собой к дороге жутковатые темные силуэты, похожие на монстров, но совершенно фантомных.

Чеистум не переставал смотреть вперед, сосредоточив взгляд на соборе Эмонсена, даже с полкилометра чувствуя исходящее будто оттуда давление неизвестной силы, так или иначе до боли даже мертвого тела ему знакомой, но уже давно потерянной в потоке столетий.

— Самое время. — завел за собой Завядшую Розу Чеистум, заставляя ее мерцать давящим на чувствительные к свету глаза Гоклона окто, собирая в бутоне тот самый сигнал, который и должен был начать штурм, и который воины увидели бы даже с ворот по другую сторону города.

Весь мир вокруг них замер, как замер и вокруг осадных мастеров с топорами перед самыми натянутыми веревками заряженных требушетов, как вокруг крепко сжимающих оружие перед воротами города слева и справа воинов, так и вокруг совсем потонувших в тишине подземелий Кайлы и Тиадрама. Даже затишья перед бурей в природе никогда не были столь тихими. Но природу во всем мире меняли люди, и так было всегда. Так было и

теперь.

Дорогу перед городом в миг осветил нестерпимо яркий свет, а с ним, грохотом удара окто по всему воздуху впереди, почти на километр вокруг города раздался раздирающий уши, низкий напряженный, объявляющий начало штурма крик.

— Начнем!

Часть 4: Кайла и Тиадрам. Глава 5: Битва при Эмонсене

Взрыв был настолько силен, что огромные и толстые городские ворота буквально вырвало из стен, в нижней их части пробив теперь зияющую на фоне черного металла брешь. Осколки вспышки прошли и дальше, разорвавшись от удара на множество мелких блуждающих, стремительных и смертоносных огоньков. Взрываясь при соприкосновении со всем, что вставало на их пути за воротами, они разрывали в клочья тела державших ворота жителей, вырывали куски из самой земли и стен домов, заливая все у тех ворот жестоким светом. Но пораженные Черным Пламенем жители уже не чувствовали боли, и даже созданное отнимать жизни окто не могло окончательно их уничтожить. Вооруженные подручными средствами, по большей части домашними инструментами, теперь они были отброшены чуть дальше от уже падающих городских врат, и сами, поднимаясь, уверенно рванули к ним. По бокам ворот их мгновенно перехватили мерцающие тьмой монстры, хватая их огромными лапами, разрывая их на месте, или отбрасывая, иногда разбивая их о самую брусчатку. Количество смертей росло в геометрической прогрессии, ибо даже под контролем Черного Пламени разум этих людей больше не мог управлять поврежденным телом. А повреждения их были правда ужасны. Монстры прорывались в город теперь напрямую, иногда перескакивая высокие стены в один прыжок, наводняя город будто самое настоящее нашествие ардов, тем более невосприимчивых к физическим повреждениям.

Жители сбегались к воротам со всего города, обстреливая монстров внизу с домов из луков, забрасывая их топорами и тесаками, но никогда не попадая в цель. Все проходило сквозь них, ибо окто Бога Страха управляло лишь одной материальной их частью — лапами. И те были собраны из земли с тракта. Тела монстров были фантомны, хоть и не были иллюзией, поскольку были видимы даже Черным Пламенем. Невозможными при реальном теле маневрами они перескакивали с одной жертвы на другую, как настоящие охотники, собирая ночью жатву, заливая весь мир вокруг себя уже сухой и поблекшей кровью. Будто того мало, над воротами впереди ослепительно воссияло нечто вроде небесного тело, не слишком большое, но крайне яркое. Белоснежный шар окто с множеством усиков, постепенно складывающихся в своем ядре, затем со свистом и вибрациями самого пространства перед воротами собирая энергию точно для взрыва. С грохотом и будто низким визгом, сфера разорвалась, свет быстро переводя в завесу пыли разрушенных им построек, с чем серые краски быстро краснели, а в воздухе на мгновение промелькнули раскрошенные в пыль плоть и кровь врагов.

Пускай жители продолжали активно передвигаться по городу в сторону уже ближайших к ним ворот, ибо везде на них теперь было шумно, не все они добирались до места назначения, останавливаемые не всегда смертельными, но часто разрушающими городские улочки кусками горящего кирпича. То были не обычные камни, а самые настоящие глыбы и брусья, причиняющие огромные разрушения, наделенные окто оставшихся на требушетах с осадной группой октолимов Демонов, не только поджигая город, но и взрывая, хороня под завалами жителей. Ворота справа и слева были уже также пробиты яростью воинов войска Чеистума, без разбора теперь рубящих всех врагов на своем пути, уже не видя в них очертания людей, даже в их злобных гримасах замечая покорность воле их врага, больше не принимая их за себе подобных. Песнь льда и пламени на правых воротах, соната металла на

воротах слева, и симфония разрушения по центру — такая музыка заливала весь город по самый его центр, где звук будто терялся, но откуда батальные сцены на воротах было видно лучше всего.

Боги уже вошли в город, и убийственным шагом, сея смерть и разрушения, продвигались вперед, отбиваясь от все набегающих полчищ пораженных Бездной людей, уничтожая их одного за другим, часто группами, разливая по всей уже заваленной трупами брусчатке море крови. Гоклон стоял у ворот, упираясь обеими руками в свой посох, лишь со стороны наблюдая за боем своих подручных чудовищ и Чеистума против жителей, сам боясь попасть под удары лозы Завядшей Розы, и вкусить ее неизлечимого даже для него яда. Острый бутон с хрустом разрываемого мяса впивался в тела врагов, а лоза за ним от самой руки Бога Смерти рассекала, разгрызала своими шипами врагов вокруг, вращаясь по всему полю боя, постоянно будто стрекоча металлом от впитываемой ей, питающей ее крови. Сам Чеистум был отнюдь не молод, но в грациозном танце смерти вращался на усеянному трупами полю битву, ловкими и виртуозными движениями, будто дирижируя своим оружием, целыми слоями острой лозы разрывая врагов, сам удерживая лозу голыми руками, повреждая их, но не пуская в тело яд. Только он мог так просто пользоваться сим оружием. Только его кровь в жилах стояла, и не переносила по ним яд, а нервы его рук нейротоксину были не подконтрольны, ибо телом управляло окто, а не мозг.

Все равно, это был лишь спектакль, и мы прекрасно помним, для чего его готовил Чеистум. Топоры втыкались в стены домов и внутри города, между его правыми воротами и главной площадью. Кайла и Тиадрам легко уходили от стычек с врагом, словно ветер быстро проносясь по крышам домов вперед, редких противников на своем пути в столь неудобном для боя месте уничтожая единичными вспышками Пламени. Пускай они и попали в город игнорируя внешние ворота, как и говорил Гоклон, но внутри их слишком быстро обнаружили, напав на них у самого выхода из подземных путей одного из домов, будто заранее их там поджидая. Ни о каких поисках Думы теперь и речи не шло — они должны были во что бы то ни стало продержаться хотя бы до прорыва в город союзников, поскольку покинуть его уже не могли, и преследовались вообще всем остальным городом по его немалым улицам. Даже быстро спускаясь по лестнице с крыши одного из домов, им приходилось заливать Пламенем все пространство под лестницей, очищая его от врагов, все время отстающих от них лишь на десятков шагов, и то не прекращая бега. Силы понемногу уходили из самих героев, пускай они и были отлично подготовлены, все же не могли долго сражаться и убежать в подобном преследовании и окружении.

Уже тяжело дыша, они выскочили с одной из улиц на главную площадь, пробегая ее мимо, направляясь в сторону собора впереди, думая, что в нем им будет куда проще укрыться от врага, и его тем более будет проще оборонять. Между главной площадью и собором было еще одно большое здание, и, как раз между ним и зданием правее, по ширине проходящим параллельно дороге от центральных ворот города правее, из-за углов справа и слева быстрым шагом в их сторону вышел целый строй врага. Оба героя повернулись назад, посмотрели налево, даже осмотрели здание справа. Все было без толку — их окружили со всех сторон.

— Ну-ка посторонись!

Ударом заряженных Красным Пламенем мечей вперед Тиадрам залил площадь особенно ярким в ночи светом, металлическим треском слегка перебивая шум, вызванный передвижением врага вокруг, и самого врага впереди перебивая и сжигая. Повреждения от Первородного Пламени не были похожи на таковые от обычного огня, ибо после

соприкосновения с ним материя не сгорала, а поглощалась, будто пожираясь. Но шедший впереди прочих житель не просто так остановил строй позади, подняв руку вперед, так будто ожидая достижения цели Пламени противника. За вспышкой собственного Красного Пламени Тиадрам не заметил защиты врага слоем Черного Пламени. Все время до этого они бежали вперед, уверенные, что враг не выдержит натиска подобной мощи, и лишь теперь остановились, глядя, как враг, как ни в чем ни бывало, продолжает идти к ним, пускай в строю несколько жителей и упали тогда же на землю. Тиадрам злобно цыкнул, скрипнув зубами, понимая, что даже его Пламени недостаточно, чтобы пробиться вперед. Кайла же не была столь критична. Она поняла, что выход есть, увидев, как подействовала атака друга на врага, сразу смекнув, почему после нее даже не поврежденные враги все равно упали.

— Бей еще!

Тиадрам повернулся к ней с легким недоумением, но ее взгляд горел слишком ярко, она была совершенно уверена в такой тактике.

— Давай!

Тут же он развернулся обратно, чуть рванув вперед, занеся мечи сбоку для одного удара, потом для второго, так ударив вперед Красным Пламенем не меньше пяти раз, что каждый раз враг впереди принимал на Черное Пламя стоя на месте, будто не пуская героев вперед, ожидая, что их зажмут тесками уже быстро приближающиеся сзади прочие жители. Но с каждым ударом Черное Пламя на защиту от Красного уходило, а жителей, из которых оно выходило для защиты, покидала воля. Едва алые вспышки закончили мигать впереди, стало видно, что на их пути почти никого не осталось, и там ряды врага сильно поредели. Кайла и Тиадрам уже бежали в их сторону, но юноша потратил слишком много сил на эти удары, и, как то всегда бывает после трат Первородного Пламени, тем более после всей прежней погони, его силы таяли особенно стремительно, и он уже едва мог догнать свою подругу.

— Не бей! — уверенно сверкнула Зеленым Пламенем в глазах Кайла, заметив состояние товарища еще на ходу. — Я сама.

Она пропала во вспышке окто перед самым его лицом. Враг встрепенулся, но все равно ничего не успел сделать. Тот, кто шел впереди, был обвят в легкие доспехи, и раньше наверняка был городским стражником. Его спина от правого плеча по самый пояс разошлась по швам вместе с нагрудником, тем более слабым сзади. Именно так, вылетев из вспышки собственного окто за спиной врага, его мечом атаковала Кайла, зарядив самое лезвие его Зеленым Пламенем. Позади нее уже, будто оружие палача, заносилась для удара алебарда, и постоянно приближающийся к врагу спереди Тиадрам видел это, на мгновение подумав, что девушка не успеет отразить эту атаку, и крикнул ей на ходу уже задыхающимся голосом «Сзади!». Он не успел договорить последних букв, и древко алебарды уже было перерублено под самый наконечник. С ним напополам был разрублен и удерживающий его другой житель в обычной тканной рубахе.

Гори, взрывайся.

Ее глаза горели Зеленым Пламенем, и она была совершенно сосредоточена. Из ее уст вырывался уверенный и взволнованный шепот.

Пусть эту тьму развеет Пламя.

Один за другим ее враги падали на землю, разрубаемые пополам, будто пробитое горячим ножом масло. Никогда в жизни Тиадрам не видел столько крови, но ее вид совсем не пугал его, и даже вид разорванных тел врага не вызывал в нем отвращения. Что-то в нем уже помнило кровь и смерть, пусть и он давно позабыл эту часть своего прошлого,

согреваемый лишь Красным Пламенем с мыслями о том, что он никогда не был убийцей, и не причинял людям зла. Это и отличало его от Кайлы. Все последние годы она убивала не только ардов, но и людей, которых находила чудовищами. До сих пор убийства людей, даже самых отпетых злодеев, не проходило для нее без волнения и страха, и даже сейчас, навзничь пробивая последнего человека из скопления впереди мечом в грудь, она чувствовала по всему телу невероятную дрожь. Песня спасала ее от волнения, отвлекая ее, расслабляя, и только с ней мир вокруг нее как-то сам растворялся в Пламени, а на все его протяжении она становилась единственной живой душой.

— Ах... — чуть споткнулся по пути Тиадрам, уже почти добежав до девушки, все же обессиленный до легкого жара в лице и свиста в ушах.

Та без колебаний закинула меч в ножны на своей спине, туша в глазах Пламя, уже обычным ловким движением сильных ног подскочив к поднимающемуся товарищу сбоку, от волнения за него даже не подумав, стоит ли ей взять его под руку, или он сможет пойти дальше сам.

— До собора рукой подать. — тяжело выдохнул Тиадрам, быстро покрутив головой, дабы поскорее прийти в себя. — Побежали.

Они сорвались с места вместе, и тогда же о камень брусчатки позади них звякнуло брошенное издали врагом оружие. Жители бежали к ним теперь еще быстрее, уже подходя к ним слева, и даже почти догнав их сзади. Герои без труда пробежали улочку с трупами впереди, на полном ходу, уверяя себя, что «отдыхать будут позже», прорываясь через тут же обступивших их по бокам жителей вперед, к собору.

В то же время, на центральных воротах концентрация врага заметно падала, что противоречило подготовленному заранее плану Чеистума и Гоклона, основанному на наблюдениях их товарищей за численностью жителей в городе еще неделю назад. Последнее крупное скопление никак не перестояющих атаки жителей, даже понимающих свое бессилие против столь могущественного противника, как союз сразу двух Богов, собиралось впереди уже из людей, спускающихся вниз по крышам и балконам домов, будто готовя для атаки свои последние силы. Чеистум почти не использовал окто, а Гоклон, понимая, что численность врага стремительно приближается к нулю, отозвал созванных своим окто монстров в небытие. Бог Смерти не мог брать под контроль тела врагов, ибо те были так же поражены Черным Пламенем, и оно еще с шепотом теплилось в их мертвой плоти.

Едва последнее сборище жителей впереди развалилось, это самое Пламя из тел врагов вокруг начало окончательно покидать их тела, с тем собираясь под самыми ногами Богов, быстро уходя куда-то вперед, забираясь под доспехи уже погибшего в бою начальника стражи города в особенно тяжелых полных латах с закрытым шлемом. Он поднимался на ноги из самой крупной кучи трупов, но весьма уверенно разбрасывая их руками, возвышаясь над ними красной гривой своего шлема, так же поднимая над собой жутковатый, объятый Черным Пламенем двуручный меч. Черное Пламя покрывало и его доспех, больше всего извергаясь из его глаз. На центральных воротах теперь было тихо, и он там был последним живым противником войска Чеистума, уже также заканчивающего бои с незначительными потерями на боковых воротах, также исчерпавшего запас кирпича на осадных орудиях. Но даже при шуме штурма других ворот, перед центральными воротами был отчетливо слышен тихий злобный рык и шепот, исходящие от впитавшего Черное Пламя, готовящегося к атаке Богов воина. Его переполняла безумная злоба зверя, явно лишённого какого-либо разума.

— С их способностью трансформации энергии с боями мы далеко не уйдем. — подумал

Гоклон.

Враг махнул мечом, со злобным шипением рванув вперед, занеся меч над самой головой Чеистума.

— Уйдем.

Глаза Чеистума сверкнули белой вспышкой окто, когда он сам ударил посохом о землю, с чем по всему полю боя вокруг него, разбрасывая в разные стороны тела врагов, также ударяя в лоб объятого Черным Пламенем воина, ударила волна черного тумана. В обычных условиях эта атака высасывала жизненные силы противников вокруг него, но теперь даже не пробилась через Черное Пламя, лишь слегка сбив его слой, оттолкнув врага на пару шагов назад, что того не до конца остановило, и он, останавливаясь резким ударом уехавшей по камням левой ноги о землю, перенаправил инерцию удара, использовав ее себе во благо, мощно рубанув Бога снизу-вверх самым краешком меча. Чеистум чуть отскочил назад, также ударив по врагу впереди окто через посох, осветив его чем-то вроде длинного и острого фантомного копья, собранного из чистой энергии. Противник попытался развеять окто Черным Пламенем с меча, но не смог поглотить его полностью, все же получив мощный удар с самую грудь, что тут же была разорвана вместе с нагрудником, пускай тот и сдержал большую часть окто противника. Внутренние органы не были задеты, и на место поврежденной плоти тут же пришел большой слой Черного Пламени, защищающий остальное тело. Это дало знак Чеистуму «продолжать в том же духе». Пускай Пламя было непросто пробить, и оно очень сильно поглощало атаки Бога любой силы — победить такого врага было, все-таки, возможно. Нужно было только постараться, и потратить на это много внутренней силы.

К сожалению, на остальных воротах битва подходила к концу все больше с неприятными результатами. Пораженные Черным Пламенем своего врага воины быстро теряли разум, и, пусть еще могли сопротивляться абсолютному контролю его воли, в пылу сражения не всегда замечали, как над их движениями брал верх враг. То были едва заметные изменения, но в бою даже полсекунды задержки, смещенный на сантиметр в сторону выстрел из лука, разжатая в момент замаха рука с оружием, причиняли вред их товарищам. Оставшиеся современные воины и авантюристы, по большей части уже распрощавшиеся с жизнью, были в ужасы, и пара таковых даже сами бежали с поля битвы, все равно никем не остановленные. Демоны, понимая, что становятся опасны для собственных друзей, изредка причиняли вред себе, а то и вовсе просили товарищей их добить, от чего те их, разумеется, тут же отговаривали пламенными речами про честь и доблесть. Возможно, они не слышали поговорку ирмийских воинов «Мертвому воину не важны честь и доблесть». А мертвых воинов на правых и левых воротах становилось все больше, пускай чаще умирали враги.

И Чеистум едва не потерял свое текущее тело от одной шальной атаки почти окончательно уничтоженного им, теперь облаченного Черным Пламенем больше, чем плотью, противника. Черное Пламя с него прорвало защитный слой внутренней ауры мертвого тела Бога Смерти, тут же вгрызаясь в его правую руку, быстро лишая ее контроля окто. Материя как вуали, так и плоти, поглощалась намного медленнее, и даже в бою Чеистум успел со всей силы окто ударить по своему противнику, буквально расплыв ударом под собой камни, на окружающих дальше будто выжигая жутковатые угольные письма, тут же забирая Завядшую Розу из правой руки в левую, а саму пораженную волей врага руку резким движением острой лозы того же посоха отрубив по локоть. Гоклон все еще не подключался к битве, пускай и то зрелище заставило его встрепетаться, уже собирая в руках

внутреннюю силу для создания нового монстра, что смог бы поддержать его товарища в бою. Уж кто-кто, а он знал, что Чеистуму далеко до амбидекстрии, и сражаться он может только правой рукой. Он немного успокоился, когда тот, махнув обрубком руки, силой своего окто и будто телекинезом вырвал недостающую часть тела у одного из трупов, присоединив ее к своей, сразу возвращая туда посох. На самом деле, он приказал мозгу трупа самому отсоединить себе руку сложными махинациями с молочной кислотой и мышцами, и так же быстро приказал своему телу восстановить связь волокон поврежденной руки с новой плотью. По воздуху он двигал руку с помощью приказов нервам, которые и контролировал будто кукловод невидимыми нитями, и которыми мог правда управлять телекинезом.

— «Смерть покрыла весь город. План идет насмарку.» — зло осматривая повреждения врага, чувствуя и примыкание к стану мертвых все большего числа своих союзников на других воротах, думал про себя Чеистум. — «Нужно закончить с этой тушей поскорее, и прорваться вперед. Гоклон еще полон сил — он отправит свои фантомы на помощь нашим людям.»

Что не удивительно, злоба его врага по мере боя гасла, ибо в нем с тем гасло и Черное Пламя, все же поглощающее окто с потерей собственных сил. Это Пламя всегда было зло, безумно, и мало кто во всем мире видел его истинную сущность. Чеистум и Гоклон сами заметили, насколько поведение пораженных сим Пламенем жителей отличается от такового его жертв под контролем Дорана. Даже в окружающей тьме, под серебристым светом луны, ясно как день было то, что Клинок Власти временно отказался от контроля своего Пламени, и это немало настораживало Чеистума. Времени об этом думать было не много — враг в любой момент мог одной атакой лишить его тело воли. Ситуация была патовая. Нужно было ликвидировать врага и двигаться дальше так скоро, насколько это было возможно.

Колыхнув уже открывшиеся в бою под капюшоном волосы Чеистума со шрамом почти во всю макушку, что-то стрелой промчалось мимо него, тут же оказавшись между ним и врагом, последнего, все же, не сдвинув с места, только в мгновение ока разорвав в клочья кроваво-красной вспышкой нестерпимого света, неприятного даже для глаз мертвеца, сжигающего вместе с плотью врага и все его Черное Пламя. Даже Гоклон, в шоке ступив вперед, не успел понять, что только что произошло перед самыми его глазами, лишь в очертаниях бегущего теперь между трупами врагов огня, в его треске, узнавая черты чего-то позабытого даже им, тем более уже два года не встречавшегося Чеистуму, о чем и Гоклону тот ничего рассказать не успел.

— Ты жив!?! — едва не уронив челюсть задрожал Гоклон, в белых глазах отражая Красное Пламя, как и поднимающийся в нем в полный рост, разводящий золотые крылья облик героя.

Свет Пламени быстро гас, и герой уже не смотрел на него, поворачиваясь назад, сверкая тем же Пламенем в своих уверенных глазах на мужественном грубом лице с легкой черной щетиной, выходящей как раз из уголков его диковинного шлема в форме головы благородной птицы. Махнув красным плащом своего золотистого доспеха, он поочередно посмотрел на обоих Богов, в изумлении и недоумении смотрящих на него, затем посмотрев и на как раз обратившую на себя внимание Гоклона, пробежав мимо того, девушку с волнистыми угольными волосами. Девушка подбежала к герою сбоку, уже чуть медленнее подбегая к еще догорающему рядом с ним, опасному даже для нее Красному Пламени. В его свете они стояли перед Богами. Теми, кому поклонялись все люди, но кто все равно был ничтожно мал перед столь величественным героем.

— Где Дума? — серьезно спросил он своих товарищей.

Девушка смотрела на них с меньшей уверенностью, тем более, сама чувствуя себя никем по сравнению хотя бы с уже давно знакомым ей Богом Смерти. Но Боги чувствовали себя иначе. Кортъ никогда не командовал ими, и никогда не считал товарищей подчиненными, пускай ими они, фактически, и являлись. Он был героем-одиночкой, и редко возглавлял отряды Демонов после битвы в катакомбах Мэй, что столетия назад были для людей не менее важны, чем Синокин. Но имтерды не только захватили их, но и переманили на свою сторону обитавшего там, еще нейтрального к людям, Верховного Властителя ардов Крэсинга, пообещав ему место рядом с Совенраром под новым именем Хемирнир. И я не зря отступил от повествования теперь для описания этой части истории. Первое время арды помогали людям именно благодаря союзу Кортя и Джефф, сестры Хемирнира, у которой тот часто шел на поводу. Именно она владела силой создавать глобальные иллюзии, нарушающие восприятие всех живых существ в области своего влияния, с помощью Пурпурной Искры, которую создал ее брат, но которой сам так и не овладел.

— Кортъ... — широко раскрыв аметистовые глаза, пусть и глядя в никуда, тяжело дышала Филони. — Ты чувствуешь это?

Герой крепко и злобно сжал зубы.

— Чувствую. — шипел он. — Я отлично знаю это чувство.

— О чем вы? — все еще не понимал происходящего, как и причины присутствия в городе лично Кортя, Чеистум.

— Время вокруг искажено, и только одна сила во всем мире может на него влиять. — резко и с треском лат повернулся в сторону центра города по дороге Кортъ.

— Н-нет. Это невозможно. — сразу понял того Чеистум.

— И я так думал. Но я ее чувствую. — закинул свой драконий меч на плечо Кортъ, презрительным взглядом с огромного расстояния окидывая собор, обращая наибольшее свое внимание на его часовню, и так же смотрящий куда-то вниз взгляд полностью поглощенных тьмой под тенью купола поглощенных Синим Пламенем глаз. — Быстро! Мы должны идти туда!

Полными волнениями глазами оба Бога сопровождали их вперед, и сами тут же срываясь с места, желая разделитьсь впереди, отправляясь на помощь своим людям на боковых воротах. Они не совсем понимали, что происходило в городе на самом деле, и что в их планы не входило, но вполне могли доверить решение этой проблемы Кортю и Филони, пускай даже теперь они, уставшие в пути, и двигались не слишком быстро. Другого выбора у них просто не было.

И не только они думали оставить эту проблему на плечах Кортя и Филони. Пораженные Черным Пламенем жители города, что преследовали Кайлу и Тиадрама до самых дверей мрачного и жуткого центрального собора буквально пару минут назад, тогда же остановились, отступая назад, лишь с покорностью кукол следуя приказу Дорана, данному им еще час назад, «если подобная ситуация возникнет» оставляя их в покое. Совсем скоро все они пропали в своих домах, а жители на боковых воротах вовсе перестали сражаться с еще крепко стоящими на ногах воинами уже совсем небольшого войска Чеистума. Появление в городе Красного Пламени вызвало в них реакцию уже на новый приказ Дорана, данный после изначального на случай «если вдруг». За пару минут до этого и свет горящих Синем Пламенем глаз из колокольни куда-то пропал, лишь с грохотом невидимого в ночи черного доспеха пропадая где-то на последнем этаже собора, спускаясь по лестнице на его верхний

этаж.

— Ну пусть теперь попробуют пробиться. — уверенно, пусть и с некоторой дрожью в голосе даже от страха, отходя от забаррикадированных скамьями изнутри больших дверей, усмехнулся Тиадрам.

— Давай посмотримся побыстрее. — развернулась на месте, быстро проходя по залу, заливая его многократно повторенным эхом своих шагов, Кайла.

Уже вместе они быстро прошли вперед. Зеркальный серый пол отражал больше очертания потолка, висящего над остальным залом где-то недостижимо высоко, будто у самых небес. Внутри было не слишком много мебели, и была она, по большей части, расставлена по бокам зала, под самыми огромными окнами, лишь дальние из которых заливали зал лунным светом. Высоко впереди, на дальней стене собора, почти под потолком висело еще одно небольшое круглое окно, через которое и следила за всем собором луна. По центру свет от нее терялся только на спине огромной статуи молодого мужчины в белых одеяниях и капюшоном на голове, с широко разведенными в стороны руками и огромными белоснежными крыльями. Вместе Кайла и Тиадрам на секунду остановились в тени той статуи, разглядывая ее получше, даже с небольшим постаментом казавшуюся им невероятно огромной, и, пускай не выглядела та ни капли жутко, все же вселяла в их сердца какое-то неприятное волнение. Если тому виной, конечно, все еще была статуя.

— Как думаешь — кто это? — сам с интересом спросил Тиадрам.

— Может быть... Доран? — качала головой она.

Но стоило им только на секунду остановиться, и осознание страшной истины не заставило себя долго ждать. Нет, это касалось не статуи. Дело в том — зал был не настолько велик, чтобы настолько сильно менять эхо шагов их обоих, как они слышали это все последнее время, и чего не услышали за собственным голосом секунду назад.

— Наверху? — сразу подняла голову Кайла, осматривая едва заметный второй этаж собора высоко над первым, что и заканчивался как раз перед статуей, выходя в остальной зал небольшим балкончиком.

Теперь они оба слышали те шаги, что последние секунды путали с эхом собственных. Тяжелый скрип металлических сапог, шорох звеньев кольчуги явно под толстой броней. Над ними, по второму этажу, в сторону зала быстрым шагом шло нечто огромное, тяжело бронированное, и наверняка не хуже вооруженное. Тиадрам чуть отступил назад, готовя мечи к бою, и Кайла ступила назад вместе с ним. Но только на мгновение. В какой-то момент Тиадрам услышал странный звук от нее, похожий не то на вскрик, не то на приглушенный испуг. Шаги сверху остановились у самых перил балкона, выходящего в зал, и в сопровождаемой ими тишине было прекрасно слышно, как резко сбилось дыхание девушки, с чем сердце той едва не остановилось.

— Кайла? — резко схватил за плечо девушку Тиадрам, сам перепугавшись ее внезапно испуганного взгляда, пытаясь поскорее привести ее в чувства, уже чуя неладное.

Сверху громко скрипнул металл будто перерубленных, тут же упавших вниз перил. В след за перилами вниз полетело нечто еще, но уже куда более крупное. С тем Кайла судорожно присела, держась уже за грудь, будто успокаивая резко затрепетавшее в ней мощным ударом от ужаса сердце. Тиадрам никогда не видел ее такой, но даже он понимал, что лишь одна вещь во всем мире могла стать тому причиной. С резкой вспышкой и грохотом впереди нечто огромное приземлилось на пол в десятке шагов перед ними, перед самыми ногами статуи. Вспышкой лазурных искр пыль от разрушенного тут же пола

разлетелась на несколько метров вокруг места приземления объекта, вынуждая Тиадрама прикрыть глаза левой рукой, а правой закрыть глаза Кайлы. Пыли было не слишком много, и врага впереди было отлично видно им обоим. Кайла снова всхлипнула, будто ком в горле от ужаса душил ее, не позволяя даже продохнуть, а бешено трясущиеся ее изумрудные глаза совсем потухли, с каждой секундой влажнея от набегающих на них слез. Тиадрам смотрел на нее с не меньшим ужасом, тем более понимая, в каком состоянии им обоим придется принять последующий бой. Тем более понимая, с кем им придется сражаться.

— Э-это он?.. — с ужасом чуть опустил руку он, вглядываясь в пыль впереди, даже через нее угадывая присевший с упором на воткнутый в пол меч силуэт черных доспехов.

Клинок меча горел Синим Пламенем, а сам его доспех, его шлем, даже длинный плащ за его спиной, все это было черным, и покрывалось таким же Черным Пламенем. Череп чудовища смотрел на героев над самой сжимающей рукоять меча рукой, и только еще через застывшую во времени секунду он поднялся выше, давая понять, что то был лишь элемент шлема, открывая под ним взору героев лицо врага. На Кайлу и Тиадрама устремился взгляд уже куда страшнее. Взгляд поглощенных Синим Пламенем холодных глаз, что сразу потопил их в пучине Бездны своей тьмой. Он медленно поднимался по весь рост, с треском и шепотом своего Пламени доставая меч из пола, сбитыми картинками прошлого возвращая напуганную Кайлу во времена, что той старательно забывались, но теперь сияли перед ее дрожащими глазами с новой силой. Огонь, кровь, мертвые тела ее родителей, и тот самый злобный взгляд, что сопровождал ее захлебывающийся в слезах плач в том прошлом. Тот же страх, пронесенный со скорбью через время глубоко в груди.

Развернувшийся в Эмонсене спектакль подходил к завершению. Осталось лишь последнее действие, и его знаменовал ужас.

Часть 4: Кайла и Тиадрам. Глава 6: Треск соборных стен

Кайла не двигалась, лишь с ужасом наблюдая, как с шепотом и треском Черного Пламени поднимается во весь рост убийца ее семьи, замороженная его замораживающим кровью взглядом, скованная по рукам и ногам страхом. Тиадрам продолжал трясти девушку за плечо, пытаясь привести ее в чувства, и сам уже напуганный видом грозно давящего на него злобным взглядом Думы. Враг резко перехватил меч обеими руками, занеся его справа, со взмахом поглотив часть пола под собой рядом Черным Пламенем. Он не мешкал, и вот-вот собирался броситься в атаку. До казни оставались лишь считанные секунды.

— Кайла! — почти в самое ухо девушки отчаянно крикнул Тиадрам, в оборонительной стойке поднимая перед собой мечи, закрывая собой девушку.

Но взгляд Кайлы был прикован к глазам убийцы. Теперь она только всхлипнула.

Не моргнув и глазом, со звоном металла монстр бросился в атаку, в рывке разломав уже потрескавшийся под собой пол, занеся меч справа для удара. Тиадрам рванул ему навстречу, зарядив тяжелые мечи мощным слоем Красного Пламени, встречая ими заряженный Черным Пламенем длинный меч Думы. Он ударил двумя мечами одновременно, и Дума ударил ему навстречу, озаряя весь зал собора взрывом двух огней, оглушая своих врагов грохотом и треском, одной ударной волной отталкивая героев назад, еще сидящую Кайлу и вовсе отбрасывая на пару метров. В пыли разрушенного ударом пола Тиадрам с криком собрал новые силы в своем оружии, и, оттолкнувшись обеими ногами от пола в рывке, ворвался в пылевую завесу новым ударом сначала левого меча, затем догнав его правым, используя инерцию тяжелого оружия для разгона замахов. Дума отскочил от первого удара, а во второй подскочил над самым мечом юноши, вращаясь уже в воздухе, завершая вращение ударом при приземлении, разворачивая противника при блоке лишь правым мечом, тут же подсакивая к нему в полуприсяде справа, продолжая атаку. Отброшенная в сторону Кайла с усилием оторвалась от пола, на который была отправлена ударной волной первой атаки врага, но так и не нашла в себе решимости вступить в бой, лишь наблюдая за ним со стороны, пронизанная будто иглами страха, уже буквально прибившими ее к полу. Польшая Синим Пламенем, глаза Думы бешено дергались под шлемом, сопровождая острым словно бритва взглядом каждое движение противника, сбивая каждую его атаку, ловко сокращая дистанцию, позволяя ему даже перехватывать мечи юноши под самую рукоять гардой своего меча в форме черепа, буквально отталкивая противника назад, проводя атаки с максимальной для своего длинного меча дистанции для большей эффективности. Его удары были чудовищно сильны, и Тиадрам едва ли мог полностью блокировать их мощь. Он едва ли успевал даже уклоняться от тех атак, и тем более не находил времени для контратаки. Дума был минимум на три головы выше своего противника, и втрое его шире из-за толстого доспеха. Даже ранить нечто столь огромное было тяжело, и Тиадрам никак не думал, что подобная туша может быть настолько проворной и подвижной в бою. С каждой секундой он терял все больше сил на использование Красного Пламени, чтобы защищаться от Черного Пламени Думы, и с тем сдерживать ударную силу подкрепленных тем Пламенем атак. С каждой секундой его шансы на победу не таяли, а становились очевиднее, ведь он с самого начала не имел шансов на победу в столь неравной и яростной битве.

Со звоном металла как собственных мечей, так и Красного Пламени, схватка

продолжалась всего с десятков секунд, и Тиадрам несколько раз громко повторил имя напарницы, все еще не способной прийти в себя даже при лицезрении подобной звенящей пляски Пламени и искр перед самыми своими глазами. Дума стремительно бросался в атаку, смертоносный и искусный воин, страх всей ее жизни, теперь желающий убить даже ее возлюбленного. Он пытался уничтожить все, что она любила. Даже Тиадрам не мог совладать со шквалом атак этого монстра, сопровождаемых его ледяным тяжелым взглядом, тисками давящим на самое сердце. Юноша буквально не мог коснуться даже его черного доспеха. Даже он горел неуязвимым Пламенем.

Одна неудачная атака за другой, и руки юноши заметно ослабли от блокирования атак противника, с чем скорость его реакции на новые атаки падала, а в глазах место рядом с Красным Пламенем все больше разделяли страх и отчаяние. Мощный толчок закованного в броню плеча Думы сбил последнюю атаку Тиадрама, как раз поднявшего в рывке мечи над собой, открывая всю его грудь для новой атаки врага, которую тот тут же обрушил на юношу ногой с разворота, оттолкнув его еще дальше, отчего тот едва не потерял равновесие. Не теряя концентрации, он успел поднять мечи в обороне, и так заблокировал последующий колющий удар меча Думы в самое свое лицо, тут же оттолкнув оружие врага в сторону, с замаха на развороте желая не только ударить того мечами, но и залить его мощным слоем Красного Пламени, дабы прожечь защиту врага под удар самих мечей. Маневр юноши не удался, ибо первым свою атаку закончил куда более проворный и сосредоточенный Дума. Воспользовавшись инерцией своего оттолкнувшегося от оружия Тиадрама меча, он скакнул к тому вперед, в окончании поворота острия меча назад атаковав вперед лишь рукоятью, как следует прицелившись при этом в лицо на секунду открывшегося юноши.

С отвратительным хрустом из вспышки Черного Пламени раздался резкий крик боли, и заливая собственную одежду и лицо кровью Тиадрам отскочил назад. В его глазах заиграли зайчики, а от боли трещали зубы, с чем сердце его забилось в разы быстрее, и выдохнуть он смог лишь ртом, ибо носом дышать больше не мог. Всего одного ловкого удара Думы хватило, чтобы вдребезги разломать переносицу юноши, сломав ему нос, и едва ли не пробить сам череп. Теперь он был в ярости, и проскользнувшая под веки от разбитого носа кровь окончательно залила его глаза.

— Чтоб ты сдох! — в гневе злобно скрипя зубами, хрипло от сломанного носа, вытер с лица текущую из раны кровь Тиадрам.

Дума продолжал наступать, и время даже на пару слов юноши использовал для новой атаки в прыжке, ударив того со всей силы сверху. Силы Тиадрама таяли, но враг ни на секунду не останавливался для передышки. С хрустом и вспышкой Черного Пламени меч Думы ударился о поставленные в защите крестом над головой юноши мечи, заливая воздух вокруг него жутким шепотом будто самой смерти, топя Пламя врага будто в самой Бездне. Разница в силах между ними была слишком велика, и, тем более будучи настолько высоким, сверху мечом Дума давил на мечи Тиадрама обеими руками с невероятной силой, и мечи его врага постепенно и быстро опускались, заноса меч Клинка Бездна, как топор палача, над самой чернявой головой его жертвы. С тяжелейшим дыханием и дрожью, краснея от напряжения, всей силой своих мускулов юноша давил снизу мечами на горящий тьмой меч врага, с тем заливая всю свою куртку, как и весь рот, кровью из перенапряженного носа. Он понимал, что ему не выдержать подобного напора, и бесчеловечный взгляд Думы висел уже в сантиметрах над самой его головой, давя еще сильнее, разжигая в юноше все больший ужас.

— «Н-нет...» — через стиснутые до предела зубы разносился тихий и злобный крик никак не сдающегося юноши. — «Только не так!»

За спиной врага мелькнуло Зеленое Пламя. Реакция Тиадрама выдала всевидящему взору врага появление второго его противника позади себя, и он лишь чуть наклонил голову, зажигая в глазах будто новую злобу и ненависть, даже сильнее таковых в бою с одним Тиадрамом, ей подкрепляя желание убить всех, кто посмел бросить вызов его террору. Но и в глазах Кайлы за его спиной отчетливо полыхала злоба. Вид ее друга был слишком ужасен, и картина его окровавленного лица плотно засела в ее голове, что и смогло вырвать ее из лап страха, бросая само ее тело с дрожью в бой. В Лесу они с Тиадрамом уже бывали в подобной ситуации, и знали, что нужно было сделать. Единственное «но» — их врагом был уже не глупый ард, а совсем другой, куда более подготовленный к бою монстр, и их маневры заранее продумывались им на несколько шагов вперед.

Одним мощным движением своего оружия Дума окончательно пробил защиту мечей Тиадрама, рубанув вниз, вместе с мечами оттолкнув и его попавшую под удар голову, тут же разрубленную мечом на пару сантиметров. Толчок мечем вниз Дума сопровождал и движением вниз всего своего тела, так подстроившись под высоту направившей свой удар ровно в спину чуть выше пояса врага Кайлы, чуть отскочив назад под самую грудь девушки, одной только оторванной от меча рукой перехватывая удар под правую руку противника. Железная хватка Думы на мгновение парализовала обозленную Кайлу, в злости потерявшую важную миллисекунду своей реакции, теперь совсем бессильную против новых действий врага. Резко разгибаясь во весь рост, он рванул ее за руку вверх, поднимая ее в воздух словно перышко, затем с грохотом ударив ее всем телом о пол впереди.

Вскрикнув от боли, ударившаяся от пол спиной плашмя Кайла приземлилась частично на Тиадрама, той прибитого самым сломанным носом снова к земле, в боли от того едва, на мгновение, не потеряв все тело в болевом шоке и анемии. Глаза Кайлы мелькнули Зеленым Пламенем на тут же поднявшийся над ними обоими меч Думы, готовый вот-вот пригвоздить их вместе одним ударом к земле. Тиадрам резко толкнулся руками назад о пол перед собой, выскакивая из-под уже приподнявшейся на месте Кайлы, избегая атаки врага. Но удар все равно был нанесен, и зал вибрирующим на стенах эхом залил душераздирающий крик Кайлы, даже извиваясь в уклонение получившей удар меча в плечо рядом с горлом, куда изначально целился Дума, пропуская в собственное тело холодную сталь оружия и холод Черного Пламени врага.

— Кайла!

Забыв в ярости боль и упадок сил, Тиадрам рванул на помощь подруге, из плеча которой Дума уже достал свой жуткий меч, тут же занесенный над головой девушки снова, уже готовясь пробить ее прямо между яростных изумрудных глаз.

Тиадрам ударил Пламенем вперед, понимая, что не успевает сбить атаку врага собственными мечами, растворяя на секунду неподвижного Думу в яркой алой вспышке, готовясь уже из последних сил атаковать его теперь, защищая Кайлу хоть ценой собственной жизни от страшной судьбы. В рывке он нанес мощный удар по только проявившимся в Черном Пламени на фоне алой вспышки доспехам врага справа, вложив в один удар все свои силы, будто добавив им сил из собственной злобы. И, коли он ударил по Думе через собственное Пламя чистой злобой, он тут же оказался ей ослеплен, и не успел понять, почему враг не отразил его атаку, ведь наверняка прекрасно ее видел даже через Пламя юноши. Красное Пламя было в миг поглощено Черным только в доспехах самого Думы, и

новая атака мечами Тиадрама слишком растворилась в его собственной прошлой атаке, чем и воспользовался Дума. В мгновение ока он резким рывком подскочил под правый бок противника, сверкнув на того Синим Пламенем своих глаз, мгновенно одолевая в сердце юноши злобу, на мгновение пронзая его испугом, от которого тот и попытался тут же уйти новой атакой. Оба его меча были слева, и он был растерян, в то время, как враг его был до предела сосредоточен, и его непоколебимо безжалостный взгляд сопровождал всю новую атаку противника от момента удара одного меча в голову врага, до момента, который хотел использовать себе во благо сам Дума. Тиадрам использовал в бою тяжелые мечи, но с текущим уровнем сил, подкрепленным кровопотерей, не мог быстро бить сразу двумя мечами без использования инерции от их массы. Удар левым мечом мог только сопровождать удар правым. Едва правый меч прошел над головой Думы, и за ним юноша увидел его глаза, его сердце остановилось. Меч монстра уже был занесен снизу, удерживаемый обеими руками, на мгновение останавливая время, позволяя юноше самому осознать свою судьбу во взгляде врага. И через это же мгновение зал залил отвратительный визг боли.

Левый меч Тиадрама упал на пол чуть приглушенным на рукояти звоном металла, а из самой левой руки юноши фонтаном ударила кровь. Всего в одно мгновение подловленная на атаке мечом Думы кисть левой руки его жертвы была отсечена по самое запястье вместе с удерживаемым ей мечом. Заливаясь раздирающим уши криком нестерпимой боли, едва не теряя сознания в агонии, он упал на колени, бросив меч из правой руки рядом, самой рукой хватаясь за левую руку, в напряжении всего тела крепко ее пережимая. Его в миг потухшие угольные глаза бешено бегали в орбитах от боли, и, с тем, под слоем крови из носа хрустели от боли его раньше белоснежные, теперь залитые кровью зубы. Кровь уже не так струилась из руки, как в мгновения после удара, но поток ее все равно был очень силен, и от ее потери юноша лишь чудом не терял сознание, пускай и было оно уже окончательно ей поглощено. Потерянным в пропасти ужаса взглядом он взглянул вперед, над собой, под самой луной окна далеко позади, встречая хладнокровный и расчетливый взгляд Думы, потопая в ледяном море его вечной жажды крови. Все тело бедолаги было парализовано, сковано отчаянием, без проблем читаемым в дрожащем взгляде его совсем пропавших в крови глаз, уже не способных больше излучать Красное Пламя. Меч Думы, как настоящего инквизитора Бездны, мгновенно поднялся над его врагом, и он явно не собирался ждать с исполнением своего приговора. У Тиадрама больше не было сил сражаться, и воля его была уничтожена. В жизни у него было невероятно много желаний, и только одно из них сбылось, когда он встретил еще тихо лежащую на полу рядом Кайлу. Но он так и не узнал, кем был, пока не потерял память. Теперь это было не важно, тем более, что в смерти, как говорят, все мы равны. Его звенящее в ушах дыхание остановилось, как и его сердце, принимая свою судьбу. Его ждала смерть.

Потонувшей во тьме вспышкой Пламени зал залил гул эха всего одного мощного удара, с чем по полу его разлилась кровь, ударами ее капель нарушая покрывшую его теперь глухую тишину. Но кровь не только капала на пол, но и кипела внутри того, кто ее терял. Вовсе не свет в конце туннеля осветил глаза Тиадрама, возвращая им собственный едва заметный свет. Лишь через пару секунд он разобрал в звуке треска металла и ударов капель крови совсем перед собой злобное шипение будто дикого зверя, чувствуя и прикосновение к своей груди чьей-то спины. Он тут же потряс головой, воспаленным от страха мозгом понимая, что еще жив, и удар меча Думы вовсе не причинил ему вреду. Все еще остекленевшими глазами

он смотрел вверх, на застывший в воздухе над ним меч Думы, дрожащий на месте с напряжением от давления вниз, сдерживаемый мечом его врага. Кайла смогла сдержать его атаку секунды назад, пускай и не смогла ее отразить. Черное Пламя проскользнуло вниз при столкновении их мечей, и девушка никак не смогла от него защититься. Кровь стекала от самой ее груди к полам формы, там же капая на пол.

Едва заметный от сил врага свет Зеленого Пламени еще сопротивлялся непроглядной тьме Черного Пламени Думы, рождая в его глазах удивление, пусть и не развеивая в них тьму. Удар врага был принят девушкой в присяде на меч, удерживаемый справа за рукоять, а слева рукой толкаемый в кромку клинка. Ее сил было недостаточно, чтобы отразить всю его мощь, и инерция бросила ее на колени, с чем сами их мечи застыли в воздухе под давлением рук своих хозяев. Лицо девушки выглядело ужасно, будто сама она была уже не человеком, а настоящим монстром, до жара во всем теле кипящим от злобы и ненависти, чуть приоткрыв рот, открывая своему врагу злобный оскал. Кровь покрывало все ее тело от груди до живота, неумолимым потоком бегущая из будто разлома своего тела под формой, вызванного прикосновением к ней плотных сгустков пропущенного при ударе вниз Черного Пламени. Ранение лишь выглядело страшно, но в действительности было не слишком серьезно, пусть и при ранении плеча грозило Кайле возможной смертью от кровопотери. Нечто белое под кровью краешком выпирало из левой части ее груди, где и собрал большую свою мощь удар Думы. Внутренние органы и важные кровеносные сосуды, в отличии от того ребра, были не задеты. Если бы она могла быстро перевязать себя, остановить кровь и обработать рану... Но она не могла. У нее просто не было времени, и уже почти не было сил.

Хватка меча Думы крепла с каждой секундой, пускай само оружие его еще не двигалось, тем более не способное быть отброшенным назад даже всей силой Кайлы. Силы покидали руки Кайлы, и оружие ее врага постепенно приближалось к ее голове, взор злобных глаз которой еще был устремлен только в глаза ее врага, все еще больше всего на свете желая его смерти, но уже не способный даже сопротивляться его силе. Дума не боялся злобы Кайлы. В нем уже не было ничего от человека, и его взгляд точно человеку не принадлежал. Это был одержимый злобой монстр, желающий убивать, ломать судьбы, весь мир скрывая под пеленой своей ненависти к нему, отвергнувшему бывшего героя людей, сделавшего из него врага собственного рода. Он был слишком расчетлив, чтобы мучать своих жертв, и всегда наносил удары мечом лишь с целью убить врага. Даже теперь он жал на оружие со всей своей силой, возвышаясь над Кайлой с и без того немалым преимуществом, постепенно со звоном сдвигая ее меч вниз, готовясь в любой момент нанести ей последний удар. Заливая плечо девушки кровью, поврежденная рука Тиадрама прижала ее к груди юноши, и с тем, ударом будто новой надежды, вспышкой Красного Пламени меч из его правой руки ударил по мечу Думы снизу, останавливая его движение. Его глаза уже не горели никаким Пламенем, и даже злоба Кайлы быстро испарялась вместе с ее силами. Ее все больше поглощали печаль и боль, а с тем на глаза ее медленно наворачивались слезы отчаяния. Она больше не видела надежды на спасение, и только печальнее был в ее размывающихся слезами глазах образ Пламени ее друга.

— Прости, любимый. — тихо шептала она, опустив глаза, теперь не выдерживая взора смерти сверху Синего Пламени глаз своего палача.

Слезы бежали по ее щеке, и руки ее уже начали медленно опускаться.

— Ты не должен был... умереть здесь из-за меня.

— Время умирать еще не пришло. Не этого я тебе обещал...

С хрипом он дышал совершенно сбито и тяжело, с каждой секундой только сильнее нажимая на оружие, сдерживая натиск Думы, левой рукой крепко обнимая Кайлу между раненым плечом и грудью, лишь бы не нажимать на ее раны. Недавно он думал, что может позволить умереть себе. Пускай так, но он не мог позволить умереть Кайле, и вовсе не для того он ее встретил, чтобы так просто все потерять. Красное Пламя на его мече гасло, с чем гасло и сознание. Лишь крохотная часть его сил уцелела, и он с самого начала боя ждал момента, когда сможет использовать их с максимальной выгодой. Так, как его учил Серпион. Он чувствовал жар, что все время приближался к месту схватки откуда-то издали, подкрепляя его последней надеждой. Он был уже совсем рядом. Перед самыми дверьми собора.

— ...Давай, чтоб тебя! — со всей своей злобой мелькнул остатки Красного Пламени в глаза юноша, с криком окончательно теряя сознание.

Во взгляде Думы мелькнуло удивление. Пламя его врага разожглось с новой силой, взрывом развеивая Черное Пламя, с хрустом отбрасывая меч Думы назад, на мгновение поднимая его с руками в воздух, скрывая его целиком за алым светом. Руки Кайлы с мечом упали, и в след за ними на землю упал меч Тиадрама, тут же с закатившимися без сознания глазами скатившегося по спине девушки на пол, издавая свой последний затерявшийся глубоко в черепной коробке сдавленный вздох. Гроном сотрясая еще разносящий эхом на все свое протяжение крик юноши зал, двери собора взорвались новым светом, и Дума едва успел бросить напряженный взгляд в ту сторону, как за еще не выгоревшей вспышкой Красного Пламени Тиадрама под самыми его ногами огромный меч проскочил к его голове, только в последний момент остановленный оружием убийцы. Удар того меча был настолько чудовищен, что одной ударной волны его удара хватило, чтобы вдребезги разорвать пол вокруг, грохотом взрыва, будто ударом молнии, вибрациями треснув и лопнув все окружающие его в десятке метров поодаль на стенах стекла окон. Силой удара отброшенный назад, Дума, отбивая искры, прокатился металлическими сапогами по полу, оставляя за собой черный шлейф, уже останавливаясь в ударе спиной о постамент огромной статуи позади себя, на секунду скрывая глаза за удерживающими меч руками. Он поднял голову, опуская и махая в сторону мечом, встречая еще более сосредоточенные, пламенеющие злобой в Красном Пламени, обращенные к нему под золотистым шлемом феникса глаза нового врага. И он был в бешенстве.

— Ребята! — раздался уже от самых дверей собора быстро приближающийся к Кайле и Тиадраму, взволнованный и испуганный мягкий женский голос.

Но ребята уже не могли ответить на тот зов. Их состояние было ужасно, и со стороны совсем не было ясно, были ли они вообще еще живы. Кайла сидела на коленях, еще капая кровью с живота на пол, лишь бессильно дрожа, глаза опущенной к полу головы поднимая на колыхаемый сквозняком снаружи алый плащ своего спасителя, даже его уже видя совсем размыто от слез. Тиадрам лежал левее, и из-за спины девушки его глаза также смотрели в ту сторону, пускай и совсем не шевелясь. Они ничего не видели, ибо юношу уже окончательно покинуло сознание.

— Филони, займись Кайлой и Тиадрамом. — уже быстро приближающейся к друзьям девушке, не отрывая глаз от врага, серьезным басом скомандовал Кортъ.

С хрустом наплечника закинув свой меч из драконьей кости на плечо, он сосредоточился на восприятии родного ему Красного Пламени, из которого состоял весь материальный мир вокруг него, через эту связь быстро проверяя весь собор вокруг себя во

избежание новых сюрпризов, тем более заранее им ожидаемых. Дума стоял неподвижно, также сверля брата злым взглядом, ясно давая понять, что уже давно не воспринимает его как союзника. То было справедливо и для самого Корта по отношению к Думе. Их предыдущая встреча за две недели перед Шеагральминни едва не закончилась для Корта смертью, и, пусть он сам еще не до конца понимал, как выжил, с тех пор ему было очевидно, что с Думой ему никак не договориться, и о прежних братских узах он уже не думает. Теперь в дело вступали другие узы, за защитой которых Корт и Филони прибыли в город на самом деле. Как и говорилось раньше, только одно живое существо во всем мире могло бы так замедлить путь героев от ворот до собора, из-за чего те едва не позволили умереть своим друзьям. Только от этой силы у Филони по пути шла кровь из носа. И, пока обладатель этой силы не появился рядом, коли Корт его присутствия не чувствовал, они должны были решить все насущные проблемы с Думой раньше, чем произойдет неизбежное.

— У Кайлы есть целебное зелье. — вдруг заявил он, удивляя уже остановившуюся на одном колене перед друзьями Филони. — Помоги ей его выпить.

Но Кайла и сама тянулась к полам своей формы, где и выпирало из внутреннего кармана то Зелье, для безопасности содержимого залитое в металлическую флягу. Никто не говорил девушке, что подобные вещи нельзя заливать в сосуды из подверженных коррозии материалов. Только октолиму могло быть плевать на это правило. Но октолиму явно не в текущем состоянии Кайлы, не способной теперь ни к какому метаболизму.

— Я помогу. — остановила трясущуюся руку девушки Филони, тем более что той даже не хватало сил вытянуть зелье из кармана.

— Ти...адам. — дрожал бессильный шепот Кайлы, обращенный будто в никуда.

Филони без труда достала флягу из кармана подруги, открыв его одним движением руки, все время и сама дрожа, стараясь делать все максимально быстро, но и аккуратно. Кайла выглядела не так плохо, как могло показаться издали, тем более учитывая, что она была еще в сознании, и даже частично могла говорить. Филони дрожала по другой причине. Два года они были почти неразрывны с Тиадрамом, вместе решая многие вопросы в Ренбуре, вместе обучаясь и сражаясь с Серпионом, являясь настоящими друзьями, дорогими друг другу людьми. Она часто помогала ему с перевязками после особенно жестоких тренировок своего наставника, и не раз тогда видела его кровь. Но то, что она видела теперь в его мертвых глазах, не шло ни в какое сравнение с тем, до чего его боями доводил Бог Природы. Впервые от вида этого к горлу черствой и недружелюбной Филони, прошедшей когда-то Шеагральминни, подкатывался ком. Она была в ужасе.

— Парнишка тоже жив. — на мгновение тяжелым и не менее взволнованным голосом отвлек Филони от скованных страхом мыслей Корт. — Залей в него зелья из моей крови, которое я дал тебе перед взлетом.

Корт приготовил это зелье у самой Шеагральминни, заранее предвидя подобный исход, тем более помня, кем на самом деле является Тиадрам. Только его могла спасти от забвения кровь владельца Красного Пламени, очищенная от Проклятья Забвения. Кровь его дяди, брата его отца Мерсера, о чем тот много раз думал, но чего так и не вспомнил. Даже это должно было измениться, когда он выпьет кровь Корта. Это понимал и все еще молча сверлящий врагов взглядом молчаливый Дума, сопровождая холодными огоньками глаз каждое движение помогающей его жертвам Филони, будто желая им препятствовать, но останавливаемый на месте раскаленным взглядом готового защищать свою возлюбленную Корта. Так или иначе, пока все шло согласно плану, и во вмешательстве Думы не было

смысла.

— Переигрываешь, братец. — сильно напрягая лицо от злости, обратился уже к Думе Кортъ. — Мы оба знаем, что их смерть не входит в планы Дорана. Тебе незачем было доводить их до такого состояния.

— Нам обоим нет до них дела. — пронзил разум всех своих врагов металлический и тяжелый, до боли в ушах звенящий, злой баритон Думы. — Твой брат Дума сотни лет назад погиб в Бездне, и больше тебя не слышит. Как и его армия.

— Так, значит?.. Вот уж не думал, что услышу это от тебя. — крепко сжал зубы Кортъ.

— Не знаю, чему ты удивляешься. В прошлый раз ты пропустил мои слова мимо ушей, и я отсек те уши вместе с одурманенной головой. — взял меч в правую руку, и со звоном воткнул его в пол, Дума.

— Я страдал от Проклятья Забвения, которое с самого начала создавала Бездна. Но по-настоящему одурманен ей был ты! — удерживая меч на плече правой руки, указательным пальцем левой руки указал на брата Кортъ. — Мы были одинаково почитаемы, и одинаково бравы в бою. Ты был единственным живым существом во всем мире, кто мог бы сражаться со мной на равных. Даже Мерсер и Нис мне всегда уступали.

— Бахвалишься. — холодно ответил Дума.

— И из зависти ты принял сторону Дорана!? — махнув дрожащей от злости сильной рукой, продолжал свою пламенную речь Кортъ. — Чтобы отомстить Лорду Винторису за то, что он одарил тебя меньше нас!? Ты предал дар Дилион, данный тебе для защиты людей!

— Если бы ты открыл глаза пошире, ответ бы возник перед тобой сам. — медленно поднял левую руку тыльной стороной к врагам Дума.

— Ни один ответ не оправдывает того, что ты сделал.

Дума молчал.

Филони уже успела помочь Кайле, и взяла на руки Тиадрама.левой рукой она обхватила его спину, принимая самую его голову на своем плече, с болью в сердце разглядывая страшную рану на его лице. Перелом перегородки носа был внутренним, и вызывал, также, внутреннее кровотечение, из-за чего кожа вокруг поврежденной области была уже синюшной, пусть и закрывалась кровью на поверхности. Его глаза закатились, и все его тело медленно холодело. Но Филони верила своему возлюбленному, что наверняка видел куда больше ее, говоря, что друг ее был еще жив. Она судорожными движениями, теряясь в карманах своей схожей с боевым платьем формы, вынула оттуда правой рукой маленькую стеклянную склянку с горячей светящейся жидкостью алого цвета, аккуратно заливая ее в болезненно приоткрытый и неподвижный рот Тиадрама. В тот момент на несколько секунд весь зал собора затих, и только тяжелое и злое дыхание Кортя продолжало сотрясать ту тишину, с каждой секундой приобретая нотки все большего отчаяния. Ничего не происходило уже около десяти секунд. Так не должно было быть. Кровь Кортя должна была подействовать на тело Тиадрама мгновенно, и только больше от этой мысли росло печальное понимание ситуации самим Кортем, с чем он постепенно опускал голову. Только Филони продолжала трясти тело друга, не понимая, почему он так застыл, если все-таки был еще жив. Он будто...застыл во времени.

— Не я это начал. — с хрустом латной перчатки щелкнул пальцами Дума, с еще большим холодом и злобой в глазах насупившись.

Филони тут же испуганно подняла голову, оставляя тело Тиадрама на попечение уже немного оклемавшейся Кайлы, сама вставая перед друзьями в ожидании возможной атаки

врага, сделав всего пару шагов вперед, снимая со спины лук.

— И тебе это уже не остановить. — договорил Дума.

В пол рядом с Думой со звоном и треском воткнулся толстый черный палаш с длинной ручкой, объятый фиолетовым тусклым светом. Убийца и не шелохнулся, ибо именно по его команде это произошло, как задумывалось заранее. Вслед за мечом, фиолетовая вспышка, играя искрами сначала по пути откуда-то сверху до пола, а затем, разливаясь свистом и скрежетом вокруг самого оружия, засияла в паре шагов перед Думой, заливая все более ярким светом его очертания на фоне густой тени статуи сзади. Филони пока не понимала, что создавало и поддерживало те фиолетовые искры, но с каждой секундой все больше замечала в источаемой от невидимого тела, перемещавшего по воздуху вместе с искрами, нечто будто всю жизнь ей знакомое. Меч быстро поднялся в воздух, оторванный от пола едва заметной во тьме призрачной материей, окруженной светом Пурпурной Искры, постепенно принимающей образ человеческой руки. В тени статуи, как и в том кислотно-фиолетовом свете, пред глазами Корта и Филони предстало нечто им обоим до боли в сердце знакомое, смотрящее на них через тьму аметистовыми кошачьими глазами, постепенно ветром от теперь тихо закрывшихся главных дверей колыхая длинные черные волосы, едва заметные на фоне тьмы. Искры растворялись во всем ее красивом молодом теле, черной форме с полупрозрачными кружевами на рукавах по предплечья, с прозрачной темной тканью на животе, в остальном прилегающей ко всему телу с небольшой натяжкой. Нежные черты ее девичьего лица уже не выглядели такими детскими, как в памяти ее сестры и возлюбленного, и ее прекрасные, глубокие глаза с вертикальными зрачками, смотрели на дорогих ей тогда людей совершенно иначе, буквально своим взглядом рождая в их сердцах волнение и страх, колыхая их болью. В этих глазах уже не было той живой надежды, которую в ней всеми силами поддерживали они раньше. В них легко читалась холодная печаль и отстраненность.

— С-сестра! — сделала пару шагов вперед Филони, встречный взгляд девушки принимая испуганными глазами, одной рукой сжимая от испуга рот, а другой продолжая держать лук за рукоять между острых шипов на его плечах.

— Стой! — резко махнул левой рукой назад Корт, сосредоточенно на взгляде девушки поднимая голову.

В тот же момент уже чувствуя себя чуть-чуть лучше Кайла взяла Тиадрама на плечо, и с ним, еще не поднимаясь с пола, на корячках медленно потянулась к дальней левой стене собора, заранее чуя неладное, тем более понимая, что это уже не их дело, и им не за что в нем было попадать под руку пока неизвестного врага. Точно не в их состоянии.

«Ни у Термисорры, ни у Джефф, не было такого взгляда.» — думал про себя Корт. — «Черное Пламя могло взять ее под контроль, чтобы стравить нас. Я должен заранее во всем убедиться. Есть вещи, которые знаем только мы, и которых не знает Доран. Попробую так...»

— Что я...сказал тебе перед входом в Храм Актониса, когда мы оставляли Геллара захлебываться кровью? — чуть наклоняя голову, напрягая идеальную память, всматривался в глаза девушки он.

То был день Великого Спуска, когда Корт и Джефф, ценой своих жизней, запечатали Храм Актониса, с тем вынудив сам мир опустить Земли Марконнор в Бездну. Только Корт знал, что там произошло на самом деле, и даже Джефф этого не застала, умерев на руках возлюбленного от рук Вильфеоренамы. Монстр пришел в Храм вместе с Гелларом, но они

зашли в него с разных сторон, и именно Геллара у главного входа встретили Корть и Джефф. Джефф пронзила грудь имтерда рукой, и тот так и остался лежать перед дверями собственного Храма, истекая кровью, лишь проклиная весь мир, в том числе за собственную слабость, винил за которую он самого своего Создателя. Как всю жизнь проклинал того за недостаточные дары Дума.

— «Век произвола окончен. Настало время людей.» — грустно повторила слова из далекого прошлого девушка, прикрывая горящие Пурпурной Искрой глаза.

— Значит, я не ошибся. Ты все вспомнила, Джефф. — кивнул Корть, так и не сводя сосредоточенных глаз с лица девушки.

— Сестра, почему ты здесь? — продолжал дрожать голос Филони.

— Сестра? — ударом по сердцу девушки разнесся холодный голос Джефф. — Но у меня никогда не было сестры. Как и брата. Лишь копии.

— О-о чем ты? — испугалась Филони.

Корть молчал, специально не прерывая речи Джефф. В каком-то смысле, ее слова имели смысл, пусть и был он известен очень немногим. Верховный Властитель ардов Крэнсинг, или же Хемирнир, был одержим желанием познавать мир во всех его аспектах, где и сам появился не по воле Создателя, а по воле Правителя Гармонии, с появлением мира не нашедшего у ардов Археев, решив доверить правление ими своему собственному созданию. Но Хемирнир желал большего. Из желания познания самого себя он создал существо противоположного пола по своим образу и подобию, которое назвал своей сестрой. Как вы понимаете, в целях познания он специально даровал ей волю большую, чем у самого себя, и та довольно скоро сошлась с людьми, с Кортем, и именно люди изменили ее до неузнаваемости. Скрытный Хемирнир лишь наблюдал за ней со стороны, и сразу воспринял оскорблением изменение ее первоначального вида людьми, с чем и начал испытывать к ним неприязнь. Отвергая ее природу, они отвергали и его самого. И, разумеется, только Джефф могла знать эту историю целиком. Ей некому было об этом рассказать, и все время ее пребывания в мире под именем Термисорры это таилось глубоко только в ее памяти. Ей лишь было нужно это вспомнить, как делал это в Шеагральминни Корть. Очевидно — она поняла, как.

— Если ты все вспомнила, то почему не наша нас? Почему ты пришла сюда? — спрашивал Корть. — Ведь то, что сказал мне Хемирнир, было ложью. Ты не искала Думу ради мести, и, тем более, не для того ты давила на восприятие реальности всех здесь присутствующих все время шгурма.

Позади держащей уши востро Филони так же прислушивалась к речи героя медленно приближающаяся к стене на руках с Тиадрамом Кайла. Она много раз пыталась в бою петь свою песню, с чем пыталась пробудить дремлющую внутри нее мощь Зеленого Пламени, но каждый раз, пытаясь вспомнить слова, замечала, насколько при этом расплывается ее сознание. Это продолжалось с самого момента ее появления в соборе, и ни на секунду не прекращалось даже в самых экстремальных моментах битвы. Влияние чего-то загадочного на свой разум она чувствовала до сих пор, но только после последних слов Кортя обратила внимание на источник той силы, что и не сильно скрывал своих способностей от окружающих.

С тем и луна уже покинула высокое окно в дальней части собора, и внутри с каждой секундой становилось все темнее. Дыры в полу, оставленные Красным Пламенем Кортя, постепенно пропадали из его видимости, и он уже не решался ступить в ту сторону по

такому полу. Не было похоже, что Джефф и Дума собираются просто поговорить с ним и Филони. Он не хотел с ними сражаться, но не мог позволить им застать себя врасплох при внезапной потере опоры под ногами. Над самой статуей Дорана по центру зала, куполом выходила наружу огромная цилиндрическая фреска из цветного стекла. Луна уже почти поднялась над тем местом, и совсем скоро смогла бы освещать собор оттуда как раз в сторону Кортя. Нужно было только дождаться этого.

— Ты не ответишь? — продолжал серьезно спрашивать Кортъ.

Девушка не отвечала, лишь обращая свой грустный взгляд на полные сомнения глаза героя. Как бы он этого не хотел, он не мог обернуть время вспять. Действия девушки лишь подтверждали ее принадлежность теперь к планам Дорана. Она больше не была им другом, и, тем более, больше ничего не чувствовала по отношению к Кортю. И все равно, он не мог на нее напасть, пускай и был готов обороняться. В первую очередь теперь он переживал за Филони, что точно не смогла бы вступить в бой с собственной сестрой.

— Я не хочу с тобой сражаться. — с явной болью в сердце крепко сжал зубы и прикрыл глаза он. — Должен быть другой выход.

— И не буду сражаться с тобой. — вдруг ответила Джефф, делая упор явно на последнее слово, чем мгновенно подняла на себя глаза героя.

Меч в ее руке едва заметно дернулся, с чем взгляд ее устремился в другую сторону, своим холодом мгновенно сковав испуганную Филони, уже саму заранее подготовившую к атаке лук. Пускай даже она собиралась атаковать с его помощью того, кого она ненавидела, а не кого любила.

— Филони, назад! — испуганно махнул рукой девушке Кортъ.

— Мы решим это вдвоем.

Голос Джефф растворился в воздухе со вспышкой Пурпурной Искры ее глаз, с чем пропала и сама она, в последний момент успевая немного присесть, направляя оружие в сторону тут же ступившей с места назад Филони. Но одного шага было недостаточно, и черный металл меча Джефф за долю секунды со свистом проскочил к груди сестры, тут же звоном и искрами от соприкосновения его с луком противника заливая зал вокруг них звоном металла. Испуганный Кортъ лишь на секунду успел повернуть голову в ту сторону, наблюдая, как Филони всеми силами сдерживает атаку сестры, дрожащими от страха глазами встречая ледяную злобу ее глаз. Слухом будто летучей мыши он почувствовал треск и вибрации пола перед собой, только в последний момент сбросив меч с правого плеча, занеся его слева, с поворотом головы вперед нанося им размашистый удар навстречу оружия врага.

— Дума! — злобным криком закончил оглушительный удар по мечу брата он.

Убийца добрался до него настолько быстро, что упредил тем любые действия Кортя, направленные на поддержку уже сошедшихся в бою сестер, обездвиживая его давлением своего наступления от той схватки, сосредотачивая все его внимание лишь на себе. Мощным движением своего оружия Кортъ оттолкнул назад меч уже и без того стоящего на краю ямы в полу Думы, с чем тот в одно движение перескочил ямы, оттолкнувшись будто от самого меча брата, останавливаясь в боевой стойке чуть поодаль, на другом краю ям. Его взгляд был еще злее, чем раньше, и он уже точно был готов сражаться всерьез. Время разговоров подошло к концу.

— Это их дело. — будто подманивая врага, со взмахом Черного Пламени указал мечом вперед Дума. — У нас тоже есть незаконченные дела.

С этим Кортъ не мог спорить. Филони не могла атаковать сестру, но могла уклоняться от ее атак, или блокировать их луком. Не было времени переживать о них — Дума был настроен более чем решительно, и даже малейшая потеря внимания могла стоить Кортю жизни. Он уже узнал в Шеагральминни, что не способен возрождаться, и то была лишь дарованная ему людьми легенда. Причина, по которой он пережил прошлую встречу с Думой, была ина. Но теперь у него не было на нее надежды.

Под рокот сходящихся позади него в яростной схватке меча и лука, Кортъ поднял меч перед собой, зажигая на нем Красное Пламя, подсвечивая им во все смыкающейся темноте пламенную злобу своих глаз. У него с братом и вправду оставались нерешенные вопросы. И коли другого выбора у них не было — пришло время решить их раз и навсегда.

— Ну давай! — крепко сжал рукоять меча Кортъ, бросаясь в атаку.

Будто гром в ночной тиши волны ударов страшной силы сотрясали собор, с каждой секундой накладываясь друг на друга, сам собор для остального города превращая в своего рода маяк, разрывая тьму города яростным светом из уже разбитых окон. Не так далеко уже были закончившие бои на городских воротах войны, и уже вели их к центральной площади Чеистум и Гоклон. Все они еще дрожали от волнения после недавних схваток с Черным Пламенем, но Боги специально двигались с ними к площади максимально размеренно, рассчитывая свою скорость, чтобы случайно не разогнать свой строй, мешая тем вмешаться в видимую ими еще от самых ворот соборную битву. Еще недавно, по пути к тому собору Кортъ просил их об этом, ибо понимал, что это лишь приведет к ненужным жертвам, и они с Филони в состоянии сами решить проблему. Но какова же на самом деле была та проблема, с которой так яростно теперь разбирался Кортъ, одним применением своего Красного Пламени сотрясая не только собор, но и весь город вокруг него, давлением своей чудовищной силы сотрясая даже сердца собственных товарищей? Вспышки из окон изредка поглощались новым светом, вид которого только больше настораживал молча наблюдающего за зданием издали Чеистума, отвлекая его от прямой дороги, по которой он и вел свой строй с правых ворот к центру города. Гоклон шел им навстречу с левых ворот, и так же внимательно наблюдал за собором со стороны, тем не менее даже так чувствуя исходящую оттуда энергию страха и отчаяния. Он прекрасно понимал причину просьбы Кортя «не вмешиваться», и только очевиднее ему она становилась с каждой новой вспышкой Пламени изнутри здания, с каждым новым грохотом его взрывов, от которых уже и без того со стен его сыпались мелкие камни и пыль. Внутри происходила настоящая битва Археев, и люди были просто не способны пережить подобное.

«И не только Кортъ и Дума...» — думал про себя Гоклон, сам с некоторым страхом принимая в сердце давление невероятной силы своих Археев. — «Этот чудовищный страх исходит не от них.»

— Хватит, сестра! — в уже постоянном гуле собора промелькнул отчаянный и испуганный голос Филони.

Собор уже ходил ходуном, и стену у самых его огромных дверей пробил выстрел разрывного окто Филони, направленный сначала в голову ее сестры, затем, в последний момент, отведенный немного в сторону. Термисорра сражалась совершенно иначе, чем в Шеагральминни, и ее боевые навыки немало выросли за последние два года, в которые Филони считала сестру погибшей под Кацерой от меча Думы. Бедная девушка до сих пор не могла поверить, что ее сестра жива, и, мало того, желает ее убить. Она не могла сосредоточиться на битве, и едва успевала уклоняться от атак ее меча, не подкрепленных

никаким окто, но оттого не менее смертоносных. То была уже не Термисорра, а вернувшая себе многовековую память Джефф, пускай и оставалась внешне той же сестрой Филони, какой она ее запомнила. Их отличал лишь взгляд, явно не видящий больше перед собой родную сестру. Только врага.

Пока Кортъ и Дума разрывали ударами под собой пол, в один момент едва не снеся статую сзади, бой между сестрами проходил у самых дверей собора, но был не менее ожесточенным, нежели бой братьев, даже учитывая пропасть между уровнем их сил. Джефф перемещалась по полю боя с помощью горящей в ее глазах Пурпурной Искры — силы, что была дарована ей еще столетия назад ее братом, Хемирниром. Но она использовала ее только для быстрого перемещения, будто не могла расходовать ее силы на повышение мощи собственных атак. Даже так, она была грозным противником, пускай и уступала в боевых навыках закаленной в боях с Серпионом Филони. На стороне старшей сестры (старшей была Термисорра) было смятение младшей, что постоянно мешало ей как следует рассчитывать свои силы для атак, и заряженный ее окто лук постоянно пускал ледяные, огненные, даже световые и отравленные стрелы мимо, особенно если владелец его понимал, что может так ранить девушку, на что сама Филони никак не могла решиться. Большинство встречных атак мечом Термисорры она принимала на шипы у самой рукояти лука, волной проходящие по обоим его плечам. Дополнительная дуга над рукоятью защищала руку Филони, и позволяла ей отбивать луком меч, даже из такого положения создавая на нем стрелы, и стреляя в противника вплотную. И то она это делала только в полной уверенности, что сестра избежит атаки, а выстрел ее отпугнет.

— Почему, Филони?

Филони остановилась после отскока назад перед самыми дверьми собора, тут же остановив свой взгляд на стоящей впереди сестре, грустно смотрящей ей в глаза, будто и в самую душу.

— Почему ты продолжаешь промахиваться? — не меняя лица спрашивала сестру Термисорра. — Ты же знаешь, что можешь умереть.

— Почему? Это я должна спрашивать! — сверкая уже влажными аметистовыми глазами, с криком махнула левой рукой без лука Филони. — Почему ты оставила меня тогда!? Почему...почему ты теперь с Думой, и хочешь меня убить...

Они обе молчали тогда, и Филони совсем уже не могла сдерживать слезы. Даже та боль, что ощутил лишившийся руки от меча Думы Тиадрам, не была сравнима с таковой на сердце Филони, вынужденной сражаться с любимой сестрой, самым близким ей на свете человеком. Только большее ей было от мысли, что она сама стала причиной всей развернувшейся теперь между ними трагедии, и что именно из-за нее сестра потеряла разум за Черным Пламенем. Она все еще не понимала, как это произошло, и всей душой рвалась это узнать. Но слезы и ком у горла мешали ей даже спросить сестру о причинах.

— Я пыталась защитить тебя. — тихо проговорила Термисорра, сама опуская голову, но еще не меняя лица, и без того почти не заметная в окружающей тьме без Пурпурной Искры из глаз, почти неслышимая сестрой из-за грохота битвы позади. — За это я уже заплатила жизнью. Твоей сестры здесь больше нет.

Она подняла глаза на сестру, крепче сжимая в руке длинную рукоять меча, теперь по-настоящему пугая девушку внезапно решительным и злым взглядом своих глаз.

С ревом не слабее драконьего, Кортъ отбил последнюю рубящую вертикальную атаку меча Думы, останавливаясь на мгновение в воздухе правой ногой, с ней заводя назад и меч,

вот-вот готовясь мощно ударить ногой о пол, так давая тяжелый упор своей новой атаке уже заведенным назад мечом. Все его тело в миг погасло, а Пламя огромным и чудовищно ярким слоем собралось лишь на острие его меча, уже возведенного над головой на секунду открывшегося для атаки, слегка выбившегося из сил от мощи противника Думы.

— Не мешкай. — продолжала свою решительную речь Термисорра.

Весь зал от центра к самой дальней стене рассеял в своем свете ужасающий, стремительно нарастающий грохотом взрыв Красного Пламени.

— Или умрешь.

Даже уже прошедшие на городскую площадь перед самым собором воины ужаснулись той последней вспышке, с которой Красное Пламя волной вылилось из окон здания, разрывая их, своим могучим потоком снося стены и разрывая потолки, руша их на пол. Чеистум уже столетия не видел этой силы в действии, и даже его потрясло величие того света, извечно в истории людей предвещавшего им победу над самыми ужасными их противниками, разжигая в их сердцах непоколебимую надежду. Статуи, большей части пола, как стен и потолка в дальней части собора, уже не было, и Красное Пламя пожрало их в долю секунды, оставляя на их месте лишь голую каменную поляну. Свет быстро угасал, пусть и еще оседал впереди на каменных валунах бывшего потолка, тут же настоящим камнепадом обрушившего на пропавший во тьме ниже пол. Другой свет, что был не менее родным Демонам снаружи здания, пробивался через тьму уничтоженного пола, вырываясь из тех же бывших окон, понемногу будто приглашая красные огоньки на бешеную и злую, смертельную пляску. Лишь в одном месте впереди пол не разрушился, сдержав чудовищное давление силы одного Архея мощью другого. Со взмахом черной латной перчатки Синяя Искра поглотила остатки Красного Пламени, открывая свой холодный свет уже отступившему назад на пару шагов противнику. Время игр закончилось, и с тем даже по мечу Термисорры заиграли Искры. На каждый вид Искры во всем мире приходилось лишь одно живое существо, но лишь одному среди них оказалось под силу обуздать всю силу своей Искры, раскрыв все ее невероятные свойства. И с помощью этой силы Джефф меняла сам мир вокруг себя.

— Стой, сестренка! — указала вперед рукой Филони, пытаясь остановить сестру.

— Твоя сестра мертва!

Она едва успела отскочить в сторону от того удара, что мгновенно проскочил перед ней с малиновым светом к самым дверям собора, на месте их разрубая словно воду. Ее глаза тут же встретились с глазами сестры, и она едва не потеряла равновесие от их холодной злобы, что в миг поджала ее колени.

— Сражайся, или умри!

По залу с грохотом разлетелись Пурпурные и Синие Искры.

— Да что там происходит? — на главной площади держал мокрую от крови ткань у раны на голове один из воинов Чеистума, наблюдая, как теперь ранее незнакомые ему силы разорвали изнутри двери собора, тем не менее, пока не открывая остаткам войска истинной внутренней битвы.

— Что случится, если спутница Корта умрет?

— Что? — не понял вопроса Гоклона, стоящего рядом, так же смотрящего на собор, сам немало взволнованный Чеистум.

— Я не знаю ее, но чувствую ее связь с той силой, которая давит на нас до сих пор из собора. — думал Бог Страха, прикладывая ладонь к подбородку. — Кто она такая?

Пускай это была долгая история, и Бог Смерти не знал, как рассказать ее товарищу вкратце, не отвлекаясь от наблюдения за собором, все время думая, не стоит ли им правда вмешаться с проходящую там битву, параллельно он думал и о смысле происходящего, пытаясь найти ответы на все возникшие у него к ситуации за последние часы вопросы там. Битва внутри не затихала, а только разгоралась, пускай Кортъ и Дума уже не проводили столь долгие комбинации атак, отражая атаки друг друга своими Первородными силами, постепенно уставая сами в бою уже точно на равных. Свет Пурпурной Искры был уже почти незаметен за вспышками от атак братьев. Все восприятие Богов из их внутренней силы тонуло в Красном Пламени, и за ним они совсем больше не видели, что происходило внутри.

— Как ты знаешь, Кортъ и Джефф погибли в день Великого Спуска, в Храме Актониса. — начал свой рассказ Чеистум. — С тех пор Храм был запечатан их силами в горе, названной Горой Геллара. На протяжении почти четырех столетий Западом командовали Унзар и Мерсер. За это время в нашу жизнь успели вмешаться Геллар, Совенрар, Хемирнир и Бриз. Я уже рассказывал тебе об этом, так что опустим эту часть.

Гоклон, не отрывая сосредоточенных маленьких глаз от собора, кивнул головой.

— Около 24 лет назад Геллар убил жену Мерсера, и тот обратился за помощью к Уиллекроми. Надзиратель согласился помочь людям, вернув в мир заточенную Совенраром в плену Синего Пламени Шираву, вручив Кацерам под нашей опекой меч Тоги и Душу Россе, а также вернув к жизни самого Кортя. Мерсер тогда стал куда живее обычного, и брешь в его сердце, вызванная смертью жены, быстро заполнила героическая улыбка его брата. С возвращением Кортя все Боги оживились, пускай и сам Кортъ казался живым и радостным лишь внешне. С каждым днем в его глазах росла бездна скорби.

— Верно. Он потерял Джефф.

— И дело было не только в ней. Он узнал, что Дума встал на сторону Дорана, и люди теперь считают его врагом. Самым страшным врагом человечества после имтердов.

— Я не совсем понимаю сути вашего договора с Дораном, из-за которого Дума стал изгоем.

— Никто бы его не понял, поэтому мы держали его в тайне от людей. Кортъ пытался поговорить об этом с Думой, но тот вечно ускользал от него. Новое тело Кортя было куда слабее старого, и с каждым годом оно все больше поглощалось Проклятьем Забвения Красного Пламени. Через 22 года они с Мерсером завершили разработку плана, который должен был переродить Кортя с новыми силами, чистым от этого Проклятья. На этот план, скажем так, были свои планы и у Дорана, поэтому тот отправил на встречу с Кортем Думу. Но нашего героя слишком поглотила деменция, и эта встреча едва не закончилось для него трагедией.

— Свет погас. — вдруг заметил Гоклон.

И вправду, здание собора на секунду потонуло во тьме, уже не столь кромешной, заливаемое лунным светом сверху, через разрушенный потолок. Весь город вокруг на минуту затих, пускай и на площади его еще активно общались между собой перевязывающие друг друга, или уже активно пьющие алкоголь воины. Пили они для заглушения боли, конечно. И не только физической, ведь никому из них с самого начала не нравилась идея вражды со своим бывшим главнокомандующим.

— Да... — все еще немного дрожа от волнения, вздохнул Чеистум. — Мой ученик описал те события в своей книге «Шеагральминни». Если будет интересно...

— Конечно. — улыбнулся Гоклон.

— Интересно, сколько времени это продолжается. — слегка устало качал головой в соборе Корть, не отрывая глаз от все еще готового во что бы то ни стало продолжать бой Думы.

— Это могло уже закончиться. — тяжело и зло вздыхая, поднимался во весь рост Дума. — Но ты до сих пор не сражаешься всерьез.

— Ты тоже.

— Я сражаюсь в полную силу. И не только свою.

— Может быть, хватит хвататься за прошлое, которого ты все равно не помнишь? Сейчас мы равны по силам, а наше искомое войско вернулось в мир, чтобы защищать людей, как это делали мы. — так же поднимаясь во весь рост, немного устало от траты Красного Пламени закинул меч на плечо Корть. — Мы все так же им нужны.

Дума молчал. С момента начала их схватки прошло уже немало времени. Не так много для нас, но невероятно много для боя Археев, кто привык уничтожать своих врагов не за минуту, и даже не за секунду. Сил, что высвободили из своих тел в том бою Корть и Дума, хватило бы, чтобы за долю секунды уничтожить целую тысячу людей. Или же пару сотен имтердов.

— Хватит! Пожалуйста! — уже тяжело дышала Филони, все время дрожащими от усталости и боли руками удерживая лук, теперь от той дрожи даже при желании не способная пускать стрелы окто в нужную сторону.

Термисорра стояла перед ней, но и ее силы быстро кончались. Она была сильнее и быстрее своей сестры, и обладала такой силой, которая многим людям и не снилась. Но именно с такими силами училась сражаться Филони, она училась убивать ее владельцев. Только по-прежнему доброе и любящее сестру сердце давало сбои, не позволяя ей даже ранить девушку, пару раз саму ее подставляя под атаки. На луке было уже немало зазубрин, плечо Филони было разодрано Пурпурной Искрой, и помимо крови с того плеча, с лица девушки на разрушенный повсюду пол капали слезы.

— Все же, ты принимаешь смерть?

Термисорра медленно подходила ближе, жуткими от света Пурпурной Искры глазами наблюдая за каждым движением сестры. Филони дрожала, держа сестру на прицеле лука, уже натянув обыкновенную стрелу, едва удерживая ослабшими пальцами натянутую до предела тетиву.

— Ты так и не нашла в себе сил убить монстра.

Филони крепче сжала зубы. Сестра шла к ней до тех самых пор, пока наконечник стрелы с лука Филони не уперся ей в лоб, и глаза ее грустно взирали на девушку будто откуда-то сверху, внушая ей с каждой секундой все больший страх, заставляя ее отпустить тетиву и пробить той стрелой родную голову.

Но не только Термисорра изучающе смотрела на испуганную Филони, ожидая ее дальнейших действий. С немалым трепетом, сильными ударами могучего сердца, сотрясал пространство вокруг себя сам Корть, уже не спускающий пламенных глаз с бедных девушек, с каждым мгновением все больше желая вмешаться в их розню, до сих пор удерживаемый на месте лишь сверлящими его затылок глазами готового продолжить бой Думы.

Напряжение росло в геометрической прогрессии, и с тем лицо испуганной Филони все больше искажалось, ее дыхание все больше сбивалось, а глаза окончательно застлали слезы. Она никак не могла отпустить тетиву, ведь никак не могла отпустить счастливое прошлое, которое они провели с сестрой в Дельсберге. Пока в их город не пришел Корть, они были

единственными друг для друга людьми, кто мог их понять, и только друг другу они рассказывали все секреты, даже включая истории о разделенной ими между собой любви таинственного незнакомца. Ей было ужасно больно, когда она читала записку Термисорры на телах их мертвых родителей, в которой та признавалась в их убийстве, пусть то и было ложью, а убийцей был Граф Дума. После бунта в Шегральминни она плакала от счастья, когда снова воссоединилась с сестрой, и уже последние два года плакала от боли после ее потери в пожаре Кацеры, так же от руки Думы. Но девушка выжила, и Филони была невероятно счастлива, когда ей об этом два дня назад поведал Кортъ. Но он так и не поведал ей остального.

— Давай.

И она сама просила сестру убить ее теперь, после всего вместе прожитого?

— Н-нет... — плакала Филони.

И на глаза Кортя под шлемом феникса набегали слезы. Он часто видел слезы сестер раньше, они не были такими горькими, их вызывали не боль и страх, и тогда они сами, как и он, заботились о том, чтобы плакать всегда вместе, и только от счастья. Эта картина была просто ужасна, и даже он, величайший герой людей, не мог сдержать перед ней страха. Его сердце тут же остановилось, когда зал сотряс тот крик.

— Давай!

— Нет!

Все произошло мгновенно, и даже Кортъ не успел бы это остановить.

Полет стрелы был недолгим, но за него сердца всех собравшихся в соборе людей не успели сделать и удара. Стрела воткнулась в шершавый от воздействия сил извне в ходе битвы камень только самым кончиком наконечника, уже через секунду пошатнувшись, перевернувшись, и с едва заметным в окружающей тишине треском упав. Все это происходило на полу, куда, вслед за стрелой, упал и лук Филони, куда падали и ее слезы. Там ни осталось ничего, кроме ее сбитого дыхания и хныканья. Кортъ едва ли успел понять, что произошло там, у дверей, и почему с тем Дума позади него растворил свой меч в воздухе Черным Пламенем, туша и Синюю Искру своих молчаливо прикрытых веками глаз. Термисорра стояла перед сестрой совершенно тихо, лишь наблюдая, как та вытирает с лица слезы дрожащими руками, так и не решившимися лишить дорого человека жизни, пускай даже тот стал ей врагом.

Молчание прервалось облегченным вздохом и падением на пол меча. Но Кортъ и Дума все еще не шевелились, лишь молча наблюдая за происходящим между сестрами со стороны, даже не дыша, удивленно наблюдая за движениями младшей сестры. С немалым удивлением на то смотрела от самых стен и Кайла. Каждый раз, когда Филони плакала, люди вокруг обходили ее стороной, зная, как страшна была девушка в обиде. Только один человек не боялся подойти к ней, и только это всегда ее успокаивало. И сейчас этот человек был рядом, выпуская облегченное дыхание из самых улыбающихся с дрожью губ, по которым также медленно текли слезы. Она даже не заметила, как теплые дрожащие руки обвили ее плечи, и родная щека прижалась к ее щеке, разгоняя по ней замерзшую от страха кровь, окончательно прогоняя ее боль. Теперь по ее щеке бежали и ее слезы. Настоящий план, которому следовал Дума, был выполнен самим его составителем. По щекам Филони и Термисорры теперь бежали одни слезы.

Звенящую тишину в правом ухе Филони нарушил счастливый шепот.

— Спасибо...сестренка.

Часть 4: Кайла и Тиадрам. Глава 7: Рассвет

Уже полчаса как с Эмонсена сошла тьма иллюзорной ночи, растворившись по всему городу, как исчезла и сама луна на небе. Шум ожесточенных схваток потонул в идиллии тишины и покоя, как и в золотом свете быстро поднимающегося над городом солнца потонула ночь, на самом деле оказавшаяся ранним утром. Беспokoйны были только пролетающие над городом птицы, как и пробегающие по лесу перед городскими воротами животные. Люди появлялись у тех ворот довольно редко, но с завидной даже временам суток постоянной периодичностью. Они забирали с поля боя тела своих товарищей, и относили их на городскую площадь, где последние двадцать минут что-то активно обсуждали между собой их командиры, чаще всего уже не обращая внимания на подчиненных. Тела на площади раскладывались с небольшими промежутками, один за другим, словно кости домино. Сбором тел занимались от силы пара десятков воинов, самых здоровых среди таковых в войске Чеистума. Изначально их можно было назвать войском лишь по той причине, что, пусть они уступали настоящим войскам в количестве воинов, качеством их они многие войска даже превосходили. Но теперь даже у самого Чеистума не поднялся бы язык назвать войском остатки своих воинов. Двадцать человек занимались поиском мертвых товарищей по городу, и еще не больше сорока воинов остановились у центра города, в одном из больших домов, окнами выходящего на главную площадь. Три человека, включая квартирмейстеров и одного авантюриста, уже привезли из Кирпичников обоз с продовольствием на ту же площадь, не слишком удачно скатившись с горы на полном ходу, едва не разбив груз о еще не до конца разобранные перед воротами мертвые кучи.

С поддержкой монстров-помощников Гоклона, важные припасы достигли уже мирно отдыхающих в доме воинов с завидной людям скоростью, что максимально упростило работу здоровым воинам, которых изначально командиры помладше хотели отправить на поддержку раненных. Среди раненных почти не осталось современных воинов, и некоторые из них сбежали с поля боя еще в процессе штурма города за воротами. Раненные Демоны не брезговали «лечиться» и притуплять боль алкоголем, как раз простаивающим в некоторых местах дома, сохраненный стеклом бутылок, чего нельзя было сказать о давно уничтоженной жителями еде. Их жилища были едва ли пригодны для жизни, и это вызывало неприятный трепет в сердцах могучих воинов, тем более немного напуганных видом трупов тех жителей в их комнатах, когда они только туда пришли. Все жители в один момент вернулись в свои дома, зашли в комнаты, упали на пол лицом вниз, и просто умерли, расставаясь с удерживающим их волю Черным Пламенем. Их тела было решено вынести за площадь, и сложить в другое место. Мало кто послушался приказа Чеистума «относиться к мертвым с должным уважением», ибо Демоны изначально были не самыми большими гуманистами по отношению к предателям и врагам из собственного человеческого рода. Современные воины были не так критичны в этом отношении, но и воли носить на руках трупы у них было меньше.

В соответствии с ранней просьбой Унзара Чеистуму избежать больших потерь людей в бою при Эмонсене, Бог Смерти планировал вернуть всех погибших при штурме воинов к жизни своим окто, заранее для того взяв на штурм города свое самое сильное тело, с наибольшими запасами внутренней силы. С ним поделился своей кровью Корть, и потраченные Богом на бой с Черным Пламенем силы быстро к нему вернулись, пускай и

появившиеся с употреблением той крови чувства в теле мертвеца заставили его с десятков минут переводить дух и восстанавливать дыхание, что было для него особенно необычно, учитывая, что его тело было уже давно мертво. Кортъ уверенно заминал конфликты своих воинов и Богов, связанные с деятельностью его брата, пока сам Дума, стоя всего в паре шагов рядом с братом, молча вглядывался в ряды тогда еще медленно уходящих в дома, чаще всего воодушевленных видом обоих Археев впереди, Демонов. В домах те до сих пор обсуждали между собой смысл действий своего бывшего командира, которого до сих пор до предела уважали, и возвращению которого союзником, как прежде, очень радовались.

Но сопровождение Думы Кортем, как и его разговоры с Богами, не слишком выдавали в нем дружелюбный настрой союзника. Кортъ и Чеистум заново привыкали к манере речи «из двух слов» Думы, как и к его внешней грубости, будто встретили его таким впервые. Только Гоклона эта картина совсем не удивляла, ибо именно таким злым молчуном он запомнил Думу еще столетия назад, и даже столетия не были достаточным сроком для появления кардинальных изменений в характере затворника, тем более связанного с Черным Пламенем. Кортъ иногда чувствовал загадочный стыд перед окружающими его людьми за характер брата, даже при уходе из собора успешного в пару слов максимально неприятно попрощаться с оставшимися там до сих пор Кайлой и Тиадрамом, ни за что перед ними не извинившись, а только подлив масла в огонь их ненависти к себе. С другой стороны, при поддержке Кортя и Термисорры, агрессии со стороны уже достаточно восстановившейся Кайлы к Думе удалось избежать, и слов самого Думы было достаточно, чтобы в нем девушка потеряла врага, а ужасная ненависть перешла в смирившуюся неприязнь.

Воистину, как бы не была груба речь Думы, убийцы родителей Кайлы, заложенного в его слова смысла сполна хватило, чтобы отбить у девушки всякое желание мстить врагу за его злодеяния. Тогда, когда все это только закончилось, и пока Филони с Термисоррой топили друг друга в объятиях, Дума и Кортъ покидали собор вместе для успокоения уже готовящейся штурмовать здание армии на главной площади, оставив Кайлу и Тиадрама наедине лишь со своими важными мыслями. Сестры довольно скоро подошли к друзьям, чтобы проверить их состояние, и были едва не шокированы выражениями их лиц. Тиадрам подскочил с места и сел на пол со стеклянными глазами, долго пытаясь отдышаться, сразу как Термисорра развеяла свою иллюзию, нависшую, как оказалось, вообще над всем Эмонсеном, создавая на его протяжении вид глубокой ночи с поддельной луной. Юноша почти ни на что не реагировал, и за все полчаса с момента своего пробуждения не обмолвился с друзьями и словом. Кайла была более активна, и ее мысли были даже, отчасти, веселыми, особенно учитывая истинно важную мысль грубых слов Думы, которые никак ее не отпускали.

«Замолкни.» — все так же дрожал холодным металлов в голове Кайлы безразличный голос Думы. — «Твои родители живы.»

Сначала в ее голове витали самые разные интерпретации тех слов, включая и то, что их поглотило Черное Пламя, сделав их такими же марионетками Дорана, как и встреченные девушкой в городе жители, но оставив им жизнь. Видя смятение и дрожь в изумрудных глазах девушки, Филони и Термисорра пришли ей на помощь, и старшая сестра, в процессе извинений за свои проделки, пояснила Кайле смысл слов Думы. Та и подумать не могла, что безоговорочно служащий Дорану безжалостный Клинок Бездны и сам заключал со своими жертвами различные договоры, включая таковой с жертвами пожара в Кацере, с Термисоррой, и, что больше всего было ей важно, с родителями Кайлы. Как говорила

Термисорра, Думе правда было приказано убить Амира и Ганну, родителей Кайлы, но все пошло совсем не по плану, и отважный отец напал на убийцу первым. Этот бой даже для Думы был не слишком прост, и он все время сдерживался, еще думая, как ему стоит поступить, чтобы выполнить план Дорана в точном соответствии с его целями, то есть целью преобразить Кайлу в сильного октолима благодаря жажде мести. Внезапно, понимая разницу в силах с противником, Драконоборец Амир предложил Думе уговор, который и упростил задачу самому убийце, но уже не требовал для того смерти Амира и Ганны. Да, они договорились о постановочном убийстве. До сих пор Кайла не знала об этом, а душевная травма, вызванная смертью родителей, все последние годы была ее движущей силой на пути ко все большей силе. У нее было великое множество вопросов к факту избежания смерти отцом и матерью, и, пусть эта мысль правда зажигала в ее сердце нескончаемую радость, она до сих пор не понимала, почему тогда родители за те годы так ни разу с ней и не связались.

За полчаса Кайла уже немало разговорила с милой девушкой Термисоррой, без конца извиняющейся перед всеми на свете за свой план «доказать себе самой любовь сестры», также рассказав ей некоторые истории из своей жизни, из недавнего прошлого, и, разумеется, о дне своей встрече с Филони в Ренбире. Они сидели на полу у левой стены, поскольку в остальном соборе и пола, и потолков со стенами, почти совсем не осталось, и их безжалостно пожрали взрывы Красного Пламени. Как раз рядом с ними, прижавшись спиной к стене под самым треснутым окном, сидел мрачный как самая черная туча Тиадрам, в общении девушек сам не участвуя, только изредка на их вопросы отвечая кивками.

— По крайней мере, у тебя еще есть шанс стать пианистом. — весело, хоть и немного неловко, улыбалась Филони, глядя на уже отросшую от употребления крови Корта левую руку друга.

— Да... — грустно вздохнул он. — Можно будет взять лишнюю руку себе на память.

«Память» — это слово крутилось в его голове уже довольно долго, и именно обозначающая это понятие вещь никак не давала ему покоя. Как оказалось, вовсе не 18 лет отделяли его от момента рождения, как ему говорили, и в чем он сам был уверен с учетом своих физических данных. На самом деле, ему было уже почти 33 года, из которых 10 лет он прожил на Западе со своими отцом и матерью, затем на 20 лет исчезнув, когда его мать убил некий безумный воин в пепельных доспехах с двумя катанами, а самого его забрал в неизвестные дали человек в красном фраке с высоким воротником, глаза которого горели Красным Пламенем, как и у убийцы его матери. Он вспомнил только ту часть своего прошлого, которая была связана с первыми десятью годами его жизни, а следующие двадцать лет после этого также оставались в его голове будто черным, или же красным и ярким, пятном. Важно было даже не это, как и не вопрос его замедленного физического развития те двадцать лет. Он наконец узнал, кем были его родители, кем был он сам, и почему всю жизнь его сопровождало Красное Пламя. По правде говоря, он был не слишком этим удивлением, и, в каком-то смысле, был даже рад, что его отцом и оказался человек, с которым они чаще всего общались на сторонние темы в Ренбире, который и правда интересовался его жизнью не для галочки, а по собственному желанию, даже учитывая огромную занятость. Мерсер, фактический правитель человеческой расы после смерти своего брата Ниса, их Верховного Властителя. Смуглый дядя со странными седыми волосами в несколько рядов, но и со всегда добрыми и живыми белыми глазами, каким он его знал. Тиадрам был бы рад назвать его отцом при встрече раньше, если бы теперь в его голову не

закралась идея «он знал, что здесь происходит, но не остановил меня».

— Войди в его положение. — вдруг отвлек Тиадрама от шепота собственных мыслей, оказавшегося внезапно слишком громким, поучительный голос Филони. — На его плечах надежды всего человечества. Он не может заботиться только о своих интересах.

Эта мысль и самому юноше была до предела ясна, но ни в коем случае его не успокаивала.

— Потом, ты встретил нас только благодаря ему.

— Да... — снова вздохнул он. — Не умер, и на том спасибо.

— Прости. — виновато опустила голову Термисорра. — Я просила Думу только немного подыграть мне, но...я даже не думала, что он будет делать это так жестоко.

— И все для того, чтобы убедиться, что сестра не держит на тебя обиду, и по-прежнему любит? — до сих пор удивлялась этому Кайла.

— У сестры тоже часто с головой не все в порядке. — слегка улыбаясь, кивнул Тиадрам.

— Ну, ну. — покрутила пальцем перед собой Филони. — Мне тоже несладко пришлось, но мне жаловаться не на что. И вы, кажется, немало важного узнали за свои труды. Оно того стоило.

Термисорра с счастливой улыбкой смотрела на сестру, сама только частично смирившись, что никто не держит на нее зла за случившееся в городе, и никто, на самом деле, в результате этого недоразумения не пострадал. Жители? Они уже были мертвы. Воины? Их воскресит Чеистум. У остальных, по итогу, пострадала только самооценка.

— Я много чего важного узнала. — хихикнула Кайла, вдруг повернув голову с необычно сверкающими глазами на Тиадрама. — Например...

Бедный юноша, все еще не покидающий собственных мыслей, даже голову как следует поднять не успел, как рука девушки легла на его правое плечо, с чем другая рука прижалась к его щеке, и в тот же миг к губам его в поцелуе прижались нежные девичьи губы. Все произошло так быстро, что он в испуге едва не ударился затылком о стену, с чем Филони одобряюще закивала головой, а густо покрасневшая Термисорра прикрыла глаза рукой. То был, правда, короткий поцелуй, и нужен был лишь для того, чтобы вернуть юношу в чувства, вытягивая его из ненужных мыслей. Чтобы вернуть его в чувства, которые были куда важнее.

— Я узнала, что мне есть, кому доверить свою жизнь и чувства. — медленно отдалилась от юноши (в 33 года) Кайла, все еще светящимися глазами от отражения солнечного света плиткой стен позади завораживая его, сосредотачивая все его внимание на себе.

Уже золотой рекой сочился внутрь собора через разрушенные стены и потолки солнечный свет, играюще сверкая на осколках стекла дальше у разбитых стен, пробиваясь через едва заметную, танцующую в воздухе на свету пыль. Весь город залили свет и тепло, которых, возможно, сам Эмонсен не видел уже многие годы, вечно принимая лишь ночь и холод, дарованные местным жителям их покровителем, Правителем Бездны. От тьмы в городе не осталось и следа. Уже весело бегали лучики солнца по доспехам то и дело проходящих по городской площади воинов, теперь привозящих остатки павших товарищей с городских ворот на повозках, ранее принадлежавших квартирмейстерам. Гоклон и Чеистум спокойно стояли перед тем собранием мертвых тел, ожидая окончания поисков погибших, уже готовя для них будущую победную речь. Даже доспехи стоящего неподалеку Думы под солнцем уже не казались такими темными, как обычно, и его темно-синий плащ уже не выглядел так зловеще, будто мантия, распространяющая вокруг себя крошечную тьму. Дума не смотрел только в сторону брата, но не потому, что не хотел, а, скорее, потому, что свет

золотистых доспехов последнего слишком его слепил, и крылья за его спиной создавали тень лишь на небольшом участке брусчатки ниже, никак не спасающую брата от того света, вообще ему неприятного.

По правде говоря, название «солнце» для светила нашего мира не совсем справедливо. Я не уверен, упоминал ли я об этом раньше, но я переименовал очень многие вещи в нашем мире для лучшего понимания читателя, сравнив их с тем, что вам уже наверняка знакомо, не меняя названия и образа лишь того, чему в прочих мирах просто нет аналогов. Не говоря уже о том, сколько грубых слов я поменял в своем повествовании для его окультуривания. В нашем мире «солнце» и «луна» выглядят иначе, нежели в вашем мире, как и в нашем мире растут немного другие растения, жидкости могут иметь другой состав, люди используют другую одежду или инструменты труда, и, что самое главное, все расы говорят на совершенно иных языках, смысл слов в которых воспринимается буквально, и иначе анализируется самой душой на подсознательном уровне. В каком-то смысле можно сказать, что я рассказываю вам не совсем точную историю Последнего из Первых Миров, в угоду ее правильному восприятию. Многие вещи этого мира можно назвать вашими названиями только ввиду большого сходства. Ничего страшного. Обычно различия в аналогах незначительны, так что ими можно и впредь пренебрегать.

Обсуждение планов людей на будущую Последнюю Войну между Богами и Археями было уже закончено, но сами Кортъ и Дума никак не прекращали дискуссий, все же не слишком активных, и даже немного медленных ввиду короткой речи последнего, под которую первый довольно долго пытался подстроиться, в итоге окончательно на это плюнув, и заговорив напрямую и как умел.

— До конца Эпохи Тишины есть еще несколько дней. Раз у нас есть время поболтать, в этот раз я хочу выслушать тебя. Без Проклятья Забвения и амнезии. От начала и до конца. — наконец серьезно кивнул брату окончательно согретый солнцем после недавнего ночного холода Кортъ.

— Мне больше нечего тебе сказать. — прикрыл глаза вечно холодный Дума. — Я принял сторону Дорана по собственной воле. Мы разделяем одно стремление.

Этот ответ не удивил Кортя, как бы тот не надеялся на нечто более дружелюбное со стороны брата, с которым и без того кое-как смог установить контакт, и до сих пор поддерживал его так же неумело.

— Дилион дала мне право выбора, и я выбрал защиту людей. Но Доран дал мне другой выбор. Посмотреть в глаза тому, кто мне выбора не дал.

— И ты завидовал нам, потому что мы были одарены Первородным Пламенем с самого создания, а у тебя не было даже внутренней силы?

— Возможно. Даже если бы хотел, я бы не смог это вспомнить.

— Но, ведь, поэтому ты ненавидишь нашего Создателя.

— У меня достаточно причин его ненавидеть. У всех нас. — наконец повернул голову к брату Дума. — Но мы нашли себе другого врага.

Примерно о том же рассказывала в соборе своим новым друзьям и сестре Термисорра. Все они уже активно участвовали в беседе, и обменивались шутками как ни в чем не бывало, тем более заранее перевязав Филони раненное плечо, а Кайле наспех соединив разодранную по центру форму, дабы Тиадрам случайно не увидел вываливающегося там того, чего ему пока видеть было рано. Пожалуй, тема историй Термисорры была наиболее интересной из всех, что были рассказаны компанией за последние полчаса, ведь касалась самой Бездны,

Думы, Дорана, и даже событий многовековой давности, о которых она старалась уже почти не вспоминать. Во время пожара Кацеры два года назад Термисорра защитила Филони от атаки Думы, пускай та и потеряла сознание, и девушке пришлось самой согласиться покинуть раненную Филони около пепелища, отдавая Дорану свою жизнь в обмен на жизнь сестры. Дума не долго думал, принимая то предложение, ибо с самого начала не желал лишних жертв, но на просьбу Термисорры получил согласие лично от шепота Дорана в своем Черном Пламени. Девушка рассказывала друзьям, как страшно ей было спускаться в Бездну вместе с Думой, и какого ужаса она ожидала от нее. Пускай на самом деле Бездна вовсе не была так страшна, и не так страшен был ее Правитель, как его малевали.

Бездна не была такой темной, как говорили многие, и она не поглощала тело девушки, когда она ступала по ней вперед, ходя по ней словно по воздуху. Больше всего ее удивил сам Доран. Он выглядел как большой человекоподобный сгусток своего Пламени, с Синим Пламенем в глазах, и с неприятной и хитрой ухмылкой, выпускающей в уши девушке слова вибрациями всей Бездны вокруг себя. Ее удивил именно характер этого могущественного и, как считалось, коварного и злого существа. Он часто смеялся, спрашивая, чего та хочет, но не перебивая ее, не навязывая ей свои идеи, лишь рассказывая истории о мире, что знал только он, самой ей предлагая свободу и безвозмездную помощь. Она коснулась руки Дорана, и тут же потонула в старых воспоминаниях среди черных вспышек, что принадлежали ей когда-то давно, будто в другой жизни, пропав из мира на долгие 22 месяца. По возвращению из Бездны она уже помнила, кем была столетия назад, и по собственной воле остановилась в Эмонсене, ожидая предначертанной ей Бездной встречи там с Кортем и Филони. Она понимала, что придумала ужасный план, жестокий и безумный, и заранее не надеялась, что Дума согласится ей помочь в его реализации. Но он согласился без колебаний. Она до сих пор не понимала причин его поддержки, ведь он, как бывший главнокомандующий Демонов, уже заранее дал ей понять, что у него к ней, со времен их совместных сражений против имтердов в Первую Войну, не осталось никаких теплых чувств. Доран также не сказал ей ничего против, предоставив девушке полную свободу действий, даже оставив ее на попечение своему самому доверенному другу. Именно друзьями он называл многих своих приспешников, и от перечисления их имен в один момент Кайла едва не подавилась забродившим морсом из флаги внутреннего кармана формы, Тиадрам чуть не разбил затылок о стену, а Филони тому просто ужаснулась.

— Ладно еще Гедыр. — тряслись руки у Кайлы. — Но... даже Серпион?

— А я-то думала, почему он так странно себя ведет. — цыкнула Филони.

— Сколько раз я не говорила с Дораном, он никогда не казался мне злым. — подводила итоги своих собственных наблюдений Термисорра. — Может быть, он не был хорошим, но вряд ли от того, что он ненавидит жизнь. Он просто иначе ее видит. Все это время он довольно уважительно относился ко мне и Думе, и так же уважительно отзывался даже о своих, фактически, врагах.

— Это называется «холодный расчет». — серьезно кивнула Филони, обращая на себя неуверенный взгляд сестры. — Доран очень коварен и хитер, он использует любые средства для достижения целей, включая кнуты и пряники.

— Возможно, он не так плохо относится к нам, но, если ему понадобится кого-то убить ради достижения своих целей, он отдаст приказ Думе не шевельнув и пальцем. — согласилась Кайла.

— Тем более, насколько я знаю о его делах, он никогда ничего не делает просто так. По

крайней мере, он не делает ничего, что было бы ему не выгодно. — продолжала Филони.

— О чем ты? — на главной площади удивленно спрашивал медленно отходящего в сторону брата Кортъ.

— Я помог Джефф, потому что это поможет нам победить имтердов. — серьезным баритоном рассуждал Дума, прикрывая черные глаза под жутким шлемом, едва шевеля слегка прикрытыми черной твердой и густой щетиной губами. — Но Доран не согласился бы на это, если бы это не помогло ему.

— Не удивительно. — скрестил руки на груди Кортъ. — Меня специально поставили перед выбором между Эмонсенем и Синокином. Джефф перенервничала, и не управляла своей силой, сильно исказив пространство и время, сдвинув весь город во времени на полдня. Теперь мы не успеем прийти на помощь Кацерам.

— Это не все. — резко повернулся в сторону брата Дума. — Доран оставил город в моей власти, оставив Черное Пламя без надзора. Он умеет расставлять приоритеты, и он собственноручно оборвал свою связь с Эмонсенем.

— Я знаю, что Доран хочет проследить за ситуацией в Синокине, и заставить Геллара выполнить свой договор.

— Геллар предал Дорана.

— Я знаю. Но это не значит, что он не попытается забрать у Соккона Душу Россе для самого себя. Он убил жену Мерсера ради мести, но все еще собирает силы, чтобы убить самого Мерсера. В Синокине ему придется сразиться сразу со всеми остатками рода Кацер. Ему никогда их не победить.

— Им никогда не победить ЕГО. — серьезно смотрел в глаза брата Дума, явно делая упор на последнее слово. — Доран хочет не просто проследить за встречей Кацер, но и поучаствовать в ней. И для этого Гедыр забрал у Унзара посох.

— Ворд!? — в ужасе подскочил на месте Кортъ.

— Только Доран знает, как вернуть Ворду форму имтерда. — отвернулся Дума. — Если не повезет еще больше — там же объединятся Ворд и Дилион. Ведь я сам отдал ее перерождению Лилике тот дар два года назад, в пожаре Кацеры.

— И ты допустил это!? — серьезно и зло бросил Кортъ, понимая, что даже всем Кацерам вместе взятым не одолеть Клинок Власти в равном бою.

— Думай о локальных проблемах, герой. — отошел в сторону Дума. — Как я сказал Гоклону и Чеистуму, я поведу Демонов в наступление на Земли Марконнор, и лично убью Совенрара. С его гибелью его раса падет.

— Но мир...мир может пасть, если Доран получит Душу Россе. — заикнулся Кортъ.

— Он уже пал, и много раз. И не Доран был тому причиной.

Кортъ вздрогнул, услышав те слова. Тот, кто всю жизнь касался Бездны, не мог не заметить связи между Черным Пламенем и остальным миром, которая связывала все его части, и которую сам Кортъ узнал уже через Красное Пламя. Но он еще не встречал ни одной живой души, кто также знал бы об этом, включая и сама Дорана.

— Доран лишь собрание образов одного существа из разных миров. — продолжил Дума. — Но в каждом новом мире свой Доран. Он не может видеть того, чего никогда не знал.

— Так ты знаешь, как работает это Проклятье? — внимательно вслушивался в речь брата Кортъ.

— Я не использовал эту связь, чтобы узнать то, чего мне знать не положено. Я знаю, что

Совенрар должен пасть от моей руки, и мне этого достаточно.

Кортя брали смутные сомнения все время того разговора с братом, но он никак не мог ему их озвучить. Он просматривал будущее прошлого мира несколько раз, пытаясь как можно лучше его понять, и найти способ сам предотвратить все будущие беды с его помощью. Но какова же была в том прошлом судьба Думы? Он видел смерть всего мира, но никак не мог найти в ней отдельную смерть Думы. Он просто...исчезал без следа, будто его там и не было. Во всех мирах это происходило спонтанно, и моменты существования Думы и его исчезновения в последний день Эпохи Хаоса четко прослеживались. Его судьба обрывалась будто сама по себе, и Кортя никак не мог найти этому объяснения.

И не зря Дума так часто уходил от Кортя в сторону во время этого разговора. Он просто не хотел попусту сотрясать воздух, говоря о том, что ему все равно еще придется повторять Мерсеру и Унзару, потому теперь желая поскорее покинуть город, и отправиться на встречу с ними. Он приложил два пальца латной перчатки к своему рту, едва открытому толстым черным шлемом, и протяжно свистнул, на мгновение отвлекая от осмотра тел павших воинов еще собирающих тех на площади неподалеку Гоклона и Чеистума. Говорят, что животные очень чувствительны к звуковым сигналам своих хозяев, и легко различают между собой интонацию свиста разных людей, выделяя в них зов конкретно своего хозяина. Надеюсь, вы, ненароком, не подумали, что я назвал животными с хозяином в качестве Думы именно Богов? Разумеется, я говорил про коня Думы. В мире осталось совсем мало живых душ, знающих, что у главнокомандующего Демонов Думы вообще был конь, и он никогда не шел в бой верхом на нем, ибо слишком боялся за его безопасность в бою. Да, лучшим другом вечно молчаливого и грубого Думы был...конь. Тот, кто всегда его слушался, никогда не говорил ему ничего поперек, и никогда его не предавал. Был тих, как и любил его хозяин.

Кортя немного перепугался появления закованного в черные доспехи животного рядом со своим братом, ибо точно не ожидал, что тот примчится к своему хозяину буквально с небес, как сказочный пегас. Конь приземлился на брусчатку рядом с Думой со страшным звоном металла и треском камня под собой, тем не менее совсем от этого не пострадав, на самом деле просто перепрыгнув вставшие у него на пути по всему городу дома, давно стоя рядом с городом в ожидании хозяина. Разумеется, этот конь был настолько необычным, что его и конем назвать было сложно — это был генномодифицированный организм, выведенный из коня, в первую очередь улучшенный любящим хозяином с применением его крови Архея для повышения его срока жизни, в итоге вышедшего за пределы жизненного цикла даже самого хозяина. Пять сотен лет, шесть сотен, даже тысяча — все это были примерные числа. В боевых условиях, тем более среди боевых пород, кони редко умирали своей смертью, и конь Думы совершенно точно был защищен им от любых печальных исходов, включая смерть и от старости, и смерть в бою. Его скорости позавидовали бы бороздившие небо столетия назад драконы, и на не меньшую высоту он мог, пусть и с разбега, прыгать. Но главное свойство этого создания было в другом. Дума модифицировал вороного жеребца при поддержке Дорана все последние столетия для одной-единственной цели — штурма Земель Марконнор с последующим прямым нападением на Совенрара в день Великого Подъема. Только тяжелый как живая крепость конь Думы мог тараном прорваться через армию врага без повреждений, и именно для этого он продолжал улучшаться своим хозяином по сей день. С тем, правда, верный спутник его все больше расценивался им как оружие, а не как друг, что только подтверждало поглощающее Думу с годами хладнокровие, свойственное Проклятью Забвения его Синего Пламени. Раньше все было иначе, и он даже

не взял с собой коня на последнее наступление в Первой Войне, потому что переживал за его судьбу. Оставленный Думой в Поместье Бога Людей, тогда еще Поместье Повелителя (Ниса), он десятилетиями тихо коротал дни и ночи в тоске по хозяину, пока, однажды, тот не вернулся к нему, и не забрал его с собой в темную дорогу, под присмотром глаз, полных Черного и Синего Пламени. Тогда о коне бережно заботился Серпион, и именно после исчезновения того коня люди узнали, что Дума вернулся на Запад. Только сообщил товарищам об этом Серпион намного позже, чем это произошло на самом деле. И на то вы сами знаете причины.

— Твой Сивка? — с некоторым облегчением улыбнулся Кортъ, осматривая огромного, как прежде, будто металлического черного коня с роскошной гривой и хвостом под черным металлом.

— Мор. — холодно ответил Дума, хватая поручни металлического седла коня, на них резким движением рук поднимаясь наверх.

— Я помню.

У коня не было поводьев и уздечки, да и ему они были не нужны. Мор понимал сами мысли своего хозяина, став с ним за столетия будто одним целым, из обычного взаимопонимания давно перейдя в симбиоз. Под весом почти двухсоткилограммового хозяина Мор даже не дернулся, что было немудрено, учитывая хотя бы вес его собственной сбруи из окованной черным металлом Сколы.

— Куда ты теперь? — подошел чуть ближе к коню сбоку, смотря на восседающего совсем высоко брата, Кортъ.

— Не люблю нерешенных вопросов. — смотря вперед, слегка кивнул головой Дума. — Я направляюсь на собрание. И тебе рекомендую поспешить.

— Хочешь, чтобы Доран тоже все прослушал через тебя? — удивился Кортъ, вспоминая, почему изначально брат отказывался принимать участие в этом событии.

— Он все равно все узнает, но никому не помешает. Вся Последняя Война в его интересах.

Только теперь он повернул голову к брату, окончательно взглядом показывая тому свое безразличие, глядя будто не на родного человека, а на совершенно стороннее лицо.

— Если это может вынудить Винториса выйти из тени, я буду проливать кровь до тех пор, пока это не произойдет. Тогда и посмотрим, есть ли ему до нас дело.

Это были его последние слова перед уходом. Примерно в то же время воины Чеистума привезли на повозках остатки тел своих товарищей на главную площадь, самим Богам тем давая команду приступить к делу, и обернуть вспять невыполнение ими просьбы Мерсера «не терять людей». Замеченный ими со стороны уход Думы на коне оставил им несколько вопросов уже к Кортю, что теперь сам выглядел немного грустно, будто какое-то время назад желал задать брату некий важный вопрос, но то ли не нашел для того решимости, то ли просто решил специально об этом не упоминать. Всего за пару секунд Мор галопом набрал скорость карьера сильного молодого коня, с тем в одно движение мощных копыт оторвавшись от земли, одним прыжком полностью уйдя из поля зрения Кортя, заскочив за передние дома, явно переходя на прямую городскую дорогу. Такой стиль перемещения коня, конечно, даже Кортю казался странным. Если его расценивать как коня, а не как Мора, прожившего конем в десятки раз больше прочих.

Рядом, на площади, Гоклон держал руку на плече друга с сосредоточенно закрытыми глазами, передавая тому часть своей внутренней силы, что тот уже начал активно разливать

по площади, покрывая ей тела мертвых воинов впереди. Для него не было проблемой воскрешение какой-либо армии, как это было в книге «Мертвый Марш» о битве войска Аквина Тибфера (дедушки Кайлы) против войска Ромиллия Катесари еще во время Десятилетки. Но то касалось воскрешения только обычных людей. Для воскрешения октолимов внутренняя сила Бога Смерти должна была сначала проникнуть в их тела, пробираясь через их собственную остаточную внутреннюю силу, и напитать ей тело заново, восстанавливая его связь с душой. Обычно душа проваливалась в Бездну очень долго, по несколько дней, и за это время Зеленое Пламя в Мире Душ вполне успевало заново закрепить ее в потоке Алой Жизни, формируя личность живого существа заново из следов старой уже на самой душе. Но Белое Пламя души было всего лишь материалом, необходимым для поддержания жизни, и Чеистум вполне мог черпать ее для восстановления жизни из других источников, которых сам не видел, проводя подобную операцию почти наугад. Скорее всего, он просто хватал для этого своей внутренней силой, отражаемой Зеленым Пламенем на Мир Душ, чужие души, находящиеся к нему там ближе всего. Они от этого почти не страдали, ибо для поддержания жизни живого существа уходила лишь крупица Белого Пламени, и его объем на качестве жизни живого существа обычно мало сказывался. Только сам Бог Смерти шутливо пугался, что от соприкосновения с душами может внезапно «ожить», и потерять все свое понимание смерти. Таков был его «могильный юмор», здесь удивляться нечему.

Кортъ решил сам не наблюдать за тем процессом, и собирался встретить свое новое войско с пламенной речью на главной площади чуть позже, когда все его товарищи уже вернутся в строй, а раненные среди них в доме уже хотя бы немного восстановят силы. Пока он шел в сторону собора, дабы предложить любимым Филони и Термисорре, а также новым друзьям Кайле и Тиадраму там, присоединиться к подготовке его речи, он серьезно задумался об одной из фраз Думы, что, поначалу, была им почти проигнорирована, только через какое-то время после ухода брата разлившая ядом сомнения в его голове свой непростой смысл.

«Я не использовал эту связь, чтобы узнать то, чего мне знать не положено». Кортя пугали многие вещи из памяти прошлого мира, и самыми неприятными среди них были смерти дорогих ему людей. В прошлом мире не было Термисорры, и реинкарнацией Джефф была именно Филони. И он видел ее смерть в том мире через связь, найденную им в своем Красном Пламени. Сцена ее смерти не давала ему покоя, ведь большинство воспоминаний приходили в его голову довольно скомкано, накладываясь друг на друга из разных миров, перемешиваясь в бред. Но даже те смерти не вызывали в могучем сердце Кортя такого волнения, как память его собственной смерти, в каждом мире одинаковой, бесповоротной и неотвратимой. Даже зная об этом, он понимал, что не был способен помешать этому сам, ибо даже со своей великой силой был бессилен перед своим возможным убийцей теперь. Вильфеоренама, прозванный Разрушителем Миров, его самое сильное существо, и настолько могущественное, что даже сил великого созидания Лорда Винториса в каждом мире не хватало, чтобы его уничтожить. Вы спросите — как же создатель миров, наделенный безграничной силой, не мог уничтожить собственное создание одной только силой мысли, как он менял мир вокруг себя раньше? И Кортъ этого не понимал. Возможно, связанная с этим тайна напрямую была связана с главной тайной мироздания Первых Миров, и все, кто касался ее, всего на шаг отставали от всеведения, определения основной связи всех элементов родного мира, через которую могли бы повернуть вспять любые его события, и

получить над ним полный контроль. Но даже будучи самой яркой и заметной книгой на полке загадок сего мира, эта тайна оставалась нераскрытой никем, включая даже Правителей и Клинков Власти. До самых простых решений, порой, сложнее всего догадаться. Лорд Винторис понимал это не хуже своих созданий, и сам был готов раскрыть эту тайну им, если бы счел их того достойными. Но он сам создал их недостойными, уже сам не понимая, на что надеясь.

Пригреваемый в этот день особенно ярким и горячим солнцем, Кортъ медленно подходил к собору на пригорке по небольшим каменным ступеням, стараясь думать только о ближайшем будущем, ни на секунду не спуская черных глаз с больших дверей. Как раз перед ними, все последнее время открытыми нараспашку, промелькнул знакомый Кортю силуэт сначала Кайлы, а потом и силуэты остальных участников недавних соборных схваток. Всем было интересно, что же такого отец девушки написал своей дочери в зеленом письме, что было передано ей Гоклоном от Корима, лучшего друга и товарища по оружию Амира, и которое тому явно вручил сам старый Драконоборец. Ни у кого уже не было сомнений, что письмо, предназначенное к прочтению Кайлой «после встречи с Думой», что и поведал ей о том, что отец ее, на самом деле, жив, принадлежало самому Амиру. Кортъ специально остановился на полпути, скрывшись всем телом за небольшим деревом справа, не мешая девушке открывать конверт дрожащими руками, лишь бы та случайно не порезалась о бумагу. Сам он уже знал эту историю, ибо уже пересекался несколько лет назад с самим Амиром. Старику пришло предложение от Совета Октолимов вступить в их ряды, для того заручившись поддержкой Подчинителя, что и должен был сделать из него не просто легендарного убийцу драконов, а самого настоящего получеловек-полудракона. Бывший Подземный Владыка имтердов, вставший на сторону людей, Подчинитель был помешан на экспериментах с участием людей не меньше Хемирнира, но во многом его обогнав, особенно по части человеческих улучшений. Тогда Амир отказался от предложения верхней власти в угоду заботы о семье, и даже не подозревал, что причиной тому предложению заранее служила информация о планах Дорана, по которым Амир и его жена уже тогда были приговорены Правителем Бездны к смерти. Конечно, он упомянул в письме эту часть своей истории, как и то, что согласился на предложение Совета уже после той истории с Думой, и теперь назначил дочери встречу в Поместье Бога Людей, где также собирался на совет, устраиваемый всеми командирами людей, включая Богов, Археев, даже некоторых нейтрально настроенных имтердов и Клинков Власти. Сложно было сказать, кто из них собирался прийти на тот зов, но именно это собрание должно было окончательно разграничить время приготовлений стороны людей к Последней Войне со временем ее тихого ожидания.

И, как ни прискорбно, только весело переглядывающиеся перед огромными дверьми собора, благословляемые лучами веселого солнца, четыре невинных души впереди теперь не чувствовали никакого волнения о будущем, болезненно осознаваемом беспомощным против него Кортем, уже принимающим скорую трагедию, о которой знали почти все важные люди мира, но никто не смел в нее вмешаться. Поэтому собрание гостей Поместья Бога Людей должно было состояться именно завтра, давая миру достаточно времени на свершение последнего важного элемента его Эпохи Тишины. Было уже утро, и буквально через пару часов это должно было случиться. Будто заглядывая в будущее, Кортъ смотрел вдаль, в сторону некогда родного города, родины всех людей, столицы человечества. На его сердце давила печаль, но в нем оставалась и небольшая надежда. Он думал о том, кого однажды

убил, и кто также переродился, как и он, пускай и не узнал правды о своем прошлом в другом мире. Но даже так — он уже давно его изменил.

— «Не важно, что было в прошлом. Ты всегда сражался за то, во что верил.» — прикрывая глаза, вспоминая события другого мира, вздыхал про себя он. — «Я знаю правду, Геллар. Ты уже не тот, кем был раньше. В этот раз все должно быть иначе.»

Пока войны на городской площади Эмонсена тихо собирались вместе, и с тем, чаще будто просыпаясь от тяжелого сна, задыхаясь, болезненно принимая солнечный свет, мертвые войны поднимались на ноги, предстая перед своими Богами уже в окружении себе подобных, постепенно принимая радость новой жизни. Кортю тоже нужно было скоро идти к ним, перед тем забрав с собой друзей с площадки перед дверьми собора, оставляя лишние мысли позади. Он уже не мог исправить своего решения, и вся его надежда, даже самая ничтожная, легла теперь на плечи потерянного героя, что столетия прорубал себе путь к правде, не получив никаких даров от Создателя кроме собственных мечей, всего достигая сам. Он был уже в Эмонсене, и ждал там Кацер, что совсем скоро должны были собраться вместе, предоставляя ему свои истины. Судный час был уже совсем близок.

«Если я не справлюсь, только ты сможешь спасти этот мир. Я верю, что ты сделаешь правильный выбор. И эти несчастья наконец закончатся...»

Эпилог второго тома

На этом и заканчиваются истории, что приблизили вас к пониманию Бездны и ее желаний. Следующий, самый важный фрагмент Эпохи Тишины, я поведаю вам уже в новом Томе, где и сойдутся вместе все истины мира, истории Гармонии и Бездны, и каждый из вас, как и каждый среди наших героев, сам решит, кого в этом мире можно назвать злом, а кого добром.

Что неувидительно, историей, что связывает между собой все прочие, является история Соккона, корнями уходящая в день его исчезновения, и именно ее я намерен вам поведать дальше, как и выходящую из нее историю всех Кацер, включая Геллара. Когда придет время, вы узнаете и его подлинную историю, и именно та откроет вам путь к последнему выбору добру и зла. К выбору самого запутавшегося героя, который и должен решить будущую судьбу всего мира.

Больше книг на сайте - Knigoed.net